Владимир Крайнев

ТРЕХВЕКОВАЯ ДИНАСТИЯ

Роман

Санкт-Петербург
2019 г.

Крайнев В. В.
Трехвековая династия / Крайнев В. В.,
– Санкт-Петербург. – ООО «ГАЛАНИКА», 2019. – 328 с.

ISBN ___-_-____-_-_

© Крайнев В. В., 2019

ТРЕХВЕКОВАЯ ДИНАСТИЯ

Роман

Глава 1. Сельская учительница

Нина Сергеевна Сенчуро проживала в г. Городке Витебской области. Окончив учительский институт, устроилась работать учительницей в сельскую школу в Кузьмино. Там она преподавала ребятишкам старших классов русский и белорусский язык.

Свою профессию Нина Сергеевна очень любила. Но старалась на каждом уроке выкроить время после основного учебного материала, прочитать ребятишкам какое-нибудь художественное литературное произведение.

– Итак, девочки-мальчики, – начинала беседу Нина Сергеевна, – каких вы любите русских и белорусских поэтов?

Ребятушки тянули руки, согнутые в локте, вверх, от нетерпения, чтобы высказать свое мнение, трясли кистью руки.

Счастливчик, на кого выпадал выбор, вскакивал со скамейки парты и молвил неспешно:

– Пушкин!

Следом за ним вскакивала девочка:

– Лермонтов!

Жестом руки Нина Сергеевна успокаивала волну желающих выступить и… когда дети утихли, произнесла:

– Я прочту вам ребята до конца урока сколько успею прочитать вам несколько строф из поэмы знаменитого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин».

– А где же у вас книга Пушкина, Нина Сергеевна? – спросил учительницу Петя Иванов.

Сенчуро ответила:

– Мне, Петя, книга не нужна. Я поэму Пушкина «Евгений Онегин»…

– Как?! – ахнула восторженно Светлана Веселкина, – неужели вы сможете наизусть прочитать такую толстую книгу, как роман Пушкина «Евгений Онегин»? Притом наизусть…

– Ты права, Светочка, – кивнула, п потом и сказала учительница. Время до окончания урока осталось немного и мне не удастся прочитать весь роман Пушкина. А вот один отрывок из «Евгения Онегина» расскажу. А кто знает с каких слов начинается этот роман Пушкина?

Петя Иванов на этот раз не стал поднимать руку, а вскочил с парты и произнес:

– Онегин, добрый мой приятель, родился на брегах Невы…

А Нина Сергеевна подхватила Петю и читала наизусть поэму, пока не прозвенел звонок на перемену.

Если раньше ребятишки, сломя голову неслись, хлопая крышками парты, из класса в коридор школы, то теперь они окружили учительницу и стали выкрикивать:

– Нина Сергеевна, а на следующем уроке вы сможете продолжить чтения поэмы? – спросил Митя, а Аня добавила:

– Я даже не подозревала, Нина Сергеевна, что такой роман так заинтересует меня.

Не успела Сенчуро ответить на заданные вопросы, как в разговор врезалась Светлана:

– Нина Сергеевна, я буду ждать с нетерпением следующей ваш урок русского языка.

Но следующий урок был не русского языка, а белорусского. Он прошел так же успешно. И Нина Сергеевна, после основных правил правописания, опять выкроила немного времени для прочтения теперь белорусского литературного произведения поэта Константина Вереницина.

– Внимание ребята! – произнесла Сенчуро. – Теперь я прочитаю вам немного на белорусской мове стихи «Тарас на Парнасе».

Гул восторженных голосов она остановила жестом руки и стала читать наизусть:

– Ці знаў хто з вас, браткі, Тараса,
Што палясоўшчыкам служыў?
На Пуцявішчы, у Панаса,
Ён там ля лазьні блізка жыў.
Што ж, чалавек ен быў рухманы,
Гарэлкі ў губы ен ня браў….

Тут Нина Сергеевна остановилась и сделала паузу, чтобы перевести дух, а старшеклассники оживились.

– Вот это поэт! – произнесла Светлана Веселкина. – Написал так красиво на белорусском языке.

А Петя Иванов добавил:

– Я эту поэму совсем недавно прочитал от корки до корки. Такая интересная, сколько в ней остроумия, юмора, что когда я читал «Тарас на Парнасе», то часто хохотал, хватаясь за животик.

– Я уже, Петя, заметила, что ты очень начитанный мальчик, – одобрила школьника Сенчуро. – Предлагаю тебе прочитать сейчас твоим одноклассникам наиболее яркие строчки из поэмы «Тарас на Парнасе». Ведь не каждому леснику удавалось взойти на Олимп и узнать нравы нашей элиты.

– Да, Нина Сергеевна, согласился с учительницей Иванов. – Константин Вереницин был необыкновенно талантливым человеком. Видимо, он читал внимательно произведения Пушкина, Лермонтова, но юмор поэта шёл , наверняка от Гоголевских «Вечеров на Хуторе близ Диканьки».

– Ладненько, - одобрительно сказала Нина Сергеевна. – Предлагаю тебе, Иванов, создать в классе кружок любителей белорусской литературы. Ведь Константин Вереницин был краеугольным камнем в нашей белорусской культуре. Появились у Вереницина и последователи. Взять хотя бы знаменитого белорусского поэта Петруся Бровку. А твое имя как раз созвучно с именем Бровки.

Вскоре об литературных чтениях узнала директор школы Акимова Вера Архиповна, дом которой стоял рядом со школой. Она с Ниной Сенчуро вели уроки русского языка в параллельных классах. И весть о новаторстве Нины Сергеевны директорша приняла благосклонно.

– Вы, Нина Сергеевна, оказывается хороший педагог: активная, инициативная учительница. На следующем педсовете я попрошу вас поделиться с коллегами вашим новаторством. Ведь когда с учениками разговариваешь неофициально, то и они становятся более раскованно и открытыми к диалогу ученик-учитель. Тогда и учебный процесс становится более эффективный.

Сенчуро кивнула головой и добавила:

– Учительница не должна никогда делить учеников на плохих и хороших. Вот мы ставим оценки: отлично, хорошо, посредственно. Но, по-моему, и троечник может стать отличным человеком, а посредственность – им не станет никогда!

Вера Архиповна задумалась, помолчала, а потом произнесла:

– Вот если бы все педагоги относились к своим подопечным так же как вы. Но я хочу спросить вас не только об школьных занятиях, а и о вашем благоустройстве. Ведь жизнь в семейном общежитии подобна Ноеву Ковчегу, в котором ютятся семь чистых и семь нечистых: каждой твари по паре.

– Про Ноев Ковчег – сказала Сенчуро, – это вы очень точно угадали. Нас четырех учителей приютила пожилая старушка Ганна Аркадьевна. Но мы называли ее или Ганна или Аркадьевна. Я, например, только Аркадьевной. Она в своей огромной комнате топит печь для всего дома, Ноева Ковчега. Сама спит на печи и дарит всем нам тепло не только печного отопления, а и тепло всей души.

– А кто и как размещен из наших учителей? – спросила Вера Архиповна, и Нина ответила:

– Как только входишь в дом, то попадаешь в огромную комнату – столовую. Вдоль одной стены слева стоит длинная лавка, скамейка на

четыре человека, а на торцевой стене такая же лавка. Возле этих лавок примостился обеденный стол и ещё четыре табуретки. Так что можно поесть всем жильцам сразу.

– А как поживают в доме Ганны Аркадьевны наши учителя? – спросила директор.

– В комнате слева живет невестка Валя, она работает в совхозе, а ее муж, сын Ганны, погиб на войне. Дочка Валентины – Галя учится в пятом классе у меня по русскому и белорусскому языку. А в комнате справа, тоже большой и светлой, живут Иван Логинов и Михаил Кукушкин. В следующей комнате после мужчин проживает наша учительница начальных классов, а мне комнаты не досталось. В конце коридора вставлено огромное окно. И я около окошка поставила свою кровать. А от посторонних глаз отгородилась прозрачной занавеской.

– Да я знаю, - кивнула головой Акимова, – Иван Иванович Логинов преподает биологию и химию, а Михаил Кукушкин – математику. Жалко, что его скоро призовут в армию, а отыскать хорошего педагога-математика будет весьма трудно. С точными науками всегда было у нас в сельской школе трудновато. Но Бог не выдаст – свинья не съест. Как говорил Остап Бендер: «Графа Монте-Кристо из меня не получилось – придется переквалифицироваться в управдомы.

– Это к чему вы привели эту цитату, Вера Архиповна? – спросила Нина Сергеевна Акимову, а она ответила:

– У нас в школе два учителя русского языка: я и вы. Отыскать же сразу учителя математики не удастся, вот и придется мне переквалифицироваться в замороченного математика. Я уже несколько раз посетила уроки Михаила Кукушкина и решила, что пока в районным отделе образования не найдут математика, придется мне взвалить на спину этот тяжелый груз точной науки.

– Да, – посочувствовала Нина Сергеевна, - грызть гранит этой науки не каждому по зубам. Я как-то спросила одного двоечника про икс и игрик, а он мне признался, что только теперь понял, что такое икс и игрик. До этого, сказал он, я называл эти индексы «х» и «у».

– Скорее всего этот хулиганистый мальчишка прикалывался над вами, Нина Сергеевна. Бывают любители поиздеваться над молоденькими учительницами. Хотя, я вижу, что вы-то крепкий орешек, и даже такие ухари могут обломать себе зубы в общении с вами. Вы вроде бы, на первый взгляд очень нежная, красивая женщина, но внутри у вас есть стальной несгибаемый стержень. У вас совсем не женский характер, он у вас как кремень.

Сенчуро не ответила и не стала комментировать пафосную речь директора школы, а лишь пожала плечами.

Тогда, чтобы продолжить разговор, Акимова спросила Нину Сергеевну:

– Вы меня извините, пожалуйста, если я ненароком обидела вас в нашей откровенной беседе. Но я говорила все искренне.

Нина улыбнулась и произнесла:

– Ну, что вы Вера Архиповна, я не обиделась, а удивилась, что у вас такой аналитический ум и вы умеете быстро определить человеческие качества вашего собеседника. Вот и мою душу просветили как будто рентгеном.

Лицо директора школы осветилось улыбкой и Акимова добавила:

– Раз мы с вами, Нина Сергеевна, понимаем друг друга с полуслова, то я хочу по секрету, но не всему свету, а только тет-а-тет поделиться своими впечатлениями о наших коллегах-мужчинах. Мне кажется, что и Михаил Кукушкин и Иван Логинов неравнодушны к вам и оба оказывают вам знаки внимания.

– Да это, как говорится, факт! – кивнула головой Нина.

– Оба пытаются за мной поухаживать, но я их мало знаю, тем более, что Миша Кукушкин, как вы точно подметили, и хотел бы предложить мне руку и сердце, да понимает, что три года будет служить в армии. А за три года много воды утечет. Иван Логинов добрый и нежный человек, и знаки внимания проявляет ярко. Оба, и Миша и Ваня, друзья-соперники, поэтому их обоих держу на расстоянии. Тем более я – Сенчуро, родилась не в Городке, а в деревне Сенчуры. Рядом деревня Хоботы и у всех ее жителей фамилии Хоботовы. Так старший лейтенант Дорофей Ивановчи Хоботов, он служит на Дальнем Востоке, давно положил на меня глаз. Вот я и запуталась в трех соснах и не могу выделить из них троих никого. Время покажет и я не спешу быстро выскочить замуж.

– Ну вот и хорошо, – одобрила поведение Нины Сергеевны директриса. – Вы умная и порядочная женщина и великолепная учительница. Да и говорят толковые люди, что браки совершаются на небесах. Поэтому подождите своего звездного часа. Мой бывший директор школы любил говорить вот такую фразу: «Подождите, дети, дайте только срок – будет вам и белка, будет и свисток».

После этой фразы обе женщины залились радостным, веселым смехом. Но слова – не воробей, вырвется и не поймаешь. Зато, каким-то образом, эти слова услышал или почувствовал шестым чувством офицер Дорофей Хоботов.

В кабинете Акимовой во время перемены раздался телефонный звонок. А перед этим событием к Вере Архиповне зашла Нина Сергеевна. Директриса подняла трубку и услышала мужской баритон:

– Вера Архиповна, здравствуйте, вы не можете позвать учительницу

Сенчуро Нину Сергеевну к телефону?

Акимова вежливо ответила:

– Здравствуйте, молодой человек! А гонцов посылать за Ниной Сергеевной не придется, так как она находится сейчас в моем кабинете.

Пока Акимова вела диалог с таинственным мужчиной Нина сидела спокойно, но когда услышала кто ей звонит, поднялась со стула и приняла от директорши телефонную трубку и услышала знакомый голос Дорофея Хоботова:

– Нина Сергеевна, это вам звонит Дорофей Иванович. Я сейчас только что приехал в Витебск и хочу встретиться с вами. Не смогли бы вы приехать сейчас ко мне на железнодорожный вокзал Витебска?

– Здравствуйте, Дорофей Иванович, – откликнулась Нина. – Сейчас я спрошу разрешение у Веры Архиповны и только потом отвечу.

Но Акимова замахала руками и тихонько произнесла:

– Разрешаю, разрешаю. Может быть вот она ваша судьба сама стучится в двери.

И Сенчуро сказала звонившему сейчас знакомому:

– Мне разрешили уехать. Я в Кузьмино сейчас, но по нашей трассе проезжают столько автомобилей, что я быстро сяду в кабину попутки и примчусь в Витебск.

Хоботов радостно ответил:

– Жду вас любезная Нина Сергеевна с нетерпением. До скорой встречи.

Хоботова она увидела издалека. Дорофей ходил, широко шагая ногами вдоль входных дверей железнодорожного вокзала такой солидной и неторопливой походкой. Высокий, стройный в новенькой офицерской шинели на плечах которой светились по три звездочки.

Но как только Нина окликнула его, а он обернулся на ее голос, то бросился бежать, отбросив свою солидность, к Нине как мальчишка.

Но она стояла как вкопанная на одном месте, а он как будто парил над землей. Когда Дорофей обнял ее, Нина только тогда радостно засмеялась, но сама обнимать его не стала. И старлей разжал и свои объятия и произнес:

– Пока мы с тобой, Ниночка, не привыкли друг к другу, да и старше тебя я лет на восемь, но надежда всегда умирает последней. А раз ты все-таки пришла по моему звонку, то надежда еще жива. Давай же не будем мы с тобой, Нинуля, обращать внимание на всякие мелочи, а сядем рядком да поговорим ладком…

На последнем слове Дорофей будто споткнулся и помолчал немного. А потом, встряхну головой и растопыренной ладонью поправил на голове растрепанные волосы при беге, добавил:

– … в железнодорожном ресторане за столом на втором этаже. Столик, как только я услышал, что ты приедешь ко мне на встречу, я тут же его и заказал.

– Расторопный ты парень, Дорофей, – произнесла Нина и глаза у старшего лейтенанта засияли, – ведь на ходу подметки рвешь. Пойдем в ресторан и там обсудим все наши дела. Я так долго тебя не видела, что поговорить-то мне с тобой очень хочется. Но имей ввиду, мой дорогой землячок, что через два часа из Витебска уходит последний местный поезд, который останавливается на платформе Кузьмино. А завтра утром мне уже нужно быть в школе.

– Вот и славно, пошли в ресторан, Ниночка, – обрадованно произнес Хоботов. – Ты сядешь за наш столик и пусть официантка сервирует его. А я в это время сбегаю в железнодорожную кассу и куплю тебе проездной билет до Кузьмино. Все будет абгемахт!

Нина села за столик, к которому подвел ее Дорофей, и стремглав помчался в железнодорожные кассы. Вернулся он быстро и даже не запыхался, хотя бусинки пота блестели у него на лбу.

– Вот, Ниночка, твой плацкартный билет, – сказал Дорофей и торжественно вручил его Нине. – Правда лежачих мест в пригородном поезде нет, только одни сидячие, но ехать до Кузьмино не устанешь!

– Спасибо тебе, мой дорогой друг! – воскликнула Нина, но это обращение, которое внезапно вырвалось из Нины, не сильно обрадовало офицера. И он грустно произнес вопросительно:

– Только друг?..

– А разве этого мало, Дорофей? – вопросом на вопрос ответила Сенчуро. А офицер, запинаясь от смущения, произнес:

– Не мало, но и не много…

Потом Дорофей встряхнул головой и пропел:

– Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и каждый встречный сразу станет удивительно хорош.

– Не обижайся, дорогой мой человек, – ответила Сенчуро, – ты на самом деле удивительно хорош, но…

– Что это за «но»? – спросил старлей, надув губы.

– Мне тебе трудно объяснить, Дорофей. Ты красивый парень, дослужился уже до старшего лейтенанта и сам мне уже похвастался, что скоро на погон тебе упадет четвертая капитанская звездочка. Но кем я стану в далеком гарнизоне? Обучать командный состав?

– Я хочу, чтобы стала моей женой, – сказал Дорофей. – Понимаю, что мое предложение прозвучало как гром среди чистого неба…

– Но к кочевой жизни я не привыкла. Мой папа всегда говорил мне: «Где родился, там и пригодился». А военнослужащий не принадлежит са-

мому себе. Что прикажет Родина, то ты и будешь выполнять.

– Значит у меня нет никакой надежды соединить наши сердца воедино? – выдавил из себя глухо эту фразу офицер.

– Дорофей, для меня твое предложение неожиданно, – сказала Нина, – но дай мне подумать хотя бы дня три, сегодня четверг, а в воскресенье мы опять можем встретиться или в Хоботах, или в Витебске и решить окончательно этот очень трудный и сложнейший вопрос.

У Дорофея из груди вырвался вздох облегчения и он, не смотря на часы сказал:

– Хорошо, Нинуля, я буду ждать это воскресенье с нетерпением и с надеждой. К сожалению до отправления твоего поезда осталось десять минут и нам нужно идти на посадку.

– Как быстро летит время! – воскликнула Нина.

Этот возглас девушки обрадовал Дорофея и он сказал Нине:

– С официанткой я уже рассчитался заблаговременно, билет у тебя в кармане. Пошли быстрее на платформу.

У поезда Дорофей поднялся вместе с Ниной по лесенке в вагон, снял шинель и стали они продолжать беседу. Когда на платформе прозвучал голос диктора: «Поезд с третьей платформы отправляется через три минуты». Дорофей поднялся со скамейки, поцеловал Нину в щечку и быстро пошел в соседний вагон, который был хвостовым.

Шел Дорофей Хоботов не оглядываясь и вскоре вошел в тамбур вагона.

Нина вздохнула и грустно сказала самой себе:

– Доживем до воскресения, – как заметила, что Дорофей ушел в хвост поезда, а шинель-то его так и осталась висеть на крючке возле окна.

– Придется мне в Кузьмино забрать шинельку в свою светелку, -подумала Нина, как увидела, что тамбурная дверь вагона распахнулась и в вагон вошел Дорофей.

Он махнул рукой, приветствуя Сенчуро, а она спросила:

– Не успел выйти из вагона или вспомнил, что оставил шинель?

Дорофей улыбнулся и сказал:

– И то, и другое. Но скорее всего у меня мелькнула идея, что мне можно проехать до Кузьмино на поезде и еще немного пообщаться с тобой. А потом выйду на шоссе. Ты сама говорила, что по нему несутся попутки, через каждые пять минут. Попрощаюсь с тобой и уеду в Хоботы. А шинель-то я специально оставил в вагоне, чтобы была причина по дороге поговорить с тобой.

– Твой план удался, – засмеялась Нина, а старлей обрадовался.

Приехав в Кузьмино, Дорофей Иванович взял девушку под ручку и, шагая не спеша, довел ее до «общежития». Заходить в комнату к Нине не

стал, а обняв и поцеловав ее у крыльца резко повернулся и, молча, зашагал к шоссе, где неслись автомобили.

Нина спокойно открыла входную дверь и тихонько пошла по коридору к своей уютной комнатушке с полупрозрачной занавесочкой.

Когда она проходила мимо комнаты, в которой проживал Миша Кукушкин и Иван Логинов из открытой двери выскочили оба учителя.

– Рад за тебя, Нина, – сказал Михаил, – что ты нашла себе спутника жизни. А ведь я, грешным делом, хотел сделать тебе предложение. Правда, сомневался, будешь ли ты ждать меня три года, пока буду служить в армии, но судьба распорядилась по-своему.

Логинов же стоял прислонившись спиной к стене коридора, а лицо было бледное и перекошенное, как от зубной боли. И Сенчуро решила его подбодрить:

– Иван, – спросила она, – ты что-то неважно выглядишь. Не захворал ли?

– Намного хуже, Нина, – покачал головой Логинов. – Я стеснялся признаться тебе, что ты мне очень нравишься и хочу тебе предложить руку и сердце, пожениться на тебе думал, а тут такой неожиданный поворот. Рухнули все мои мечты.

– Ваня, – сказала ласково Нина, – после войны мужчин стало намного меньше, чем женщин. Ты подыщешь себе нужную жену. Поэтому не стоит так огорчаться и переживать, что за мной ухаживает Дорофей Хоботов. Он ждет меня до воскресенья в Хоботах.

Сказав горькую для Ивана Логинова правду, учителю физики и биологии, Нина гордо подняв голову сделала первый шаг, а Ваня, как маленький обиженный ребенок, бросился вслед за Сенчуро и, обхватив сзади девушку за талию, хрипло выдавил из себя фразу:

– Я тебя не отдам никакому Хоботову, я тебя безумно люблю. Если ты мне откажешь жениться на тебе, то я от такого горя просто умру…

Нина остановилась, повернулась к Ване лицом и сказала:

– Иван Иванович, не впадай в детство. Если бы каждый парень, которому отказала девушка умирал бы от горя, то женихов бы не стало в нашей Беларуси. Но червь сомнения уже стал меня грызть. Не убивайся, а дай мне время подумать.

После уроков Сенчуро поехала в Городок в свой родительский дом.

Ее мать Екатерина Карповна и старшая сестра Нины – Мария были дома. Нинина мать всплеснула руками:

– Мы только с Машенькой вспоминали о тебе. Мол совсем наша Ниночка заработалась в школе, а домой и носа не кажет.

– Но вот, как видите, я и появилась навестить Вас. Хочу, мамочка, посоветоваться с вами. С печки свесил голову младший брат Нины – Алексей

и задал ей вопрос:

– Неужели замуж решила выйти, сестричка?

– Нет, Лешенька, ты не угадал. У меня как раз решимости-то и нет, хотя ты братец прозорлив. Я только приехала посоветоваться за кого выйти замуж. У меня есть два кандидата в женихи.

– Ты, Нина, не тяни кота за хвост, а говори правду и только правду, – сказала Мария. А Екатерина Карповна добавила:

– Ты молодец, моя доченька, что пришла посоветоваться с нами. Давай выкладывай мне все как на духу.

– Мамочка, – ответила Нина, – как ты относишься к Дорофею Хоботову?

Не успела Екатерина Карповна ответить как в разговор вмешалась Мария:

– Нина, решай сама, но имей ввиду, что Дорофей почти на десять лет тебя старше, да и служит он на Дальнем Востоке, на границе с Китаем. А там идет война. А вдруг он погибнет?

Нина Сергеевна, выслушав ответ сестры, спросила:

– А ты, мама, что скажешь?

– Я никогда не вмешивалась дела своих детей, приучила вас к самостоятельности. Знаю, что глупости ты не совершишь. Сама-то что скажешь?

Нина сделала паузу и опять спросила:

– А как вы оцениваете мой другой выбор?

– Кто еще у тебя в женихи набивается? – спросил Алеша и Нина сразу же ответила:

– Иван Иванович Логинов.

Наступила тишина. Ни один из родственников не промолвил ни словечка. А Нина встрепенулась, словно испугалась их ответа, и засобиралась домой:

– Спасибо мои дорогие, – сказала она, – мне еще нужно подготовиться к урокам. А пока я ездила в Витебск на встречу с Хоботовым, не успела написать к урокам конспекты. Приеду домой и сразу сяду за письменный стол…

Глава 2. А свадьба, свадьба пела и плясала…

Но сесть сразу за письменный стол Сенчуро не удалось. Ваня Логинов из окна мгновенно заметил любимую Ниночку на дальнем расстоянии и выскочил из дома пулей.

Нина тоже увидела Ивана и помахала ему ладошкой. Этот жест Логинов воспринял с восхищением и понесся на всех парах к любимой женщине.

– Ну что, Ниночка, поговорила ты со своими родителями обо мне? – сказал запыхавшийся жених.

– А для чего же я ездила в Городок? – сказала Нина. – Конечно же поговорила. Но только ни ответа ни совета мне не дали.

– Это ничего, что они промолчали и ничего не ответили, – обрадовался Иван. – Молчание знак согласия.

А потом с опаской спросил:

– Будешь ли ты встречаться завтра, в субботу с Дорофеем Хоботовым или он, как ты мне говорила, приедет за тобой в воскресенье?

– Зачем же нам с тобой дожидаться воскресенья, когда мы можем сыграть свадьбу в субботу? – произнесла Сенчуро.

– Ниночка! – воскликнул Иван Логинов, – неужели ты согласна выйти за меня замуж?

– На такой вопрос, – сказала Нина, – женщина должна только скромно улыбаться.

А Иван взвизгнул от восторга «И-и-их!» и бросился ее обнимать и целовать.

– Ладно, ладно, Ваня, – засмеялась девушка, на свадьбе нацелуемся, когда нам «горько, горько» будут кричать гости.

– Пусть они будут кричать «горько», – согласился Логинов, – а мне уже сейчас так сладко-сладко. Когда я тебя, Нинулечка, обнял, так сразу и растаял, прикоснувшись своей грудью к твоей! Она-то у тебя такая высокая, пышная, тугая и нежная. Я понял какая ты необыкновенная женщина и буду любить тебя всю свою жизнь, самозабвенно! Только боюсь, что сойду с ума от твоей нежной ласки.

– От этого с ума не сходят, а лишь крепче любят. А я вижу, Ваня, что ты меня любишь по-настоящему. Так давай зайдем сначала с тобой в ЗАГС, да станем собирать угощения на стол.

– Ниночка, пока ты наряжаешься для ЗАГСа, я сбегаю с рюкзаком и куплю десять бутылок водки, да всякой снеди для праздничного стола, - выкрикнул Иван и подхватив под мышку вещевой мешок и сумку с крепкими ручками, выскочил на улицу и трусцой направился в магазин.

Весть о свадьбе Логинова и Сенчуро быстро разнеслась по Кузьмино… Акимова одобрила этот выбор Нины Сергеевна и согласилась стать свидетельницей при регистрации брака.

К удивлению Нины, Михаил Кукушкин сам вызвался стать вторым свидетелем.

– Раз ты, Нина Сергеевна, отшила мое предложение, а я предлагал тебе руку и сердце и даже душу, но ты отвергла его, то остается мне стать хотя бы свидетелем.

– Михаил, Мишенька! – воскликнул Иван Логинов, – я думал, что

ты будешь злиться, сердиться. А ты даже собираешься свидетелем моим на свадьбе стать…я тебе благодарен.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Михаил, а Иван подошел поближе к невесте и протянул ей лист бумаги сложенный в четверо и шепнул на ухо:

– Я побегу в магазин, а ты прочитай мое послание к тебе.

– Хорошо, – кивнула Нина Сергеевна и скрылась за своей занавеской в конце коридора. Развернув листочек, прочитала:

– Посвящается моей любимой и нежной Ниночке.
Любимый, дорогой мой человек,
Я знаю о тебе так мало и так много,
И наши чувства, словно первый снег,
В котором не проложена дорога.
Я замечаю грусть, печаль в глазах твоих,
Хоть нет, на них ни облачка, ни тени.
А свет, который нужен для двоих,
Струится плещет синевой весенней.
А радость? Не заметит лишь слепой:
Кипит, бурлит как речка в половодье
И сердце бьется потеряв покой,
Летит, как всадник, бросивший поводья.
Любимый, дорогой мой человек,
я знаю о тебе так много и так мало,
И наши чувства, словно первый снег,
Укрывший чувства нежно покрывалом.

Убрав листок снова в кармашек, Нина подумала:

– А Иван-то на самом деле меня крепко любит. Так написать может по-настоящему влюбленный мужчина.

Она вышла из своей кельи в коридор и увидела, что ей на встречу шагает с постельным бельем в руках Михаил Кукушкин.

– Это что за явления Христа народу? – пошутила Нина, а Михаил ответил тоже адекватно:

– Я делаю как в шахматах рокировку в длинную сторону. Хочу, Нина Сергеевна, переселить вас в нашу бывшую комнату с Иваном Ивановичем. Не могу же я в первую же брачную ночь быть свидетелем еще и вашей страсти. Так что вы тоже, как и я, постельное белье свое заберите и переселяйтесь в мою бывшую комнату.

– Спасибо тебе огромное, Мишенька, за твой благородный поступок, – сказала Сенчуро. – Ты настоящий джентльмен: не только стал моим свидетелем на свадьбе, а еще и проявил мужество и отдал вдобавок нам с Логиновым всю комнату. Мне повезло, что ты такой порядочный человек.

Тут-то Кукушкин Михаил и показал свои острые зубки:

– В одной популярной песне есть такие слова, Нина Сергеевна: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло».

Сенчуро не полезла за словом в карман и быстро ответив на реплику Миши:

– Я-то уверена, что тебе повезло, Мишенька. Если бы мы с тобой поженились, а ты бы отправился на три года служить в армию, не соблазнил бы меня твой сосед Иван Иванович Логинов.

Кукушкин, почесав пальцами затылок, криво усмехнувшись, выдавил из себя глухо:

– Кабы да кабы, то во рту б выросли грибы.

Потом, встряхнув головой, улыбнувшись, добавил:

– Время нас рассудит и покажет правильный ли выбор мы сделали. А согласился я стать свидетелем на свадьбе, Нина, потому что любил тебя. Будь же счастлива! Надеюсь, что и я вскоре найду свою половинку.

Нина засмеялась и чмокнула Мишу в щечку:

– Михаил, ты хороший парень и свою половинку обязательно найдешь и будешь счастливее всех на свете.

Улыбнулся и Кукушкин:

– Где наше не пропадало… Надеюсь с твоей легкой руки я стану самым счастливым человеком на всем белом свете.

Когда Нина со своим постельным бельем вошла в освобожденную комнату, то увидела, что Ваня сидит за столиком-тумбочкой и пишет.

Он поднял голову, отбросил ручку в сторону и вместе с невестой стал расстилать постельное на Мишкиной кровати. А когда закончили, то Ваня сказал:

– Я ведь, Ниночка, еще одно стихотворение написал. Сначала я тебе его прочитаю, а потом отдам тебе свой опус:

– Моя милая, нежная Нина!
Ты сияешь всегда как витрина,
И любой прохожий в ней стремится,
Хотя бы на мгновенье отразиться.
Но только Нина горда, как Царица,
От посторонних взглядов сторонится,
Ведь ей нужна всего одна награда
Улыбка радостного взгляда.
Как хорош на свете щедро жить,
Любовь и радость пополам делить,
Так пусть сияет в небе нам всегда,
И ярко светит путеводная звезда.

Нина сказала:

– Ваня, какой же это опус? Это очень хорошее лирическое стихотворение. Но не забывай, что нам над сейчас спешить в ЗАГС. Давай-ка наряжаться. Опаздывать на такую церемонию нам нельзя.

Иван встрепенулся и сказал:

– Бедному одеться – только подпоясаться: свадебный костюм на мне.

Если ты не возражаешь, то я помогу тебе одеть твой свадебный наряд и фату.

– Я, Ванечка, не возражаю, – ответила Нина. – Одевать свадебное платье – целый ритуал, а Вера Архиповна сейчас придет и мне поможет. Иди и пообщайся со своим шафером Михаилом Кукушкиным. Вера Архиповна ведь не только свидетельница, но и не раз выдавала замуж своих учительниц. Подготовьтесь к посещению в ЗАГС с Мишей. Да и нашей хозяйке может быть потребуется мужская помощь: стол сервировать, табуретки лавки воруг стола поставить.

– Хорошо, Нинуля, – воскликнул Иван, – слушаюсь и повинуюсь.

В ЗАГС молодожены вошли вовремя. Миша принес на торжество два огромных букета полевых цветов. И церемония обручения прошла на высшем уровне. На блюдечке преподнесли Вера Архиповна и Михаил Кукушин два обручальных кольца жениху и невесте, а они надели их на палец друг дружке.

За столом первым захотел сказать тост, подняв бокал с шампанским Миша Кукушкин.

– Как бы не было горько, что невеста стала не моей, а чужой женой, я поднимаю бокал вина и выпью его до дна за счастливую жизнь в супружестве жениха и невесты.

Михаил, подняв бокал и сделав один глоток шампанского поморщился. Лицо его перекосилось, словно он глотнул не вина, а ядовитую отраву и сказал резко:

– Горько!

Вера Архиповна тоже подняла бокал и тоже произнесла поморщившись:

– Горько!

Молодожены застыли в недоумении, а Кукушкин шепотом, но так, чтобы его голос услышали все гости, сказал:

– Иван и Нина, поцелуйтесь же крепко-крепко.

Молодожены обнялись, поцеловались и уже хотели прервать этот ритуал, но Мишка начал отсчет времени длительности поцелуя:

– Раз…два…три…двадцать пять…

После поцелуя Иван выждал, когда все стали раскладывать по тарелкам салаты оливье, кусочки жареной рыбы с картофельным пюре, винегре-

ты и стали кушать сказал:

– Дорогие гости, а сейчас я спою песню и для всех вас, но особенно для Нины.

Гармонист растянул меха чтобы сразу подыграть Ивану, подобрать нужную мелодию и тональность, а Ваня начал:

– Если бы губы твои не были медовыми, не слетали с ресниц огоньки бедовые, все равно б полюбил я тебя, родная… А за что? Да я и сам не знаю.

Выходной день, воскресенье был еще впереди, а свадьба пела и плясала до глубокой ночи.

Поэтому мало кто заметил, что молодожены ушли сначала проветриться на улицу, а потом по-английски, не попрощавшись, ушли в опочивальню и накинули крючок изнутри в комнате на дверь.

Послышались за столом реплики и разговоры весьма красноречивые:

– Ты меня уважаешь, братан?

– Какой я тебе к черту братан? Но все равно я тебя уважаю!

Вера Архиповна подошла к Михаилу Кукушкину и сказала:

– Ганну Аркадьевну, хозяйку этого дома, я уже предупредила, что тамадой остаетесь вы! Алкоголь не употребляете, да если что и бунтеров и квартиры вытурите. Спортом занимались, силушки хватает.

– Вера Архиповна, не беспокойтесь, – сказал Михаил, – все будет в порядке, да и дочь Ганны, Валентина, с крестницей Галей, которая учится у Нины Сергеевны следят за поведением гостей и меня в любой момент пригласят, если начнется шумиха-неразбериха.

– Вот и хорошо, Михаил Иванович, – проговорила директриса, – я уверена, что вы все здесь быстро наведете порядок.

В совей комнате молодожены почувствовали себя более раскрепощенно. Нина подошла к столику, сняв фату, уложила ее на столешницу, а Иван подскочил к жене и стал помогать Ниночке с платьем.

А Сенчуро, не зря же она оставила при регистрации брака отцовскую фамилию, вкрадчивым голосом спросила Логинова:

– Песню ты, Ваня, спел великолепно, но мне резанула слух одна твоя фраза в этой песне: «Все равно полюбил я тебя родная! А за что, а за что? Да я и сам не знаю». Если ты меня любишь всерьез, то почему же ты не знаешь, за что же ты меня любишь.

Только теперь Нина заметила, что Логинов стоит около ее совершенно голый и, трясясь от возбуждения, помогает ей снимать через голову свадебное платье. И услышала охрипший голос Ивана:

– За твою красоту и нежность!

А Иван, как только Нина осталась стоять обнаженной, поднял ее и отнес на кровать, застеленную белоснежными простынями.

Страсть и нежность отхватила молодоженов и они не обращали ни-

какого внимания на стуки в дверь, а наслаждались любовью.

После полежали на кровати немного молча и Иван шепнул жене на ухо:

– Нинуля, я хочу открыть тебе один маленький секрет…

– Так говори же, Ваня, что это за секреты у тебя появились сразу же первой брачной ночью?

– Да секрет-то, Ниночка, все уже знают, что меня в РОНО планируют назначить директором школы в Рудне. Как ты к этому предложению отнесешься?

– Ты не такой уж и простой парень, Ваня, как мне казался, – усмехнулась Нина. – Значит как в народной поговорке: «Вот так они и жили: спали врозь, а дети были». Хороший ты мне подарочек преподнес, Ваня, в первую же брачную ночь.

– О чем ты говоришь, Ниночка? – возмутился Ваня, – я жить без тебя уже не смогу. И в РОНО заявил, что соглашусь стать директором Руднянской школы при одном условии: моя жена, Сенчуро Нина Сергеевна, предоставить вакантное место – учительница русского языка и литературы. Руководство районного отдела народного образования обещало предоставить тебе эту должность – учительница русского языка и литературы.

– Ваня, а ты помнишь фразу поэта Шота Уставели: «И каждый мнит себя стратегом, видя бой со сторон». Но в реальном бою, в нашей жизни не все получается как хотелось бы. Давай, Ванечка, подождем окончания учебного года. Вера Архиповна за время летних каникул подыщет нам замену и если в РОНО не передумают и направят нас работать в школу Рудни, тогда мы и будем строить свои планы. А текст наших романтических планов, начертанных на прибрежном песке, никогда не смоют морские или озерные волны.

– Да, Нинуля, мы с тобой, как говорил поэт: лед и пламень. Я – романтик, а ты – прагматик, при всем твоем женском обаянии и нежной души – покачал головой Иван.

– Ты, Ваня, не перегибай палку. Ну какой из меня прагматик. Просто я отношусь осторожно ко всем разным жизненным переменам. Не следует бросаться из стороны в сторону. А раз мы сели с тобой в одну лодку, то не стоит ее раскачивать. Ведь можно перевернуть ее и утонуть. А нам вместе придется с тобой жить да поживать.

– И добра наживать! – воскликнул Иван. – Могу тебе похвастаться: оно у меня это богатство уже есть…

– И что же это за богатство?

– Да это же ты, моя божественная и драгоценная женщина. Когда ты разделась, то я чуть ли с ума не сошел. Ведь передо мной возникла Венера Милосская, правда у тебя были изящные руки, а у скульптуры Венеры их

не было. А для меня ты возникла как Афродита из морской пены и я утонул в ней, в этой пене, от нежной страсти. Поэтому, Ниночка, ты правильно угадала во мне романтика. А я люблю тебя.

Не зря Иван Логинов рассказывал Сенчуро Нине про намерения РОНО… Когда окончились в школе Кузьмино занятия Ивана Ивановича Логинова назначили директором школы в Рудне, а Нина Сергеевна Сенчуро стала учительницей русского и белорусского языков.

Вскоре родился у них и сын Сергей. Назвали мальчика этим именем в честь отца Нины, Сергея Филипповича Сенчуро.

Супруги Иван и Нина поселились в просторном одноэтажном доме, который отапливался большой русской печкой. Нина быстро узнала, что в доме до революции жил священник. А рядом с домом был колодец с чистой родниковой водой.

Нина Сергеевна удивилась, что к этому колодцу со всей округи приходили паломники чтобы напиться чистой водой и наполняли из колодца бутыли, чтобы увезти домой, как все считали, святую, освященную когда-то батюшкой воду.

Удивлялась Сенчуро, что вокруг дома священника были когда-то выстроены амбары, где хранились зерна, картофель, овощи, фрукты. Так стены амбаров были сложены из больших камней-валунов на известковом растворе.

Но до сих пор эти мощные сооружения, которые походили на крепостные стены, могли бы при нападении кочевых племен держать долговременную осаду.

Иван и Нина взялись за работу с энтузиазмом, да и в личной жизни у них все наладилось и появились дети, притом оба мальчика.

Первенца, Нина, посоветовавшись с мужем, назвали в честь отца Нины Сергеевны – Сергея Филипповича Сенчуро. Он воевал в Первую мировую войну с немцами. За свой героизм, проявленный в боях за Отчизну, Сергея Филипповича наградили двумя георгиевскими орденами-крестами. Получил и медаль «За Отвагу» Сергей Сенчуро-старший, дедушка Сергея-младшего.

За его мужество и отвагу, учитывая его награды, Сергею Филипповичу присвоили звание: унтер-офицер. На восточном фронте Сенчуро встретился с другим унтер-офицером, но полным Георгиевским кавалером – четыре георгиевских креста красовались на груди Георгия Константиновича Жукова, будущего Маршала Советского Союза.

Георгий Жуков блистательно сражался с фашистами и за его блистательные воинские операции, единственный из военно-начальников был награжден четырьмя знаками воинской доблести: званием «Герой Советского Союза».

Потом у супругов Сенчуро и Логинова родился через пять лет мальчик Юра, Юрий Иванович Логинов.

Многие школьные учителя завидовали успехами Логиновых. У Ивана Ивановича, когда он учился в институте, был получен красный диплом. Учился Иван Логинов в высшем учебном заведении на одни пятерки. Потому-то Ивана Ивановича и продвигали по карьерной лестнице все выше и выше. Да и Нина Сергеевна не была обделена славой. Ее умение привить своим питомцам любовь и уважение языкам двух братских народов – русский и белорусский всегда отмечали в верхах от села до республики.

Однажды Нина Сергеевна задержалась в классе, когда она разбирала на уроке русского языка творчество Александра Сергеевича, а именно роман «Евгений Онегин». Но в этот раз ей пришлось не ограничиваться начальной фразой Пушкина: «Онегин, добрый мой приятель, родился на брегах Невы, где может быть гуляли вы».

Выступление Нины Сергеевны так захватило ребят, что после чтения отрывка из романа в стихах: «Евгений Онегин», на последнем уроке, школьники бросились задавать огромное количество вопросов.

Потом она краем глаза увидела в окно своего сынишку Сергея. У нее с Иваном отношение к своим сыновьям, к Сергею, к Юрию, были трепетные. Но Иван Иванович Логинов очень нежно относился и к своей любимой жене.

Прошли годы, а Ваня дарил свои стихи, когда родился второй сын Юра, Иван Иванович в очередной раз написал стихотворение посвященное Ниночке:

– Если мы делили сутки на часы и на минутки,
И боялись, что минутки очень быстро пробегут –
Значит на соединило не колечко из металла,
И не запись в книге ЗАГСа создавала нам уют.
Если каждый месяц новый называли мы медовый,
Значит каждый Новый год нам как мед!

И когда Нина увидела проходящего мимом школьного окна Сережу, она хотела распахнуть створку и позвать сына в класс:

– Сереженька, милый мой мальчик, зайди в школу, в мой класс. Урок у меня уже закончился и я отвечу ребятам на последний вопрос и мы пойдем с тобой домой вместе.

Но она только проводила Сережу глазами и стала отвечать ученикам на их каверзные и добродушные вопросы.

Как Нина Сергеевна проклинала потом себя, что она не распахнула окно настежь и не крикнула сыну:

– Сереженька, любимый мой, дорогой сынок! Зайди ко мне в класс.

Урок уже закончился…

Но злая судьба распорядилась по-своему – через десять минут Сережа погиб.

Судьба играет с человеком, она изменщица всегда: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда.

Нина Сергеевна почерпала горя, что и без траурного платка черного цвета было видно, как она тяжело переживает и скорбит о смерти первенца, любимого Сережу.

Да и на Иване Ивановиче не было лица, а глаза покраснели от слез.

Никто из знакомых Нины и Ивана не осмеливались расспрашивать об их трагедии. Весть, что Сережа Логинов, спасая девочку, на которую упал порванный провод со столба электропередачи, шокировала всех жителей Рудни. Сережа схватился за провод, который находился под напряжением и откинул его от девочки в сторону, но сам погиб. Электрический ток пронзил тело мальчика. Кто-то спросил Нину Сергеевну где будут хоронить ее сына и она сказала:

– Рядом с моим отцом, Сергеем Филипповичем. В честь отца я и назвала Сереженьку. А потом упала на бездыханное тело мальчика и горько зарыдала. Плечи Нины Сергеевны затряслись мелкой дрожью, у Ивана Ивановича крупные слезы катились по щекам, а он изредка смахивал их ребром ладони поочередно то с левой щеки, то с правой.

Потом Иван подошел к жене и приподнял ее, подхватив жену за подмышки, осторожно отвел в дом и, положив Нину на кровать, накапал в стакан воды несколько капель валерьянки, жалобным голосом попросил:

– Ниночка, выпей несколько глоточков и хоть немножко успокойся. Не рви ты свою и мою душу на части.

Нина равнодушно выпила лекарство и, указав глазами на маленького Юру, попросила Ивана:

– Попроси кого-нибудь из женщин, Ваня, чтобы они увели ребенка домой. Пусть не смотрит этот ужас. Потом будут по ночам сниться кошмары.

Услышав эту просьбу, женщины и без просьбы Логинова уже подхватили мальчика за ручки, чтобы он споткнувшись не упал и не ушибся, повели Юрика домой.

Иван Иванович спохватился и шепнул на ухо соседке:

– Уведи, пожалуйста, Зина, и мою Ниночку в дом. Юрик без матери будет капризничать, рваться на улицу, а с Ниной он не будет капризничать. Маленькие дети не понимают внезапную смерть. Наверняка Юра думает, что Сережа уснул..

Нина Сергеевна не стала ложиться на кровать, а села за письменный стол. Ее рассеянный взгляд скользнул на столешницу: лежат учебники Се-

режи. Она встрепенулась и переведя глаза, уткнулась в пионерский галстук Сергея.

Боль утраты опять кольнула ножом по сердцу и слезы опять затмили ее глаза. Она пошарила по столу рукой, но носового платка на месте не оказалось. Ведь от растерянности позабыла, что засунула платочек под обшлаг рукава кофты. И поэтому наклонила голову к обшлагу другого рукава и вытерла им свои глаза.

Опять глаз скользнул по столешнице, и Сенчуро увидела на ней лежит не только пионерский красный галстук, а сочинение сына. Она его уже прочитала и так радовалась полчаса назад, что Сереженька так хорошо и так образно выполнил домашнее задание. Она даже уже хотела заранее поставить пятерку, но раздумала – будет проверять все сочинения ребят из Сереженого класса тогда и поставит – отлично!

Но сейчас это уже никчему…

Тогда Нина Сергеевна стала собирать все вещи, которые напоминали ей о Сергее и бросать их в зев русской печки где горели дрова. Жалобный печной звон заслонки, отброшенной на пол, только еще больше озлобил женщину.

– Все что мне напоминает Сережу я уберу с глаз моих, думала Сенчуро, – Или ж, глядя на вещи моего первенца, моего любимого сыночка, я тихо сойду с ума.

Кто-то уже сообщил директору школы, Ивану Ивановичу, что с его женой происходит что-то непонятное, и Логинов вошел в их дом.

– Нинулечка, милая ты моя, я тебя прошу и умоляю: успокойся!

Нина прекратила этот вандализм и снова присела на стул около стола. Он был пустым. А Нина Сергеевна, подоткнув голову руками, опять горько-горько зарыдала, причитая:

– Ну за какие грехи меня наказывают? В чем моя вина? Надо, надо было мне прервать урок, распахнуть окно и закричать во весь голос: «Сереженька, сыночек ты мой родной, вернись и не иди гулять, а зайди ко мне в класс. И мы бы пришли бы с тобой домой, а ты бы прочитал свое стихотворение и получил бы свою заслуженную пятерку. Ведь ты был отличником! И вот тебя нет на этом свете…»

На помощь к отцу притопал и Юра. Он стал теребить мамину, как всегда красивую и элегантную кофточку, и утешать ее:

– Мамочка, не плачь. Я тебя люблю. Не плачь.

Нина силой воли поборола свою эмоциональную слабость, тыльной стороной ладони, одним махом смахнула капельки слез, и сказала Юрочке:

– Юрочка, ты видишь, что я не плачу. Это мне соринки какие-то в глаза попали, вот слезы и закапали, потекли по щекам.

Юрочка успокоился. А тут распахнулась дверь в комнату, где в скор-

би и печали сидела Нина, и в комнату вошла мать Нины Сенчуро – Екатерина Карповна.

Она слышала последнюю фразу дочери и сказала малышу:

– Юрик, ты слышал, что маме попали в глаз соринки. Все у мамочки твой хорошо. Ты, малыш, сходи-ка к папе и побудь с ним. Он же тоже хочет с тобой поиграть и поговорить. А мы в это время с твоей мамой побеседуем.

Юра успокоился и потопал к отцу. А Екатерина Карповна заговорила с дочерью:

– Ниночка, попробуй пересилить себя и не надрывай свое несчастное сердце. Сереженька уже на том свете и оттуда еще никто из людей кроме Иисуса Христа не возвращался. Крепись, моя любимая доченька, ведь рассказать сколько я ужасного горя испытала, так у тебя на голове волосы дыбом станут. Не дай Бог испытать тебе столько трудностей, сколько мы испытали их с твоим отцом Сергеем Филипповичем.

– Я слушаю тебя, мама, внимательно, – всхлипнув, заговорила Нина. – Я от радостной и счастливой жизни с моим Ваней мало интересовалась вашей с папой судьбой.

– Вот и послушай меня, родная доченька, что прожили мы с твоим отцом. Ты заикнулась сейчас о своей счастливой судьбе. В народе говорят: «Судьба играет с человеком. Она изменщица всегда: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда!»

– Я эту поговорку, мама, тоже слышала, – кивнула Нина, а Катерина Карповна продолжила, как будто и не слышала слова дочери:

– В нашей семье у отца Карпа без отчества родились семь сестер. Представляешь, как злился наш отец, что на свет божий появляются одни девочки. А на людях-то он бахвалился: «Мужики, когда у вас рождаются пацаны, то все бахвалятся – вот и появился и нас в семье еще один мужчина. А вот, чтобы на свет появилась у жены дочурка, то мне приходилось использовать талант и ювелирное искусство!

– Мама, – заинтересовалась Нина, – а как звали моих тетушек?

Тут Екатерина Карповна и стала их перечислять:

– Мою старшую сестру звали Анастасия, Настя. Я родилась второй, третью назвали Федорой или Феодора, потом пошли Варвара, Аполинария. Пятую так высокомерно Аполинарией не называли, а просто Полиной. Последние двое малюток, которые в люльках качались, звали Марусенька и Олечка.

Впервые Нина Сергеевна пошутила:

– На каждое имечко, мама, можно привести литературное произведение: Федора – Федорино горе: «Пляшет сито по полям, а корыто по горам. Блюдца же блюдца, не смеются – бьются». За точность цитаты не ручаюсь, но что-то вроде этого. Зато про любопытную Варвару, у которой нос дверях

оторвали это точно. Не надо нос в чужие дела.

Екатерина Карповна радостно заметила, что дочь ее, Нина, незаметно для себя, уже стала чуть-чуть приходить в себя после сильного стресса, шока и поддержала дочери реплику:

– А Полинку-то никто Аполинарией в Сенчурах и не называл, ее имя перекраивали несколько раз: Полюхой, а потом и Пелюхой. Так Пелюхой она всю оставшуюся жизнь и осталась. Зато Анастасия вышла замуж за односельчанина, которого звали Михаил. Но все в округе называли его только Михаилка. А до почтенного звания Михаил Иванович он так и не дотянул.

– А почему же, мамочка, он не добился в селе обыкновенного уважения? – спросила Нина и Екатерина Карповна тут же шутливо откликнулась:

– Маленькая собачка до старости щенок!

Нина только покивала молча головой, ответив тоже поговоркой:

– Бывает, что у девушки муж умирает, а у вдовушки – живет.

– И вот однажды Михаилка заехал на бричке, запряженного жеребцом и сказал: «Катюша, еду обменять шило на мыло, а дома не успел плотно поесть. Если угостишь меня супчиком, то буду тебе благодарен». Я, разумеется, покормила Михаилку не только супчиком. А он обратился ко мне еще с одной просьбой: «Дай мне, Катя, какую-нибудь чистую тряпку. Я в нее заверну туда семена мака. Хочу, чтобы около дома моего они ярко расцвели, а когда головки созреют, то будет моя Настенька печь пирожки с маком. Такая вкуснятина».

– Почему же ты запомнила такую мелочную просьбу? – спросила Нина Сергеевна.

– Да потому, доченька, – ответила Екатерина Карповна, что под рукой чистых тряпок у меня не было, все замусоленное, вот я и отдала новенький, цветастый, желтый с красными цветами платок. А Михаилка засунул его за пазуху в карман куртки. А он мне его и не отдал.

– А что же тут такого, мама? – спросила ее дочь, а Катерина ответила:

– В этом цветастом платке и был ключ разгадки одной нашей семейной трагедии.

– Да разве из-за какого-то платочка может произойти какая-то трагедия? – удивилась Нина.

– А ты, доченька, не торопись делать выводы из одной моей фразы, – сказала Екатерина Карповна, а дослушай мой рассказ до конца.

И Нина, кивнув головой, согласилась с матерью.

– Продолжай, мамочка, я больше тебя ни разу не перебью.

– Так вот, Нина, – вновь заговорила Екатерина, – Михаилка уехал собирать мак в других селах, в своем-то он уже урожай собрал, а в доме моей старшей сестры Настеньки стряслась беда, которая принесла нам столько горя, что до сих пор сердце болит.

– Так что же произошло, мама? – спросила Нина.

– Ко мне прибежали соседи Анастасии и рассказали о страшной трагедии. В доме Насти произошел пожар. Языки пламя и клубы дыма они заметили внутри и тут же сломали запертую на замок дверь. Двух девочек вытащили сразу же на воздух на руках, а на улице около огорода обнаружили убитую окровавленную Настю. Слезы брызнули из глаз, но я постаралась взять себя в руки.

– Какой же злодей смог это сделать? – спросила маму Нина. И Катерина Карповна тут же ответила:

– Я вспомнила, что после отъезда Михаилки, ко мне зашла Анастасия и рассказала о подозрительном событии.

– Знаешь, Катя, - сказала мне Настя, – Миша-то часто ездит по деревням и продает там что-то из продуктов. А в замен покупает какие-то вещи для себя и для меня. Вот только недавно он принес женскую одежду и сказал: «Это тебе мой подарок, но эти наряды, пусть тебе завидуют женщины со всей округи».

– Так чего же тут удивляться, тому, что твой муж старается тебя красиво одевать? – спросила я Настю, а она мне ответила дрожащим голосом:

– На одежде, что подарил мне муж, Катя, я увидела капельки крови. И удивилась – как эта кровь оказалась на моем подарке?

На что Миша ответил: «Мы же недавно курицу зарезали для борща. Вот и испачкал я случайно свой подарок тебе».

– Мама, – спросила Нина, – чего же тут удивляться? Мужчины не так аккуратны, как мы, женщины. Вот и измазался кровью.

– Ты права, доченька, – согласилась с доводами Нины Екатерина Карповна, - но когда я примчалась в дом своей сестры, которую убили, то увидела рыдающего Михаилку и сразу же вспомнила о рассказе Насти про кровавые пятна на, подаренной Мишей моей сестре, одежде. Я пошла осматривать подарок и…

Тут Екатерина Карповна замолчала, как будто вспомнила что-то, а потом с надрывом в голосе выдавила фразу:

– Под окровавленной одеждой, я заметила мой желтовато-красный платок, который он выпросил у меня для сбора мака. А в голове замелькали страшные мысли. Михалка-убийца и бандит. Он на своей бричке объезжал села и насиловал одиноких женщин. А потом, чтобы все концы спрятать в воду, убивал безжалостно их.

– Мама, – потрясывающим голосом произнесла Нина, – это не мужчина, а вурдалак какой-то. У нас, славян, в старину был такой обычай: когда соплеменник совершал гнусный поступок, то нагибали до земли кроны двух молодых берез, одну левую ногу привязывали к одной березе, а вторую правую ногу прикручивали к другой березе и…отпускали их. Одна

половина разорванного тела болталась на одном кроне березки, а вторая часть – на верхушке второй березы.

– Ты права, доченька, – вздохнула тяжело Екатерина, – Михалку разорвали бы на куски разозленные женщины, но это сделать не позволили властные структуры. Нужно было провести расследование, а доказательством его преступления был только один мой желтовато-красный платок.

– Мама, но этот небольшой твой платочек, был главным и прямым доказательством вины этого убийцы, – сказала с возмущением Нина.

У Екатерины Карповны погрустнело лицо от нахлынувших воспоминаний, но она, вздохнув, грустно произнесла:

– Тройка судей из НКВД допрашивала Михалку, но он отпирался. Мол, платок мог подкинуть кто-то из наших замужних сестер. Что он очень любил Анастасию и никогда не поднимал на нее свою тяжелую руку. Но все-таки улика платка перевесила чашу весов. Трибунал вынес обвинительное решение. Да только его не приговорили к смертной казни, а дали пять лет заключения. Можно сказать, что Михолка отделался легким испугом.

– А мне всегда твердили, – вздохнув произнесла Нина, – что судебные тройки выносили только смертельные приговоры. Притом «судебный процесс» длился не более десяти минут. Я не понимаю, почему же настоящего убийцу, а не этого бедолагу, попавшего под горячую и тяжелую руку «правосудия», вынесли такой щадящий приговор. Вот тебе и судейские перегибы.

Екатерина Карповна только вздохнула и сказала тихим голосом:

– Бывает, что у девушки муж умирает, а у вдовушки живет. Зато освободившийся Михалка стал строчить доносы на моего мужа Сергея Филипповича. Бывший унтер-офицер недоволен советской властью и является врагом народа. Вот кого надо было посадить в тюрьму или приговорить к расстрелу. Одного голоса Михалки может быть и не хватило бы репрессировать моего мужа. Но Михалка уговорил дать «показания» на Сергея Филипповича одну женщину, которая набивалась когда-то в молодости стать женой Сергея Сенчуро, а он ей отказал. Но для «тройки» и двух показаний хватило. Вот и загремел под фанфары сергей Филиппович на лесоповал деревья рубить на пять лет.

– Мама, так ведь это несправедливо – сказала Нина, – ведь у тебя же на руках было десять ребятишек. Притом в таком порядке: первая, моя старшая сестра Мария, потом четверо ребят, потом шестая родилась я, а следом за мной опять четверо мальчиков. И все это «хозяйство» легло на твои хрупкие, женские плечи.

– Что поделаешь, Ниночка, такая уж мне выпала женская доля. А проще сказать – судьба!

А потом добавила: «Судьба играет с человеком, она изменщица всег-

да: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда».

Нина после маминой фразы погрустнела и спохватилась:

– Мама, заговорила ты меня родная, что я совершенно позабыла про свою хандру. Потеряла я своего сыночка навсегда, но ведь и его маленькая подружка Танечка страдает не меньше моего. Мне уже соседи сказали, что забилась Таня дома в закуток, уголок беспрестанно льет там свои горькие, горячие слезы. Тоже, как и я сердце надрывает. А ты, мам, заговорила меня и чуть-чуть позволила, на какую-то секунду побороть свою боль, острую-острую…

– Я, Нинуля, понимала, что утешать тебя мне было бесполезно, – сказала Катерина Карповна. – Как ты поняла из моего рассказа мне пришлось пережить тоже множество потерь. Зато я на всю свою жизнь запомнила одну очень точную поговорку: «Не буди лихо, пока оно тихо», и ты сцепи зубы, сожми свою боль в кулак и позаботься чтобы второй твой сын, пока он маленький, не заметил бы трагедию своего брата Сережи.

– Мамочка, ты очень умная, мудрая женщина и понимаешь, что мою трагедию очень трудно и долго придется переживать. Но твой совет я воспринимаю, как брошенный мне тобою спасательный круг. Буду стремиться выплыть и не утонуть в бурном водовороте случившейся беды. Как бы не было тяжелым случившееся событие, но спасти моего сынишку Юру от психологической травмы мне придется. Но ты же знаешь, что я волевой человек и мне необходимо жить во имя светлого будущего моего Юрика.

В комнату вошел Иван Иванович с сыном и сказал:

– Ты видишь, Юрочка, – сказал он, – мамочка сидит рядышком с твоей бабушкой и разговаривает с ней. Она и не собирается больше плакать, а бабушка даже улыбается. Так что, Юрчик, расти большой и не будь лапшой. А я тебе сынок прочитаю детское стихотворение собственного сочинения:

– Если будешь кашу кушать,
Будешь папу с мамой слушать,
Будешь спать в своей кроватке,
То получишь шоколадку!
Не дадим ей шоколадку –
Перед сном играет в прятки,
В молоке купает книжку,
Манной кашей кормит Мишку.
Видно правда говорят:
«Детям вреден шоколад!».

– Папа, сказал Юрик, – а мне мама говорила, что шоколад полезен не только детям, а и взрослым. Она мне рассказывала про одного летчика, который на самолете упал в лес и отморозил две ноги. Так вот он больше

недели полз по сугробам снега без еды. И спасся потому, что у него в кармане была плитка шоколада.

– Молодец, Юрочка, – похвалил мальчика отец, – ты рассуждаешь как взрослый мужчина. И должен знать всегда, что мы с мамой тебя крепко любим.

Юра заулыбался и спросил:

– Вы меня крепко-крепко любите?

Нина готова была зарыдать, но подтвердила слова мужа.

– А ты как думал, Юра? Конечно же мы тебя очень любим. Даже нисколько не сомневайся.

На похороны Юру не взяли. Екатерина Карповна на третий день осталась с внучком, а Иван Иванович и Нина Сергеевна отправились вместе с похоронной процессией на кладбище.

Оба в траурной одежде они с окаменевшими лицами шли за маленьким гробиком к вырытой заранее моголе.

Нина тихонько плакала, а Иван тресся мелкой дрожью, словно в лихорадке.

Когда комья земли, брошенные руками знакомых и родных, Сенчуро не выдержала и опять безутешно зарыдала. Иван обнял ее трясущиеся, как в лихорадке плечи и сам невольно горько заплакал.

Екатерина Карповна дожидалась дочь и ее мужа, поглядывая очень часто в окно.

– Бабушка, – спросил Юра, – что ты такое интересное хочешь увидеть в окошке?

Екатерина Карповна ответила:

– Да смотрю, Юрочка, что ласточки летают над водой и над землей низко-низко. А это верная примета, что скоро хлынет дождь.

– Бабушка, – улыбнулся Юра, – так это же хорошо. Земля уже сухая, а трава пожелтела. А дождик пройдет и травка так ярко зазеленеет. А я люблю по мокрой травке побегать босиком.

– Юра, тебе совсем мало лет, а ты уже такой разумный мальчик. Уже знаешь народные приметы.

– Какие приметы? – переспросил бабушку Юра, а она, вздохнув, сказала ему:

– Да ты же сам мне и рассказал про народную примету – раз ласточки летают низко над землей, значит скоро закапает дождик.

– А я выскочу под дождик, и буду упрашивать его, – засмеялся Юра, - дождик, дождик перестань, я поеду в Арестань, а поле будет пусто и вырастет капуста!

Екатерина Карповна через силу улыбнулась, ведь в голове у нее только и крутилась одна мысль: «Когда же Нина и Ваня придут с кладби-

ща? Ведь по всем моим расчетам они должны были прийти домой около получаса назад».

А Юрочке сказала:

– Что же ты будешь, Юрочка, делать с капустой, коль она вырастет большая, с крупными кочанами?

– Мама с папой порежут кочаны мелко-мелко и посолят ее. А мы с ними и зимой с картошечкой горяченькой будем есть квашенную капусту. Мама говорит мне, что капуста – это витамины. А я до сих пор не знаю, почему же капуста – витамины. Моя же мама давала мне маленькие, круглые, разноцветные и очень вкусные шарики, и говорила: «Попробуй, Юра, витаминки».

– Подрастешь и поймешь, Юрочка, какие бывают витамины в капусте, а какие в сладких шариках. Но все же тебе и сейчас скажу – и те, и другие витамины полезны для твоего здоровья. Поэтому кушай любые полезные витамины.

Нина и Иван не заставили себя ждать. Вскоре они появились на пороге дома. Юра бросился им на встречу и прощебетал:

– А мне бабушка рассказала, что в капусте очень много витаминов!

Нина обняла сына и сказала:

– Бабушка, Юрик, у нас умная и мудрая и очень много знает и про капусту и про витамины. Она, к сожалению, не получила никакого образования, но два раза ее от нашего сельсовета выбирали депутатом в Верховный Совет Республики Беларусь. Хоть наша бабушка не знала грамоты, но ее речь на съездах в Минске журчала как реченька. Ее красноречию удивлялись даже депутаты с высшим образованием.

А Иван спросил Екатерину Карповну:

– Мама, на самом деле, почему ты умела так красиво выступать на съезде народных депутатов в Минске.

Она же ответила:

– Никто же не спрашивает у оперного певца откуда у него появился такой красивый голос: баритон, бас или тенор. А он ему дан от природы. Так и мое красноречие появилось от Бога. Бог милостлив и поэтому меня выбирали депутатом на съезд народных депутатов в Минске.

– Так почему же, мама, - спросила Нина Сергеевна, – ты попала в немилость? Тебя же перестали выбирать на съезд.

– Доченька, на съезд выбираются люди, которые могут защищать интересы простых людей: сельчан, крестьян, горожан. А во власти есть выскочки, которые поддерживают только чиновников при власти. Эти чиновники и возомнили, что они-то и есть Советская власть. На самом деле каждый суслик считает себя агрономом. Умеет грызть на корню семена пшеницы.

– Мама, – спросила Нина, – таких грызунов у нас очень много. Но почему же ты борешься с ними, а моего отца Сергея Филипповича стерли в порошок почерней пыли. Ведь у него же было образцовое хозяйство, продуктами от которого он снабжал всю округу. За деньги разумеется.

– Эх, доченька, – грустно вздохнула Екатерина Карповна, – именно за свой труд и пострадал. И укатили Сивку крутые горки! Отправили его на лесоповал добывать древесину. А ведь и в этом виновата частично и я.

Мама Нины замолчала, а потом сказала:

– Я, Ниночка, выступала на втором съезде народных депутатов в Минске и после моей речи задали вопрос: «Как вы считаете, какое хозяйство лучше: коллективное или же единоличное?

– И что же, мама, ты им ответила?

– Я ответила, что одно дополняет другое. И в единоличном хозяйстве можно добиться малыми силами больших успехов. А в коллективном хозяйстве тоже бывают огрехи: некоторые считают, что в колхозе можно спрятаться за спину отменного труженика, но при этом получать столько же трудодней как тот трудяга-одиночка. Меня тут же спросили: «Значит ваше единоличное хозяйство более эффективнее чем колхозное?» И я ответила: «Пока, по-моему, это так!» Вот теперь я каюсь, что сказала так откровенно о своем хозяйстве. А мой муж Сергей Филиппович стал «врагом народа». За что, да за то, что работал не жалея своего труда, пота и сил?

На этот вопрос мамы Нина Сергеевна не смогла ответить…

Глава 3.

Будь проклята ты, Калыма, что названа чудной планетой.
Сойдешь поневоле с ума – оттуда возврата уже нету…

– Пять лет лагерей, – думал бывший унтер-офицер, а мысли путались и распадались на обрывистые фразы. – Ни за что ни про что. На лесоповал везут меня в железнодорожном вагоне, как скотину какую-то. Так и вагон-то называют – телятником. В скотном вагоне перевозили лошадей, коров, свиней. А теперь везут меня – зека.

Сергей Филиппович машинально хотел пальцами рук подкрутить кончики своих красивых модных усиков, но пальцы уткнулись в густую и колкую щетину.

Только Сергей Сенчуро подумал о вагоне для скота, только подумал о колкой щетине, как услышал молодой красивый голос худенького, тщедушного паренька, он зауныло пел блатную песенку:

– «За вагоном мелькает вагон,
С гулким стуком по рельсовой стали,

Спецэтапом идет эшелон
Из столицы в колымские дали.
Не волнуйся, любимая,
Я вернусь раньше времени.
Как бы ни был мой лагерный срок,
Я вернусь на заветный порог,
И скучая по ласке твоей,
Я в окно постучусь.»

Сергей Сенчуро окликнул мальчишку:

– Эй ты, шкет, причаливай-ка ко мне. Очень мне понравилась твоя песня. Да и голос у тебя чудесный. Тебе бы в оперном театре выступать, а ты в зековском вагоне с уголовниками и с врагами народа на калыму катишься.

Мальчишка замялся, взглянув с опаской на огромного верзилу, но Сенчуро добродушно улыбнулся и жестом руки показал пацану на свободное около него место:

– Причаливай, парень ко мне! Не бойся – не обижу. А если кто и попытается тебя обидеть, то я ему пальцы загну. И в следующий раз не посмеет тебя обидеть.

Паренек улыбнулся, подскочил со своего места и пружинистой походкой направился к Сергею Филипповичу и присел рядышком со своим благодетелем. А Сергей спросил его:

– Как зовут-то тебя?

– Как вы, шкетом зовут.

Сенчура покрутил головой и сказал:

– Больше тебя так называть никто не станет. Ты мне скажи, как тебя мать с отцом называли?

– Витей, Виктором – ответил парнишка, а Сергей Филиппович воскликнул:

– Как видишь, Витя, тебе родители дали гордое имя – Виктор, что по-латински означает «Победитель!». Поэтому вдвоем-то мы победим всех наших недоброжелателей.

– Дядя Сережа, – сказал Витя, – это вы победили в германкой войне в 1914 году немцев, потому что вы огромной силы человек, а я – заморыш, где уж мне отбиться от недоброжелателей. Я тут вам не помощник. Потом Витя подумал и добавил:

– Тут для вас плохой помощник.

– Ты тут не прав, – погрозил указательным пальчиком Сенчуро. Прежде чем стал офицером, я был прапорщиком… А знаешь, Витя, что означает слово «прапорщик»?

А Витя ответил совсем не понуро, а озорно:

– Куда уже нам, дуракам, чай пить?

Сергей Филиппович покачал головой:

– Витя, тут ты не прав. Прапор - это знамя, а прапорщик, получается, знаменосец! Так вот в атаку на противника первым поднимался прапорщик, высоко подняв над своей головой знамя. А солдаты как один, бросались в атаку на противника. Ведь когда-то знаменитый полководец Александр Васильевич Суворов говорил: …… !

– Это вы к чему мне рассказали, дядя Сережа? – спросил Витя, а Сенчуро ответил:

– Я это говорю тебе, что ты – прапорщик!

Витя впервые улыбнулся и сказал:

– Ну какой же я прапорщик, если у меня нет знамя.

– Эх, дурешка ты, Витька! Да у тебя в руках есть знамя. И оно просто по-другому называется – песня! Ну-ка, сынок, спой-ка нам какую-нибудь трогательную песню, чтобы душа развернулась на распашку, а нам бы стало легче дышать.

И Витя запел:

– «Над заливом лед весенний тает,
Скоро тут ромашки зацветут.
Только нас, родная, под конвоем,
В лагеря на Север повезут.

Помню эти пыльные вагоны,
Стук колес неровный перегон.
Снова опустевшие перроны,
И собак конвойных злючий вой.

Отсижу я срок и вдруг придется,
Возвратиться в свой родимый дом,
«Здравствуй», - скажет мать и спотыкнется,
Затаив в груди невольный стон.

Бросит приготовленные розы,
Скажет: сын, вернулся ты домой!
А на глазах не прошенные слезы,
Потому, что сын совсем седой.

Вспомню ночь таежную, глухую,
На крутом скалистом берегу,
По тебе, родная мать, тоскую,
И в горячем сердце берегу!»

Песня закончилась, а Сергей Филиппович сидел молча и ни один мускул не дрогнул на его лице. Витя испугался: «Может быть мой покровитель остался недоволен вокалом? Лицо у Сенчуро как у каменного истукана, онемело…»

И вдруг Виктор каким-то чутьем понял, что невероятное произошло в тюремном вагоне: в воздухе повисло затишное молчание. А первым зависшую тишину заметил Сергей Филиппович. Его лицо как будто изнутри засияло такой яркой улыбкой, что полумрак вагона куда-то исчез, но хлопок Сенчуро в ладони прогремел внезапно как выстрел с крейсера «Аврора». И под этот сигнал весь контингент вагона взорвался бурной овацией. Но даже через эту бурю прорывались голоса «почтенной публики»:

– Браво, пацан… Молодчина… Бис…Бис…

Сергей Сенчуро похлопал Виктора по спине, да не рассчитал удар своей мощной руки, паренек закашлялся и сказал:

– Я же тебе говорил, что ты знаменосец, прапорщик… А ты, чудак, мне не верил.

Витька весь сиял от похвалы и оваций, но после реплики его старшего товарища смутился и произнес:

– А я вам, Сергей Филиппович, сразу говорил, лицо у вас честного человека, а вот сидеть этот человек будет в общем вагоне с зеками. Каким ветром занесло в наш вагон?

– Не будем пока, Витя, говорить об этом. Очень сложная эта тема. Оправдываться я не хочу, а говорить правду – все равно мне из этой братни не поверит. Хотя все так красноречиво говорят, что все они невиновные овечки их случайно, по ошибке, занесло в этот вагон. Поживем – увидим на зоне кто из них какой:

– А как мы разберемся: кто из них какой? – спросил осторожно Витя, а Сенчуро ответил:

– Время покажет.

А в это время Екатерина Карповна, жена Сергея Сенуро, металась по Витебску. Кто-то сказал ей, что мужа арестовали, но на суд отвезли не в Витебск, а в Минск, в высшую судебную инстанцию. Екатерина еще имела при себе удостоверение депутата Верховного Совета Республики Беларусь. Она села в автобус и покатила в столицу к предстателю Совета Министров Республики.

На вахте ее удостоверение посмотрели сначала один милиционер, потом другой и старший по званию спросил Катю:

– А вы к кому?

Она объяснила, но капитан милиции сказал ей:

– Извините, уважаемая Екатерина Карповна, председателя Совета Министров в здании сейчас нет. Приходите завтра.

Катя понурила голову от огорчения, что не успела во время перехватить председателя, и тихонечко поплелась к автобусной остановке. Там хоть можно посидеть в зале автовокзала и закусить пирожком да попить горячего чая, как ее окликнула Вера Петрова, депутат:

– Ты куда бредешь, Катюша, понурив голову?

– Да я приезжала поговорить с председателем Совета Министров, а он ушел уже из кабинета и на вахте сказали, что он не вернется сегодня на работу.

У Варвары округлились глаза, она покрутила головой, осмотрев вокруг, нет ли кого из своих знакомых и, махнув рукой, мол, начнись что-то интересное на ушко пошепчу, по секрету всему свету, и тихо сказала:

– Утром из Москвы приехал земляк Лаврентия Павловича Берия. Он зашел сразу же со своей свитой и стал задавать председателю заковыристые вопросы.

– Да разве это впервой, – отмахнулась Катя, - сколько чиновников из Москвы приезжают, не перечесть.

Варвара приложила палец к губам, опять снизила голос и прошептала:

– Говорили в кабинете долго и на повышенных тонах, а во время перерыва председатель вышел на балкон проветриться и успокоится, как охранники услышали выстрел. Они бросились на балкон и увидели, что руководитель лежит на полу балкона в луже крови. Именной пистолет лежит рядом, прости меня Господи, с трупом. Приехали санитары скорой помощи, хотя помощь председателю уже была не нужна, и на носилках закрыли труп простыней, уложили в машину скорой помощи и завывая сиреной, быстренько помчались в морг.

Варвара еще пыталась рассказать Кате подробности, но Катя, всхлипнув, пошла в кассу автовокзала покупать билет в Витебск. Но, приехав в собственный дом Сергея Филипповича Сенчуро, Екатерина Карповна пришла в ужас и поняла только теперь мерзкое слово «раскулачивание». Какие-то чужие люди, вытаскивали из комнат все ценное: серванты, посуду, кровати и резными слипами, венские стулья.

Катя стояла молча, как истукан, ни словечка не вымолвила, но ни одной слезинки и не капнуло из глаз.

Бравые хлопцы угоняли из хлева коров, лошадей, свиней, из курятника выгоняли кур и петухов, и загоняли в приготовленные клетки. Вообщем забрали имущество Сергея и Кати Сенчуро полностью до последнего гвоздя, оставив в доме самое необходимое для проживания: несколько матрасов и одеял, ложек, кружек, мисок.

Екатерина Карповна приняла стойко удар судьбы, а Сергей Филиппович даже не представлял, что его усадьба, которую подарил ему отец,

Филипп Егорович, как самому младшему сыну, уже не его собственность, а общественное наследство. Филиппа национализировали и кто был никем стал хозяином этого богатства. А Сергей Сенчуро в это время слушал колесный перестук, разговаривал со случайным попутчиком Витей, иногда слушал песни одаренного мальчика. А этот паренек, чтобы развеять грусть своего старшего товарища, снова запел, используя пункт назначения эшелона с зеками – Ванино:

– «Я помню тот Ванинский порт,
И вид парохода угрюмый.
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.

От качки стонали зека,
Обнявшись, как родные братья,
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья.

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
Сойдешь поневоле с ума –
Оттуда возврата уж нету.

Семьсот километров тайга,
Где водятся дикие звери.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь олени.»

Витя остановился, замолк, а Сергей Сенчуро заметил:

– Вот эту тайгу мы и будем рубить. Зеки называют это единственное занятие в тайге – лесоповалом.

Виктор грустно произнес:

– Я никогда не занимался тяжелым физическим трудом и меня слова «зеки» и «лесоповал» режут слух. Боюсь, что не выдержать будет и лесоповал и жестокость зеков. Слово «лесоповал» я еще понимаю, а что такое «зек» чувствую, а расшифровать не могу. Помоги мне Сенчуро.

Сергей Филиппович ответил:

– Зека – условно сокращенное слово «заколоченный». Вот в нашем вагоне и едут зеки. Но у каждого зека была собственная квалификация. Вот ты, Витек, чем занимался до приговора?

– Мелочь по карманам тырил, – грустно вздохнув, ответил Виктор, – а Сенчуро пояснил:

– Значит ты, малыш, был карманником. И долго ли тырил мелочь и где?

– Лучше всего было воровать в общественном транспорте: в автобусах, трамваях. Там суета, толкотня, теснота, а я от одного прикосновения пальцев кисти тыльной стороны ладони к карману или дамской сумочки чувствовал кошелек, и легким движением руки становился владельцем небольшой суммой денег.

– Неужели за небольшую сумму денег ты, сынок, получил сравнительно приличный, большой срок? – спросил Сергей.

– Дядя Сережа, – ответил Витя, – я же понимал, что за карманную кражу, отделаюсь легким испугом. Наш смотрящий за карманниками мне всегда говорил: «Витя, не воруй. А если украл, то не признавайся. И если придется из-за всяких улик признаваться, то признавайся в простой краже, а не в квалифицированной.

– Витька, оказывается ты только на первый взгляд такой пай-мальчик, – сказал Сенчуро, – а на самом деле волчара еще тот…

– Зря вы, дядя Сережа, наговариваете на меня, – сказал угрюмо с мрачным видом Виктор. – Подвел меня наш смотрящий. Поманил он меня как-то раз пальчиком к себе и сказал: «Витя, постой сегодня вечером на страже около магазина, там мои кореша кассу у кассирши этого заведения хотят грабануть. Обещали отблагодарить щедро и меня и тебя». Вот я и купился на пустышку. Да они ограбили кассу, но не в магазине, а в сберкассе.

– Что-то у тебя, – покачал головой Сергей Филиппович, - нескладно получается. Если ты стоял на стреме, то вина у тебя не большая. Но тебе влепили как и мне пять лет в колонии строгого режима…

– Все это так, дядя Сережа, – стал оправдываться Витя. – Только ко мне в камеру следственного изолятора вошел адвокат, но защищать он меня не собирался. Наоборот стал запугивать меня, что если я не приму на себя роль организатора бандитского налета, то меня или кто-то задушит и скажет все так и было, сам в петлю залез или же споткнулся на ровном месте и разбил свою башку от батарею отопления.

– Да, любезный мой приятель, – покачал головой Сергей Сенчуро, - куда не кинь, везде клин. Меня ведь, Витек, тоже в такие клещи взяли. Наверное ты не читал книжку «Принц и Нищий», а история у Марка Твена выглядела интересная. Они обменялись ролями: Принц претендовал на корону короля, а Нищий был так похож на принца, что претендент на корону решил испытать себя в роли отверженного и нищего человека. Нищий-то справился со своей миссией, а вот Принцу-то пришлось узнать жизнь простого народа.

– Ты это к чему, дядя Сережа, говоришь? – спросил Витя.

– Я хочу, чтобы мы сами никогда не менялись ролями, а несли с тобой вместе свой крест. Так что, Витя, держись ко мне поближе и я тебе всегда подставлю свое плечо, - сказал Сергей Сенчуро и попросил Витеора:

– Спой-ка мне еще какую-то песенку.

И Витя затянул:

– По тундре, по стальной магистрали,
Мчится поезд курьерский – Воркута – Ленинград.
Мы бежали с тобою золотою тайгой,
Опасаясь погони и криков солдат.
Дождь на рыло нам капал и на крышу вагона,
Стража нас окружила: «Руки в гору!» – кричат,
Так прощай же свобода, так прощайте, родные!
Никогда не вернемся мы с тобой в Ленинград!

Сергей Филиппович, послушав эту песню в исполнении Виктора сказал:

– Интересная ситуация, Витек. Мы жили в разных местах: я в Беларуси, а ты в Ленинграде, в Питере, а оказались вместе в вагоне для зеков. Но какая необыкновенная ситуация: я лежу на полу, ты стоишь, но ведь оба-то мы – сидим.

– А я, дядя Сережа, сейчас спою вам песенку, как сидят филоны в лагерях. Никогда еще я не сидел по приговору суда в местах весьма отдаленных, а весь лагерный репертуар знаю наизусть.

– Валяй, Витя, – кивнул головой Сергей Филиппович, – когда слушаешь о чужих страданиях, то забываешь про свои. И время скоротаем, до ночи еще далеко! Да и не стой ты передо мной, как лист перед травой. Не маячь, а присядь рядом со мной – в ногах правды нет. И никогда не было…

Виктор присел около Сенчуро на пол и оперся спиной к стенке вагона. Прислонившись и откашлявшись, запел:

– Сижу на нарах, как король на именинах,
И пайку черного мечтаю получить.
Капель стучит в окно, а сердцу все равно,
Я никого уже не в силах полюбить.
Меня девчонки целовали как шальные,
Одной вдове сумел пробиться я в роддом.
А мой нахальный смех имел всегда успех,
Но моя юность раскололась как орех.

Витя замолк, чтобы перевести дыхание, а Сергей Филиппович его попросил:

– Давай-ка, парень, помолчим немного. Пусть кто-нибудь из наших соседей сам друг друга развлечёт вокалом, а ты немного отдохни. Береги, Витек, свой уникальный голос. Получили мы свой срок пятерик – оба. Так будем скрадывать эти унылые годы вместе. Я тебя всегда поддержу.

– Верю, дядя Сережа, и надеюсь ты меня не дашь в обиду отморозкам. – сказал Виктор. – Они слабаков, как я, быстро возьмут в оборот. А у тебя кулачище-то как подувая гиря. Как приложишь ею по уху, голова у любого хлыща зазвенит как церковный колокол.

– Ну вот и ладненько, – сказал Сергей Сенчуро. – Давай немного вздремнем, дорога длинная, а силы для лесоповала надо беречь.

На перроне места прибытия, зеков выстроили в две шеренги. Конвоиры стали пересчитывать прибывших, а двое охранников ходили с собаками-овчарками, которые хрипло гавкали и рвались, скребя когтями лап асфальтовую поверхность железнодорожной платформы.

Так как и Сергей Сенчуро и Виктор стояли в шеренге в затылок друг друга, то их после пересчета и отобрали конвоиры в один наряд. А в бараке они устроились на койках рядом.

Смотрящий записал их обоих в одну бригаду, а Сергей Сенчуро постарался чтобы они на лесоповале стали напарниками.

– Как вы Сергей Филиппович умеете легко улаживать проблемы в любой ситуации. И даже договорились, чтобы нашему звену выделили делянку поближе к лагерю, чтобы быстрее начинать заготавливать древесину, чем другие зеки.

– Поживешь с моей, Витек, и ты научишься, – ответил Сенчуро, а потом махнул рукой.

– Пойдем-ка, Витек, узнаем норму добытой древесины, чтобы получить завтрак, обед и ужин.

Смотрящий, оценивающе осмотрев пару новичков острым глазом, сморщившись буркнул недовольно:

– Свою пайку, Сенчуро, ты заработаешь легко, а вот этому живодристику мало не покажется.

Витя понурил голову, а Сергей Филиппович сказал:

– Если вы, гражданин надзиратель, уверены во мне, то и моему напарнику помогу заработать честно свой поек. Вы назовите норму, за которую мы получим этот поек.

Надзиратель ответил т Сенчуро сказал:

– Мы с напарником будем выполнять эту норму ежедневно, а если мы с ним будем выполнять ежедневно двойную норму, то вы нам увеличите вдвое норму питания.

– Несомненно, – сказал надзиратель, – мы таких людей приветствуем и делаем кое-какие поблажки в режиме дня. Но вряд ли вам удастся выполнять двойную норму.

– А если все-таки удастся? – коротко спросил Сергей Филиппович.

– Двойная норма пойка вам обеспечена, – сказал тюремщик, но в голосе его не звучали суровые жесткие нотки.

– Более того, мы передовиков поощряем. Если вам удастся перевыполнять норму на лесоповале, то я напишу ходатайство чтобы вам скосили срок пребывания в колонии вместо пяти лет до трех. Только я боюсь, что твой напарник не выдержит такой нагрузки. Ты – другое дело. Подбери другого, покрепче и будешь выполнять двойную норму.

– Нет, гражданин надзиратель, я буду работать с напарником вместе. Бросать своих друзей в трудную минуту – подло. Или как говорят бывалые зеки, а я это слышал – западло.

– Что же, как говорит наш самый главный начальник – Лаврентий Павлович Берия, – усмехнулся надзиратель. – Попытка не пытка!

На следующий день Сенчуро и Витя подошли к краю своей делянки. Сергей Филиппович сказал напарнику:

– Я буду валить сосны, а ты в это время утаптывай снег возле их корней чтобы мне было можно делать резкий удар топором. Когда я подрублю ствол сосны больше половины, мы упремся спиной в сосновый ствол и она рухнет на свободное место от сосен.

– А что мне потом делать? – спросил Витя.

– Будешь срубать сучья и отталкивать их в сторону, а я начну подрубать ствол с другой сосны.

– Ты, дядя Сережа, – перешел на «ты» к старшему товарищу Виктор, - как строгий командир: планируешь и требуешь выполнять твое требование. Ты же это качество командовать на фронте приобрел.

– Хватит балагурить, Витя, – властно сказал Сенчуро. – Служил бы ты в армии, то понимал бы простую истину. Марш утаптывать снег у второй сосны.

И как говорится, процесс пошел. Но Виктор не успевал даже срубить сучья у упавшей на землю сосны, как слышал падение другого дерева, срубленного Сенчуро.

Тогда к Вите на помощь спешил Сергей Филиппович и советовал:

– Ты, Витек, обрубай сучья-то у сосны не с конца, а с верхушки. Там сучки-то совсем тонюсенькие. Ты три-четыре раза по ним тюкаешь, а я с одного удара их срублю. Пока срубаю у сосны сучья внизу, ты лучше побыстрее утаптывай снег у другого дерева.

– Ой, дядя Сережа, – чуть не плача сказал Витя, – чтобы я без тебя делал?

– Что, что делал, – усмехнулся Сенчуро, – задрал штаны и бегал. Вот и бегай вокруг сосны и снег под ней утаптывай.

Лесоповал пошел у друзей быстрее и слаженнее. Вскоре Витя научился срубать сучки и потолще, но все равно он понимал и думал молча:

– Без дяди Сережи мне пришел бы кирдык. Я бы ни одной сосны бы не свалил. А он, богатырь и душа-то у него добрая и широкая, но на фронте

же Сергей Филиппович из рядового солдата дослужился до офицера, потому что валил врагов, немцев, как сейчас сосны.

Из задумчивости вывел Виктора голос Сергея Филипповича:

– Ты что же, Витек, на ходу спишь?

– Извини, дядя Сережа, – откликнулся встрепенувшись Витя, – задумался немного, про тебя думаю.

– А что про меня думать-то, Витек, я же рядом с тобою работаю, мог бы и спросить, чем ты недоволен.

– Ну что ты, дядя Сережа, как я могу быть недовольным? Да я бы сегодня без тебя загнулся бы, обессилив. А двойную норму-то мы с тобой точно сделали. Я уже это и сам вижу. Вот сказал «мы с тобой двойную норму выполнили», это все равно, что муха, сидящая на шее волка сказала бы ему: «мы пахали».

Сергей Филиппович засмеялся:

– А ты оказывается совестливый парень, Витек.

– Да, дядя Сережа, я уже вижу, что мы, запланированную двойную норму обоим, выполнили. И к бабке не ходи. Только ты-то честно выполнил свою двойную норму, а я-то дай Бог, одну норму с натяжкой… И, значит, тебе, дядя Сережа, пришлось выполнить не двойную, а тройную норму… я перед тобой буду в вечном долгу.

– Да я тебе уже не раз говорил, – ответил Сергей Филиппович, – бросать друзей в беде, самое паскудное дело. Но мы на двойной порции еды окрепнем да и ты подберешь силу и тоже будешь перевыполнять, если не в два раза, то хотя бы в полтора. Так глядишь, как говорил надзиратель, нас могут выпустить из ссылки через три года, а не через пять.

– Наверняка соврал наш надзиратель, – вздохнул Виктор. Но надежды юноши питают.

– Нас с тобой будет теперь, Витек, не надежды будут питать, а реальное выполнение двойной нормы каждому, – сказал Сергей Филиппович, - так и выкарабкаемся вдвоем из этой мышеловки.

– Если не будем крысятничать… – вырвалась фраза у Виктора, но он тут же осек себя и хлопнул грешного себя по лбу ладонью, - прости меня, дядя Сережа, ну и балда же я. Это тебе не в карман горожан за деньгами залазить. Привык я в Питере по карманам лазить. А тут меня за любой гнилой поступок на ножи братва посадит и скажет, что на ножички-то он сам раз пять упал.

– Хорошо, что ты, Витек, умеешь просчитывать ситуацию… Если проколешься на воровстве, то и мне тебя не удастся спасти. Зарежут, как свинью для базара, и даже глазом не моргнут.

– Да я, дядя Сережа, не хотел опарафиниться, а по привычке это слово у меня с губ-то слетело. Буду молчать. Ни словечка на эту тему ни гу-гу!

– Ладно, проехали, – махнул рукой Сенчуро. Давай подсчитаем свои трудодни и получим по две порции еды. Но держи ухо востро и не поддавайся на уговоры сыграть на вторую пойку в карты. Тут такие шухера, обязательно влезли в такую к ним кабалу, что сам окажешься разменной монетой и твоя жизнь будет висеть на волоске. Если твой «хозяин, который выиграл тебе в карты проиграет, то тебя убьют ни за что, ни про что.

– Дядя Сережа, – взмолился Виктор, – оберегите меня от лукавого.

– Ты, Витя, взрослей побыстрее и не обольщайся удачным первым днем. Питайся, благодаря мне, хорошо, набирайся силушки. Ведь ты уже не пацан, а совершеннолетний гражданин Советского Союза нашей страны. Да не лукавь, тогда и мне не придется оберегать тебя от лукавого. Но и свой талант певца развивай. Пусть у тебя пока репертуар зековский, тюремный, но с твоим голосом можно достичь выступлений и на столичной сцене. Или хотя бы у себя в Питере. Ведь тоже бывшая столица Российской Империи.

– Я клянусь, дядя Сережа, тебе что буду держаться возле тебя и не поддаваться на соблазн. Вы мне глаза открыли и оценили талант. Можете быть уверены, я свою клятву, свое слово сдержу.

– Ладно, не будем говорить о грустном, но постарайся, Витек, подобрать попозже другой, классический репертуар. Ведь мы на фронте пели хорошие, патриотические песни, а потом и революционные. Так наши солдаты быстро и легко их подхватывали. Талантливые песни были и будут всегда в цене, да и твой нынешний-то репертуар пока принимают на «Ура!», используй его для отработки голоса, задушевности.

Уважение к Сергею Филипповичу и Виктору у лагерного начальства возрастало с каждым днем. Благодаря, разумеется, выполнению двойной нормы на лесоповале и лирическими песням по вечерам в лагере.

Через три года Сергей Филиппович попросил у начальства условного освобождения, но начальство пробормотало что-то невнятное: затребуем, пошлем просьбу, напишем…

Но как говорится: «Контора пишет, бумага терпит», или «После дождичка в четверг». Но было непонятно: нужно ждать до какого четверга и какого года, а контора если что-то и писала, то терпеливая бумага никуда не отправлялась.

Друзьям ничего не оставалось, как ждать. Догонять же эти просьбы не имело смысла: ищи ветра в поле…

Домой в Сенчуро Сергей Филиппович вернулся через пять лет. Отбатрачил на лесоповале от звонка до звонка. Но когда срок закончился, Сергей Сенчуро вздохнул с облегчением и направился к своей жене Екатерине Карповне и к своим двум дочерям и восьмью сыновьям.

Глава 4. Екатерина Карповна и ее семья

Когда Сенчуро Сергей Филиппович приехал в свой дом, то Екатерина Карповна бросилась радостная и возбужденная на шею своего мужа. Расцеловав супруга она отпрыгнула от него и зарыдала навзрыд.

– Ты чего же, Катя, расплакалась? Надо радоваться и смеяться, а ты ревешь как белуга.

– Сереженька, милый ты и дорогой мой мужчина, муж, как я долго тебя ждала и страдала когда тебя арестовали. Ты тогда был бравым унте-офицером, усики по-щегольски были закруглены вверх, а теперь ты оброс густой, но уже седой бородой. Лицо же постарело не на пять лет, а как будто двадцать пять лет прошло.

– Успокойся, Катюша, и не обращай внимания на мой внешний вид, - сказал улыбаясь муж Екатерины, – я ведь не на южном курортном пляже загорал, а на дальнем севере лес рубил, да лагерной едой питался, а не сладкие фрукты за обе щеки уплетал. От того-то и щеки у меня такие впалые и морщины испещрили мой лоб. Но от этого я же не стал тебе противен?

– Сереженька, милый ты и дорогой человек. Как я могу тебя разлюбить когда наши дети нас соединяют крепко-крепко. И я тебя очень люблю и жалею. Хотя эти слова имеют один смысл. В древности славяне-мужья говорили жене: я тебя жалею, а теперь я говорю тебе – люблю. А плачу я, Сережа, что жалею, что на тебя выпало столько горя и переживаний, а ты их достойно выстрадал и выдержал. Ты всегда был настоящим мужчиной. А плачу я, Сергей, не от жалости, а от радости что ты вернулся к нам, в нашу семью. И только любовь красит любого человека, а не только красота. Я сейчас все твои морщинки зацелую.

Сергей бросился к объятия жены и они слились во единое целое. Затем пошли воспоминания. Первой заговорила Катя. Несмотря на ее депутатство, земляки и стар и млад называли жену Сергея Сенчуро только так – Катя. По-простецки, вроде бы и никогда не обучалась грамоте, не могла ни читать, ни писать, а если надо было подписать какое-то заявление или другой какой-то документ, то Сергей долго учил Катю накарябать хоть какой-то крючок – иероглиф.

Но первым воспоминанием Кати было вот такое:

– Сереженька, а ты помнишь, как рожала шестого ребенка – Нину.

– Конечно помню, – улыбнулся Сергей, – ведь схватки у тебя произошли внезапно. Наша первая девочка и самая старшая из всех десятерых детей – Мария, услышав твой жалобный стон спросила меня: «Папочка, давай я сбегаю сейчас к фельдшеру в Хоботы и приведу его к нам в дом».

– Так вот Маша побежала за фельдшером, - продолжила разговор Катерина, – а ты стал готовить чистые простыни и кипятить воду чтобы

роды прошли в нормальной обстановке.

Обратился к воспоминаниям и Сергей:

– Фельдшера Маша не привела, он куда-то в соседнюю деревню уехал, а может быть напился до чертиков и завалился спать на сеновале. А мне ведь как будто на ухо шепнул: «Принимай роды сам». Ведь мое промедленее для тебя было бы смерти подобно. Вот я и решился на такую операцию. Выгнал из нашей комнаты-спальни всех ребятишек и закрыл за ними дверь на крючок. Они пытались, правда, в щелки подглядывать, но Мария шуганула их так, что даже самые любопытные к двери ближе чем два метра не приближались.

– А мне было так больно, как никогда. Хотя, пять ребятишек: одну Марию и четырех мальчиков родила без всяких проблем. А тут такие сильные боли от схваток, хоть на стенку лезь. Но ты вытащил так аккуратно Нину наружу и удивился: «Ты посмотри, Катя, какая обезьянка. Спокойная. Глазками на меня глядит, но не плачет, а молча смотрит на мир вокруг нее.

– Да, Катя, – признался Сергей, – я не из робкого десятка, но страха я натерпелся. Боялся, не дай Бог, умрешь от такой боли, что ты криком кричала.

– Но я, Сереженька, и это испытание выдержала, – согласилась Катя. – Мы все Сенчуры сильные и выносливые. И мне тогда и пришло в голову имя. Я тебе сказала: «Сережа, ты не возражаешь, если я назову девочку Ниной». А ты засмеялся и сказал: «Волю первую твою я исполню как свою». И я тогда первый раз после ужасной боли улыбнулась.

– Катя, – сказал Сергей, – я твоей сияющей улыбки радуюсь, как ребенок. Ты такая красивая: глаза выразительные темные, а если точнее – черные. И волосы у тебя густые и черные. Кажется мне, что ты должна была монашкой стать, а оказалась такой веселой и доброжелательной.

– Зато ты, Сереженька, светловолосый, голубоглазый, с каким-то зеленоватым оттенком, - сказала Екатерина, - и мне казалось, что ты влюбишься в одну из наших сестер, а вот выбрал их всех наших семи сестер почему-то только меня. Это чудо какое-то.

– Я, Катенька, в чудеса не верю и по жизни прагматичным всегда был в любых ситуациях, – заговорил Сергей. – Тебе было всего лет пятнадцать, но ты и тогда девчонкой выглядела вполне взрослой женщиной: тонкая талия, пышная грудь, а глаза как глубокий омут, в котором русалки живут и могут утянуть в него любого впечатлительного влюбленного мальчишку, но мне уже было тогда под сорок лет и все же.

Сергей умолк на какое-то мгновение, а потом опять, с воодушевлением заговорил:

– В пятнадцать твоих лет, Катюша, я на тебя глаз положил. Да, я был старше тебя на двадцать пять лет, но уже тогда взял листочек бумаги и на-

писал: «Кате. Как только она достигнет совершеннолетия, сразу же женюсь на ней». Я положил эту записочку в свой портмоне в отдельный карманчик и она до сих пор мне душу греет, так как все документы я ношу в левом кармане военного пиджака, тюремной робы.

– Мне кажется, Сережа, что ты до нашей женитьбы не был в Сенчурах каким-то монахом. И не мало девичьих сердец потерпели, после интимной связи с тобой, крушение, - сказала тихим голосом Катя, а Сергей, пожав плечами произнес:

– Все это было давно и неправда. Ты была, Катя, всегда для меня желанной женщиной. Но я не хотел испортить тебе твою молодую жизнь и дождался твоего совершеннолетия. А ты мне подарила десятерых ребятишек. На других женщин я уже не засматривался. Хотя многие из них предлагали мне испытать с ними страсть и любовь. Хотя бы мимолетную. Но все их желания разбивались об мой твердый характер, как об скалу в море, где тонули их желания.

– Сарафанное радио, Сережа, мне рассказывало, что мне повезло, –произнесла радостным голосом Катя, – и мой супруг не вступает в дамами ни в какие интрижки. С тех пор я доверяла тебе как самой себе. И не будем вспоминать, Сережа, о прошлом. Пусть оно тонет в лету, а мы с тобой сейчас начинаем жизнь с чистого листа. Мы сегодня стали с тобою опять молодоженами.

– Да, мы стали молодоженами, – согласился Сергей, – только дети-то наши уже выросли или еще растут и растут. Только что мы про Ниночку с тобой говорили.

– Так я как увидел ее, то ахнул: как она на меня похожа и лицом и цветом белокурых волос на голове. Такие пышные кудряшки вьются. Хорошо, что она имеет светлые волосы. Под старость лет не будет видно ее седины.

– А ты знаешь, Сергей, – продолжила разговор о Нине, ее мать, – ведь у Ниночки-то не только твои волосы светлые, но у нее имеется, я уже это вижу у дочери, твой твердый, если не сказать проще, очень сильный мужской характер. Хотя сама по себе Ниночка очень трогательно относится ко мне и по-доброму ко всем нашим младшим детям.

– Извини, Катя, – сказал Сергей, – но хочу узнать у тебя, как ты в эти пять лет выжила с такой оравой сорванцов-ребятишек?

– Трудновато мне, Сереженька, было выживать, – ответила Катя, – как говорится в народном присловье: «Сладкого не досыта, горького не допьяна». Хотя я и не пью водку-то, но голова иногда как у пьяницы, как чугунный котел гудела. Но скажу одно: государство у нас с тобой все имущество забрало, но это же наше государство меня и спасло.

– Как так? – удивился Сергей Сенчуро.

– А вот так! – засмеялась Екатерина Карповна. – Когда родился седьмой ребенок уже мне выдали государственное пособие. Сумма была приличная. На еду хватало. Да и ребятишки на огороде трудились. Грибы, ягоды собирали, рыбу ловили. Так что с голода мне распухли, а дети хоть и были щуплыми, но твою силушку имели. Были худощавыми, но жилистыми и трудолюбивыми. Да еще и Мария, наша старшая дочка Машенька, мне помогала.

– Как так помогала, – удивился Сергей. – Ведь когда меня на лесоповал отправили, она еще была несовершеннолетняя.

– Мария в четырнадцать лет поступила в кулинарное училище на повара учиться, - ответила Катя. – Практику проходила на кухне в городской столовой Городка. Обычно там все объедки в одну кастрюлю сваливают и на синноферму увозили. А Машенька рассказала про наше тяжелое материальное положение и стала складывать в разные небольшие кастрюльки остатки супчика, картофельного пюре, винегрета. С разрешения, разумеется, шеф-повара столовой. А вернее поварихи, она оказалась сердобольной. Вечером Мария кастрюльки домой принесет, ребятишки с удовольствием поедят, а утром вымоет посуду и опять чистенькие кастрюльки принесет на кухню.

– Что же, Катя, – с грустью в голосе проговорил Сергей, – хлебнула ты горя, ничего не скажешь. Теперь я должен, Катюша, отбатрачить для тебя всю оставшуюся жизнь. Господь мне и помогла и наказывал, но не дал разметать по белу свету нашу с тобой семью. Значит будем жить, поживать и добра наживать. Я все силы приложу чтобы все было так, как мы с тобой мечтали, Катя. Но расскажи мне о наших старшеньких ребятах, как сложилась их судьба пока я лесорубил?

– Про Машу я тебе уже рассказала, – начала говорить Катя, – а Арсентий, малыши называли его покороче, длинное имя превратили в короткое – Арсен, пошел и поступил в Витебское железнодорожное училище. Захотел стать машинистом паровоза. Не стало лишнего рта, зато Сене выдали железнодорожную форму, ремень, фуражку и ботинки, новенькую форму, все как с иголочки. Зато там он был сыт. Обедал, завтракал и ужинал в столовой училища. И грыз гранит науки: изучал паровоз от винтика до огромных колес локомотива, этой махины, которые и придают скорость всему составу.

– А куда его направили работать? – спросил Сергей, а Катя сразу же пояснила:

– Его направили на север, куда-то около финской границы. Арсений-то родился у нас в 1921 году в феврале. Но сначала его назначили в резерв, послав с группой железнодорожников покрыть жестяной кровлей паровозное депо. Кровля по депо прохудилась, стала ветхой и жестяные

листы сняла другая бригада железнодорожников. А нашему Арсену пришлось с его товарищами, которые были в основном местные и русские, покрывать крышу жестяными листами.

Мне Армений в это время написал письмо:

– И о чем интересно написал Арсений? – спросил Сергей, а Катя ответила:

– Он стал поднимать листы жести и по-белорусски сказал: «Дима, подай мне бляху», ты же знаешь, что это слово на русском звучит как «лист». Но его товарищ не понял и возмутился: «Арсений, какую бляху-муху подать тебе, я не вижу вокруг себя ни одной бляхи». Тут Сеня и понял свою ошибку и поправился: «Димка, ты извини, я по-белорусски сказал». А «бляха» по-русски звучит как кровельный лист.

– Попал в просек наш Арсений, - улыбнулся Сергей Сенчуро. – А я тебя не хотел сначала пугать, когда вернулся домой. Но ведь и со мной произошел перед освобождением один казус.

– Какой еще казус? – удивилась Катя и Сергей стал рассказывать:

– Перед самым освобождением я заболел, меня трясло как в лихорадке. Я остался в бараке, а мой друг и товарищ Виктор ушел вместе с другими зеками на лесоповал. Пришел медбрат, фельдшер и, осмотрев меня, сказал начальству: «Его трясет как лихорадка, скорее всего у него или холера или тиф. Начальник отпрыгнул от фельдшера как от прокажённого и приказал: «Надень на рот и нос марлевую повязку и отведи его подальше от барака и зарой его в снежный сугроб.

– И лекарь, который принимал клятву Гиппократа, которая звучит: «Не навреди больному», закопал тебя в сугроб? – с ужасом спросила мужа Катя.

– Да, он закопал меня в сугроб, – грустно вздохнул Сергей Сенчуро. – Но я, собрав последние силы, выполз из сугроба. А местная старушка, которая жила рядом с лагерем в маленькой лачужке, увидев меня, привела в свою избушку на курьих ножках, напоила меня горячим чаем и уложила меня спать в темной коморке. Я заснул после жуткого холода мертвым сном, а потому и остался живым. Через пару дней лихорадка утихла, а эти дни бабушка меня кормила, поила и давала мне пить какой-то травяной настой. Видимо она была какой-то знахаркой и потому очень быстро и потому очень быстро поставила меня на ноги.

– А как же ты вернулся в барак? – спросила мужа Катя, а он пошутил:

– Ножками, Катюша, ножками. Когда я вошел в барак, то все рты открыли и молча смотрели на меня как с картины художника Иванова «Явление Христа народу». И я не шучу. Ведь для моих лагерных товарищей я вернулся с того света. Но ты мне расскажи, пожалуйста, Катя, как служится на севере нашему Арсену?

– Хоть служит Сеня и на севере, – ответила Катя, но не мерзнет там, как пришлось мерзнуть тебе. Ведь в кабине машиниста паровоза, где в топке пылает уголь, не замерзнешь. Но опасность пришла к Арсению совершенно с другой стороны.

Откуда? – спросил Сергей, а Катя ответила:

– Началась в 38 году Советско-Финская война.

– Так я об этом читал в газете, – согласился муж Кати, – да и Александр Трифонович Твардовский об этом написал: «Теркин, кто же он такой? Скажем про героя: На Карельском воевал – за рекой Сестрою». Так вот река Сестра была границей с 1918 года на железнодорожной станции Белоостров, где протекала Сестра и впадала в Финский залив. Как раз в 1918 году Владимир Ильич Ленин и предоставил Финляндии самоопределение на государственный суверенитет. А Маршал Маннергейм стал руководителем Финляндии и начал на границе Советского Союза, в 40 километрах от Ленинграда, строить железобетонные укрепления. Вот в какую ситуацию вляпался наш Арсений.

– Это не совсем так, Сережа, – сказала Катя. Он мне присылал письма из которых я узнала, что ему не приходится подвозить к передовой линии пушки танка снаряды, патроны и гранаты. Наоборот он от линии фронта отвозит в вагонах в Ленинград раненых солдат и офицеров, а уже потом подвозит к фронту новое пополнение для красноармейцев. Но опасность всегда подстерегает его на передовой линии.

– Арсений осторожный парень и любит дисциплину, поэтому на рожон не полезет, а будет выполнять точь-в-точь указания своего руководства, – сказал Сергей, а Катя добавила:

– Я на его осторожность только и уповаю. Жалко, что после Арсения, родившийся мальчик, которого ты назвал Леней, умер через год от скарлатины. Зато наш сын Алексей, он родился в 1924 году и был младше Арсения на три года, после семи классов решил поступать в ФЗО (фабрично-заводское образование).

– Может там и образуется, – сказал Сергей, – но пусть сначала окончит семилетку, но в Ленинград он рвется.

Время пролетело быстро и Алексей закончил седьмой класс в субботу 21 июня 1941 года. На понедельник 23 июня Леша и его несколько одноклассников, которые решили поехать в Питер и учиться строить автомобильные дороги, свое окончание школы в городском парке Витебска.

И вдруг… «22 июня ровно в 4 часа: Киев бомбили, нам объявили, что началася война». В Городке вся семья Сенчуро подошла к столбу, где был закреплен огромный черный репродуктор из которого до собравшихся около его Городокских жителей доносился голос Вячеслава Михайловича Молотова. И главное зловещее слово шокировало всех. «Война, началась война».

Глава 5. Ах, война, что ты подлая сделала, стали тихими наши дворы. Наши мальчики головы подняли и ушли воевать до поры

Второе зловещее предзнаменование за день до объявления Молотовым войны, умер от лихорадки сын Сергей и Кати Трифон. Ему исполнилось всего четыре годика и он был крепышом, светловолосым и голубоглазым. Сергей Филиппович и Катя души не чаяли в мальчике, а он в бреду, не приходя в сознание умер.

Но на кладбище никто из соседей не пошли. Катя и Сережа похоронили Трифона в одиночестве и в тревоге. Что-то еще будет.

А Алексей, как и было запланировано, одноклассники белорусы пришли к автомобилю, который отправлялся в Ленинград, все Еврейские одноклассники вместе с родителями и родственниками собрали кое-какие пожитки, запрягли лошадей в повозки, сложили туда свой снаряда и направились на север, в прибалтийские республики. И правильно сделали. Немецкие танки и десант застряли у Брестской крепости, но основная армада гитлеровских войск уже через пару дней ворвались в Витебск. Зато Алексей Сенчуро, как было и запланировано, отправился в кузове, где были установлены лавки для сидения выпускников, отправился в Питер. Операция «Блицкриг», что переводе на русский язык, а в Беларуси тогда в основном говорили на русском языке, хотя и преподавали ребятам и белорусский язык, означало «Молниеносная война» началась.

Более того, через две недели немецкие войска уже стояли у стен Ленинграда, но прорываться в город с танками фашисты не стали. В городских условиях Гитлеровцы бы понесли огромные потери.

Гитлер намеревался по начертанному плану «Блицкриг» з хватить столицу нашей Родины – Москву. Если произойдет, то победа над Советским Союзом, считал агрессор, будет у него в кармане.

Но не тут-то было. И Москва и Ленинград заняли глухую оборону. На южном фронте нашей страны ситуация была более тяжелой. Столицу Украины – Киев пришлось сдать фашистам, после тяжелых кровопролитных боев.

В Ленинграде Алексею Сенчуро с его сотоварищами по ФЗО, где они должны были теоретически изучать как строить дороги, улицы, подъездные пути с асфальтовым покрытием, пришлось сразу же жилые кварталы начинать с практической работы.

Ленинград бомбили самолетами, артиллерийские снаряды разрушали здания, даже на Невском проспекте, где и теперь висит табличка на стене дома Невского проспекта с надписью: «Эта сторона особо опасна при артобстреле».

А Леша Сенчуро со своими товарищами по училищу засыпали песком воронки от рядов, а сверху настилали плоскими камнями, булыжниками. Чтобы автомобили не смогли забуксовать в песке.

Ребята, да и Алексей, уставали так, что им казалось, что их руки удлинились как у обезьян. Но если не засыпать песок в ямы и не настилать по песку каменное покрытие, то автомашины забуксуют в песке и в движении транспорта образуется пробка. А скопление автомашин лакомый кусочек для стервятников фашистских самолетов. Фашистские летчики раздербенят эту «пробку» на мелкие части.

Вот ребята и старались побыстрее уложить бумажное покрытие на песок ямы. Такие же налеты были и на Москву.

Немецкие генералы с биноклем высматривали, желая увидеть Спасскую башню Кремля над которой сияла Красная Звезда. В светлую погоду некоторым наблюдателям удавалось увидеть Рубиновые Звезды Кремля. Но прорваться немецким ассам сквозь плотную очень советскую артиллерию не удавалось.

И в это время, когда столица нашей Родины, Москва, должна была быть взятой немецкими оккупантами, Сталин нанес сокрушительный психологический удар. 7 ноября 1941 года в день рождения Советского государства Иосиф Виссарионович Сталин на Красной площади провел…торжественный парад!

Хорошо, что в этот день падал снег и с воздуха бомбить Кремль не удалось. Солдаты и офицеры в зимних полушубках с автоматами на груди прошагали по брусчатке Красной Площади и, проходя мимо Мавзолея Ленина, где стоял вождь – Сталин, громко приветствовали его. «Ура» раскатисто звучало пока последняя шеренга Красноармейцев не скрылась за пеленой снегопада.

Не в этот ли момент многие граждане нашей страны поняли: «Враг будет разбит и мы победим!» Так это и произошло…но через четыре года.

А Алексей Сенчуро в это время, усталый и голодный, не пошел вместе со своими друзьями в общежитие ФЗО, а решил посидеть немного на тротуаре и набраться сил. Слишком напряженная работы была проделана чтобы затор автомашин рассосался.

Немного отдохнув, Леша побрел в свое общежитие. Впереди шел высокий мужчина, а на обочине перед ним лежал упавший на землю пожилой человек.

У Алексея всегда был острый слух и он услышал, как лежащий старик на обочине умоляет подошедшего высокого и, как казалось Леше, крепкого мужчину:

– Помогите, пожалуйста, молодой человек, мне встать на ноги. Сам я так ослаб, что и подняться с земли не могу.

Высокий мужчина попытался поднять старичка, высохшего и тщедушного, но только оторвал его плечи от земли, как снопом рухнул вместе со стариком на землю, придавив его своим телом.

– Вот тебе и высокий, крепкий мужчина, – подумал Алексей, – и прошел мимо ослабевших от голода мужчин. Совесть подсказывала, что надо попытаться помочь им, но он был по росту ниже этих двух доходяг и упасть на них третьим не решился.

Но успокоится, после этой драматической свалки, ему все же не удалось. И не только из-за совести. Впереди он увидел умершего человека, ноги которого были отрублены по щиколотку.

– Наверное с голодовки и от отчаяния кто-то пошел на людоедство, – промелькнула тяжелая мысль у Лешы.

Но хорошо, что он увидел на другой стороне улицы городскую женщину. Да, он увидел именно городскую женщину. Ему бросилось в глаза, что на ней элегантное пальто, модная шляпка на голове, хотя возраст у нее приличный: лет семьдесят, но не сгорбилась, а так и осталась со стройной фигурой и легкой походкой.

А когда Алексей взглянул ей в лицо, то удивлению не было предела:

– Тетенька, а вы случайно, не тетя Лиза Анищенко из Заболонья. Ведь эта деревня не далеко от моей Сенчуры.

– А ты кто такой? Я тебя что-то не узнаю, – удивилась Елизавета, а Алексей заулыбался и сказал:

– Я тогда был маленький, вот вы меня и не узнали. А я-то хорошо запомнил вас. Вы привозили из Ленинграда печенье, пряники и всегда угощали наших ребятишек.

– Так вы, выходит, сын Кати Сенчуро? – приподняв брови, удивленно спросила Елизавета.

Алексей кивнул головой и Лиза Анищенко еще раз посмотрев на него, сказала:

– Давай же, Лешенька, зайдем ко мне. Я тут уже рядом с домом. Мой сын – офицер и всегда делится со мной своим армейским пайком. Так я тебя чем-нибудь у себя дома и угощу. Ты, наверняка, голоден?

– Да так, что скулы от голода сводит и боюсь, что свой язык проглочу, - признался Алексей, а она ответила:

– Ты свой язык, Леша, не торопись глотать-то, зайдем ко мне на квартиру и я тебя накормлю. У меня в кухонном шкафу пшенка с манкой завалялась, так и их сварю мигом и ты покушаешь эту кашку. Глядишь и сил прибавится.

Каша сварилась быстро. Он жадно набросился на похлебку, но встретив укоризненный взгляд Лизы, перестал стак быстро черпать кашу ложкой.

– Конечно же, – думал он, – Елизавета Анищенко всегда мне казалась аристократкой. А я как лапотный мужик не понимаю дворянского этикета и швыркая ложку за ложкой предоставленное мне угощение.

Лиза не знала о чем думал Алексей, но одобрительно посмотрела на него, когда он снизил темп приема пищи.

Алексей встал со стула и поблагодарил землячку:

– Тетя Лиза, огромное спасибо за сытный обед. Теперь запаса прочности мне на три дня хватит. Так было вкусно, сытно, аппетитно, что казалось я обедаю в ресторане.

– А ты уже успел побывать в Ленинграде в ресторанах? – удивилась Елизавета, но удовлетворилась ответом Леши:

– Нет, тетя Лиза, я ни разу не был в ресторане. Куда же нам дуракам – чай пить! Я питаюсь в нашей столовке, а теперь и в ней-то перестали кашу варить. Получаем 200 граммов хлеба и все. До свидания, тетя Лиза! Век вашу доброту не забуду.

Алексей пошел по улице и тихонько добрел до своего общежития.

Его товарищи сидели или лежали на кроватях, какие-то умиротворенные, радостные:

– Эх, Леша, – воскликнул друг Сенчуро Петр. – Ты знаешь, как нам сегодня повезло?

– Не знаю, – добродушно хмыкнул Алексей, – но подозреваю, что где-то подхарчились, Петруха.

– Ты угадал, Алеша, мы тут с ребятами на свалке порылись и отыскали обрезки свиной кожи. Видимо с фабрики, где кожаные диваны изготавливают, выбросили эти куски отходов. Так вот мы тоненькие полоски, как лапшу сделали. И каждый из нас в своем котелочке еще раз прокипятили, посолили и слопали. Вот лежим сейчас на кроватях и блаженствуем.

– Что же, – сказал Алексей, – после вкусного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать.

– Ты как всегда, Алеша, – ответил такой же шуткой Петя, – прав! Да, да, прав, как граф, но граф жулик!

Потом Петр спросил Лешу:

– Алексей, а ты не обижаешься, что мы тебе ни кусочка этой «лапши» не оставили? Такой сильный аппетит у нас разыгрался, что из головы вылетело напрочь, ведь ты сегодня ничего не поел.

– А вот тут-то, Петруха, ты глубоко ошибаешься. Меня тоже доброжелательная знакомая, тетя Лиза, сегодня покормила кашкой. Поэтому не переживайте за меня, я сыт.

– Как хорошо, что и ты не на голодный поспишь сегодня, а завтра мы все вместе пороемся на свалке и опять будем сыты.

Леша лег на свою койку, укрылся одеялом и как будто в бездну каку-

ю-то провалился. Спал долго и без всяких снов. А раньше за ночь несколько раз просыпался от голодных судорог и резей в животе.

Проснувшись, Алексей откинул с лица одеяло и…почувствовал что-то неладное! В комнате общежития повисла тишина, мертвая тишина. Ни один из его товарищей не шелохнулся, хотя после крепкого сна Алексей громко крикнул:

– Ребята, хватит дрыхнуть-то без задних ног.

Тогда Леша всполошился, соскочил с койки на пол, подбежал к Петьке и крикнул:

– Петя не притворяйся, что не слышишь меня, просыпайся, не пугай меня и быстрее вставай.

Ни один мускул на лице друга Леши не дрогнул от отчаянного крика, а Алексей подбежал ко второму товарищу, к третьему…тишина…

У Сенчуро навернулись слезы и захолодело на сердце, а мысль свербела в виске:

– Похоже умерили, почему? – тыльной стороной ладошки он прикоснулся ко лбу Петьки, - холодный лоб.

Из-за отчаяния и беды Алеша громко завопил и бросился искать коменданта общежития. Тот вызвал фельдшера или санитара, а медбрат поставил точный диагноз:

– Ну что воздух-то сотрясаешь, дружок? Померли они все, а от чего не могу понять. Придется их хоронить. Ты дружок, как тебя, Леша? Хорошо собери-ка их документы в одну пачку и передай мне. Я передам их куда надо.

Алексей машинально выполнил указание санитара, сел на койку в опустевшем помещении и зарыдал как маленький ребенок. Успокоившись, через час, Алеша задумался:

– Один-то я не смогу засыпать песком ямы и укладывать плоские камни вровень с основной дорогой. Придется мне идти основной дорогой. Придется мне идти в военкомат и просится мобилизовать меня и направить в действующую армию.

В дверях военкомата дежурный офицер попросил его:

– Предъявите документы и к кому пришли?

– К военкому, – сказал Алеша. – Хочу, чтобы меня направили в армию.

Ответ удовлетворил офицера и он, взглянув на фотографию в паспорте, сказал:

– В первый кабинет, а там военком решит, что с тобой делать! Ведь ты еще не совершеннолетний.

Эта реплики офицера смутила Алешу и он, понурив голову, постучал в дверь, зашел в кабинет военкома. Он посмотрел паспорт и спросил:

– Вам же, молодой человек, до призыва в армию возраста не хватает…

Алексей подумал, что ему откажут в мобилизации и резко сказал:

– Для укладки в воронки от бомб нашей бригаде хватало укладывать песок и булыжники. Но вчера мои друзья из ФЗО умерли от голода. Если вы меня не возьмете в армию, где хоть еду дают, то я завтра или после завтра сдохну от голода.

Военком воспринял агрессивность Алеши спокойно и сказал ему: тихо и как-то по-отечески:

– Я вижу, парень, что у тебя нервы на пределе, но никогда не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Я постараюсь тебе помочь.

После этих слов Леша приободрился и услышал, как военком, позвонив по телефону сказал:

– Старший лейтенант Серов, зайдите ко мне. У меня в кабинете сидит парень, который рвется в бой, хотя до совершеннолетия ему немножко не хватает возраста, но для твоей разведки он подойдет. Ты же не направишь его сразу в бой, а у разведчиков он научится дисциплине и выдержке.

Так началась служба в разведке для Алексея Сенчуро. Но сразу же в поиск с опытными поисковиками-разведчиками старлей Серов не отправил Лешу, а сказал:

– У меня есть два новобранца, ты будешь третьим необученным разведчиком в группе лейтенанта Деева, он на животе по сугробам около окоп фашистов столько пополз, что мозоли на животе и коленях появились. Так что он сначала научит вас ползать на нашем полигоне, а стрелять в тире пока по мишеням будете. Хотя разведчикам брать «языка» приходится тихонечко, без пыли и шума. Да через ничейную полосу тащить пленного фрица силенки нужно ой-ёй-ёй какой. Так что сначала нужна хорошая подготовка.

– Я буду все выполнять, что прикажите, товарищ лейтенант Деев, – сказал воодушевленный Леша. – Но литеха его пафос не воспринял и произнес:

– Попробуй только не выполнить. Получишь три наряда вне очереди и будешь старшине картошку чистить. А знаешь некая какая поговорка у нашего старшины?

– От куда же мне знать, – пожал плечами Леша, – товарищ лейтенант, про поговорки вашего старшины, когда я и его в глаза-то не видел.

– Что ж, – улыбнулся литеха, – скоро увидишь, но поговорка или девиз у старшины такой: «Чтоб служба медом не казалась – нарочно усложняй ее!»

– Буду стараться, товарищ лейтенант Деев! – вытянувшись в струнку, рявкнул браво Алексей Сенчуро. – Я буду выполнять не только ваши указа-

ния, а также и нашего сурового старшины.

– Вот и добренько, – сказал тихо и спокойно Деев. Кажется пурга начинается, так что ты Сенчуро и еще два новобранца: Сидоров и Козлов, поползем в маскхалатах вот туда, где ветер сугробы надувает.

Три новобранца одели маскхалаты, а Деев заставил их прыгать.

– А это-то зачем? – удивился Сидоров, а лейтенант тут же резко оборвал новобранца:

– Молчать, разговорчики в строю отставить и выполнять беспрекословно мою команду и крикнул «Раз!», потом «Два!».

На слове «Два» Деев сжалился и скомандовал:

– Отставить! Все в порядке, никто не бренчит, не звякает. В разведке всегда нужна тишина и порядок. А теперь, ребята, тихим сапом поползем вдоль колхозного поля.

Ползли новички старательно, но Деев следил за каждым движением их и шепотом комментировал: «Сидоров, не сопи», «Козлов, не подымай так высоко свою голову», «Сенчуро, ползи побыстрее, а то отстанешь от своих товарищей».

Когда Деев скомандовал:

– Отставить ползать! Отдохните немного, минут пять. Но не вставать, а я ноги свои немного разомну, да в сторонке справлю малую нужду!

Ребята перевели дух и, как только Деева зашел за сугроб, Сидоров сказал Козлову и Сенчуро:

– Ребята, поглядите-ка вон туда.

Они глянули в ту сторону, куда показывал варежкой Сидоров, и Козлов тихо выдавил из себя с радостью:

– Кочаны, капуста на поле. Видно не успели колхозники срезать, как наступила зима.

Алешка от удовольствия хлопнул по спине Козлова и сказал:

– Не зря говорят, только пусти козла в огород, так без капусты в миг останешься.

Сидоров же шикнул на них:

– Ребята, не борзейте, я буду на стреме поджидать лейтенанта, а вы пока он за сугробом же не видит, сползайте-ка за кочанами капусты в поле. Тут до кочанов рукой подать. Если появится Деев скажу, что вы тренируетесь ползать по снегу.

Леша и Вася поползли к кочанам капусты и Алексей шепнул:

– Вася, ты откручивай кочан от кочерыжки вот этот, а я который покрупнее тоже голову-то ему отверну.

И на самом деле, где только силы только у ребят появились. Они с хрустом в корешке свернули четыре кочана и, поднявшись на ноги, не пригибаясь, без всякой маскировки, взяв подмышки по два кочана капусты,

зашагали к сугробу где стоял, а вернее, лежал на стреме Сидоров. Появился из-за сугроба и лейтенант Деев, и сказал:

– А вы, хлопцы, не промах, пока я отлучился успели по кочану капусты добыть. Хорошо, что фашисты не видят нас, да и пурга нам помогает маскироваться, но добычу грех оставлять врагам. Пойдем-ка мы, ребята, в блиндаж и там капусткой и полакомимся. В капусте-то знаете сколько витаминов, что быстро из доходяг, вернетесь и превратитесь в бравых солдат.

Когда Дееву вручил торжественно кочан капусты Козлов, то лейтенант воскликнул:

– Око, а кочан-то тяжеленький! Придем в землянку и отшинкуем только один кочан, а то с голодухи можно и заворот кишек получить. А так будем витаминами питаться постепенно. А если поступить по хозяйски, то лучше отдать остальные три кочана старшине-повару. Он такой роскошный борщ сварит, что у нас от удовольствия за ушами пищать будет.

На том и порешали.

Но разведчиков Деев обучал не только ползать по снегу незаметно, а и заставлял изучать очень серьезно немецкий язык, даже пытались говорить, а понимать быструю речь немцев было для ребят трудновато.

Зато Деева говорил по-немецки великолепно. Да и учительствовать лейтенант умел. Алеша Сенчуро вскоре стал бойко произносить длинные фразу по-немецки. За ним подтянулся и Вася Козлов, а вот Сидорову немецкий давался плохо. Зато Дмитрий Сидоров хорошо изучил боевые приемы и мог скрутить мигом даже крупного верзилу Ваську Козлова. А тот ворчал:

– Ты мне руки выкручиваешь, что мне потом не шелохнуться, тебе веревки вить, а ты нам не, как на куле свои приемы отрабатываешь.

– Так, Вася, ты же самый крепкий и высокий парень среди нас. Поэтому когда мне придется брать живьем «языка», а немецкие солдаты рослые, крупные, откормленные, как бугаи. Вот я и выбрал для тренировки тебя, - оправдался Дима и добавил:

– Хочешь, Василий, я и тебя научу этим приемчикам.

– Нет, нет, пока я буду изучать боевые приемы, - стал отнекиваться Козлов, - ты меня так измотаешь, что я всю свою силушку растеряю. А тащить «языка» по снегу поручил Деев мне. Так что: «Богу - богову, а кесарю – кесарево» - говорили древние римляне.

– Откуда ты эти поговорки знаешь, Вася? – спросил Алексей Сенчуро.

– Откуда? Да от верблюда, – засмеялся Козлов. – я же питерский, учился в Ленинградской школе, где были замечательные педагоги. А ты, Леша, жил в Беларуси в Сенчуры, а потом в провинциальном городке с очень редким названием – Городок.

– Ты, Вася, очень-то не гордись, – ответил Леша. Я ведь скоро так

научусь по-немецки разговаривать, что Деев удивится и брать меня чтобы услышать о чем говорят немецкие солдаты на передовой линии.

– Подумаешь, будешь хорошо понимать о чем говорят немцы, – хмыкнул Козлов, – немцы ведут обычные, бытовые разговоры, а нам нужно добывать секретные данные.

А в это время появился Деев и сказал:

– Вы молодцы, ребята, что вникаете в суть нашей разведки. Только Алексей Сенчуро правильно говорит. Даже в обычном бытовом разговоре, когда откровенничают немцы, можно понять чего они опасаются, чем недовольны. Ведь на этой линии фронта они застряли и не могут передвигаться вперед к Ленинграду. Я слышал, что «наши» немцы рассуждают об обороне Москвы. На нашем-то крае фронта понятно, что Ленинград штурмом брать не будут, а вот почему буксуют и застыли на подступах к Москве фашисты-немцы и сами не понимают, но беспокоются, что блиц-крига не получилось.

– А я слышал, товарищ лейтенант, – отозвался обрадованный Алексей Сенчуро, – в разговорах немцев под Москвой, проскальзывает у фрицев упадническое настроение.

– Это ты слышал, Сенчуро, – усмехнулся Деев, – от агенства «ОБС»?

Леша замялся и виновато спросил литеху:

– А мне про это название агентства «ОБС» ничего не известно, а что оно обозначает?

– Название это расшифровывается так: «Одна баба сказала», – ответил Деев, а Алексей встрепенулся и сказал:

– У нас, в родительском доме в Городке, Витебской области, бабушки-старушки всем соседям косточки перемывают.

Они откуда-то узнают все новости, сидя на лавочке, и всю подноготную об отношениях деревенских и городских женщин и мужчин. Так что, товарищ лейтенант, агентство «ОБС» очень достоверные сведения озвучивает.

– В твоем ответе, Алексей Сенчуро, – сказал Деев, есть доля истины. Поэтому нам нужно не только брать важного «языка» в плен, а еще и внимательно слушать и запоминать о чем говорят немцы в своих окопах.

– Есть, товарищ лейтенант, внимательно слушать разговоры немецких солдат, – отрапортовал Сенчуро, – и вникать в детали разговора, особенно если они говорят по Москву и про настроение о Москвоских окопников.

Через три-четыре дня прослушки, настроение у Деева достигло пика.

Он улыбался, стал разговаривать не наземными фразами, а в голове у лейтенанта прорезывались доброжелательные нотки. На пятый день разведки Деев собрал ребят в землянке и сказал:

– Ребята, не зря мы проползали с вами километры вдоль окопов фа-

шистов. Услышали много интересного об панических настроениях фрицев. Особенно в этот сегодняшний день. Командование фронтом за наши разведывания объявило мне и вам благодарность. И особенно за показания «языка». Именно он знал о упаднических настроений своих товарищей под Москвой.

А в штабе я услышал сообщение Совинформбюро. Под Москвой наши войска пошли в наступление и отбросили фашистов на 20 километров назад. Это огромный наш прорыв и первый разгром немецких войск под Москвой.

– Ура! - крикнули трое разведчиков. – Ура!

Деев жестом руки остановил их радостный прорыв и сказал:

– Ребята, всем вам объявлена не только благодарность. Алексей Сергеевич Сенчуро представлен к боевой награде «За отвагу».

– А вас-то, товарищ лейтенант, начальство не вписало в список награжденных? – спросил Деева Вася Козлов.

– На такой вопрос, дорогие мои разведчики, – сказал Деев, – я пока только скромно улыбаюсь. Не говори «гоп» пока не перепрыгнешь препятствия. Но в штабе сообщили, что наши поиски помогли в генштабе понять в каком месте нужно сконцентрировать и нанести сокрушительный удар под Москвой, хотя и наша информация очень помогла стратегом.

Друзья Леши Сидоров и Козлов поздравили его и хлопая по спине, острили:

– Везет же дуракам и пьяницам!

Алексей в карман за словом не лез, а отвечал экспромтом:

– Придется вам, други мои, обоим отдать каждому из вас мне свои наркомовские 100 г водки перед боем или разведкой, раз вы считаете меня пьяницей. А дуракам, ка говорится в народной поговорке, закон не писан, а если писан, то не читан. Не понять закон никак. А что поделаешь – дурак!

Вася Козлов сказал:

– Лешка, ты не обижайся на нас, это мы просто валяли дурака, но если ты так отбрил нас – забирай мою порцию – сто грамм. Для меня эти сто грамм, как слону дробинка.

Сидоров также засмеялся и сказал:

– Я тое отдаю свои наркомовские сто грамм. Ты сегодня именинник и на коне.

– Ну что вы, ребята, – смутился Алексей, - я просто пошутил.

– Нет, нет, Леша, ты пошутил, а мы принимаем эту шутку всерьез. Ведь сказка, или шутка, ложь, да в ней намек добрым молодцам урок, – произнес Козлов. – Велика беда – начало. Скоро и у нас на груди засияют медали. Мы тоже не лыком шиты. А если и не получим награды, то плакать не будем. Ведь мы не за награды воюем, а защищаем свою Родину. Люби-

мую Родину.

Вскоре и Алексею Сенчуро и его боевым друзьям пришлось испытать радость наступления. А судьба распорядилась так, что войсковая часть, в которой служил Алексей и его товарищи вошли в Городок, когда Алексей был в войсковой части под Ленинградом и услышал по радио, что Городок освобожден. Но под Витебском у немцев сильный укрепрайон и они яростно защищают свои позиции, то он написал письмо в исполком Городка.

Алексей в своем запросе хотел узнать, где находится его семья и кто выжил из них. Городокские власти ответили четко и ясно. Уведомляем вас, что на улице Красноармейская в доме 96 проживают ваши родственники: отец Сергей Филиппович Сенчуро, его жена, ваша мать Екатерина Карповна, их сыновья Павел, Александр, Валентин, а также дочь Мария.

Для Леши этот радостный ответ был благой вестью:

– Живы, живы и здоровы, – восхищался Леша, – но Арсений самый старший сын не упомянут. Значит где-нибудь в прифронтовой полосе водит свои поезда.

А вот для семьи встреча с сыном была неожиданной. Он постучал в дверь и Сергей Филиппович увидел своего сына с двумя его однополчанами: Василием Козловым и Сидоровым.

Отец обнял сына, а Екатерина Карповна пригласила Сидорова и Козлова сесть на лавку:

– Присаживайтесь, гости, хоть и нежданные, но такие дорогие! Сейчас я чаек вскипячу!

На что она услышала ответ сына:

– Мамочка, мы с товарищами еле уговорили нашего командира – старшего лейтенанта Деева, отпустить поздороваться с родней и, одна нога здесь, а другая там, в нашем батальоне.

Затем он, увидев сестру Нину, тоже обнял, а потом отпрянув от нее, произнес:

– Какая же ты, Ниночка, красавица, не одному парню голову вскружила. Ты посмотри на моего друга Васю Козлова, он уже тебя глазками своими с ног до головы обсмотрел. Чувствую влюбился, не хочешь выйти за него замуж?

– Не слушай девушку, Алешка, замуж выйдет и Нина когда война окончится. Будь она проклята! Не Нина конечно, а война, - сказала мать.

– Ладно, сестренка, извини меня за глупость. Это я от радости, что вы все выжили. Я только Марию, Марусеньку не вижу. Где она?

– Моя старшая дочь, Мария, вышла замуж и живет у свекра и свекровки, а мужа ее, ты, Леша, знаешь. Шурик Комлев, баянист, плясун, а сейчас на фронте, как и вы воюет.

– Ладно, мамочка, – вскрикнул Алексей, – надо бежать в батальон.

Деев разгильдяйства не любит. Я был рад хоть одним глазком вас увидеть.

– Но ты же, Леша, уже до звания старшины дослужился, – сказал Сергей Филиппович, взглянув на т-образные лычки на погонах сына. Так гляди и до генерала дослужишься.

– Это уж как карта ляжет, – ответил Алексей и бросился целовать Павлика, Шурика и Валетина.

Леша позже узнает, что маленький осколок от взрыва снаряда лишит Шурика жизни. Погибнет мальчик в четыре года.

Глава 6. Судьба Марии

Мария – старшая дочь семьи Сенчуро, еще до войны научилась хорошо готовить пищу. Ее имя – Мария, в семье не прижилось, и в семье из десятерых детей, в которой были две девочки: Маша и шестая Нина, все называли, в том числе и отец с матерью – Марусенькой. Очень нежно и трогательно.

Поэтому Марусе не пришлось выбирать профессию, она окончила кулинарное училище и устроилась в аэропорту, для военных самолетов «У-2», поваром.

Летчики не четырехкрылых машинах совершали полеты на самолете У-2, но как говорится: «Война войной, а обед по распорядку». В столовую летуны заходили с удовольствием. Во-первых, полюбоваться красотой Марису, а во-вторых, отведать ее вкусных аппетитных блюд.

Многие летчики тайно вздыхали, увидев красивую девушку, но как писал Пушкин: «Она в другого влюблена и будет век ему верна».

А влюбилась Маруся неожиданно, внезапно и навсегда. На танцплощадку ходили и летчики и местные парни, а девушки так же с удовольствием приходили потанцевать в парке. Где как не танцплощадке можно быстро отыскать будущего жениха?

Однажды Маруся ушла вечером из дома семьи Сенчуро по Красноармейской улице дом 96 на танцы и…пропала. Но не бравые парни, летчики вскружили Марусе голову, а местный парень Александр Комлев. И не на танцплощадке.

Когда Маруся вышла из кухни столовой для пилотов, ей на пути к дому встретился парень с баяном, висящем на ремне, на плече музыканта. Паренек приостановился и представился Марии:

– Меня зовут Александр, Саша Комлев, а тебя?

– А меня Марусей называют, – улыбнулась Нина. – А баян для форса носишь?

– Почему же для форса. Играю на вечеринках. Но для тебя сыграю и для одной, да и песню спою тебе:

– Сыграй и спой, коль не шутишь! – попросила Маруся, а Саша Комлев накинул ремни баяна на плечи, пробежался пальцами по клавиатуре и после проигрыша отыскал нужную ему мелодию и запел:

«Тихо замерло все на рассвете,
Дверь не скрипнет, но вспыхнет огонь,
Только слышно на улице где-то,
Одинокая бродит гармонь.
То пройдет на поле за ворота,
То вернется обратно опять,
Видно, ищет в потемках кого-то,
А не может никак отыскать…»

Тут Саша резко оборвал мелодию и, волнуясь и заикаясь, произнес:

– Маруся, вот и я как этот гармонист, хожу вокруг тебя и около, но думаю, что отыскал свою суженную-ряженную. И все же боюсь, что ты рассердишься от такого моего нахрапистого налета и дашь от ворот поворот. Ведь я в тебя влюбился всерьез и надолго. Что ты мне ответишь, Маша?

– Надо хорошенько подумать – но так с налета, наскока принять решение боюсь.

– А ты, Марусенька, не бойся, – ответил Александр Комлев. – я хочу познакомить тебя с моими родителями и при них попрошу у тебя руку и сердце!

– Так, Саша, сегодня идти свататься к твоим родителям поздновато, – пожав плечами сказала Мария, А Александр расцвел в улыбке:

– Да ты что, Марусенька, мои родители мне всю шею перепилили, спрашивают меня беспрестанно: «Сынок, когда ты женишься-то? Годы идут, а мы хотим еще и внучат вырастить. А у тебя даже девушки нет».

Маруся кивнула головой:

– Если твои родителя хотят мне смотрины устроить, то я не возражаю, пошли.

Прошли годы и первенцем стал у Комлевых Вовка, потом Людмила, Любовь, Лариса и Вера. Самый младшенький родился сын Сергей.

Но в столовой летного училища Марусенька так и работала, она была аккуратная, чистоплотная, вежливая и начальство было довольно ее работой.

А через три дня после памятно встречи с Александром Комлевым молодожены пошли к родителям Марии.

Сергей Филиппович и Екатерина Карповна, увидев из окна Машу и Сашу Комлева и его родителей, вышли на крыльцо. Катя в руках держала чекель. Эта такая прочная палка на конце которой и был металлический чекель, чтобы им подцепить, подчепить сковородку из зева русской печки

эти чекелем и вытащить на приступок печки скворчащую яичницу.

– Вот дорогие вы мои родственнички, – шутливо произнесла Екатерина Карповна, потрясывая в руках чекель. – Я хочу пройтись этим нструментов по спинам провинившихся проказников. Тихим сапом, без родительского благословения стали мужем и женой. Но так ка были свидетелями их согласия мои свекор и свекровь, то нам с Сергеем Филипповичем придется простить Марусю и Александра Комлевых.

Но вернемся вновь в столовую для летного состава около аэродрома для самолетов У-2. Саша Комлев зашел вечером в столовую к Марусе и как всегда пошутил, спев куплет:

– «Мы выпьем раз, мы выпьем два, за наше славное У-2, но та чтоб заболела голова».

На следующий день, в воскресенье, в небе над аэродромом появились мощные бомбардировщики с черными крестами на крыльях и начали бомбить казармы, где проживали Советские летчики. Бомбы падали и взрывали взлетную полосу с обеих сторон: от взлета, до посадки, чтобы ни один У-2 не смог взлететь в воздух. Из транспортного немецкого самолета выпрыгивали парашютисты, а потом десантники из коротеньких автоматов расстреливали в упор оставшихся после бомбежки в живых, Советских летчиков.

Такой успешной операции фашистов никто из Советских военноначальников не ожидал. Но нашей контрразведке было известно и о плане Гитлер «Барбароса» и о «Блицкриге», «молниеносной войне». Но была и дезинформация, что война с Советсим союзом начнется не раньше 1942 года.

Мария стала жить с Александром Комлевым в доме его родителей. И Маша, оставшаяся без работы, загрустила: ребятишки-то их с Сашей останутся голодными. И огромная семья осталась без материальной помощи государства. Ведь до войны с фашистами Маруся получала за семерых детей, по указу Сталина, довольно не плохое денежное пособие.

Но оккупанты поначалу стали проявлять заботу жителях, проживающий на захваченной территории. Гитлеровцы выдавали каждому жителю Городка хлеб. Норма выдачи хлеба была мала: на каждого человека выдавалось сто грамм хлеба. В блокадном Ленинграде, где не хватало муки для выпечки хлеба, для сравнения выдавалось сто двадцать пять грамм драгоценного продукта.

Притом хлеб в Городке пекли немцы не из ржаной муки, а из овсяной. Овсяные зерна были грубого помола и овсяная шелуха при еде этого «эрзау-хлеба» колола остро во рту небо.

Мария видела, как получив свои сто грамм хлеба на каждого едока, ее отец Сергей Филиппович Сенчуро, крал кусочки хлеба в печном боксе и,

взяв толкушку, которой разминали когда-то картофельное пюре, разминал овсяный хлеб. Потом в размолотый в пыли овсяного зерна доливали кипяток и эту кашу-малашу домочадцы Марии ели.

Но через недели три-четыре Гитлеровские интенданты хлеб для Советских граждан в Городок выдавать перестали. Мол, пусть благодарят гитлеровцев, что их еще не расстреляли до поры, до времени.

И когда Мария, доведенная до отчаяния, хотела завыть от горя, ее вызвали внезапно в немецкую комендатуру. Переводчик на ломанном русском языке переводил жительнице Городка своего начальника:

– Твое имя, отчество и фамилия?

Маруся четко ответила на вопрос:

– Работала в столовой аэропорта?

– Да!

– Мы направляем тебя в столовую детского дома для малолетних детей-сирот от четырех до шести лет. Приют для сирот только создали и вакансия повара свободна. Ты должна завтра же приступить к работе. Понятно?

– Да! – ответила так же односложно Мария, но в голове уже стучала счастливая мысль:

– Мы спасены, спасены.

В детдоме Мария быстро осмотрелась, в столовой была в своей тарелке. Готовила пищу и напитки для малышей не хуже чем это делают в высококлассных ресторанах для высокопоставленных чиновников.

Она заметила, что ребятишек чисто вымыли, одели в чистую, новенькую одежду, обращались «воспитатели» с ними вежливо и, как сама заметила Маруся, довольно деликатно.

Ее насторожило такое обстоятельство: через каждые два месяца – состав детей детдома менялся на сто процентов.

Она поняла, когда к ней стал заглядывать на кухню один из немецких охранников – Курт. Курт был толстоватый, довольно пожилой мужчина, который любил покушать. Мария немного говорила и понимала немецкий язык, а Курт тоже знал несколько фраз по-русски и говорил кое-что по-русски.

Однажды, когда Курт попросил в очередной раз покормить в перерыве между завтраком и обедом чем-то вкусненьким, Маруся спросила:

– Курт, а почему наших ребятишек кормят как на убой?

Немец закивал головой и невнятно забормотал:

– На убой, на убой, на убой…

У Маруси мурашки побежали по коже от ужаса и она, собрав свою волю в кулак, спросила Курта:

– Неужели на убой в полном смысле этого слова? Их нет уже на этом свете?

Курт, уплетая за обе щеки отбивную мясную котлету, кивнув головй, сказал:

– Киндер капут, капут!

Марусе показалось, что она сходит с ума и, чуть живая, пролепетала, выдавив еле-еле из груди звук:

– А для чего же их убивают? Они же маленькие и могли повредить третьему рейху?

– Нейн, – покачал головой Курт, – дети не вредят, а помогают третьему рейху.

– Как? – еле выдохнула из груди вопрос Маруся.

Ответ Курта обескуражил Марусю так, что она чуть ли не упала в обморок.

Курт жестами показал как шприц вводят в вену руки и откачивают им кровь из детей.

Мария усилием воли не показала свое удивление, но ужас в ее глазах Курт все же заметил. И на ломанном языке произнес для него банальную фразу:

– Есть русский пословицы: «Перемелется – будет мука!»

Произнеся Курт последние слова русской пословицы не на втором слове поставил ударение «мукА», а на первом «мУка».

И эту боль Маруся уже чувствовала своим сердцем

Вскоре она осторожно расспросила водителя грузовика: «Куда же из детдома везут детей?»

И шофер, полукровка: отец-немец, мать-русская, рассказал Марии такое, что у нее в голове не укладывался такой вандализм.

А водитель грузовика без смущения и волнения, словно говорил он не о детях, о каких-то козявказ безмозглых объяснл Маше:

– Детей я привозил в госпиталь, где делают операции для офцеров и солдат великого рейха. Дети для немцев-унтерменшен, недочеловеки, но х кровь спасет жизни наших солдат и офицеров раненных в бою с русскими свиньями.

– Но ведь они же дети…. – попыталась возразить Мария, а шофер ответил невозмутимо.

– Все равно маленькая свинья или большая, все равно она свинья. Я видел как этих поросят подвешивают за ноги вниз головой на веревках. Срезают затем кожу на пятка и санитары выкачивают детскую кровь, чтобы сделать переливание крови солдатам великого фюрера Адольфа Гитлера.

Водитель после своей пафосной речи спокойно направлялся к кабину своего фургона смерти, а Мария почувствовала не только духовную боль, а очень резкую боль, физическую.

Маша прикоснулась к низу своего живота и поняла:

– Да я же беременна. Есть возможность у меня сбежать куда глаза глядят из этой фабрики смерти. Убийцы детей еще поплатятся за свое живодерство. Выкачивать кровь из маленького тельца ребенка – такое святотатство. У немцев на бляшке поясного ремня выбита фраза: «Тот мин унс» - «С нами Бог!». Но Бог не с ними, с этими живодерами.

Мария долго сидела на стуле, словно в забытьи, а на самом деле она лихорадочно осмысливала план выхода из тупика:

– Нужно из-за моей беременности уйти уволиться из кухни детского дома. Повод для увольнения вполне резонный и я буду вне подозрения. А водитель-проводник, который детей на тот свет и не вспомнит о нашем разговоре. Он даже сам-то не понимает, что совершает святотатство. Да Бог ему судья!

На следующий день, после медицинского осмотра, Марию Сергеевну Сенчуро в канцелярию детдома и выписали аусвайс, документ в котором говорилось, что кухарка не может работать на кухне из-за своей беременности.

– После возвращения Марии домой семья Сенчуро испытала много трудностей. Когда Маша работала на кухне, то ей ежедневно выдавали буханку вкусного, ароматного, пышного хлеба. Но и этот подарок судьбы Мария делила пополам. Полбуханки она отдавала родителям Сергею Филипповичу и Екатерине Карповне, а вторую полбуханки несла свекру и свекрови, родителям своего мужа Александра Комлева. Они и не догадывались, что Мария приносит им хлеб не целиком, а поделившись со своим родными. Родился у Маруси мальчик, которого назвала Валентинов, Валей.

А вторая дочь Екатерины Карповны – Нина, попала в капкан к фашистам. Ей пришлось исполнять так называемую «трудовую повинность». Как провинилась перед гитлеровскими солдатами Нина Сергеевна никто из членов семьи Сенчуро не понимал. Ведь Ниночке было всего тринадцать лет когда фашисты оккупировали Беларусь.

Но ее возраст спас Нину Сергеевну от отправки девушки, молоденькой девочки в Германию. Туда отсылались фашистами подростки 1924-1925 года рождения, а Нина родилась в 1928 году.

Гитлеровцы пытались блокировать белорусских партизан, база которых находилась в лесу с окруженными топкими болотами. Но немцы хотели уничтожить партизанов из артиллерийских орудий, да расстояние до базы не позволяло гитлеровцам расстрелять снарядами отряд партизанских мстителей.

Вот тогда-то фашисты и решили укладывать двухметровыми бревнышками дороги в топком болте – прокладывать гать.

Нина укладывала на левое плечо бревнышко комлем вперед, а конец бревна потоньше был длинным и за спиной. А правой рукой Нине приходи-

лось удерживать комель правой рукой.

Штабель из двухметровых бревнышек был сложен у начала гати и чем дальше уходила дорожка в лес, тем тяжелее приходилось тащить Нине на плече этот груз.

Через пару недель от усталости Нину качало из стороны в сторону, а ее подружка из бригады-артели подростков однажды с удивлением отметила:

– Ниночка, да ты не обратила внимание, как тебя покоробило?

Нина недоуменно пожала плечами и сказала:

– Чего же это я искоробилась вдруг?

Надежда не ожидала такого резкого ответа своей знакомой подружки, но, поджав губки, пояснила:

– Ты не замечаешь, как изменилась внезапно твоя осанка, Нинуля. А мне-то сто стороны виднее: у тебя левое плечо на котором ты носишь бревнышки, стало намного ниже правого плеча.

Нина Сенчуро промолчала, а потом спросила другую подругу – Полину:

– Ты посмотри-ка, Полина, на мои плечи. Мне тут как-то сказали, что мое левое плечо намного ниже правого.

– Да, – кивнула головой Полина, – левое плечо у тебя перекосилось здорово, пока ты таскала на нем бревна. Но скоро наши мучения закончатся. Немцы, я слышала случайно, сказали, что скоро пушки повезут по нашей уложенной бревнами дороге.

Нина огорчилась и сказала Полине:

– А я так гордилась своей осанкой, а меня оказалось всю перекосило из-за этих оккупантов. Да чтоб эта наша бревенчатая гать провалилась в тар-тарары! Ведь я жалею не только, что сама скособочилась, а мне жалко, как эти негодяи будут стрелять по базе наших партизан артиллерийскими снарядами.

– Тише ты, Ниночка, говорить-то. Не дай Бог полицаи или сами немцы услышат как ты их костеришь.

– Да кто же, Полиночка, нас услышит-то? – удивилась Нина Сенчуро. – Кругом только лес дремучий или кочки на болоте.

Но Полина не унималась и шепотом произнесла:

– И у леса есть уши.

Нина только горько улыбнулась и стала часто поглядывать на левое плечо. А вдруг ее и в самом деле перекосило?

Но тут внезапно поддержала Нину Поля. Она сказала нужные во время слова:

– Не огорчайся, Ниночка, у тебя же совсем молодые косточки. Сейчас левое плечо ниже правого, а потом оно займет свое первоначальное

положение. И ты опять будешь стройной и красивой.

На следующий день немецкие артиллеристы не смогли выехать по бревнам новой дороги на болоте на исходную позицию. Будто в самом деле у леса оказались уши.

Но ночью на бревенчатой дороге загрохотали…нет, нет, не пушки. Загрохотали взрывы мин. Их установили ночью партизаны. И вместо ровной и твердой прифронтовой дороге, путь к партизанам был парализован: вздыбленная бревна вместо ровной дороги превратились в импровизированные баррикады. Что нельзя стало не только проехать артиллерийским пушкам, а даже пешком нельзя стало преодолеть эти завалы.

Нина едва сдержала улыбку на лице когда их полицаи привели на укладку бревен в последний день завершения дорожного строительства. Если вытаскивать из завала бревна, то не дни, а года уйдут на такую тяжелую ручную работу.

Но легче Нине Сергеевне не стало, их женскую бригаду фашисты направили около Городка по направлению к Витебску рыть глубокий ров в два с половиной метра, а шириной в четыре метра.

Это новое сооружение, после лесной бревенчатой дороги стало еще большей трудностью чем лесная просека шириной в два метра.

Ров такой глубины и ширины делали гитлеровцы, чтобы советские танки не смогли преодолеть этот новый барьер, преграду для Т-34. Вот как боялись немцы наших тридцатьчетвёрок.

Немецкие саперы надеялись, что такую преграду гражданское население Городка выкопает одним махом и атака советских танкистов быстро захлебнется.

Но гладко было не бумага у немецких стратегов, да позабыли они про овраги. А ведь по ним ходить, или просто кататься с ветерком невозможно.

Когда девушек привели немцы копать противотанковый ров, то сначала все пошло как по маслу. Полметра чернозема, мягкого и податливого, девчонки откидывали на бруствер легко, как лебяжий пух. Но после этого «пуха» лежала спрессованная как камень глина.

Это только говорят, что характер человека можно лепить как глину. Но для подневольных девушек глиняный пласт так спрессовался и утрамбовался природой-матушкой, острые лопаты не могли прорезать вглубь даже на полсантиметра. То ли характер у девушек был слабоват, то ли глина оказалась слишком твердой, но разрыхлить даже пол сантиметровый слой глины никому не удалось.

Немец-надсмотрщик Курт, подумав на девочек, что они имитируют работу или симулируют, схватил у Нины Сенчуро лопату, обеими руками поднял ее черенок выше головы и попытался пронзить слипнувшуюся глину лезвием лопаты хотя бы на полметра, а услышал глухой звук удара. Но

откололась от глиняного монолита одна глинистая чешуйка, похожая на рыбную чешую.

Курт чертыхнулся, пробормотав что-то по-немецки, вроде «доннер-веттор», опять поднял черенок лопаты выше головы и попытался вонзить лезвие лопаты в глину поглубже. А результат все тот же – кукиш с маслом.

Пришлось надсмотрщику объявить перерыв, а сам понесся на всех парах к начальству. Вернулся с полицаями, которые несли на плечах остроносые с двух сторон кирки. Но ни кирка, ни лопата нес могли сломить упрямство глиняного пласта, отлетали после ударов полицаев только глиняные крапинки.

Один из полицаев выругался.

– Что он сказал? – спросила Полина Нину Сенчуро, а Ниночка ответила, улыбаясь:

– Да маму какую-то вспомнил.

– А…- кивнула головой Полина, – поняла!

Полицаи и оставили подневольным девушкам и лопаты, и кирки и сказали:

– Продолжайте работу!

– А что нам делать? – уточнила Поля, а полицай взорвался.

– Что делать, что делать? Задрать штаны и бегать… Инструментом вас обеспечили, так бери глины больше и кидай ее дальше, так нам начальство приказало!

– Ну раз начальство приказало, тогда всем все понятно стало. Будем выполнять приказ – имбурда.

– Это что за «имбурда», – спросил не удержавшись борзый полицай Полину. А она ответила, пожав плечами:

– Имбурда – это сокращенное фраза: «Имитация бурной деятельности». Что скажете откопать от спрессованной глины то и будем откапывать хоть до морковкиных заговен.

– Вот то-то… – с самодовольной улыбкой пробубнил полицай, – сказано копать от сюда и до туда, так и копайте…

Но на завтра девушек отправили на другие работы, а вместо них пришли саперы. Они пробурили буром скважины и заложили туда взрывчатку. Взрывы гремели долго, а выкидывали глинистый грунт на другую сторону. Педантичные немцы добились своего. Не мытьем, так катанием, противотанковый покров был выполнен в срок. И без помощи мирного населения.

Нину отпустили на несколько дней повидаться с родителями. Домой она летела как на крыльях. И вдруг как из под земли перед Полиной и Ниной возникла красивая женщина и спросила их:

– Дорогие вы мои, я хочу вам погадать и предскажу каждой из вас

судьбу!

Нина ответила:

– Я в гадания не верю и не хочу слушать вас. Да и денег у нас с Полиной нет.

– Спокойно, девушки, – произнесла тихо гадалка, – денег я с вас не возьму, а судьбу вашу предскажу каждой.

– Тогда начинайте с меня, – согласилась Полина.

Гадалка повернула Полинину ладошку вврех и, посмотрев на линии жизни, сказала:

– Ждет тебя, девица, дальняя дорога в дальний край. А домой ты обязательно вернешься, но не скоро.

Полина, пожав плечами, растерянно сказала:

– Да я, ни в какую дальнюю дорогу не собираюсь: ни в дальний ни в ближний край. Мне дома жить и дальше хочется. Ведь мои родители любят меня.

– Блажен кто верует! – уклончиво ответила Полина гадалке и попросила Нину:

– Не упрямься, моя хорошая, а покажи-ка мне теперь твою ладонь.

Нина сначала хотела отказаться и второй раз, но встретилась с пронизывающим сквозь взглядом гадалки и безропотно протянула ей свою руку.

– Ну вот, моя драгоценная девочка, – произнесла гадалка вкрадчивым голосом, – я же не зря остановила тебя чтобы посмотреть на твое будущее. А оно прекрасно. Ты вырастешь и станешь великой, щедрой, деловой женщиной. А все вокруг будут тебя уважать.

Нина слушала гадалку, но казалось ей, что это какой-то сон снится про Золушку, которой волшебница Фея предсказывала встречу с благородным принцем и долгую и счастливую жизнь. А вот будет ли принц на белом коне или придет к ней пешком, сказать не успела.

Нина, как будто проснулась внезапно, как от летаргического сна и обернулась по сторонам, чтобы увидеть гадалку и узнать подробнее свое будущее, но вещунья словно растворилась в воздухе!

Глава 7. Сколько веревочке не виться, а конец найдется

Когда Нина пришла домой, родители Екатерина Карповна и Сергей Филиппович очень обрадовались.

– Нинуля, – сказала мать, – мне тут сорока на хвосте весть принесла.

– Мамочка, а что же тебе сорока-белобока начирикала? – спросила бодро Нина, хотя оглядев пустой обеденный стол, у нее сердце тревожно екнуло. Ведь на столе-то ни маковой росинки. Шаром покати.

– Сорока прочирикала мне, – ответила Екатерина, – что в деревне Стайки немцы заставили рабочих молочной фермы коровы молоко перера-

батывать на сметану и творог. А сыворотку интендант-немец не забирает, а заставляет рабочих из местного населения на молочной ферме выливать сыворотку в овраг.

– Какое безобразие, – возмутилась Нина.

– Вот именно, – согласилась Екатерина Карповна, – а меня вот твой отец надоумил. Возьмите с Павликом сорокалитровый бидон и попросите «фермеров» из наших земляков русских или белорусских заполнить его до краев.

Нина и ее брат Павлик ухватились за ручки бидона и быстрым шагом устремились на ферму в Стайки.

Около входа коровника стоял крепкий высокий парень, на котором ладно сидела солдатская гимнастерка без знаков различия и петлиц, брюки галифе. Крепкие и грубые кирзовые ботинки завершали его наряд, а до колен из ботинок были накручены по спирали портянки-обмотки.

Его-то Нина и спросила:

– Вы не нальете нам с братом в этот бидон сыворотки?

– Что за дела, прелестное создание, – улыбнулся парень. – Давайте мне ваш бидон и я его наполню до краев. Только хватит ли у вас силушки, чтобы дотащить эту тяжесть?

– Голод не тетка, – обрадовалась Нина, – мы с Павликом и не такие тяжести таскали. Спасибо тебе огромное. А как тебя зовут, благодетель?

– Меня зовут Макар, – ответил парень. – Только заметьте, я телят никуда не гонял, у меня в подчинении только коровы.

– Я твое имя Макар на всю жизнь запомню, – ответила Нина и добавила, – может быть с тобой еще не раз встретимся…

– Может быть, – вздохнул Макар. – Может быть… А фамилия моя – Блинчиков.

– У тебя и имя и фамилия такие оригинальные, что не запомнить твое имя, фамилию да и тебя самого я никогда не забуду.

И в самом деле Нина Сенчуро этого парня запомнила на всю жизнь.

На следующий день, утром, в дверь дома Сенчуро барабанными руками и ногами постучали полицаи.

Екатерина Карповна откинула крючок и влетели прислужники фашистов.

– Что так долго дверь не открывали? – рявкнул маленький красноморденький полицайчик, а второй верзила скомандовал:

– Мигом одевайтесь и пойдем быстренько на улицу, которая раньше называлась Октябрьская. Парод будет принимать наш начальник полиции, Анатолий Мордик.

– Ну и фамилия у начальника полиции, - удивилась молча Екатерина, - Мордик! При царе полицейских называли «Держимордами», а тут глав-

ный из полицейских и фамилию имеет достойную «Мордик».

А вслух Екатерина Карповна объяснила полицаям:

– Мой муж Сергей Филиппович тяжело болен и не может ходить далеко, а по улице и вовсе не пройдет. А ребятишки еще маленькие, да и одежонка-то дырявая у них. И так чихают и кашляют.

– Ладно, – сказал плюгавенький полицай, – ступайте за нами вдвоем с дочкой. Действительно вдруг они вместе с дедом загнутся.

– Это не дед, а мой муж, - уточнила Катя.

– Мне все равно муж он или дед, но ходить на своих двоих не может, пусть дома сидит или лежит, – сказал полицай, – а вы вдвоем за мной – марш!

По улице Октябрьской когда Нина и ее мать подошли к ней, на одной стороне стояли жители Городка, а на противоположной стояли полицейские. Сзади них зловеще стояли столбы виселиц, а на перекладине висели две веревки.

Молодой парень в нательном белье: в кальсонах и исподней рубашке., шагал босой посередине двух шеренг. Его ноги были обморожены. Цвет ступней был красно-синий.

Нина взглянула на этого парня и обомлела:

– Так это же Макар Блинчиков!

Но Нина, чтобы их взгляды не пересеклись и она бы как-то не выдала своим поведением знакомство с Макаром, повернулась лицом к маме.

Катерина Карповна материнским чутьем поняла – ее дочь знакома с арестантом. Все в Городке уже знали, что 25 немцев устроили облаву в одной из деревень и арестовали партизана. Он долго сопротивлялся, но двадцать пять мужиков все-таки справились с одним народным мстителем.

Несколько дней подряд партизана избивали, мучили, пытаясь узнать место дислокации партизанского отряда. А он молчал.

– Ладно, – орал Мордик, – скажи нам хоть сколько партизан в отряде и как они вооружены.

Макар не произнес ни одного слова, ни звука. Хотя звуки-то, а вернее стоны полицаи слушали, но то что хотели услышать от пленного так и не добились.

Тогда изувер Мордик скомандовал:

– Вывести его на мороз босиком и в нательном белье. И через пятьдесят шагов обливать его с ног до головы холодной водой. Я уверен, что любой человек таких мук не выдержит.

А Макар молчал, как настоящий партизан, вопреки «уверенности» Мордика.

Мордик, скрипнув зубами, словно это его водили нагишом по морозу, снова выдумал экзекуцию:

– Если партизан нам ничего не расскажет и никого не выдаст, то мы хоть развлечение получим.

Но и после этих «развлечений» Макар никого не выдал.

Тут Мордик, чуть ли из штанов ни выскочил и, побагровев лицом, изувер дал команду:

– Повесить!

Так лопнуло терпение у начальника полиции и парня-патриота повесили.

Заставили 2полюбоваться» на «забаву» мерзавцев и Екатерину Карповну и Нину. Сколько шрамов они получили на своих горячих сердцах – один Бог знает.

Но откуда появился Анатолий Мордик?

Когда началась война с гитлеровцами, тридцатилетний скромный бухгалтер, уроженец Харьковской области поступил на службу…нет, нет, не в ряды Красной армии, а к фашистам. И служил немцам преданно… Может быть, он от такой рьяной службы и стал предателем?

Неужели никто не замечал в скромном бухгалтере мазохиста. Ведь в первые же дни службы немцам он заявил своим подчиненным, таким же как он сам:

– Я получаю какое-то извращенное удовольствие от истязаний, в которых участвую сам лично – в расстрелах и подвешиваниях.

– Так давай, начальник, тяпнем по чарочке, другой за успех нашего безнадежного дела, - предлагали ему холуи после казней.

А Мордик, подпив спиртного, выдавал такие перлы, что его подсобники и то кривили свои потные рожи. Но Мордик, войдя в кураж не разглядывал физиономии собутыльников, а проявил свое ораторское красноречие:

– Вы все слабаки, а я привык уже купаться в крови. И если я каждый день не убью врага рейха, то у меня появляется ощущение, что мне чего-то не хватает остренького.

Собутыльники в нем нисколько не сомневались, ведь Мордик уничтожил за пределами Городка более пятисот человек.

Но и за пределами Городка преступления Мордика замечали местные жители. Осенью 1942 года, из Городка собрались две соседки Прасковья Аннушкина и Дарья Строчинская в лес пособирать грибы и ягоды. Неподалеку от урочища Воробьевы горы соседки набрали на поляне, на которой брусники видимо-невидимо, а потом в ельнике увидели белые грибы, подберезовики и подосиновики. Да такие чистые, что ни одно червивого грибочка. Теплые деньки и мелкая морось реденького дождичка сделали свое дело.

Подруги услышали сначала шум мотора автомобиля и сразу же скрылись в ельнкие и замерли.

Из-за поворота показался грузовик с кузовом, закрытым брезентом. Но, как предполагали женщины, он не покатил по проселочной дороге дальше, а как на грех остановился напротив ельника, в котором спрятались Прасковья и Дарья.

Когда из кабины вылез Мордик, соседки так испугались, подумав, что полицаи их выследили и устроят им кровавую баню.

А Мордик повел плечами, разминая уставшую спину. Вслед за ним из кузова вылезли три пособника начальника полиции, которые отличались особой жестокостью: Филатов, Карсненко, Руднов.

Отчаянию женщин не было предела.

– Выследили нас гады, – шепнула Дарья, а Прасковья хриплым голосом выдавила из себя фразу:

– Теперь нам полный капец…

Но в кузове остались еще трое извергов и они стали выталкивать и грузовика на дорогу со связанными руками людей.

Это были наверняка пришедшие недавно партизаны. Один был в розовой рубахе, а на другом надет темный хлопчатобумажный пиджак. На других пленных соседки и не посмотрели, из кузова выталкивали на землю, сыпались как горох люди со связанными руками.

– Даже безоружных боятся, сволочи, – шепнула на ухо подруги Дарья.

Парни же понимали, что их привезли на расстрел, но не проронили ни слова.

Мордик пошел к связанным пленным за спиной и, приставив пистолет к голове жертвы, стрелял в упор. Когда один падал на землю, то выстрел в голову опять звучал, как треснувший сук на дереве. Когда все партизаны лежали бездыханно на земле, Мордик снова подошел к кабине грузовика.

А его холуй вскинул автомат на изготовку и стал остервенело стрелять по телам уже погибших молодых парней- патриотов.

А Дарья и Прасковья, чтобы не закричать от ужаса, заткнули свои рты руками, а горькие крупные слезы катились по щекам женщин. Когда Мордик и компания уехали с места преступления., выползли из своего укрытия Дарья и Прасковья. Пересилив свой страх и ужас женщины с надеждой подошли к расстреляным партизанам и потрогали каждого из них. Но все были мертвы.

За все время пребывания полиции в городке около штаба всегда стояла виселица. И она никогда не пустовала. Мало того, людей вешали на суку рядом стоящих с виселицей деревьях.

Мордик считал, что публичные экзекуции самая лучшая мера устрашения. Подозрительность сатрапа доходила до безумия и презрения: в конце 1942 года полицейские казнили старичка Андрея. Местные жители счи-

тали, что он становился с каждым годом все более умственным отсталым. Наступал у дедушки старческий маразм, да и ноги-то приходилось Андрею волочить по земле.

Виселица около комендатуры на улице Советская под нее и вынесли полицаи две табуретки. На одну из них еле-еле взгромоздили старика, а на вторую табуретку лихо вскочил полицай, чтобы одеть петлю на шею деда, приговоренного Мордиком к смертной казни.

Чем уже насолил фашистам дед Андрей, трудно понять. Но табличку с надписью «За связь с партизанами» ему эти изверги повесили, а потом повесили и дедушку.

Непредсказуемость поведения Мордика стала его визитной карточкой. При очередной облаве мирные жители пытались спастись бегством, но кольцо облавы медленно сжималось полицаями. Люди спотыкались, падали, на них наступали бегущие сзади. Стоны, крики проклятия, а улыбка с морды Мордика не сходила до конца облавы.

Его приспешники выстроили в несколько шеренг людей, попавших в тиски облавы. Шум и крики стихли и над головой «арестантов» нависла зловещая трещина.

Вдруг к Мордику подбежал один из его холуев и что-то зашептал ему на ухо.

«Беженцы» услышали только одно слово: «партизан». Лицо начальника полиции перекосилось от ярости. Он подлетел к задержанному и выдернул из ножек шашку. И не произнеся ни словечка, остервенело рубанул задержанного по шее.

Все задержанные облавой ахнули и ожидали, что Мордик срубит голову партизана. Но голова не слетела, а подозреваемый как стоял на ногах, так и остался стоять.

– Что за черт? – возмутился Мордик и посмотрел внимательно на клинок своей шашки. Оказывается он ударил партизана тупым концом шашки.

Следующий удар был «правильным» и смертельным. Партизан рухнул на землю, а Мордик с ухмылкой подошел к телу погибшего и вытер окровавленный клинок об одежду Михаила Степановича Бесова. Так погиб патриот от руки предателя и врага Мордика.

Похоронить тело убитого родственники не сумели. Как только они стали приближаться к убиенному партизану он со злорадством гаркнул:

– Стоять! Собаке собачья смерть! А собакам не место на кладбище.

И плюнул на тело Бесова.

Дальше распоясавшиеся каратели Мордика сожгли деревню Заря. Сначала полицаи согнали всех жителей на площадь, а потом прошлись по домам и ограбили их. Потом подожгли их.

Среди жителей был слепой мальчик и звали его Алеша. Когда полицаи выгнали слепого мальчишку из дома он взял с сбой только губную гармошку. Очень уж ему эта гармошка дорога. Вокруг слепого музыканта всегда собирались люди из деревни Заря и весело подпевали мальчонку.

Когда Мордик увидел Алешу с губной гармошкой в руках, то заорал остервеневши:

– Играй! А то…

Алеша заплакал, но заиграл. Дома уже полыхали, от дыма жителям было трудно дышать. Женщины плакали, рыдали, а Мордик ухмылялся.

Плакал и Алеша, а играл что-то веселое и горько плакал…

Пришло время и в ноябре 1943 года Городок освободили. А Мордик смылся в город Алитус в Литве и там организовал новый отряд полиции, который наводил ужас несколько месяцев население Литовского городка. И в Литве Мордик оставил кровавый след, убив двух подростков: мальчика и девушку.

Но советские войска наступали фашистам на пятки. И Мордик присоединился к отступавшим гитлеровским войскам. Ведь у карателя было уже звание капитана немецкой армии. Поэтому он вступил в армию такого же предателя генерала Власова.

И тут не пришлось Мордику удержаться на плову: его взяли в плен к нашим союзникам: англо-американской армией. Оттуда его и репатриировали в Советский союз.

Оказавшись на Родине, хотя назвать страну Родиной у подлеца Мордика язык не поворачивался, он повел себя весьма странно. Не затаился, не устроился на работу в Европейской части Советского Союза, а поехал в Кемеровскую область. Там оформился на должность контролер-ревизора в управлении финансов СССР.

Его приняли по довоенным документам на работу, но ручки его шаловливые и характер хапуги подвели. Через несколько месяцев контролер-ревизор проявил себя. 50000 рублей из казны государства, а на эту сумму можно было купить полтора автомобиля «Волга». Но Волгу покупать не стал, а скрылся в неизвестном направлении.

Появился ворюга в 1947 году в Омской области и поступил на должность главного бухгалтера Калачинского района. Считал деньги главбух и перечислял в Сбербанк несколько месяцев.

А потом зашел к начальству и выпросил у руководителя 46 тысяч рублей:

– Нашему предприятию необходимо закупить уголь для котельной промкомбината. Но в Ленинск-Кузнецке затребовали у меня привести деньги наличными.

– Сколько вам потребуется дней чтобы провести бухгалтерскую опе-

рацию? – спросил Мордика начальник.

Ответ был кроток:

– Через два дня!

Через два дня уже все подразделения КГБ Советского Союза работали по ориентировке: «Разыскивается Мордик Анатолий Григорьевич, 1912 года рождения. Рост средний, широкоплеч, волосы черные, прическу носит с чубом, нос средний, прямой с приподнятым кончиком, лицо полное, круглое, глаза темные, шея короткая, толстая, губы тонкие, взгляд исподлобья, походка прямая, с военной выправкой.

Арестовали Мордика в 1948 году. Слишком болтлив и хвастлив был «голубой» воришка. Любил ресторанной компании поболтать:

– Я имею, братва, столько денег, сколько вам и не снилось. Могу год не работать, а моя казна не опустеет.

Его собутыльники спрашивали:

– А что ты будешь делать когда через год все деньги профукаешь?

– Деньги всегда липнут к деньгам! – не сдавался Мордик, – на мою жизнь, Петруха, и на булку с маслом и с черной икрой этих денег хватит.

Петруха хотел что-то возразить Толяну, но к ресторанному столику подошли 2 крепких парня в белой рубашке с галстуком, который выглядывал на груди модного пиджака и взяли за белые рученьки.

Но и тут убийце сказочно повезло. Приговор был гуманным. Судья монотонно зачитал:

– Анатолий Григорьевич Мордик приговорен к 25 годам исправительно-трудового лагеря.

Мордику подфартило и не только в этот раз. Уже через 7 лет в 1955 году его освободили по амнистии. Может быть судьи учли сибирские морозы, которые испытывал Мордик?

Увы, нет, негодяй находясь в заключении в Воркуте, он не вкалывал в шахте, а снова сидел в кабинете бухгалтера и сводил в отчетах дебет с кредитом.

Но надо отдать должное сотрудникам УКГБ по Витебской области, которые продолжали собирать информацию злодее-палаче в период Великой Отечественной войны. Алексей Сергеевич Сенчуро работал тогда в прокуратуре города Витебска и приложил немало усилий в злодеяниях. В итоге предложений Витебской прокуратуры приговор в отношении Мордика Анатолия отменили. Не помогли ни жалобы, протесты, которые писали и сам Мордик и его родственники. Протест, как последняя соломинка в водовороте в омуте, тоже не помог. Протест был послан на имя председателя Президиума Верховного Совета Климентия Врошилова. Но Ворошилов этот процесс не поддержал.

Нина Сергеевна и Алексей Сергеевич Сенчуро присутствовали по-

вторном открытом заседании. Оно проходило в городке в Доме культуры. Это место было совсем недалеко от немецкой комендатуры на улице Советской, где когда-то издевался над местными жителями Анатолий Мордик. На этот раз бывшего начальника районной полиции приговорили к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор был встречен аплодисментами.

А Алексей и Нина обсуждали случившееся событие:

– Ты видела Нина, – сказал Алексей, – в какой клетке оказался преступник? Мы тщательно осмотрели пристанище негодяя. Все стенки в тон его души - черные, черные. Чернее ночи.

– Да, Леша, – кивнула Нина, – но какая узкая щель с бронированным стеклом была сделана для Мордика, чтобы он смог посмотреть на жителей городка. Мне показалось, что из этой щели выглядывают выпученные глаза филина. Правда у филина глаза желтые, а у преступника такие же выпученные как у совы, но только темные, мрачнее ночи.

– Наконец-то и для этого негодяя, – согласился Алексей, – вскоре наступит непроглядная ночь.

– Оттуда ему уже не вернуться – сказала Нина.

Недалеко от Дома культуры находилась и улица Октябрьская где находилась осиное гнездо Мордика, а за ним мемориальное кладбище, где захоронено огромное количество воинов, погибших во время Великой Отечественной войны. И Нина Сенчуро вспомнила дни освобождения Городк.

Родительский дом семьи Сенчуро находился на улице по адресу: Красноармейская, 96. И вдруг, Нина услышала звуки музыки. Она спросила Екатерину Карпоовну:

– Мама, можно я сбегаю туда посмотреть, что там происходит на улице. Тут играют музыканты где-то близко от нашего дома.

– Нина, ты же почти взрослая девушка, – откликнулась Катерина, – тебе уже 15 лет, а любопытная как ребенок. Неужели ты не понимаешь, что там играет духовой оркестр какую-то похоронную мелодию?

– Я, мамочка, догадываюсь, – согласилась Нина, – поэтому я хочу знать, кого хоронят. За последнее время хоронили солдат, сержантов, офицеров. Но я слышала только залпы винтовок. А тут – траурный марш.

– Беги, беги, – махнула рукой Екатерина Карповна. – Любопытство не порок.

– А большое свинство, – продолжила мамину фразу Нина и выпрыгнула из дома.

Подошла она к похоронной процессии быстрым шагом и увидела вырытую могилу, вдоль которой стояла широкая лавка, а на лавке установлен гроб, отбитый красной тканью.

– Не пожалели – подумала Нина, – наверно большой начальник. И внимательно огляделась вокруг себя. Два музыкантов гимнастерках и фу-

ражках выдували с блестящих медных труб траурную мелодию.

– Совсем народа нет, даже на похоронах, – подумала она! Мужчины или на фронте воюют или лежат в земле-матушке, а тут оркестр играет…

И любопытство переборолo боязливое чувство девушки. Нина подошла поближе гробу и посмотрела на мужчину, которого хоронят. Он был красив: густые черные с крупной волной волосы делали его еще более обаятельным. И Нина подошла к солдатам, которые должны были выполнить троекратный салют после похорон красивого мужчины и спросила их:

– Ребята кого хороните-то?

Младший сержант ответил за всех:

– Это генерал-майор Корженевский Николай Николаевич.

– Так он же еще совсем молодой, а уже генерал, - сказала Нина пожав плечами сколько же ему было лет?

– Тридцать восемь, – ответил младший сержант.

– Такой пожилой? – удивилась Нина, а я-то думала, что он совсем молоденький и красивенький.

– Какой же он пожилой? – удивился парень. Он от старшего лейтенанта до генерала-майора дослужился. За чужие спины не прятался, всегда шел впереди. Этот звание свое генеральской никогда бы не уронил.

Нина хотела еще расспросить младшего сержанта, но подошли еще два солдата и об опущенный гроб с закрытой крышкой в могиле, застучали комья земли. Когда надгробный холмик солдата притоптали лопатами, музыканты перестали играть, а троекратный салют прозвучало стройно.

Наступила тишина, а Нине показалось, что это она внезапно оглохла. Слезы быстро брызнули из ее глаз. Зарыдав, Нина поняла, что она хорошо слышит, но так обидно, что погиб такой хороший человек и смелый, волевой и отчаянный командир, горячо любивший свою Родину.

– Успокойся, девочка, – сказал младший сержант и, сняв пилотку, пригладил свои седые волосы, – слезами горю не поможешь, но понимаю, что эти похороны ты запомнишь навсегда.

И Нина Сенчуро запомнила эти похороны навсегда. Екатерина Карповна, увидев зареванные глаза дочери, сказала ей:

– Нина, ты такая впечатлительная, что тебе не следует ходить на похороны. У нас у самих горя хватает. Вот твой старший брат Арсений пропал без вести. Написал последнее письмо, что с белофиннами расправились и его локомотивную бригаду перебрасывают на Украину. Вроде бы как бы в Чернигов. Немцев оттуда уже вытурили, а он, наш Арсений, всегда работал на паровозе прифронтовой полосе. Может быть погиб на Украине, а сообщить нам об этом не успели.

– Мама – ответила Нина, – хоть я и впечатлительная, но послушная: больше не стану плакать. Но надеюсь, что наш братик Арсений жив.

Мне это сердце подсказывает. Вспомни как долго не было писем в войну от Алексея. Но он же присылал нам не письма, а посылки. Притом очень кстати, когда мы голодали. То сало соленое свиное пришлет, то банки с говяжьей тушенкой. На одном хлебе с овсяной шелухой нам бы было не выжить.

– Ой, Нина, – воскликнула Екатерина Карповна. Всегда ли ты была послушная? А вспомнила как ты собиралась переночевать у подруги в деревне Дуборезово?

– Да, мамочка, был такой грех. Но ведь я его запомнила на всю жизнь. Это было в первом классе вместе со своей подружкой Ниной Дудорезовой. А в Дуборезово приехала кинопередвижка, натянули в клубе простынь, поставили кинопроектор около противоположной стены и я посмотрела комедию «Веселые ребята», в которой играл знаменитый актер и певец Леонид Утесов. А Нина-то мне и говорит: «Оставайся-ка, подруга, у нас дома, уже темнеет».

– Так я же посылала Алешку за тобой, – удивилась Нинина мама.

– Да, он прибегал под окошко Нининого дома, увидев нас сидящих на подоконнике, постучал в стекло и крикнул: «Нина, быстро собирайся и иди домой, мамка нашей беспокоиться!»

– И все? - удивилась Екатерина Карповна.

– Не все – вздохнула Нина, – мы так восхищались кинокартиной веселые ребята, что я не заметила как быстро пролетело время за разговорами и стало темнеть. Я сказала Нине:о ночевать у тебя не могу, мама же Лешку посылала за мной, а он сразу же убежал, думая, что я за ним пойду домой. Но дома ты меня сиганула ивовым прутиком, что я это наказание запомнила на всю оставшуюся жизнь.

– Ты уже не гневайся доченька, – сказала Екатерина Карповна. Ведь я же боялась тогда как раз за твою жизнь. Ведь по ночам по лесу и волки шастают, да вдруг пьяные мужики пристанут.

– Мама, я же не обижаюсь на тебя. Ведь в твоем гневе сама виновата.

Глава 8. Внезапная смерть Алексея Сергеевича Сенчуро

Вернувшись после войны домой в Городок Алексей Сенчуро жил в родительском доме 96 на Красноармейской улице. Но жил недолго точно. Хотя у него было образования 7 классов, но как фронтовика и коммуниста, приняли в Городокский райком партии и поручили курировать несколько колхозов в 5 районах Витебской области. Председатель райкома партии расспросил Алексея об его образовании, об участии в Великой Отечественной войне, об его семейном положении и сказал:

– Для начала мы примем вас инструктором. Образование-то у вас семилетняя школа. А это маловато для дальнейшего роста.

– Так это дело поправимое. Война мне помешала получить хорошее

образование, но я уже подал документы в вечернюю среднюю школу…будет и у меня десятилетка. Постараюсь сдавать экзамены экстерном и за два года осилю школьную программу за 10 классов.

– Похвально, – кивнул головой председатель райкома партии Петр Алексеевич, но Алексей не дал досказать фразу председателю, продолжил выкладывать перед старшим товарищам свои планы:

– Затем поступила в Минск. На заочное отделение юридического института чтобы хорошо работать в сельской глубинке нужно тщательно изучить юриспруденция.

В первой из поездок по районам он повстречался в сельской школе с учительницей математики и физики Лидией Антоновой Леордой. Она успела поработать в школе где подымала задержанные земли одна молодежь. Но когда Лизе предложили поработать в белорусской школе она с удовольствием согласилась. На целине еще была необжитая степь, не было и хороших жилищных условий, а тут Беларусь. Там умеренный климат, развитая инфраструктура, а Витебская область всегда была островком благополучия для молодых людей: хорошие школы, много высших учебных заведений да и город-то старинный , где даже бывало русская княгиня Ольга.

Понравилось Лиза и Алексею. Вскоре они поженились. Правда до встречи с Лидой Алексей работал в Смоленске в областной прокуратуре чтобы набраться опыта. Но родная Белорусская сторона магнитом притягивала Алексея Сергеевич Сенчуро и он вернулся в свой Городок. Хотя его приглашали стать прокурором Шумилино, но руководство Витебской области узнав, что Нина Сергеевна сестра Алексея, разу свое решение отменило. Нельзе же в одном районе установить семейственность: брат прокурор, сестра секретарь райкома партии и поэтому Алексей стал прокурором в Городке. Алексей вел скромный образ жизни, скопил денег и оставив свой родительский дом родственникам приобрел хорошие собственной по адресу улица Луговая, 13. Последний раз Алексей навестил свой родительский дом перед свадьбой с Лидией Антоновной. Около Красноармейской 96, в доме родителей Алексея сидели бабушки старушки и делились новостями, перемывали косточки всем знакомым.

Алексей после суда поспешил домой на улицу Луговую, дом 13. Он уже успел пристроить на берегу реки Горожанки баньку и перекинул через нее мостки. На другом берегу росла такая густая трава, что можно было любоваться ее пышностью долго, а в баньку сходить тоже не грех.

Но сначала Алексей зашел в дом, услышав как пищат в клетках нутрии. Это был дополнительный доход для его жены. Мех у нутрий с длинным густым ворсом и из шкуры этих животных на фабриках изготавливали модные женские шубы.

Шубы стоили дорого, но разве мог настоящий мужчина отказать лю-

бимой жене в таком шикарном наряде, как нутриевая шубка. Например, Остап Бендер, выманил у людоедки-Эллочки серебряное ситечко для разлива чая, которое украл, пардон – присвоил, у мадам Грицацуевой.

Алексей не мечтал о бриллиантах, а вот писк голодных нутрий его огорчил. И когда он зашел домой, то первый вопрос он задал своей жене:

– Лида, а почему ты не покормила нутрий?

Видимо Лидия Антоновна была не в духе, поэтому она с раздражением выпалила:

– Ты же завел этих нутрий, так и нянчись с ними.

Алексей устал от перепалки с директором техникума и не стал отвечать жене такой же дерзостью, а махнув рукой, пошел к зверюшкам. И тут же вернулся сразу в дом:

– Так у нутрий для еды и травы-то нет. Я возьму косу и пойду через речку на луг, через полчаса накошу сочную копку зеленки. Лида, Леночка и Иринка, пойдемте со мной. Я буду косить, а вы с охапками травы набросаете в кормушки нутрий корм.

Реакции Лидии Антоновны огорчила Алексея. Она, срываясь иногда на крик, ответила резко:

– Мне надо готовиться к уроку, а ты лезешь мне в душу со своими нутриями. Иди коси и носи им корм.

– Спасибо, что не отказалась мне помочь, – с иронией произнес Алеша и скомандовал, – Леночка, Иринка, собирайтесь и пойдем со мной на луг. Будете по охапочке носить нутриям корм.

Елена и Ирина попытались встать и идти вслед за отцом, как громкий окрик матери остановил их:

– Оставайтесь дома, пусть он идет на луг один. Вам уроки учить надо, а не на лугу траву собирать.

Алексей был всегда занят работой и мало общался с детьми, поэтому окрик матери для девочек был непререкаем, табу. Они и хотели бы пробежаться босиком по траве, поносить охапками скошенную траву, но команда матери была для них выше всякого государственного законодательства. Они вернулись за письменный стол, но за учебники и школьные тетради не схватились. Сидели молча на стульях и молчали. Переживали конфликт отца и матери.

Алексей снял прокурорский мундир и белую рубашку с галстуком. Остался в белой майке и трусах, натянул рабочие брюки и такую же плотную курточку и молча пошел, прихватив косу на другой берег речки Горожанка.

– Какой-то заговор ягнят, – грустно размышлял Леша, – мне проще разговаривать с преступниками, чем со своими домочадцами. Эх, был бы Лидой рожден еще бы хоть один мальчик, о большом сыне я уже и не меч-

таю, а с парнишкой-то мне было бы жить веселее. Он бы стал для меня не только сыном, а и хорошим другом.

Алексей вдруг почувствовал жар во всем его молодом и крепком теле.

– Может это кризис среднего возраста, когда и я и Лида начинаем делать переоценку жизненных ценностей. Но ведь мне до пенсии еще пять лет. Но сил-то хватает на двоих. Не буду прокурором, найду себе еще какую-нибудь работу. В этом бабском царстве я с ума сойду.

Тут Алексей увидел как через хлипкий мостик над Горожанкой осторожно перебирается его сосед-алкаш.

– Сейчас будет просить денег на «маленькую», – подумал Леша, – хорошо, что я одел рабочую одежду и денег в ней нет. Пусть перебьется сегодня без вечерней опохмелки. Но сосед как будто прочитал его мысли:

– Не беспокойся, Леша, денег я сегодня у тебя выпрашивать не буду, понимаю, что у тебя в карманах рабочей одежды деньги не хранятся. Сегодня я стучался к тебе в дом, но дверь закрыта на замок. И никто не подошел из твоих родственниц и не спросил «Кто там?». Не знаю почему, но в доме тишина. Вот я и пошел по мостику на луг. Знаю ты за рекой всегда траву косишь. Сегодня я могу и тебя угостить.

– Мне не до угощения, – ответил Алексей, – сейчас я накошу охапку травы, брошу ее голодным нутриям и узнаю почему Лида не открывает дверь. Может Лена и Ира учат уроки и не хотят открывать дверь соседям? Приду и узнаю!

Алексей повернулся к любителю выпить спиной. И вдруг почувствовал острую боль в левом виске. Он покачнулся и не увидел ушел ли сосде домой или все еще толчется у него за спиной.

А боль не унималась. Леша скинул с себя куртку и остался стоять, ощущая вечернюю прохладу в одной белой майке. А потом Алексей покачнулся и лег на нескошенную траву, на спину, широко раскинув в сторону руки. Как будто образовав своим бесчувственным телом крест или распятие на кресте.

Утром, когда солнышко выглянуло краешком из-за горизонта, кто-то из соседей увидел, лежавшего на спине Алексея Сергеевича Сенчуро и вызвал скорую помощь. Карета скорой помощи каким-то образом дозвонилась до старшей сестры – Маруси, которая работала недалеко от дома Алексей, на Луговой, 13, и помчалась к дому брата.

Дверь была закрыта на крючок. Маруся забарабанила кулаками по двери и ее открыла Лидия Антоновна. Девочки легли поздно и еще не проснулись. Утренний сон – самый крепкий и барабанную дробь Марии они не услышали, а крепко и сладко спали.

Лида и Мария помчались через мостик на луг, где лежал распластав

руки Алексей Сенчуро. Они успели даже опередить карету скорой помощи, а потому стали осматривать тело Леши, не притрагиваясь к нему.

– Ой, Лида, – вскрикнула Маруся, – с левого виска и до щеки тянется струйка застывшей крови.

– И правда кровь, – удивилась Лидия Антоновна и ладошкой стерла эту струйку.

– Зачем, Лида, – сказала Мария, – надо было бы подождать скорую помощь.

– Ты чего же, Лида, дверь закрыла на крючок? – спросила Маруся, – ведь знала, что Алексей пошел косить траву?

– Да знала я об этом, Маруся, – ответила Лида, – но думала, что Алексей пошел к своим товарищам, а у них задержался и остался переночевать. Может быть зашел к брату Арсению или же к Павлу, и у кого-то из них заночевал.

Когда приехала «скорая помощь», врач осмотрел тело Алексея Сергеевича Сенчуро и сказал:

– А тело-то еще теплое. Значит сердце работало до утра и остановилось совсем недавно. Если бы вызвали нас, врачей «скорой помощи» пораньше, то могли бы мы Алексея Сергеевича спасти.

Маруся только тяжело вздохнула и подумала:

– Если бы да кабы – во рту росли грибы.

Но слезы так брызнули из ее глаз, что Мария, не найдя подходящего платка, утерла глаза рукавом своего платья. Поэтому Реакцию Лидии Антоновны она не заметила. Боль утраты такого веселого и добродушного брата, ей остро полоснула по сердцу…

– А сердце-то у Леши было здоровое, – опять возвращалась к трагедии с братом Маруся. – Врач никаких отношений не обнаружил. И вот тебе на…

Перед тем как унести гроб с телом Алексея на кладбище, а его решили захоронить вместе в одной могиле с матерью Екатериной Карповной, его решили установить у фонтана на улице Октябрьская. Со всех районов Витебской области приехали руководители почтить память честного и справедливого человека.

Приехала и его сестра Нина, первый секретарь райкома партии с председателем райисполкома Шумилинского района и возложили у гроба Алексея венки. С Колымы прилетел самолетом и самый младший брат семьи Сенчуро – Валентин. Он был золотоискателем, но внезапная смерть брата его поразила и Валентин, бросив искать золотые россыпи, стоит вместе со старшей сестрой Ниной у гроба брата Алеши.

Жена Лида стояла у гроба спокойно, без из лишних эмоций, зато дочери Алексея рыдали так, что падали несколько раз в обморок около гроба.

Сын Нины Сергеевны Юрий уже работал врачом и горько плакал вместе с ней. Алексей Сергеевич был таким веселым и добрым, а вот ушел в мир иной.

После похорон Валентин заглянул во двор дома №13 на улице Луговая. Весь двор был завален березовыми чурками-поленьями. И он спросил вдову:

– Лидия Антоновна, когда я узнал о смерти вашего мужа и моего брата, то выпросил у нашего руководства месячный отпуск. А вот Алеша не знал, что умрет внезапно и неожиданно и заготовил много березовых поленьев, а вот расколоть чурки не успел. Можно я их расколю?

– Буду только благодарна, – ответила Лида, – ни мне, ни моим дочерям, не то чтобы дрова колоть не удастся, а даже поднять над головой тяжеленный топор не сумеем.

– Вот и ладушки, – кивнул Валя и взялся колоть дрова с азартом, с прибаутками, – раз, два – по полену, три, четыре – по колену. По полену, по колену, а топор вонзится в стену.

Прибаутка за прибауткой, а колол дрова Валентин умело. Установит чурбан устойчиво, потом ловкий взмах, точный удар и крупное полено расколото пополам и блистает белоснежным цветом на расколе. Потом потюкает колуном по обеим половинкам полена и превратит эти половинки в мелкие полешки. А потом займется колоть и другие чурбаны, приговаривая:

– Сначала нужно под навесом уложить поленья в клетку: вдоль, поперек, вдоль, поперек и так две колоны до верха с левой и с правой стороны сарайчика. По середине же между этими поленьями буду укладывать расколотые дрова слоями. Слой за слоем и поленница превратится в штабель.

– На словах, дядя Ваня, все просто, – сказала Лена, – а как эту поленницу сложить, так постараться надо.

– Вот вы с Ириной и постарайтесь, – сказал Валентин, а девочка ответила:

– Мама не разрешает.

– Понятно, - кивнул головой Валя. – И хочется, и колется и мама не велит.

К концу дня дрова были расколоты, и Валентин зашел в дом и сказал:

– Лидия Антоновна, прошу оцените работу.

– Спасибо тебе, Валентин, за помощь, я уже в окошко посмотрела как ты работал. По ударному.

– Так полено и раскалывается от удара, вот я и работал по ударному. Будьте здоровы, а я пройдусь по берегу Горожанки да и на другой берег, может быть, загляну. Поклонюсь там, где скончался Алексей.

Проходя мимо дома соседа, Валентин увидел как дядя Петя машет ему рукой, и сказал:

– Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака. С колокольни колом машем, разгоняем облака. А ты мне дядя Петя руками зачем-то машешь? Что-то важное по секрету всему свету хочешь мне рассказать?

– Ты, Валентин, такой же разговорчивый человек, как и твой умерший брат Алексей, поэтому я махал тебе рукой чтоб помянуть моего соседа Лешу. У меня маленькая есть. Чекушку дома всегда берегу на всякий случай. А этот случай сейчас и подвернулся. Выпьем?

– Ай, дядя Петя, – махнул рукой Валентин, – не жили богато и нечего начинать. Оставь свою чекушку в загашнике. У меня в сумке пол-литровая хранится. За нос карман не тянет. Ты возьми что-нибудь из съестного занюхать после выпитой водки, а если есть посуда, то возьми с собой пару стопок. Поминать надо не торопясь.

– Я для тебя, Ванька, возьму не два стопоря, а три и столько же кусочков хлеба. Коль поминать будем, то в одну стопку мы нальем Арсену стопку, а прикроем ее кусочком хлеба. Помянем его по-человечески.

– Да я, дядя Петя, этих тонкостей не понимаю. Еще ни разу не хоронил никого. Все на Колыме вкалывал. Пойдем на тот берег Горожанки. А там помянет моего брата и поговорим по душам.

Но по душам Вале с дядей Петей поговорить не удалось. Чем дольше они сидели на бережку Горожанки, тем более дядя Петя хмелел и мрачнел.

– Ты чего, дядя Петя, – хотел спросить Валентин о меланхолии соседа Алексея, как дядя Петя оборвал его и предложил:

– Называй меня, Валентин, Петрухой, а то дядя да дядя. А какой я тебе дядя?

Валя пожал плечами и сказал:

– Ты же старше меня, Петруха, но если говорить с тобой по-панибратски, то называй и меня – Валюхой. Раз ты уважаешь меня, то и я буду уважать тебя. А в целом мы с тобой, Петруха, станем уважаемыми людьми.

– Хай будет так, будем уважаемыми людьми, – согласился Петруха и добавил, – давай-ка махнем еще по стопарику.

– Махнем…

После такого «красноречивого» разговора Петруха и вовсе скис, а потом упал на землю лицом вниз, к земле. И стуча по ней кулаками, завопил истерично:

– Что же я наделал, что же я наделал.

Валентин очень удивился такому обороту дел и спросил:

– И что же ты наделал, Петруха?

Но ответ не последовал, зато вопли прекратились. А стучать кулаками по земле Ванькин собутыльник так и не прекратил. Совесть у пожилого мужчины взбунтовалась или алкоголь так подействовал на нервы Петрухи – о для Валентина осталось неразгаданной тайной.

Только шило в мешке не утаишь. Валентин поговорил с соседом Петрухи и они приоткрыли перед братом Алексея дымовую завесу дяди Пети. Он когда Сталин подписал указ «Ни шагу назад» и установил заградотряды для паникеров, которые по сигналу «Вперед в атаку!» все-таки малодушничали и бежали не в атаку, а назад на исходные позиции и получали не спасение, а пулю в лоб. Так может Петруха и сделал тот укол Алексею? Ведь если паникеры попадали в руки бойцам заградотрядов, то им было жалко стрелять в упор трусов, им делали укол в любую часть тела и наступала мгновенная смерть.

Уезжая на Колыму в Магадан, Валентин, чтобы показать родственникам свою щедрость, стал одаривать их с большим размахом. Многим подарил золотые колечки на пальцы, золотые цепочки на шею, а Нине и Марусе приколол на блузки золотые брошки.

Еще очень странная история произошла через несколько лет. У Лидии Антоновны внезапно отказали ноги, и она не могла ходить без посторонней помощи. Об этом узнала и Нина Сергеевна Сенчуро. А ее сын Юрий Иванович Логинов купил ей ходули на колесиках. Держись покрепче за ручки ходунков, а ноги только скользят по полу, а корпусом тела движение ходунков продолжается. Не торопясь можно самой передвигаться по комнате. Но Нине Сергеевне ходунки не нужны и она привезла их в подарок Лидии Антоновне.

Глава 9. Переселение в Городок и Шумилино из Рудни

В Рудне работа учителем русского языка Нины Сенчуро и директором школы Ивана Логинова шла по накатанной колее, но судьба их первого сына Сергея не давала им покоя. К тому же и второе несчастье чуть ли не стало роковым.

Иван Иванович хорошо протопил баньку по-черному, что пар выгнал из пор тела все хвори. Их второй сын Юра пошел мыться после супружеской четы Ивана и Нины и угореть их сынок не мог. Но какой-то раскаленный булыжник случайно выпал и попал между бревен. Мох загорелся, а пламя перекинулось на другие полки с сухим мхом и Юра закашлялся от ядовитого дыма, упал на пол. Хорошо, что его мать, Нина, заглянула в баню, словно ее материнское чутье и сердце почуяли неладное.

Она настежь распахнула дверь, чтобы Юра не задохнулся и, подхватив мальчика под мышки потащила его на улицу.

Ее отчаянный крик услышал ее муж Иван. В нательной рубашке выскочил из дома с ведром и стал брать воду для ополаскивания из бочки и потушил пожар. А Нина привела Юру в чувства.

Радость родителей была неописуемая. Если бы Нина чуть-чуть замешкалась, то трагедия была бы неизбежна.

Когда Юра пришел в себя, его напоили парным молоком и уложили в чистую постель. Крепкий хороший сон помогает лучше любого лекарства. И к утру Юра оклемался и стал опять бодрым и веселым. Пока Юра отсыпался, у Нины и Ивана произошел серьезный разговор.

– Ваня, долго ли мы будем с тобой жить в этой глухомани? – спросила Нина. – Да, в школе много детей, хотя поселок Рудня довольно маленький, но из окрестных деревень приходят ребятишки пешком. Кто-то живет в двух-трех километрах от Рудни, а есть отдаленные деревни и некоторым детям приходится преодолевать и пять километров.

– Деревенские ребятишки крепкие и выносливые. А их родители желают чтобы их дети были грамотными, – пожав плечами сказал Иван.

– И наш Юра не только крепкий и здоровый мальчик, а и очень умный. В Городке же есть три школы и он сможет получить не семилетнее, а полное десятилетнее образование и дорога в любой ВУЗ Витебска будет проложена.

– А где же мы с тобой, Нина, будем жить? – спросил Иван.

– Моя мама, Екатерина Карповна, живет в доме на улице Красноармейская дом 36, а твой отец, Ваня, Иван Лукич, живет в доме на Коммунистической улице и огороды их рядом. Они даже через изгородь общаются. Так почему бы нам, Ваня, не поселиться в доме твоего отца, у моего свекра?

– И правда, Нина, – кивнул головой Иван, – мой папа, Иван Лукич, остался один в огромном доме, где в комнатах можно в футбол играть. Я уверен, что он обрадуется нашему приезду. А в Городке три школы, и хоть в одну, но нас примут на работу.

– Не будем загадывать наперед, Ваня. Но если приняли с тобой такое решение, то надо поторопиться, чтобы устроиться в Городке на работу. Ведь до начала учебного года, до первого сентября, осталось всего десять дней. А нужна наша мотивация переезда.

Они сели за школьный стол и стали размышлять:

– Нужна весомая причина переезда из варяг в греки, – сказала Нина.

– Нина, какие еще варяги и греки, не смеши меня, – улыбнулся Иван, а она ответила:

– Я не смешу, а иронизирую. Твой отец беспомощен и одинок. А такой огромный дом требует постоянного ухода. Ты же, Ваня, мне сам говорил, что крыша на доме Ивана Лукича протекает. А значит деревянные конструкции дома набухнут, покоробятся и в конце-то концов – рухнут. И Останется твой отец без крыши над головой.

– Да я вместе с отцом наскребем денег на ремонт кровли. А у меня даже здесь есть на примете народные умельцы. Протекающую кровлю они мигом починят.

– А вот об этом, Ваня, помолчим в тряпочку, – покачала головой

Нина, – как говорили древние римляне «фестина лента».

– Что это за «фестина лента» такая? – спросил Иван, а Нина перевела фразу на русский язык:

– Это означает: «Спеши не торопясь».

– Что же научимся и мы у древних римлян, – сказал весело Иван Логинов, а Нина продолжила разговор:

– Главное в письме не помощь Ивану Лукичу, а наш перевод с тобой в какие-нибудь школы нашего Городка. Давай, Ваня, напишем письмо к заведующему отдела образования – Головешкину, о нашей просьбе перевести нас из Руднянской школы в Городокскую. Вот так и напишем наши мотивации, в том числе и о неважном состоянии пожилого человека и об обязательном уходе за ним и за состоянием его дома.

– Молодец, Ниночка, – одобрил идею Нины Иван.

– Коротко и ясно напишем. Бюрократы не любят длинных обращений в письмах. А у нас будет очень краткое сочинение.

Сказано – сделано и Нина с Иваном поехали в Городок, но не в отдел образования, ведь впереди было воскресенье, выходной день. Они незапечатанное письмо с их просьбой положили в конвертик и занесли в дом бухгалтеру РайОНО.

– Я знаю ее, она ответственный человек, – пояснила Ивану Нина свое решение. – Письмо попало в надежные руки, без всякого бюрократизма и волокиты.

Через два дня в Рудню приехал заведующий отделом народного образования – Гооловешкин:

– А вы, друзья мои любезные, – спросил Головешкин, – на кого же школу в Рудне бросаете?

– У нас в школе работает молодой парень, по фамилии Бодяко. Он преподает у нас математику и физику. Окончил в Витебске университет, очень эрудированный человек и может руководить школой, заменит меня, – четко отрапортовал Иван Иванович Логинов и добавил, – у Владимира Бодяко есть директорская хватка.

– А я учитель русского языка и литературы, – начала разговор Нина Сергеевна, – такая профессия всегда в любой школе была востребована.

– Задали вы мне головоломку, – сказал Головешкин. – В принципе вы можете оба преподавать в школах в Городке. С директорством наверно будет уладить трудновато, а вот Нине Сергеевне можно спокойно устроиться в школу №2. Там не полная загрузка по русскому языку, а в первой семилетней школе вы ее получите. Будете ходить раз в неделю и преподавать ребятам уроки русского языка и литературы. Но следует завтра провести собрание педагогов и спросить у них мнение.

На другой день педагогический коллектив Руднянской школы согла-

сился с предложением инспектора района Головешкиным, а Иван Иванович и Нина Сергеевна вместе с Юрой собрали свои небольшие пожитки и переехали в дом Ивана Лукича.

Нина быстро привела в порядок комнаты дома и до блеска вымыла все полы. Иван Лукич радовался:

– Я тут от скуки с ума сходил, а тут такая огромная компания моих близких родственников появилась. С вами не заскучаешь.

Пока Нина Сергеевна вместе с Юрой и Иваном Лукичом раскладывали на следующий день свои вещи по комнатам, Иван Иванович отправился, как и было обговорено с Головешкиным, ушел в РайОНО работать инспектором и проработал там три дня.

На третий день когда Иван Иванович заполнял за столом какие-то документы , в его кабинет заглянул второй секретарь Городокского райкома партии. Увидев Ивана Ивановича за письменным столом, спросил удивленно:

– А вы что здесь делаете, Иван Иванович?

– Работаю, – ответил спокойно Логинов.

– И давно?

– Третий день.

– Удивительно, но я ничего не знаю об этом назначении, – сказалл второй секретарь. – Я доложу своему руководству – первому секретарю райкома партии Плеханову Петру Архиповичу об самоуправстве в Руднянской школе. Ведь вы не сообщили о своем самовольном перемещении из Рудни в Городок?

– Не сообщали, – ответил Логинов, – но мы согласовали с заведующим РайОНО – Головешкиным. Ведь он наш прямой начальник.

– У меня начальник – первый секретарь райкома партии Плеханов, - взвился второй секретарь. – Так будьте любезны, Иван Иванович, прийти к нему вместе с Ниной Сергеевной к 9 часам утра.

– Воля ваша, – ответил Логинов. – Если нужен нам разговор с Плехановым Петром Архиповичем, мы будем возле его кабинета ровно в 9 часов.

На следующее утро Нина и Иван сидели около кабинета Плеханова на стульях с пол девятого.

Петр Архипович вошел в приемную без пяти минут девять, поздоровался с Ниной Сергеевной и Иваном Ивановичем и спросил:

– Я же перед выходными днями разговаривал с вами по телефону с Рудней и никто мне не сказал, что ко мне записаны на прием Нина Сергеевна Сенчуро и Иван Иванович Логинов.

– Так мы к вам, Петр Архипович, – сказала Нина, – приехали с корабля и прямо на бал.

Плеханов засмеялся и сказал:

– Вы попали в удачное время. Сейчас начнется заседание бюро райкома, так вы заходите прямо сейчас в мой кабинет. Обсудим в первую очередь ваши проблемы. Как вы Иван Иванович Логинов оказались инспектором РайОНО?

– Так я работал директором школы в Рудне, а в Городокских школах нет вакансии директора школы.

– Это не совсем так, Иван Иванович, – ответил Плеханов. – Нам как раз очень нужен директор русской Первой школы.

– Так там есть директор школы? – заикнулся Иван Логинов, но Плеханов жестом руки его остановил и продолжил разговор:

– Там был директор школы, но мы его сняли. Он проворовался. Ремонтом школы занималась одна шарашкина контора и строители завысили сумму сметы. Директора за растрату государственных денег сняли с работы и предстоит судебное расследование.

– Спасибо вам за доверие, Петр Архипович, – поблагодарил Плеханова Иван Логинов, но у меня вопрос: «Как будет трудоустроена моя жена – Нина Сергеевна Сенчуро?»

– И этот вопрос мы спланировали, – ответил Петр Аркадьевич. – Мы предлагаем Нине Сергеевне стать директором 2-ой русской школы.

– Как говорится «не было гроша, да вдруг алтын»!

Но Нина Сенчуро не разделила восторг своего мужа. И растерянно спросила Плеханова:

– Петр Архипович, предложение для меня весьма лестное, но я же училась когда-то именно в этой школе. Я не представляю себе такой картины: я бывшая ученица этих преподавателей буду отдавать им приказы. Нет, нет, Петр Архипович, я в такой сложной обстановке работать не смогу.

– Вы, Нина Сергеевна, порядочный и принципиальный человек, – сказал Плеханов. Пока вы отнекивались от места директора школы, я подумал, что из вас выйдет хороший пропагандист. Ведь вы смогли убедить меня, что вам не стоит становиться директором школы в которой вы учились у ваших преподавателей. Поэтому я делаю вам другое предложение: станьте сначала инструктором отдела пропаганды и агитации, а потом, шагая по ступенькам карьерной лестницы, станете и заведующей отдела агитации и пропаганды.

Работала она долго и Иван Иванович решил своего сына Юру научить музыки. А мальчику не нравилось играть гаммы. Слух у него был, а вот желания музицировать у него не было, ну ни капельки не было! И однажды Юрий не пришел к учителю музыки, который обучал добровольцев школьников на дополнительных уроках, на меркантильной основе.

И конфликт возник между отцом и сыном: пламя гнева опалило Юру, а Иван Иванович докатился до рукоприкладства.

Вечером Нина, узнав об инциденте между отцом и сыном, резко сказала Ивану:

– Как ты посмел ударить Юрочку?

Иван Иванович, промямлив что-то непонятное, наконец сказал более вразумительно:

– Ну, прости меня, Нина, психанул я. Черт бы меня побрал. Я теперь его и пальцем не трону. Но мне так хочется, чтобы наш Юрочка получил диплом об музыкальном образовании. Ведь дополнительное образование, тем более музыкальное, может всегда пригодится.

– Ваня, – сказала Нина, – иногда я бывала и в Ленинграде на семинарах педагогов, и видала таких новоиспеченных музыкантов в подземных переходах. Они стоят, пиликая на скрипке какую-то мелодию, а около ног лежит кепка или шапка с мелочью. Как у нищего, который просит у прохожих милостыню. Не забивай парню голову.

– Нина, я тебя умоляю и клянусь, что больше пальцем не трону Юру, – попросил Нину выслушать Иван. – Пусть он не захочет стать музыкантом, но станет в кругу друзей душой компании. Музыкантов все любят: и стар, и млад.

– Хорошо, Ваня, я попрошу Юру закончить музыкальное образование, – согласилась Нина, – а ты иди и извинись перед сыном.

– Уже бегу! – спохватился Иван. – Я за мир во всем мире. Да и не нам делить его.

Время летит стремительно. И, однажды, сияющий Юра зашел в комнату к Нине и сказал ей:

– Мамочка, я наконец-то получил диплом о музыкальном образовании. Теперь ты можешь бросить его в печку. Пусть себе пылает синим пламенем. Но играть музыкальные гаммы я теперь не буду никогда!

– Юра, – спросила Нина, – а ты сам-то кем хочешь стать?

– Врачом, – не раздумывая ответил Юрий, – после школы хочу поступить в медицинский институт.

– Врачи бывают разные, – вздохнула Нина, – офтальмологи, гинекологи, педиатры, а ты кем конкретно хочешь стать?

Юра, не задумываясь, ответил матери:

– Я хочу стать хирургом, как Пирогов.

– Хирургом? – удивилась Нина. – Это же боль, кровь, нервы. Сможешь ли ты помочь несчастным людям избавиться от болезней?

– Я буду следовать, мама, клясться Гиппократу, у которого было очень хорошее правило: «Не навреди!».

– Конечно, сынок, я понимаю твое желание помогать людям, которые получили кровавые раны или того хуже скрытые переломы костей или же еще страшней травмы черепа. Но какие стальные канаты надо иметь

вместе нервов, чтобы работать хирургом?

– Помнишь, мама, – улыбнулся Юрий, – в фильме «Ко мне, Мухтар» мой тезка, актер Юрий Никулин ответил на вопрос полковника: «А сможет ли твой нос взять вооруженного преступника?», ответил уверенно: «Он постарается». Вот и буду стараться, чтобы мои будущие пациенты с моей помощью выздоравливали.

И Юрий Иванович Логинов поступил в Витебский медицинский институт. Но в то время в институте не было кафедры по военной подготовке. Можно было бы перевестись в другой институт, где такая кафедра имеется, но парню вдруг захотелось отслужить положенные два года в армии.

Нина Сергеевна сына не отговаривала. Ей нравилось его самостоятельность, но когда она узнала у военкома, что Юру отправляют служить в Восточную Сибирь, она ахнула и стала умолять его.

– Я понимаю, что материнская просьба для вас не указ, но при моей напряженной работе мне никто не разрешит повидаться с сыном в Восточной Сибири, потратив на дорогу к нему каких-то пару недель.

Потом, тяжело вздохнув, попросила:

– Может быть вы направите Юру куда-то поближе?

Военком вызвал помощника и попросил его:

– Александр Петрович, нельзя ли сделать, как говорят шахматисты, рокировку в длинную сторону? Помоги Нине Сергеевне.

Александр Петрович ответил:

– Постараюсь помочь. Только на рокировку в короткую сторону нужно потратить очень много времени. В Латвию, в Ригу все места закрыты. И мне придется сидеть всю ночь, чтобы перепечатать списки новобранцев.

– Так перепечатайте их, Петрович, – попросил военком, – с меня, считай, причитается. Все-таки Нина Сергеевна председатель Шумилинского райисполкома, а первый секретарь Шумилинского района – Храмцов Василий Георгиевич, к тому же и участник Великой Отечественной войны. Но самое главное, Александр Петрович, у этой шахматной партии…

Военком смолк, а Александр Петрович насторожился и спросил:

– Ну, что еще у вас самое главное?

– Да у Храмцова есть дочь Светлана, а они с Юрой учились в школе в одном классе. Да и квартиры у Нины Сергеевны и Василия Георгиевича на одном этаже. А балконы на улицу выходят и можно без телефона друг с другом общаться. Вот Юрий Логинов и Светлана Храмцова выходили на балконы и разговаривали.

Александр Петрович сказал:

– Вас понял. Уговаривать согласного не стоит. Приму меры и в лепешку разобьюсь, но списки к утру будут готовы.

Вскоре Иван Иванович Логинов со своей женой поехали в Ригу и

взяли с собой Светлану. Для поездки выбрали выходные дни: субботу и воскресенье. Посылали в войсковую часть, где служил Юрий Иванович Логинов, письма, чтобы ему позволили в эти дни дать увольнение. Командир части уведомил Нину и Ивана, что разрешит встретиться с сыном.

Радость встречи была неописуема. Все четверо: родители Юры, он сам и Светлана пошли на Рижское взгорье, где в морском песке можно было даже найти небольшие кусочки янтаря да и искупнуться в теплой воде Балтийского моря с удовольствием. Купальные принадлежности были у каждого. А вот Света Храмцова никак не решалась снять с себя тонкие трикотажные колготки.

Иван Иванович предложил Светлане:

– Света, да что ты стесняешься все. Вы же с Юрой десять лет вместе учились. Снимай колготки да и искупайся в море в плавках.

Но Света только плечиками пожимала, но до плавок так и не разделась. Ее поддержала Нина Сергеевна:

– Друзья мои, ну зачем вы прицепились к Светлане как колючки репейника. А вдруг она не может снять колготки. У женщин всякое бывает.

Благодаря поддержке Нины все отстали от Светы Храмцовой и стали веселиться. То по кромке воды, где волна обнизывает песок, пробежаться. Кто-то нырял головой в набегавшую на берег волну, а Иван Иванович даже заплыл далеко от берега, да быстро спохватился:

– У берега-то вода теплая, а чуть дальше – холодная, – пожаловался он. – Я уж лучше на солнышке погреюсь, а дома в Белоруссии и речек и озер хватает вдоволь.

Нина Сергеевна, пока ее муж «моржевал», разговаривала с сыном. Он на ее вопрос: «Как дела?», стал рассказывать:

– Кормят нас хорошо. Я учусь варить автомашину, уже езжу внутри военного городка довольно уверенно. Как сдам на водительские права и мне командир взвода, лейтенант Максим Кожушко обещал мне развозить почту из городской в наш гарнизон.

Когда родители уехали, Юра пришел в свое казарму до вечерней проверки.

– На проверку становись! – скомандовал Кожушко, – на первый-второй рассчитайсь.

Проверка шла своим ходом. Называлась фамилия по списку и обладатель этой фамилии резко выкрикивал отзываясь на клич:

– И-и-я!

Максим взглядывал на крикуна и называл новую фамилию:

– Петров!

Нависла тишина. И Кожушко зло крикнул вторично:

– Петров!

Результат тот же. Ни звука. И Максим заметался, шагая вдоль строя то в одну, то в другую сторону, и раздраженно спрашивал:

– Где Петров? Кто знает где Петров? Ах, так, всем отбой. А третьему отделению начать поиски Петрова.

Сержант третьего отделения Сидорцов, матюгнувшись, процедил сквозь зубы:

– Опять этот разгильдяй Петров смотался в сеновалку, но, стервец, не успел вернуться в часть! Ладно, хлопцы, выходите на поиски.

Как только третье отделение вышло из казармы, Сидорцов молча махнул рукой. Отделение также, ни слова не говоря, пошло за сержантом и завернули за угол казармы.

Там он произнес полушепотом:

– Тихо! К кому из его знаковых женщин пошел сегодня Петров? Так, почему молчим? Хотите, чтобы заставил сделать марш бросок к тете Моте?

– Сержант, ребята, вы подождите здесь за углом меня, – попросил Дуняшев и Хуженикшев. Первого называли коротко – Дунька, а второго – Пикша. Мы сейчас весь поселок перетряхнем, а Петрова к казарме приведем. Будет сопротивляться, пинками пригоним.

– Ладно, – согласился сержант Сидорцов, – одна нога здесь, другая там. Вас хотя в мое отделение из хозвзвода перевели, его правда иногда хозсбродом называют, но шустрости у вас хватает. Вперед! Шире шаг и тверже ногу.

Дунька и Пикша рванись в сторону поселка и быстро скрылись из вида.

Сидорцов сказал оставшимся солдатам:

– Максим Кожушко более-менее порядочный офицер. Но командир роты, старший лейтенант Якис Карлович Дарзниекс, любит воротник заложить, но его земляки в Латвии, кто же его сдаст высшему начальству? Правда говорят, что Дарзниекса потихонечку отправят в отставку. Он выслугу уже получил.

– А я слышал, – сказал Юра Логинов сержанту, – что Якис Карлович ровесник Юрия Гагарина.

– Было такое, – кивнул Сидорцов, – мне старослужащие рассказывали такой эпизод с Дарзниексом. Однажды он так нажрался водки, что еле языком ворочал. Вот старослужащий его и спрашивает: «Я слышал, что вас, Якис Карлович, хотят уволить из рядов Советской Армии?», а старлей говорит: «Они-то хотят, но я-то не хочу!».

Сидорцов переждал хохот и продолжил:

– И вот Дарзниекс продолжил рассказ: «А женился-то я не спроста: погиб наш первый космонавт Советского Союза да и всего мира. Мы же с Юрой Гагариным ровесники. Мне 34 года и Гагарину 34 года. Только я еще

жив, а Гагарина уже нет на этом свете!»

Кто из солдат рядом с сержантом прыснул смешком в кулак, но Сидорцов дал весельчаку такую затрещину, что тот чуть ли на землю не свалился.

Конфликт не разгорелся, потому что появились Дунька и Пикша, погоняв вперед пинками и затрещинами Петрова.

– Товарищ сержант, – от рапортовался Дунька, – мы с пикшей ваше задание выполнили. Рядовой Петров доставлен в наше славное воинское подразделение.

– Вольно, Дуняшев, вольно, – улыбнулся Сидорцов. – Все заходите потихоньку в казарму и спать-почивать. А этого мерзавца Петрова я сам отведу в канцелярию роты Максиму Кожушко. Пусть он решает: казнить или помиловать.

Утром лейтенант Кожушко выстроил провинившееся отделение на плацу и, медленно проходя мимо строя, зачитал:

– Хочу вам рассказать товарищи, чем занимается на досуге ваш товарищ, рядовой Петров. Вместо того, чтобы тщательно изучать воинский устав он….пишет стихи. Я сейчас прочту его опус:

– Выпил два флакона «Белая сирень»,

Старшина хотел дать в морду, проискал весь день.

Старшину искал я долго, так и не достал,

А потом нас ротный целый день долбал.

– Так вот, – сказал Максим Кожушко, – я вместо ротного объявляю три наряда вне очереди.

Петров, опустив голову и пожав плечами четко произнес:

– Искусство требует жертв!

– Ах, так? – возмутился Максим Кожушко, – тогда я объявляю пять суток гауптвахты.

– Я не знал, что вы такой мстительный, товарищ лейтенант, – промямлил Петров, а Максим рассвирепел и коротко бросил:

– Десять суток гауптвахты!

Физиономия Петрова засияла улыбкой.

– А вот десять суток гауптвахты вы мне объявить не можете. За один проступок по уставу два наказания нельзя давать.

– Вот на гауптвахтах за десять суток ареста можно хорошо изучить устав, – не сдавался Максим.

А Петрову уже нечего было терять, поэтому он сказал уже без бравады:

– Буду писать в другую инстанцию.

– Пиши, пиши, – кивнул головой Кожушко.

Контора пишет, когда-то и прибудет.

Вместо Якиса Карловича Дарзниекса прислали капитана Иванова Сергея Борисовича. Он служил в дисциплинарном батальоне, где отбывали срок провинившиеся солдаты, военнослужащие.

На гражданке бы их привлекли бы по уголовной статье и посадили в тюрьму, а так как провинившиеся служили в армии то и судили их по-другому.

Иванова перевели из дисциплинарного батальона за жестокое обращение с дисбатовцами. И Сергей Борисович старался в первое время не особенно жестко относиться к подчиненным, а поведение Юрия Логинова ему понравилось: парень вежливый, исполнительный, хорошо водит автомашину, точно и в срок привозит и отвозит почту!

Однажды капитан Иванов был на ночном дежурстве, а из солдат с ним дежурил Юрий Логинов. Юра зашел в штаб, где на телефоне дежурил Сергей Иванов и доложил:

– Товарищ капитан, я заходил в казарму и узнал от дежурного сержанта, что температура катастрофически падает. Мороз на улице хоть и не сильный, но оказалось, что система отопления может разморозиться.

Иванов выскочил из-за стола и сказал Юре:

– Логинов, за мной! Аварию я допустить не позволю. Идем в кательную быстрым легким шагом, постоянно наращивая скорость.

И они на самом деле быстро ворвались в кочегарку, где возле котла валялся пьяный солдат.

– Логинов, ты хоть немного разбираешься в этих системах? – спросил Иванов.

– А что тут разбираться, товарищ капитан, - сказал Юра, распахнув дверку котла, - уголь-то почти весь сгорел, сейчас я подниму несколько лопат в топку и температуру мы повысим.

– Молодец, Логинов, ты займись топкой, а я приведу в чувство пьяного солдата. Мать моя женщина, да он же клея БФ напился, вот они пустые на полу валяются, вот и аварию чуть ли не допустил.

Капитан надавал пощечин кочегару и тот очнулся. А Иванов накинулся на парня:

– Скотина, мне тебя нисколько не жалко если бы ты нажрался клея БФ, мне жалко тебя, идиота, что ты если будешь пить эту гадость, то до двадцати пяти лет не доживешь.

Но когда кочегар ответил Иванову, еле ворочая языком, то и капитан и Юра Логинов захохотали:

– А мне уже двадцать семь!

Что сделал с этим кочегаром Иванов, Юра не узнал, но в котельной больше никогда не было перебоев с отоплением.

Но вскоре перед Сергеем Борисовичем провинились Дунька и Пик-

ша. В воскресенье они вместе ходили в увольнение, а вернулись на бровях и карачках. Дежурил в этот день Максим Кожушко и ему пришлось усмирять Дуняшова и Хуженикшева. Они зашли в казарму к новобранцам и устроили в проходе между двух яростных коек ипподром, конные бега. Лошадьми были новобранца и они-то на своих спинах и возили мелкой трусцой седоков Дуньку и Пикшу.

А седоки подстегивали лошадок и голосом и кулаками:

– Эх, но! Мой залетный, – орал Дунька. А Пикша ему вторил: «Мы, красные кавалеристы и про нас былинщики речистые ведут рассказ…»

Максим зашел в казарму, когда Пикша распевал песню про речистых былинщиков и крикнул новобранцам:

– Тррр, тррррр…стать передо мной как лист перед травой…

Новобранцы приободрились и скинули лихих седоков со своих спин.

Дунька и Пикша, увидев лейтенанта, быстро соорентировались и мгновенно превратились в породистых рысаков, они рысцой и помчались из казармы новобранцев в свою. Ведь дома и стены помогают наверное подумали Хуженикшев и Дуняшев. У них был свой принцип: «Главное не пасовать и во время смыться!»

Но по утру они проснулись в койках своей казармы и затрепетали, услышав голос дневального:

– Дуняшев и Хуженикшев! Вас вызывает на ковер в свою канцелярию капитан Иванов Сергей Борисович.

Иванов встретил их спокойно и даже пошутил:

– Олимпийские игры закончены?

Дунька и Пикша как в рот воды набрали, молчали как рыбы и только губами шевелили. Ведь рыбы-то как раз в воде и любят губами шевелить.

– Но надеюсь, – продолжил капитан, – вы случайно не оглохли от своей самодеятельности? Песни звучали так громко и радостно, что лейтенант Кожушко рекомендовал мне направить вас солистами в народный хор имени Пятницкого.

– Простите нас, товарищ капитан, – дрожащим голосом пробормотал Дунька, – мы больше не будем.

– Честное слово, - вторил Пикша, - мы это сделали нечаянно.

– Вы как дети малые, которые нашкодили, а наказания хотят избежать. Вот и канючите: «Мы нечаянно». А слышали ли вы, ребятки, такую русскую народную блатную хороводную поговорку: «За нечаянно – бьют отчаянно!» А ты Хуженикшев даешь мне честное слово когда у вас нет ни совести, ни чести.

– Я клянусь, товарищ капитан, честью своей мамы!

– Раз вы так любите свою маму, Хуженикшев, то дайте мне, пожалуйста, ее почтовый адрес. Наш писарь напишет ей о ваших чудачествах и

приключениях.

Иванов думал, что Пикша будет умолять его не писать маме, а он спокойно сказал:

– У меня нет мамы, я детдомовский, бросила меня мама на произвол судьбы. Но ведь мама все-таки когда-то была и любила сначала меня. Вот я и поклялся вам своей мамой.

Капитан покачал головой и сказал:

– Ну и циник вы, Хуженикшев. Мне приходится сейчас как в той фразе: «Казнить нельзя помиловать». Так где мне поставить запятую?

– Казнить нальзя, помиловать! – сделал свой выбор Пикша.

Сергей Борисович встал и скомандовал:

– Оба, слушайте мою команду: «Ложись!»

Дунька и Пикша легли на пол, а Иванов подошел к их головам и правой ногой со всего размаха саданул носком сапога по лицу Пикши. Кровь хлынула из его носа фонтаном. А капитан, не дав опомниться Дуньке нанес такой же сильный удар по физиономии Дуньки.

Остервенев, Иванов пинал по лицам и головам провинившихся солдат, словно это были футбольные мячи.

Потом, сев на стул у письменного стола, приказал:

– Можете идти в казарму, а там умойте свои мордуленции. Старикам помним, сто дней до приказа. Будете ходить ниже травы и тише воды.

Но какой-то грамотный и умный солдат подсказал бедолагам: «Напишите вы об хулиганском поведении капитана Иванова в военную прокуратуру. А там быстро разберутся кто прав, а кто виноват».

Они так и сделали. Но, как говорят, советчику – первый кнут! Письма Дуньки и Пикши прочитали раньше, чем они пришли в военную прокуратуру.

И Иванов стал первым читателем этих жалобных писем. Он вызвал «писателей» опять в свой кабинет.

– Присаживайтесь, – сказал он Дуньке и Пикше. В ногах правды нет.

Оба пострадавших присели на кончики угла сиденья стула, словно боялись обжечь свои ягодицы.

Потом Сергей Борисович спросил:

– Дуняшев, мне наш фельдшер сказал, что у тебя кто-то зуб выбил. На тебе три рубля, но не на бутылку водки, а вставь протез, можно даже позолоченный в свою челюсть. А у тебя что, Хуженикшев?

– Трещина в правой стороне ребра.

– Это после свадьбы быстро заживет, – поставил свой «диагноз» Иванов и продолжил. – Приедет инспектор из военной прокуратуры скажите ему, что по пьяни, а вашу пьянку зафиксировал Максим Кожушко, набили друг другу морду. А потом все свалили на меня. У вас есть свидетели?

– Нет! – почти хором сказали Дунька и Пикша.

– Тогда у нас с вами два-два. Мы, лейтенант Кажушко и я – капитан Иванов на одной чаше весов и вы, пьяницы и хулиганы: Дуняшев и Хуженикшев на другой чаше весов. И что же решит с завязанным платком глазами наша «Фемида»? Догадайтесь с двух раз.

– Так что же нам делать? – промямлили солдаты.

– Вам ничего делать не надо, а признать только свою драку, в которой пострадали оба. Зато я до демобилизации закрою глаза на ваши очень редкие сеновалки к нашим дамам и как «старичков» вас не будут будить по утрам и индивидуально завтракать, обедать и ужинать в столовой.

На этом деловое соглашение и закончилось. Следователь, выслушав душещипательные рассказы о своих побоях, все подробно записал и спросил:

– У вас друг к другу претензий нет?

– Нет! – почти хором прозвучал ответ.

– Тогда подпишите мой протокол допроса: вот здесь и вот здесь.

А Юрий Иванович Логинов в этих передрягах не участвовал. Но когда он демобилизовался, его мама, Нина Сергеевна Сенчуро спросила:

– Сынок, ты же отслужив армию собирался поступать в офицерское училище?

Юра честно ответил:

– Мама, я не знал, что не только солдатам, а и офицерам так трудно служить в армии, что решил поработать опять в гуманной профессии – врачом. Я же хирург и должен лечить людей, а не калечить их. Буду совершенствовать свое основное ремесло:

– Хорошо, сынок, что ты принял правильное решение, – одобрила мать, – теперь я спокойна за твою судьбу.

Но Нина Сергеевна не знала о последнем разговоре своего сына с капитаном Ивановым Сергеем Борисовичем. А именно этот разговор подействовал на Юрия Логинова, что в каждом поступке человека есть множество противоречий.

Глава 10. Откровения капитана и новый жизненный курс Юрия Логинова

Когда Юра уже собрался помахать ручкой и сказать: «Прощай армейская служба, да здравствует гражданская жизнь!» к нему подошел капитан Иванов и сказал:

– Мы с тобой, Логинов, до одного момента понимали друг друга, а именно: когда я измордовал Дуняшева и Хуженикшева и предстал для тебя в образе изверга. Но ты, Юра, не понимал почему я так жестко поступил с этими разгильдяями и падлецами – Дунькой и Пикшей. А на это была

огромная причина, но она осталась во тьме непонимания благородства сержанта Сидорцова.

– Товарищ капитан, – удивился Логинов, – какие тайны могли быть у нашего сержанта Сидорцова? Да у него же душа на распашку.

– Юра, в том-то и дело, что Сидорцов – рубаха-парень и очень деликатный человек. Он бы мог Дуняшева и Хуженикшева не сто дней до приказа на командира прошедший день перечеркивать, крест на этот день ставить, под трибунал их поставить, - сказал Сергей Иванов, - но я его переубедить не смог. А вот сержант Сидорцов, в отличии от меня поступил не по армейскому уставу с этими ублюдками, а по-божески.

– Вы меня заинтриговали этой тайной, – сказал Юрий Логинов, – и если она существует, то откройте ее мне.

– Так! Я только и дожидался этого вопроса, – сказал Сергей Борисович. – Сидорцова Дунька и Пикша просто спровоцировали. Они попросили позаниматься стрельбой из калоша с ними, преподать им индивидуально мастер-класс стрельбы из окна. Окопчик-то по грудь, но длинной метра четыре. По фронту окопа установлены пять мишеней.

А в магазине автомата они лично зарядили десять боевых патронов.

– Товарищ капитан, а к чему мне эта арифметика? Я также стрелял по мишеням из окопа. Что же тут такого? – опять недоуменно спросил Юра, а Иванов и начал открывать завесу тайны, но не торопясь, а постепенно.

– Пока стрелял сержант они собирали мелкие камушки около бровки окопа за спиной стрелка, – сообщил Юре Сергей Борисович. – Потом, услышав последний выстрел, Пикша перебежал на край окопа, вдоль которого и стрелял в мишени сержант. И бросил первый камушекк в Сидорцова. Он увернулся, но Дунька швырнул сзади свой камушек прямо в спину. Выскочить из окопа сержант не мог: мешал автомат, а откинуть оружие в сторону тоже нельзя. Вот и заметался Сидорцов по окопу, уворачиваясь от камнепада.

– А чем закончилась эта дуэль? – спросил Юра, а Иванов продолжил свой монолог:

– Эта сволота издевалась на Сидорцовым. Они не только швыряли в него камушки, а припевали: «Стукнем камушком по головушке, разлетится к чертям голова». И тут-то у меня и пришло озарение. Ведь я же Одессит и я знаю, что такое Одесса-мама, Ростов-папа.

– Я не совсем понимаю причем тут Одесса-мама и что вы Одессит? – пожал плечами Юрий, но Иванова словно заклинило и он, не поясняя ничего, продолжил свой монолог:

– Дунькин мотив: «Стукнем камушком по головушке, разлетится к чертям голова», это же парафраз Одесской песенки и он звучит вот так: «А на ней была шубка беличья, а на нем воротник из бобра. А как вытащил

портсигарище, в нем не менее фунт серебра. Жаль что не было там фотографа, он заснял бы прекрасный сюжет: дама в трусиках и бюстгальтере, а на нем даже этого нет.»

– Оригинальная песенка, – заулыбался Юра, – и кто этот автор?

– Этого автора знала вся Одесса. Вор в законе, бандит Миша-Япончик. У него была и другая песенка: «Черный фраер меня не обманет, у него не такая душа, ну а если меня он обманет, раздавлю как букашку-иша!

– Какой-то сплошной блатной шансон, – вздрогнул Юра, – но причем тут Миша-Япончик?

– Абсолютно не причем, – согласился Сергей Иванов. – После своих воспоминаний об моей Одессе мне показалось, что Дунька и Пикша как раз и хотят показать своему сержанту, что он никто, а они – коллективный Миша-Япончик. Но не тут-то было. Сержант Сидорцов отказался дать показания на Дуняшева и Хуженикшева. Как я не уговаривал это сделать сержанта, он не стал их сдавать.

– Так вы поэтому и решили избить дембелей? – спросил Юрий.

– Да, я решить наказать падлецов. Но не стал никому объяснять почему я совершил такой жесткий поступок. Ведь и добро должно быть с кулаками, а злоба, по мнению сержанта, может быть не наказана по заслугам. Поэтому я и рассказываю, Юрий, свою позицию. Эта позиция не только моя, а и сержанта Сидорцова. Он мне рассказал одно стихотворение, котогда-то написанное в детстве о себе:

«Мальчишка дерзок был и смел,
Его втроем пинали, били,
В пальто по пыли извозили…
Он отбивался и сопел.
И злость подходит ведь к концу,
Они, наверное, устали,
Его валтузить перестали,
Он кровь размазал по лицу.
Под умолюканье и свист,
Собрал в портфель тетрадки, книжки,
И, затолкнув его под мышку,
Он тихо выдавил: «Фашист!»
Когда от них он уходил,
Они ссутулившись стояли,
И все еще не понимали,
Что это он троих избил!»

– А вот теперь и я хорошо понял и вас Сергей Борисович, и сержанта Сидорцова.

Юрий, вернувшись домой в Витебск, где он стал работать в больнице врачом-хирургом, поселился рядом в квартире с соседями Храмцовами.

Василий Георгиевич и его дочь Светлана обрадовались его приезду. Но Юра как узнал, что его оклад хирурга сто двадцать рублей в месяц решил подрабатывать в больнице по ночам дежурным врачом.

Хотя он и симпатизировал Светлане Храмцовой, но жениться без копейки в кармане ему не хотелось. Поэтому Юрий Логинов в выходные дни выгружал на железнодорожной станции вагоны или подрабатывал на стройке.

Он так выматывался, ведь крутился Юра, как белка в колесе, что добравшись домой, засыпал на кровати едва коснувшись головой до подушки.

Нина Сергеевна при встрече с сыном просила его:

– Юра, зачем тебе столько работать? Ведь я неплохо зарабатываю и всегда смогу помочь тебе материально.

– Нет, мамочка, – отнекивался сын, – если мы со Светланой решим пожениться, то на свадьбу у меня деньги будут.

Нина Сергеевна только плечами пожимала, а в душе-то уже все кипело и бурлило:

– Юрочка, – думала она – а будет ли у вас свадьба?

Сомнения у матери были не без основательно. Ведь когда ее сын разгружал вагоны комнату Светланы посещал Московский гость. Он был красив, но надменен и смотрел даже на мать Юрия с какой-то снисходительной брезгливостью.

Но на третий день «Дон Жуан» бесследно испарился, а Светлана осталась с носом. Ведь когда Юрий поднимался по лестнице в свою квартиру из двери любимой девушки вышел этот самовлюбленный парень.

А мать-то не хотела навредить сыну, поэтому и молча переживала за Юрину неприятность. Он же сердцем почувствовал страдания матери и сказал:

– Мама, все перемелется и будет мука, а не муки разочарования. Я даже понял тебя, когда ты увидела на балтийском пляже Свету в колготках и поняла: она скрывает свои ноги, обросшие черными волосиками. Ведь я видел отца Храмцова на балконе в трусах, а его грудь, живот и ноги были покрыты волосами как у бурого медведя. А мне было все равно какие у Светы ноги, но ее поступок перечеркнул всю мою любовь. Давай, мамочка, не будем об этом больше вспоминать.

У матери отлегло на сердце: врать сыну она не могла, а сказать правду стеснялась. Но чуткость и чувствительность сына она восприняла с благодарностью. Судьба пощадила и боль Нины Сергеевны за сына и лишний раз показала деликатность Юры.

Нина Сенчуро задумалась и унеслась в волшебную страну: «Своих

собственных Переживаний. Воспоминаний». А вспоминала она как раз о Юрии, когда ее сын был мальчиком. Маленьким-маленьким. От роду чуть больше двух с половиной лет.

Нежное материнское сердце даже всколыхнулось, а мысли воспарили ввысь и стали услужливо подавать эпизоды из прошлых лет.

Она улыбнулась и вспомнила слова из песни, которую когда-то напевала Юрочке: «Мой малышка маленький, чуть побольше валенка».

– Да, – думала Нина, – Юра родился 9 февраля 1955 года и Ваня Логинов написал ей такое стихотворение:

«Он родился в февральскую вьюгу,
Ранним утром, дыша не спеша,
Снежным вихрем, вращаясь по кругу,
В небеса устранилась душа.
Пусть теперь в небесах он витает,
Но по грешной шагает земле,
Он не сахарный, он не растает,
Не застынет в холодной зиме».

А ведь тогда был жив еще и Сережа. Иван каким-то образом, когда я сожгла все тетрадки Сергея, успел достать фотографию его. Он стоит четырнадцатилетний, высокий, худощавый в рубашке и коротеньких до колена штанах, а Юрочку посадил Сереженька на табуретку. У Юры пухленькие щечки, а ножки он скрестил, и они находятся где-то посередине высоты табуреточки. И скрещенные ноги, как говорят психологи, это признак скрытого характера.

Нина отложила в сторону эту фотографию и опять ушла в воспоминания:

– Я и Иван поочередно бегали в нашу квартиру во время перемены посмотреть на Юрика. Ему мы с Ваней принесли в дом спальную кроватку с высокими поручнями, бортами из тоненьких деревянных палочек с четырех сторон. Чтобы он случайно не выпал из кроватки. Чтобы Юре было не скучно мы включили радиоприемник. Пусть слушает малыш музыку, стихи, обыкновенные разговоры дикторов на разные темы.

Нина еще раз посмотрела на фотографию и продолжила вспоминать:

– Сначала я кормила ребенка грудью, а когда Юра подрос начала его кормить молочной кашкой из бутылочки с резиновой соской на горлышке этой резиновой посуды. Даже оставляла ее когда бежала после перемены на урок. Он когда захотел кушать мог поесть вкусную пищу. Молча. Да, да, он почему-то не говорил, а молчал. Я уж грешным делом подумала уж не немой ли Юрочка. Но однажды мы с Ваней получили сюрприз от ребенка.

А произошел этот сюрприз с Ниной и Ваней вот как: по окончанию

уроков Иван Иванович и Нина Сергеевна под ручку направлялись из школы домой. Открыв дверь, они услышали передачу из радиоприемника о правильном воспитании родителями детей. Зашли в комнату к Юре и Ваня сказал:

– Ты посмотри и послушай, Нина, как нас учителей диктор по радио поучает, как правильно нужно воспитывать своих детей.

Только это сказал Логинов, как он и его жена Нина услышали голос Юры. Да, да! Они услышали впервые голос своего ребенка. Но это были непросто слова «папа», «мама». Юра начал говорить быстро, четко и громко:

– Папа, мама, вы послушайте эту передачу. Оказывается вы неправильно воспитываете меня.

Нина и Ваня открыли в изумлении рты, а Иван усмехнулся и сказал:

– Юрочка, я наконец-то услышал речь не мальчика, а мужа. Обычно я считал, что яйца курицу не учат. А после твоей реплики понял, что глубоко ошибался. Яйца-то учат не только курицу, а и петуха, который думает, что он хозяин птичьего двора. Но оказалось, что ты нас с мамой поучаешь как надо воспитывать тебя.

– Я вас не поучаю, – ответил Юра, – это по радио говорят как надо правильно воспитывать детей.

– Хорошо, сынок, – сказала Нина, – мы с папой в школе всегда не поучали детей, а учили их писать, читать и запоминать то, что говорит учитель. Теперь ты открыл нам глаза, что мы, оказывается, неправильно тебя воспитываем. Спасибо, сынок, за заботу.

– Да, мамочки по радио говорят как надо воспитывать детей и как о них заботиться.

– Слышишь, Нина, что говорит Юра. Оказывается мы не умеем заботиться о ребенке. Да он у нас – вундеркинд!

– Папа, – ответил Юра, – а я не слышал такое слово по радио. Скажи мне, что такое «вундеркинд»?

Иван отвернулся от сына чтобы не обидеть его и прыснул в кулак как будто он сморкается, а Нина выругала мужа.

– Вундеркинд, Юрочка, это послушный мальчик. И я очень хочу чтобы ты был у меня самым хорошим, послушным и воспитанным мальчиком. Ты уж не обижайся, Юрик, что мы с папой неправильно воспитываем тебя. Мы, сынок, постараемся теперь постараемся теперь правильно воспитывать тебя.

Учитель немецкого языка в школе Сидор Павлович Шустер, узнав у Нины Сенчуро, что ее сын Юра часто находится один в доме предложил свою услугу:

– Нина Сергеевна, я могу взять с собой в баню вашего мальчика. Пусть он привыкает к мужской компании. Там многие отцы приводят своих

ребят чтобы ребенку и спину потереть, да и голову помылить как следует. Бывает, что многие пацаны не просят долго и добросовестно мыть голову и тереть спину, а только пополоскаются в тазике с теплой, а не горячей водой и уже готовы идти вытираться полотенцем.

А Иван Логинов пошутил, услышав, что ребята не любят тереть спины, сказал:

– В народе говорят: «Черного кабеля не отмоешь до бела».

Но и Шустер, не зря же у него такая быстрая и шустрая фамилия, тоже нашел что ответить:

– Так зачем вашего сына отмывать до бела, ведь Юрочка-то белобрысый, светлоголовый. Пусть с малолетства ходит в мужскую баню. Я могу его и на полке веником попарить, так с легка, без жаркого пара.

Иван Иванович, услышав про парилку, признался:

– Да я сам попариться-то люблю и рад бы в рай, да грехи не пускают. Набрал уроков выше крыши, а на баню и время редко выкраиваю. Но без пара, его мужики уже с утра весь используют, а к вечеру-то там чуть тепленькая банька остается.

На следующий день Иван Иванович спросил Шустера:

– Сидор Павлович, как там в бане вел себя наш Юрочка? Не хулиганил?

– Ну что вы, Иван Иванович, – ответил Шустер, – он мне, как профессор по истории прочитал отличную лекцию о международном положении. Из нее я узнал, что после Великой Отечественной войны в Европе стала не одна Германия, а сразу две. Я удивился, когда ваш сын мне пояснил почему теперь две Германии. Оказывается одна теперь зовется Восточная, а другая – Западная Германия. К тому же, дополнил Юра, Восточная Германия называется ГДР, т.е. Германская Демократическая Республика. Другая Германия стала называться ФРГ – Федеративная Республика Германия. Сумел он мне объяснить, что такое Демократическая Республика и почему Федеративная Республика. Вот тогда и понял с каким великим философом я познакомился.

Нина Сергеевна поддержала хвалебно-ироническую речь Шустера по-своему:

– Ваше удивление, Сидор Павлович, понятно, но если бы вы знали, что Юра знает наизусть столько стихов, что удивление ваше увеличилось бы многократно.

– А каких поэтов Юра больше всего любит? – спросил Шустер. – Что вы рекомендуете ему читать, каких поэтов и писателей он любит?

Нина Сенчуро стала перечислять:

– Пушкина и Лермонтова, Есенина и Тютчева. А из писателей он почему-то выбрал иностранного Джека Лондона, а из русских – Алексей Толстой.

Шустер только головой покачал:

– Его выбор впечатляет. Классическая литература, которую должен читать любой интеллектуальный человек. Но что именно больше всего любит ваш сын в классической литературе?

– В первую очередь, Юра любит декламировать Лермонтовское «Бородино». Какой пафос и патриотизм звучит в этом стихотворении:

– Скажи-ка дядя, ведь недаром,
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Да, были схватки боевые,
И говорят еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородино».

– А из Пушкина? – сразу же спросил Шустер.

– Как ни странно, он любит небольшое стихотворение, посвященное Анне Карениной:

«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты!
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

– Но я, – продолжила разговор Нина, – предложила выучить отрывок из Пушкинской поэмы:

«У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем, и ночью кот ученый,
Все ходит по цепи кругом.
Пойдет на лево – песнь заводит,
Направо – сказки говорит,
Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.
Там на невиданных дорожках,
Следы неведанных зверей,
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон и дверей».

А выбрала я этот отрывок, хотя я прочитала только начало пролога поэмы Пушкина, дальше будет читать уже сам Юра. Стихи Александра Сергеевича так пленили моего сына, что он читает «У Лукоморья дуб зеленый» четко, без единой запинки, а ведь ходит-то он только в первый класс.

– А что ваш Юра выбрал из Тютчева? – спросил Сидор Павлович. – Может быть вот это: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром, как бы развеся и играя, грохочет в небе голубом. Гремят раскаты молодые, вот дождик брызнул, пыль летит, повисли перлы дождевые, и солнце нити золотит».

– Этот отрывок из стихотворения Тютчева знают многие наизусть, в том числе и Юра, - сказала Нина. – Но окончание этого уникального стихотворения мало кто знает. А вот мой Юра где-то раскопал концовку из стиха поэта. И она звучит вот так: «Ты скажешь: ветреная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила».

– Да, – согласился Шустер, – в Советское время про мифических персонажей из древнегреческих богов: Зевса, его жены Гебы, как написал для рифмы Тютчев, хотя она изначально звалась Герой; наши политические цензоры имена богов вычеркивали. Нужно было якобы искоренить «мракобесие».

– Я не хочу углубляться в политику, Сидор Павлович, – ответила Нина Сенчуро, – история нас сама рассудит: где миф, а где истина.

Шустер улыбнулся и добавил:

– А теперь я произнесу древнеримскую пословицу: «Истина – в вине!» Может быть и ее исключат из нашего лексикона, посчитав, что этот шедевр делает рекламу для употребления алкоголя?

Нина Сергеевна не стала комментировать шутку, а предложила ему:

– Сидор Павлович, я приглашаю на утренник нашей школы. Там будут соревноваться наши ученики, они продекламируют стихи наших русских поэтов.

– Спасибо, Нина Сергеевна, за приглашение, – согласился Шустер, – я обязательно приду на этот поэтический праздник. Но вы мне не рассказали какие стихи Сергея Есенина любит ваш сын.

– Я удивляюсь, Сидор Павлович, – ответила Нина, – но он где-то прочитал патриотическое, а не лирическое стихотворение Есенина.

– Да? – удивился Шустер. – А я-то считал, что Сергей Александрович не обладал, как Владимир Маяковский, таким пафосом. И что же вычитал ваш сынок?

– Да я сама удивилась, когда Юра мне прочитал этот отрывок. Вот послушайте:

«Свобода взметнулась неистова.
И в розово-смрадном огне
Тогда над страною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы»,

И тут же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу…
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.

– Неужели Сергей Есенин так назвал себя? – удивился Сидор Павлович. – В 1918 году когда началось сопротивление немецких солдат с русскими солдатами, то никто и останавливал солдат, в основном из жителей деревни, уходить с фронта, прихватив с собой винтовку.

– Вы не до конца дослушали этот Есенинский отрывок, – улыбнулась Нина. – Вот послушайте, что было у Есенина написано дальше:

«Нет, нет! Не пойду навеки.
За то, чтоб какая-то мразь,
Бросает солдату-калеке,
Пятак или гривенник в грязь!»

– Потрясающее стихотворение, – воскликнул Сергей Павлович. – Прочитав такое стихотворение Юра, наверняка, займет первое место.

Утренник начался в актовом зале школы. На сцене был установлен длинный стол, укрытый ярко-красной скатертью. Она была одним концом, который был обращен к зрительному залу, свисала до самого пола. А за столом сидело жюри. В том числе и Иван Иванович Логинов, он был председателем этой комиссии, и Нина Сергеевна Сенчуро.

Их сын, Юрий, выступал где-то в середине утренника. Он читал отрывок из стихотворения Пушкина «У Лукоморья дуб зеленый…» очень четко, чеканя каждое слово. Зрители, особенно его одноклассники да и взрослые родители их, завороженные декламацией выступающего мальчика, впились глазами на талантливого актера.

Но именно это зрительское внимание почтенной публики и сыграло с Юрой злую шутку. Ни с того, ни с сего, как всадник на коне, не сумевший взять препятствие, вылетевший из седла кубарем, растерявшейся лошади, замолк на полуслове.

Но если бы он только замолк. Произошло нечто большее: Юра вдруг громко заплакал и, рыдая безутешно, нырнул под стол, приподняв длинный конец скатерти, свисавший до пола сцены.

Иван Иванович Логинов заглянул под стол, вытащил из-под него сына и спросил его тихонько:

– Ты чего же это, Юрочка, так испугался? Ведь ты так хорошо читал

стихотворение и все зрители внимательно слушали тебя, как завороженные.

А мальчик, всхлипывая и заикаясь пробормотал:

– Я взглянул на зрительный зал и увидел, что все взрослые люди так внимательно смотрят на меня.

– А ты бы, Юрочка, смотрел бы не в зрительный зал, а поверх их голов, и не обращал бы ни на кого внимания. Успокойся, сынок, стань опять на край сцены и прочитай стихотворение до конца.

Но утешить всхлипывающего мальчика не удалось даже отцу. Юра вырвался из его рук и бросился бегом из зрительного зала.

Нина Сергеевна не растерялась и пока Логинов уговаривал сына успокоиться, объявила:

– Уважаемы зрители, произошла небольшая заминка. Поэтому для прочтения отрывка стихотворения из поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин» на сцену приглашается Дима Луговой.

Давайте встретим Диму аплодисментами. Зрители захлопали и школьник Лугой стал читать про Евгения Онегина.

Нина Сергеевна пока Дима читал отрывок из «Евгения Онегина» разыскала Юру и успокоила его:

– Юрочка, в жизни всякое бывает. Читал ты со сцены четко, выразительно, но вперед тебе наука – никогда в следующий раз не смотри в глаза зрителей. Обычно даже опытные актеры, артисты, читая монологи никогда не смотрят в глаза зрителей, а глядят поверх их голов. И пусть они смотрят на тебя, а ты не встречай их взгляды.

– Ладно, мама, я уже успокоился, – кивнул головой Юра. – Я в следующий раз никогда не буду смотреть в глаза людей, сидящих в зале.

– Вот и хорошо, сынок, – улыбнулась Нина, – пойдем со мной на сцену и подождем пока вручат тебе грамоту за декламацию отрывка « У Лукоморья дуб зеленый…».

– Мама, а зачем же мне вручать грамоту, если я не до конца дочитал стихи. Нужно вручать грамоту тем школьникам, которые хорошо прочитали стихотворение.

– Юра, не переживай, ты читал очень хорошо – это раз, а во-вторых, грамоты вручают всем выступавшим на сцене ученикам. И раз ты уже начал выступать для зрителей, то грамота была написана и на тебя. Ты подойди на сцену к директору школы к Ивану Ивановичу Логинову и он вручит тебе почетную грамоту. А она тебе будет всегда напоминать: «Если ты выступаешь на сцене, то не обращай внимания ни на что. Пусть зрители свистят, кричат недовольно, а ты собери свои нервы в кулак и дочитай свой монолог до конца».

– Я все понял, мама! – кивнул головой Юра.

– На следующий день, в воскресенье, Нина Сергеевна и Иван Ива-

нович пошли на болото собирать ягоды: клюкву и бруснику. Соседку Нина попросила:

– Мария Васильевна, вы не смогли бы к двум часам дня подъехать по дороге с моим сыном Юрой на лошади? Мы обычно набираем с мужем ягоды по два ведра каждый. И донести такую тяжесть домой очень трудно.

– Нина Сергеевна, - успокоила Сенчуро тетя Маша, - ровно в два часа мой кабриолет будет подан к болоту. А если вы не успеете набрать полные ведра ягод, мы с вашим Юрочкой подождем вас.

Ягоды на болоте хорошо вызрели. И Иван и Нина набрали ведра до краев и пришли к дороге минут за двадцать назначенного срок. Они сели на бугорок и вдруг услышали как вдалеке фыркает лошадь, стучат колеса, но самое главное: они услышали голос сына. Слова родители еще не улавливали, но голос Юрия звенел как колокольчик:

– Ти-та-та, ти-та-та, ти-та-та.

Иван сказал: «Нина, ты посмотри как наш Юра соловеем заливается. И никого он сегодня не стесняется!»

Глава 11. Поиски старшего брата Арсения

Арсен, так для краткости называли родственники старшего брата – Арсения. После финско-советской войны 1939 года на своем паровозе-локомотиве стал также машинистом водить железнодорожные составы и в Великую Отечественную войну. Он с передовой линии забирал санитарные вагоны с ранеными красноармейцами и отвозил их в глубокий тыл для дальнейшего лечения. Такие маршруты он выполнял до того времени пока фашистов советские войска не погнал за пределы Советского Союза.

Последний рейс Арсен выполнил из украинского города Чернигов. И тут ему поступила команда – остаться в железнодорожном депо г.Чернигова и водить уже пассажирские составы в освобожденные города: Киев и Гомель. Киев – украинская столица, а Гомель находился в Беларуси. Все-таки на своей исторической родине частенько стал бывать брат Нины Сенчуро.

Но никто об этом в Городке, где жили на улице Красноармейская д.36 его родители, сестра Нина и братья Павел, Валентин и вернувшийся с фронта Алексей, не знали. И вдруг в Городок пришло письмо из Чернигова от женщины по имени Галина. Она писала, что Арсений Сергеевич Сенчуро получил ранение, то ли в ногу, то ли в руку и лежит в госпитале. Писать письма он не может, а сама она когда-то работала с ним помощником машиниста.

Сергей Филиппович и Екатерина Карповна сначала обрадовались: наконец-то узнали, что наш сынок жив, а потом загоревали:

– Может быть так тяжело ранен, что ни рукой, ни ногой пошевелить

не может наш старшенький сын?

А Арсен-то оказывается боялся сообщить родителям, что он женился на этой женщине по имени Галя, Галия. Притом Галя была помощницей машиниста Арсения Сенчуро. И они уже давно связали свою судьбу друг с другом.

Как положено расписались в ЗАГСе, а свадьбу свою сыграли в кабине паровоза. Работа напряженная, специалистов на железной дороге не хватает, вот и приходится Сергею и Галине крутиться, как и белка в колесе.

Но к такому интенсивному движению на работе они давным-давно привыкли. Ведь, несмотря на суматоху у них родилась дочурка, которую назвали Наташей, а после четырех лет родилась и вторая дочь. Ее Галя и Арсен назвали Леной, Еленой.

Родителям Арсена было трудно понять их длительное молчание.

– Ладно они тебя боялись, Сергей, – говорила Екатерина Карповна мужу, – но я то, как женщина смогла бы понять, что раз решили соединить свои судьбы, то значит они любили друг друга и мы с тобой не изверги какие-то, чтобы разбить их счастливую семью.

– А может быть, Катя, – откликнулся Сергей Филиппович, – они боялись меня?

– Так чего же им надо было тебя бояться? – удивилась жена, а муж тут же и пояснил:

– Я как-то в шутку пригрозил сыну: «Если у тебя родятся девочки, то ко мне и на порог не ступай. Я хочу, чтобы у тебя родился мой наследник – Сергей Арсентьевич». А может быть, Катя, его жена нас боялась.

– Ладно, Сережа, – махнула рукой Екатерина. – Кабы да кабы – во рту бы выросли грибы. Жизнь все расставит по своим местам. Вспомни как у Полюхи было вместе с ней семеро девочек-сестер. А сама Полюха тоже детей нарожала, что попросила нашу дочь Нину отправить к ней, чтобы Нина хоть понемногу за ребятками присматривала.

– Конечно помню, – откликнулся Сергей.

– Так я контролировала, чтобы нашу Ниночку в семье Полюхи не обижали. И раз в неделю моя родственница приводила за ручку Нину ко мне, ей было около пяти лет, а я спрашивала: «Хорошо ли тебе, доченька, жить у тети Поли? А она мне кивала головой!

– Значит Нине и в самом деле было хорошо жить в доме у Полюхи, - сказал Сергей, но Катя огорошила мужа репликой:

– Мне Нина спустя много лет призналась, что ее Полюха превратила в батрачку, а сама нянчилась с детьми. Ниночке же пришлось кормить куриц поросят, полоть грядки с овощами от сорной травы, носить воду в огород ведром и поливать огурцы и помидоры кружечкой из этого ведра.

– Вот это да, – удивленно поднял брови Сергей Филиппович, - нашу

дочку Нину она рабыней сделала, а сама дома отсиживалась. А почему же Нина кивала тебе головой.

– Так Полюха, когда я спрашивала Нину: «Хорошо ли тебе девица-красавица у тети живется?», то она кивала головой. А оказывается Полюха пригрозила Нине: «Если ты расскажешь маме, что тебе живется плохо в моем доме, то я так прутом по заднице настегаю, что ни сядешь потом». Вот Полюха после моего вопроса к Нине и сжимала ладошку моей доченьки так сильно, что Ниночке оставалось только одно – кивать мне молча головой. Только потом я заметила на ручках Ниночки маленькие царапины. А Нина мне призналась, что она по приказу Полюхи, брала в руки серп и им срезала траву. Серп срывался, срезав пучок травы и впивался в пальцы руки. У нее до сих пор остались шрамы на руках. Своей батрачке Полюха давала задание стирать пеленки детей в обыкновенной дождевой луже. А там были какие-то пиявки. Кроме порезов Нинины руки вспухли от укусов этих пиявок.

– А Арсену-то что было бояться? – спрашивал Сергей Филиппович, и Катя ответила:

– Может быть Галя Арсена чем-то напугала, а тот держал язык за зубами. Женщины иногда бывают совсем не мягкими и покладистыми. Я знала таких стервоз, которые над мужьями изгалялись так, как с половой тряпкой.

– Что же, бывает, – сказал Сергей Филиппович, улыбаясь, – что у девушки муж умирает, а у вдовушки – живет!

Пока супруги Сенчуро гадали на кофейной гуще от Арсена вдруг пришло письмо, в котором был сигнал «сос», как говорят о шифре мореманы «Спасите наши души».

Арсен был в панике и слезно просил:

– У меня умерла жена Галина. На моих руках две доченьки. Их некому оставить, а работа на пассажирских поездах заставляет меня придерживаться к графику их движения. Метаюсь, как загнанный зверь в угол: туда-сюда, а выход не нахожу. Милая мамочка, приедь ко мне хотя бы на месяц, пока я не подыщу няньку и не улажу с начальством свой график работы.

Екатерина Карповна поехала в Чернигов к Арсену. И с девочками она быстро поладила. Они быстро к ней привязались. Когда их отец нашел няньку, а Екатерин Карповна собралась уезжать домой в Городок, то девчонки ухватились за подол платья Екатерины Карповны и умоляли ее:

– Катя, бабушка Катя, не уезжай от нас. Мы так тебя любим.

А она им на дорожку сказала:

– Мои милые и родненькие девочки! Когда вы подрастете и повзрослеете, то мой сын, ваш папа, привезет вас на своем пассажирском поезде

к нам в Беларусь, в Гомель. Я вас встречу и привезу в наш дом к Сергею Филипповичу и ко мне. Там и познакомитесь со всеми нашими многочисленными родственниками. Чтобы их всех обойти и познакомиться вам не хватит даже летних каникул.

Время летит быстро. Вскоре и Арсен стал врастать в город Чернигов. Он много лет прожил в нем и его украинские друзья не делили кто какой национальности. На Украине было много не только украинцев, а и русских и белорусов, как Арсен.

Железнодорожное начальство выделило Арсену несколько соток земли, принадлежащей к ведомству железной дороги. А он завез на свой приусадебный участок бревна. Сложить сруб дома Арсен попросил помощи у своего брата Павла, который проживал в родительском доме Сенчуро Катерины и Сергея.

Когда Павел приехал, то черниговские знакомые Арсена часто путали Арсена и Павла. Для Арсена эта путаница была забавной. Ведь Павел был так похож на старшего брата, и когда он готовил бревна для венцов сруба, соседи Арсена говорили Павлу:

– Бог в помощь тебе, Арсен!

А Павел и не признавался, что он Павел, но бодренько отвечал:

– Бог-то бог, да и будь сам не плох.

Зато братья Арсен и Павел сами прекрасно понимали, что они хоть по возрасту и имеют разницу, а внешне выглядят как близнецы. Оба высокие, белобрысые, хотя у Павлика было в волосах рыжины побольше, чем у Арсена, широки в плечах, стройные и мощные мужчины.

Сруб дома они за лето возвели до крыши, а кровлю они сварганили за пару недель. Арсен рассказывал Павлу как он в 1933 году до начала советско-финской войны покрывал крышу депо в Питере стальными листами кровельного железа и случайно назвал «кровельный лист» по-белорусски «бляха». Братья после этого рассказа долго хохотали и хлопали друг друга по плечам ладонями, приговаривая:

– Бляха-муха, муха-бляха!

Через некоторое время Арсен, получив на железнодорожной дороге месячный отпуск, поехал в родительский дом, забрал своих дочек погостить у бабушки Кати и дедушки Сергея.

Но, как говорится в народной поговорке: «В гостях ты только один день, а на второй день – ты уже хозяин».

И Арсен поступил в Городке точно так же, как сказано в этой народной поговорке.

– Мамочка, батя, – обратился к отцу и матери Арсен, – хочу с вами согласовать план моей перепланировки дома. Коридорчик в вашем доме немного темноват, а я сделаю стенки коридора из стеклянных рам.

– Что же, – сказал Сергей Филиппович, – попытайся сделать светлый коридорчик. Как любил говорить наш вождь, товарищ Сталин товарищу Берия: «Попытка не пытка! Правда, Лаврентий Павлович?»

Арсен засмеялся, но взглянув на мрачное лицо отца, поперхнулся этим своим же смехом. Такие шуточки Иосифа Виссарионовича Сергей Филиппович испытал на собственной шкуре.

Зато Арсен, с разрешения отца, показал свое столярное мастерство. Радость и яркость белого света после устройства «прозрачного» коридора разлилась по всему дому.

По окончанию работы Арсена, Сергей Филиппович одобрил мастерство сына, опять же со Сталинским акцентом: «Жить нам стало лучше, стало веселей. Шей стала тоньше, зато нос длинней».

Арсен откашлялся, а потом спросил Сергея Филипповича:

– Батя, а ты не боишься говорить такие колкие фразы?

– Эх, сынок, – грустно вымолвил отец, – я свое уже отбоялся.

В марте 1953 умер Иосиф Виссарионович Сталин, вождь Советского народа. Он в самое трудное время Великой Отечественной войны мобилизовал народ одной фразой: «Все для фронта, все для Победы!». Это про Сталина сказал Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании: «Сталин принял Россию с сохой, а сдал ее с атомной бомбой», именно атомная бомба стала защитой Советского Союза и сегодняшней России. И даже в частушках и в анекдотах звучит имя Сталина всегда на первом месте:

– Сталин выиграл войну, Ленин революцию, Хрущев деньги поменял, Брежнев Конституцию!» А дальше следовал припев на мотив песни Аллы Пугачевой «То ли еще будет, то ли еще будет ой-ей-ей!». Она как будто предсказала лихие 90-е и развал Советского Союза. И уже тогда появилась фраза: «Сталина нам не хватает». И хорошо лидеров в России нам не занимать. Не занимать у иностранцев, своих хватает!

А в семье Сенчуро 7 ноября 1953 года отмечали этот великий день. Почти вся семья собралась за праздничным столом, в том числе Нина Сергеевна. Днем она поздравляла своих избирателей, а вечером отмечали 7 ноября в узком семейном кругу.

Сергей Филиппович спел, опять же, такую разудалую, задорную песню про народного героя – Стеньку Разина: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, выплывают удалые Стеньки Разина челны. На переднем Стенька Разин, с молодой сидит княжной, свадьбу новую играет, сам веселый и хмельной. Позади он слышит ропот: «Нас на бабу променял, одну ночь с ней провожжался, сам на утро бабой стал.» Этот ропот и насмешки слышит грозный атаман и могучею рукою обнял персиянки стан. Волга, Волга, мать родная, Волга, матушка-река, не видала ль ты подарка от донского казака? Персиянку поднимает: «Искуплю свою вину» и за борт ее

бросает в набежавшую волну. Что ж вы, братцы, приуныли? Эй, ты, Филька, черт, пляши: грянем песню удалую на помин ее души!»

Иосифа Виссарионовича Сталина торжественно положили в Мавзолей рядом с Владимиром Ильичем Лениным. На Мавзолее появилась надпись рядом с «Ленин» - «Сталин».

А в городе опять появился анекдот: «Заходят в Мавзолей Хрущев и Брежнев. Хрущев показывает рукой около Ленина и произносит: «Вот тут меня после смерти положат. Тут!» Брежнев подходит к гробу Сталина и говорит: «А меня положат вот тут!». Сталин не выдержал этой дележки, поднялся в гробу и резко произнес: «Вам чего здесь надо? Это же Мавзолей, а не студенческое общежитие!»

После 7 ноября 1953 в семье жизнь потекла так же размеренно, как и прежде, но через неделю… Сергей Филиппович внезапно умер!

Нина Сергеевна похоронила отца на кладбище в его родовом поместье Сенчуры. Она, пересилив свою боль в сердце, похоронила любимого отца, рядом со своим первенцем сыном Сергеем, который давно уже покоился на кладбище в Сенчурах.

На похороны отца поехал Арсен, а Екатерина Карповна осталась в Чернигове присматривать за девочками сына.

Потом она горько сожалела, что не поехала вместе с Арсеном и его детьми в Городок, но что поделаешь, близок локоть, да не укусишь.

А Арсен вместе с Ниной Сергеевной, Валентином, Павлом захоронили отца в Сенчурах, рядом с могилой сына Нины, тоже Сергея.

В Городке, неподалеку от родительского дома был ларек одной женщины по имени Фаня, Фаина. Она была по национальности еврейкой, но видела в ней текла и славянская кровь. Ее черты лица и светлые волосы скрывали Фанину первородность. Так вот Фаня продавала в своей лавочке не только бижутерию, а и водку.

А Арсен и пришел в ларек Фани именно за водкой. Но как только он зашел к ней, то был поражен красотой женщины. А Фаня, увидев высокого, стройного и мощного мужчину примерно одного возраста, одетого в форму железнодорожника, в фуражке с высоким околышем и в белой рубашке с галстуком, опустила глаза на прилавок. Боялась, что он увидит в ее глазах пылающую страсть.

Когда же Арсен рассчитался за ящик водки и как пушинку поднял двумя руками тяжеленный груз с водкой, у Фани вырвалась из груди одна фраза:

– Может быть вы, Арсен, зайдете ко мне домой, он стоит рядом с ларьком, и сдадите мне пустую тару?

– Хорошо, Фаня, – радостно произнес Арсен, – ваше дело предложить, а мне уже нельзя отказаться.

Вот так и произошла первая брачная ночь у Арсена и Фани. Боевая же подруга и жена Арсена – Ирина, умерла от раковой опухоли. Арсен любил свою жену и возил в онкологические больницы и в Питер, и в Москву, но тогда не было как сейчас ни лекарств, ни отличным специалистов от этого недуга и, отмучившись несколько лет, Ирина умерла.

И вот внезапная встреча с Фаней изменила ее судьбу. В годы войны у нее был муж – капитан, по национальности русский, и от него Фаня родила девочку. Муж хотел мальчика и стал прикладываться к бутылке спиртного частенько. Фаня почувствовала, что она снова забеременела и призналась мужу:

– Алексей, бросай пить, мне кажется, что в этот раз я рожу тебе мальчика.

Леша попытался бросить пить, но не хватило силы воли. Вскоре он должен был получить очередное звание «майор» и было подано его руководством представление на него. Но увы, Алексей запил по-черному и так остался «капитан». Почти как в песне Владимира Высоцкого: «Я хмелел и хмелел и от водки устал, только помню в конце разговора я сказал: «Капитан! Никогда ты не станешь майором!»

Вскоре Алексей так напился, что его сердце не вынесло нагрузки и внезапно остановилось. А через два месяца Фаня родила. И как обещала Леше, родился мальчик.

Они уехали в Чернигов, взяв с собой новорожденного сына. А дочку Фане не отдали. Так она и осталась в еврейской семье. Арсен, навещая родных в доме 96 по Красноармейской улице заходил в дом родителей Фани и вел «дипломатические» переговоры. И вскоре эти переговоры дали реальный результат.

– Ладно, Арсен, – махнула рукой мать Фани. – Прилип ты ко мне как банный лист и никак его со спины не стряхнуть. Забирай, так и быть, Фанину дочку. Ведь она все-таки моя кровиночка, так зачем же я назло тебе буду держать у себя ее дочурку.

Так в семье Арсена и Фани появилась девочка Наташа. Она хорошо училась в школе, закончила торговое училище и удачно вышла замуж. Муж был хорошим семьянином, хотел чтобы в доме всегда звенел детский смех, а Наташа радовалась жизни и родила четырех детей: двух девочек и двух мальчиков. Словно по заказу, как в Ноевом ковчеге: «две пары чистых и две пары нечистых детей». А для Наташи все дети были чистыми и прекрасными и она любила их всех одинаково. А дети отвечали не только Наташе, а и Арсену с Фаней взаимностью. Гомон и детский смех всегда царили в их доме. Однако не долго длилась и эта идиллия. Фаня заболела. Раковая опухоль пожирала здоровье женщины. Арсен возил жену и в Петербург, и в Москву, но столичные светилы, лечившие онкологические заболевания

оказались бессильны против этой болезни. Фаня умерла в муках. Арсен навещал жену в больницах, подбадривал ее, а уходя от нее, садился в больничном коридоре и горько плакал, смахивая носовым платком со щек слезы.

Два года после смерти Фани, Арсен и не помышлял о новой женитьбе, но Бог любит троицу. У Арсена в Чернигове был не только дом, который он когда-то построил вместе с братом Павлом, а и дача в пригороде. На Украине черноземные почвы, мягкий теплый климат и на даче у Арсения в саду росла малина, клубника, вишня, земляника. В саду все ягоды и фрукты благоухали и хозяину приходилось ведрами возить лакомства на рынок.

Чтобы быстро реализовывать продукцию на рынке, Арсен Арсен цену назначал меньше, чем продавали местные торговки. Однажды такая честная и местная торговка подошла к Арсену и спросила его:

– Зачем ты, мил-человек, не знаю как тебя зовут, ты приезжий и городской, сбиваешь нам местным, провинциальным торгашам цену?

– Арсен назвал свое имя и спросил женщину:

– А как вас-то зовут?

– Меня зовут Валей, Валентиной, но ты, дружок, не увиливай от моего вопроса. Зачем сбиваешь цену?

- Ты не сердись, Валя, – ответил Арсен. – У меня нет знакомых на этом рынке, а так бы я оптом сдавал бы по низкой цене ягоды и фрукты. Если ты не против, то я могу оптом сдавать плодово-ягодную продукцию тебе, а цену по которой я буду сдавать вишни или клубнику назови мне сама. Я торговаться не стану. Ведь дорога ложка к обеду. А если буду мешкать, то и борщ остынет.

– Хорошо, я не позволю чтобы такой симпатичный мужчина хлебал холодный борщ, – сказала Валя и назвала оптовую цену, спросив у Арсена, - тебе такая оптовая стоимость подойдет?

– Подойдет, подойдет, Валечка, – обрадовался Арсен. – А хватит ли у тебя сейчас наличных денег, чтобы рассчитаться тебе со мной?

– Если и не хватит моих денег рассчитаться с тобой, – кивнула Валя, – то когда ты привезешь новую партию ягод и фруктов, то я не только погашу свою задолженность, но оплачу сполна полную стоимость, привезенного мне товара в следующий раз.

– Ты молодец, Валя, – согласился Арсен. – Я верю каждому зверю, а тебе-то уже точно поверю.

И спел песню:

– «Купите бублики, платите рублики, гоните рублики, скорей, скорей! Меня несчастную, торговку честную, ты, добрый молодец, и пожалей».

– В твой вексель я поверю, – кивнула головой Валя, – ведь мне же ты поверил.

– Так я не Вася, на все согласен, – пробалагурил Арсен и пошел к

своему автомобилю.

Вот таким образом и завязалась дружба Арсена и Вали. У Вали было двое детей: Алексей и Юрий. Но это не помешало сыграть Арсену и Валентине свадьбу. Приезжали на эту свадьбу родственники и конечно же Нина Сергеевна.

Впрочем, сыновья Валентины уже были взрослыми. У Леши болела голова и в армию его не призвали, а второй сын Вали – Юрий, служил где-то в Прибалтике в войсках спецназа. Когда Юрий приехал на свадьбу матери в Чернигов, то он привез с собой и зачехленный автомат.

Когда Арсен понял, что Юра вооружен, то задал ему провокационный вопрос:

– Юрочка, у тебя уже есть ордер на мой арест?

Оба: и Арсен, и Юра после этой реплики захохотали. А Нина Сенчуро и после свадьбы часто приезжала за черешней и вишней в сад брата.

Но вскоре эти поездки прекратились, а над Украиной повисла страшное слово: «Чернобыль»! Радиоактивное облако поплыло из Припяти через Украину и Беларусь, оставляя смертельный след за собой.

Валя и Арсен собрав кое-какие пожитки уехали в Городок к родне. Дом умелые руки Арсена воздвигли за короткое время, на улице Старо-Невельская и стали там жить-поживать и добра наживать.

А у Арсена добра хватало. Ему, как участнику войны, была назначена очень приличная, если не сказать огромная на то время нам, пенсия. Да и доллары тогда были дешевыми. Он скупал их чтобы потом перевести валюту в рубли и передать их двум дочерям от первой жены, которая была ему еще и помощницей машиниста на локомотиве. Дочерей звали Ирина и Елена. Ирина до сих пор работает теперь в Калининграде.

Когда накопилось в купюрах достаточно большая сумма, Арсен послал дочери письмо приехать к нему чтобы он передал им часть накопленного богатства. А за день до приезда дочерей Арсен пошел в сбербанк и снял там всю сумму, которую он накопил для Ирины и Елены.

Вечером Валентина пошла опрыскивать от паразитов грушу. Плоды уже были довольно приличные и через недельку, другую, можно бы было и покушать сладкие и ароматные груши.

Арсен же, сняв деньги, положил их в ящик комода и сел за стол попить чай. Чтобы не было скучно включил телевизор. Показывают детектив «Чисто английское убийство».

Валентина, опрыскав грушу, зашла в дом и, услышав фразы из телевизора, хотела рассказать мужу, что работа выполнена в срок и добротно.

– Арсен, – позвала Валя мужа, – я …

Голос жены задрожал, а потом сорвался на крик.

Они увидела, что ее муж откинулся на спинку стула и сидит в этой

позе без движения. Правая рука поднята к плечу, а не ее ладони лежат пять или семь таблеток валидола.

Из всех родственников в Городке осталась жить сестра Арсена – Нина Сергеевна Сенчуро и ее двоюродная сестра Дина, Диана.

Они недоумевали:

– Почему так совпало, что Арсен захотел принять таблетку аспирина, а насыпал целую горсть на ладошку? Но если смерть наступила внезапно, то рука бы не зависла бы в воздухе, а упала бы к нему на колени. И таблетки пришлось бы собирать по полу.

Второй вопрос витал в воздухе:

– Почему накануне, за день до приезда Ирины и Елены, заработанные деньги Арсена и снятые с банковского счета, как будто испарились куда-то, а его дети от первой жены так и остались с носом?

Но конечно же ни Нина Сергеевна, ни ее двоюродная сестра Диана не смогли и не хотели задавать какие-либо вопросы. Да и кому было задать? Горе нахлынуло на них – старший брат внезапно умер, а из прямых родственников Арсения осталась только Нина Сергеевна. Все остальные родственники Нины Сергеевны ушли в небытие…

А девочки Ира и Лена рыдали как дети, они не жалели о каких-то долларовых купюрах, а скорбили о своем родном отце и шептали: «Вечная тебе, папа, память! Мы будем тебя помнить всю оставшуюся жизнь!».

А Вале после смерти мужа не повезло. Она неловко упала на садовом участке и сломала ногу. В больницу Валентина сразу не обратилась, а кость в сломленной ноге срослась неправильно. И она ходит теперь по дому своего мужа Арсена на каталке, опираясь о поручни этой коляски.

Но остается жизнерадостной оптимисткой. Ее сын Юрий помогает ухаживать за садом, огородом, поливает деревья и грядки водой из шланга, а если потребуется матери помощь, его автомашина всегда на ходу.

Зато на фото портрета Валентина выглядит красивой и яркой девушкой, ведь на портретах женщины всегда выглядят молодыми и красивыми…

Глава 12. «Чудеса в решете» и «Родники мои серебряные, мои россыпи»

Пробыв в уютном и красивом Городке месячный отпуск, Валентин Сенчуро отправился в Магаданские дали. Перед отъездом Валя раздаривал своим женским родственницам из намытого в Магадана золота золотые кольца и сережки.

Дарил Валентин девушкам и женщинам кольца и серьги с шутками-прибаутками, а чаще всего использовал фразу из песни Владимира Высоцкого:

– Родники мои серебряные, золотые мои россыпи…

Зато представительницы прекрасного пола часто принимая драгоценный подарок в восторге сыпали народными прибаутками-шутками и поговорками:

– Чудеса в решете, – говорили одни, а другие тоже восторгались:

– Не было гроша, да вдруг – алтын.

Алтыном называли в старину пятнадцатикопеечную медную монету. Когда-то она исчезла из обихода, а поговорка, пережив монетку на несколько веков, так и осталась в народной памяти. Вот ее девушки многократно и вспоминали. Не понимая, что ценность щедрого подарка Валентина превышает во много раз стоимость алтына, медной монетки, но по привычке и произносили это, уже не всем понятное слово «алтын».

Уезжая, Валентин за два дня до отъезда сходил на могилу Алексея Сенчуро и положил возле памятника букет, в котором было четное количество ярко-алых гвоздик.

Вглядываясь в пронзительный взгляд своего старшего брата – Леши, у Валентина невольно заслезились глаза, и он, достав носовой платок промокнул им слезы и сказал:

– Спи спокойно, мой дорогой и любимый братишка Лешенька!

В Магадане он часто вспоминал отца.

– Дорогой мой батя, – мысленно разговаривал с отцом Валентин. – Ты работал здесь в Магадане на лесоповале подневольно. И за какой-то лишний кусок хлеба надрывал свои жилы. А я приехал в Магадан добровольно и хочу здесь, в местах вечной мерзлоты, поймать Золотую Жар-птицу. И она мне благоволит. Я намываю золотишко и ссыплю в небольшой холщевый мешочек песок. Разбогатею и вернусь в наш родной Городок и буду там жить, общаясь с родственниками. А мы тебя, Сергей Филиппович, дома вспоминаем и приходим к тебе на могилку.

Но Магадан и Магаданская область была не основной вехой на жизненном пути Вали. Сначала он пахал на целину, окончив в Городке техникум механизации сельского хозяйства. Там получил права водителя автомобиля и стал трактористом.

Молодые люди, когда партийные органы страны бросили клич: «Молодежь, поднимем залежные земли и обеспечим страну пшеничным зерном!», поехали из всех городов и сел Советского Союза. Валентин, как хороший специалист широкого профиля, стал многостаночником. Нужно вспахать, понять целину, он садился за рычаги трактора и прицелив сзади много-лемеховый плуг работал до поздней ночи. Чтобы не заснуть за рычагами трактора от усталости Валентин, включив фары, чтобы не свернуть случайно с борозды, пел песни:

– «Ой ты, зима морозная, ноченька ясно-звездная, скоро ли я увижу свою любимую в родном краю!»

Валентин не зря пел такие песни о любимой в родном краю. Именно на целине познакомился с симпатичной девушкой Ириной, да и влюбился в нее по самые уши.

Именно уши, а не лицо в первую очередь краснели у Валентина при встрече с Ириной. Встречи с девушкой были редкими. Вспахав плугом свою делянку, он подцеплял борону и сглаживал лоснящиеся на солнце валы чернозема. Потом Валя зацеплял позади трактора сеялку загруженную отборным зерном пшеницы и пускался нарезать круги по бескрайнему ровному полю долины.

Он напевал стихи неизвестного автора, а мотив сочинил сам:

– Хлеб разрежешь – он белый, белый,
С золотистой корочкой спелой,
Сверху чуть потемней, румяный,
От разреза запах дурманный.
Цвет зимы и весны, и осени
Хлеб впитал своими колосьями,
От шального, хмельного, вольного
Ветра, хлеб колыхался волнами.
Умывался дождями, росами,
Хлеб зерном наливался к осени.

А осенью Валентин садился за баранку автомобиля, с наращенными бортами, чтобы больше в кузов машины насыпать зерна и вез это зерно на ток, для просушки.

Зарплату механизаторам выдавали не полностью. Деньги, полученные на питание таяли быстро, как прошлогодний снег. Но зато директор совхоза выписывал Валентину трудодни в килограммах зерна. За первый же год Валентин Сенчуро заработал трудодней, что бухгалтер совхоза, переведя трудодни в килограммы зерна, почесав рукой затылок, сообщил ударщику труда:

– Валентин Сергеевич, вы заработали шестьдесят тон зерна. Я доложу об этом директору совхоза. Вы же напишите реквизиты вашего адреса или своих родственников чтобы они на своей железнодорожной станции смогли получить этот драгоценный груз.

Валентин сел в первый раз за год не за рычаг трактора или за руль автомобиля, а за письменный стол и скрупулёзно написал куда и кому получить заработанный им вагон отборного пшенного зерна.

А потом написал письмо своей сестре, Нине Сергеевне:

– Ниночка, я тебе отправил 60 тонн зерна пшеницы, встречай на ж/д станции в Городке.

Нина порадовалась, что Валентин так щедро поделился с родствен-

никами своим богатством. И стала поджидать прибытия этого вагона. Прошло время, а вагон с отборной пшеницей до Городка так и не добрался. Тогда она написала письмо брату:

– Валентин, вышли все сроки, а вагона с зерном пшеницы нет. Может произошла какая-то ошибка в адресе?

Этот ответ смутил Валентина и она стал разыскивать руководство: директора и бухгалтера совхоза.

Но руководство совхоза сменилось полностью. Прежние бухгалтер и директор совхоза отчалили в Москву, что перевыполнили план поставок зерна.

Валентин обратился к Леониду Ильичу Брежневу, который тогда работал еще секретарем ЦККПСС и курировал грандиозный проект правительства Советского Союза – «целина».

Ответ Вале не передавал, ему ответили из Москвы, что разберутся. Но не мог бы Валентин Сергеевич Сенчуро сам еще раз обратиться к новому руководству совхоза.

Валентин обратился снова к новому директору, а он отправил его проверить документы к своему бухгалтеру. Бухгалтером был молодой парень, возможно родственник нового директор совхоза.

Он улыбнулся белозубой улыбочкой Валентину и, полистав бухгалтерские документы, ответил, что в его документах квитанции на отправку вагона нет.

– Как же так? – удивился Валя Сенчуро. – Так вот же у меня эта квитанция на руках!

Но улыбчивый бухгалтер, молодой паренек, оказался тертым калачом. Он стал объяснять возмущенному посетителю:

– Может быть у вас квитанция есть, а в моем-то отчете ее нет.

– Почему? – спросил посетитель.

И молодой бухгалтер ответил кротко:

– Да по кочану!

Потом добавил:

– Мне кажется, Валентин Сергеевич, что ваши предыдущие бухгалтер и директор совхоза решили отрапортовать в Москву, что они перевыполнили план отправки зерна пшеницы раньше всех других директоров совхозов. А для перевыполнения у них не хватало 60 тонн зерна. Вагон с вашей пшеницей еще не ушел в какой-то Город или Городок, так этот вагон и перевесил рапорты других председателей совхозов на целине.

– Как же так, – удивился Валентин Сенчуро, – это же мой личный вагон.

– А вот так, – сказал спокойно молодой бухгалтер. – Был вагон ваш, а стал он наш.

– Это же грабеж средь бела дня, – возмутился Валя. – У меня же есть квитанция. Вот она!

– Нет, дорогой вы мой посетитель, – покачал головой чиновник, хоть молодой да ранний, – у вас в руках не квитанция, а клочок бумаги.

Валентин Сергеевич и вовсе растерялся от этой беспардонности. И он глухо выдавил:

– Так куда же мне этот клочок бумаги использовать?

То, что услышал Валя Сенчуро и вовсе его обескуражило. Молоденький бухгалтер, скривив рот, процедил:

– Когда зайдете в туалет, используйте эту бумажку по назначению.

– Эх, – сказал Валентин хаму, – дал бы я тебе в морду, так ведь ты, сволочёнок, меня в тюрьму посадишь. Так подавись ты этим вагоном зерна, да только не лопни. Придет время вот там покажут.

Валентин поднял указательный вверх, чтобы юный бухгалтер знал откуда на него свалится кара…

Спокойствие и презрительная гримаса посетителя смутила хозяина кабинета, что он открыл было рот чтобы произнести проклятие на Валентина, но так и застыл на месте с открытым ртом.

Вот тогда-то Валентин и пошел к Ирине и предложил ей руку и сердце, но с условием, что она должна поехать с ним на Колыму.

Ирина засомневалась и спросила:

– Из огня да в полымя? Тут необжитые пустые стены, а на Колыме суровые зимы, снег и холода. Зачем мы будем менять шило на мыло. Лучше бы поехали мы с тобой, Валечка, в твою Беларусь, в твой маленький и уютный Городок.

– Нет, Иринка, – ответил Валентин, – мне сейчас туда дороги нет, я опростоволосился с этим вагоном с зерном пшеницы и на меня каждый ребенок будет пальцем показывать «вон идет врун и хвастун»! Я со стыда сгорю в нашем Городке. А как я посмотрю в глаза старшей сестре Нине. Ведь это я ее подвел под монастырь, похвастався, что высылаю нашей большой семье вагон с зерном пшеницы. Лучше заработаем мы с тобой, Иришка, на золотом прииске денег и вернемся на мою родину в Городок солидными людьми.

– Да это так, Валя, я согласна с тобой, – сказала Ира, – но разве нас примут там на работу на золотые прииски?

– Да здесь, Иринка, у меня есть друг детства, мы вместе учились в техникуме на сельхоз механизации. И сюда на целину вместе приехали. Но у Васи есть друзья и в Магадане. Они хорошо зарабатывают на золотых приисках, а Ваську давно приглашают, но он, как и я, наслушался рассказов о прекрасной жизни на целине и вместе со мной мы с ним и очутились.

– Друзья познаются в беде, – согласилась Ирина с Валентином, – но

обжегшись на молоке дуют на воду. Захочет ли Василий поехать с тобой в Колыму? Ведь на целине он не взял себе вместо денег вагон с зерном пшеницы, а заставил начальство рассчитаться с ним деньгами.

– Ирина, не бей лежачего, – взмолился Валентин. – Вася мой друг детства, а не какой-то жлоб. Я уже разговаривал с ним. Он одолжит мне энную сумму, а я с первой же получки рассчитаюсь с ним. На Севере платят намного больше, чем у нас в средней полосе.

– Ну, Валентин, сколько по тебе не пинай, а ты тут же отвечаешь: «Здравствуй. Давай мы вдвоем побеседуем с Васей и я сама хочу услышать от него, что нас ждет с тобой на Севере».

Василий, выслушав Ирину и Валентина, вытащил из кармана пухлый бумажник и, отсчитав необходимую сумму для друга, сказал:

– Вернешь, когда заработаешь деньги на Колыме.

На Колыме в глухом таежном поселке Василия и Валентина встретили с радостью.

– В нашем полку прибыло, – сказал бригадир золотоискателей. – Будем вместе трудиться.

Начались трудовые будни и житейские дела. У Ирины с Валей родились дети: мальчик и девочка. Молодожены не знали где что купить для ребятишек, но щедрые золотоискатели, узнав о беременности Ирины, приготовили мужу и жене сюрприз. Они закупили для них все, что нужно ребенку после родов: пеленки, распашонки, чепчики, одеяльце да не одно, а пару. Не знали же кто родится: мальчик или девочка.

Оказалось, что правильно сделали, что купили голубое и розовое одеяла. Ведь родились мальчик и девочка. Не сразу, но за нос карман не тянет.

И вдруг… Из поселка золотоискателей в Городок Нине Сергеевне Сенчуро пришла телеграмма:

– Ваш брат Валентин скоропостижно умер. Приезжайте на похороны. О приезде сообщите телеграммой.

Нина, получив телеграмму с Севера стала собираться в Магаданский поселок. Зашла к Павлу, а он прихворнул, но засуетился:

– Сейчас, Ниночка, я оденусь потеплее и в поход. В Магадан.

Но жена Павла – Вера, сказала мужу:

– Паша, ведь тебя без ветра шатает. Я тебя никуда не отпущу. Нам еще нужно детей на ноги поставить: Сашу и Таису.

Веру поддержала и Нина:

– Павел, жена тебе плохого не посоветует. Со мной собирается поехать на Север старшая сестра Маруся Комлева да двоюродная сестра Диана, Дина. Ведь с одного конца страны до другого конца самолетом лететь придется, а билет около тысячи рублей каждой из нас обойдется. Я погово-

рила с Диной, а у нее ребятишки и таких денег нет. Но я ей помогу слетать и проститься с братом Валентином. А ты, Павел, выздоравливай. Нас в семье было двое дочерей-женщин: я и Маруся, а еще восемь сыновей-братьев. Ты последний мужчина из нашей многодетной семьи. Полежи дома пока не выздоровеешь.

У Павла на лбу появилось испарение, он хотел проводить Нину до порога дома да покачнулся и упал спиной на одеяло кровати. От глухого кашля тело брата содрогалось. Нина Сергеевна посоветовала Вере:

– Чай с медом или с малиной ему вскипяти да накрой его еще одним одеялом. Пусть хорошенько пропотеет и хворь как рукой снимет. А ты, Паше, не сопротивляйся и береги свое здоровье.

Павел, махнув рукой, сказал Нине:

– Поклонитесь Валентину и за меня. Видит Бог, что я хотел проводить его в последний путь. Да узнайте, что же с ним случилось-то, он же в нашей семье был самым младшим братом.

Нина Сергеевна сидела рядом с Марусей в кресле самолета, а Дина позади их, но зато около иллюминатора. Нина и Дина смотрели в окошки, но видели под собой только белоснежные кучевые облака. Земля была укрыта пеленой тумана.

А ведь Нина в детстве мечтала посмотреть на землю с высоты птичьего полета. Но из-за облаков она не увидела ни леса, ни поле, ни луга. И даже реки.

Зато стала читать Маруся стихотворение Сергея Есенина, которое иногда читала своему сыну Юрию в детстве:

– «Десять тысяч в длину государство,
В ширину тысяч около трех.
И одно здесь нужно лекарство:
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь!»

От аэропорта Магадана они на автобусе доехали до таежного поселка золотоискателей.

Хорошо, что в автобусе был мужчина из этого поселка и он довел трех женщин до дома их родственника. Нина Сергеевна увидела, что около крыльца дома Валентина и Ирины стоит гроб с телом брата.

– Сообразила Ирина, – подумала Нина, – тут вечная мерзлота, а сейчас и трещат сибирские морозы, что даже иногда на деревьях появляются трещины. Не зря же в русском языке и в стихах Пушкина появилась такая

фраза: «И вот уже трещат морозы и серебрятся средь полей. Читатель жаждет уже рифмы: «розы», так на возьми ее скорей».

Она подошла поближе к гробу и увидела, что лицо Валентина и без мороза розовенькое. Как будто брат вовсе не умер, а заснул и крепко спит. Но свое сердце обмануть трудно и Нина понимала:

– Валентин и умер…

И заплакала. Вслед за ней зарыдали Дина и Маруся. На крыльцо вышли Ирина и ее четырнадцатилетний сын Вадим.

– Нина только хотела спросить: «А где же младшенькая доченька Нелля», но ее опередила Ира:

– Мы ее не хоти шокировать и скрываем, что отец умер. Сказали, что он уехал на время в Городок. Ведь ей еще и пяти лет нет. Когда маленькая подрастет, тогда ей и скажем о нашей трагедии.

Друзья Валентина занесли гроб в дом и поставили в теплой комнате. Справили поминки. Могила была выкопана еще до приезда родственников Вали. Об этом сообщил Нине, Дине и Марусе самый верный друг Валентина – Василий. Они вместе учились в техникуме.

Он-то и пояснил родственникам их брата:

– Мы натаскали на могилу очень много камней, булыжников. При сильных морозах грунт выпирает гроб на поверхность земли. Мы опустили гроб в глубокую могилу, а сверху привалим его тяжестью камней. Тогда гроб останется на том уровне, какой он был при наших похоронах.

Хотя все: Нина, Маруся , Дина и плакали, но оценили заботу Василия. Похороны отложили на следующий день, но сидели у гроба до глубокой ночи.

– Как это произошло, Ирина? – спросила Нина Сенчуро, а она ответила:

– Я зашла в комнату к мужу, в нашу спальню, смотрю, а он висит на шнуре оторванного от утюга. Шнур закреплен был узлом за здоровенный гвоздь, вбитый в деревянную балку перекрытия потолка. Балка была установлена как раз над нашей с мужем кроватью. Наверное Валя заколотил гвоздь в балку, завязал шнур на него, а оптом сунул шею в петлю и, спрыгнув с кровати, повис над полом.

– А почему он сделал, Ирина? – удивилась Нина. – Молодой парень, ему бы жить да жить, а он в петлю полез.

Вопросы повисли в воздухе как когда-то и тело Валентина. Долго молчала Ирина, а потом, собравшись с духом и с мыслями, заговорила:

– Причину его поступка трудно угадать, а мне он ничего не говорил и предсмертную записку не оставил. Зато могу рассказать о событиях, предшествующих самоубийству Валентина.

– Мы тебя внимательно слушаем, Ира, – произнесла с волнением в

голосе Нина.

И Ирина стала рассказывать рассказ очень медленно, обдумывая каждое сказанное слово и Нина подумала: «Словно детективный роман». Потом, собрав свои нервы в кулак, стала внимательно впитывать все слова и тональность рассказа Ирины. А жена Валентина начала говорить:

– Все началось с ареста начальника золотоносного прииска. Его заподозрили в хищении драгоценного металла. Начальник по принципу: своя рубашка ближе к телу, стал давать показания на своих соучастников. Хотя писатель Максим Горький и писал в своем романе «Доносчику – первый кнут», но начальник золотого прииска видимо придерживался другого принципа: «Чем больше сдашь подельника, тем меньший срок получишь». И следователь получал достаточно нужную ему информацию.

– А почему же Валентин повесился? – спросила жену брата Нина Сергеевна.

– Наверное Валя боялся своего ареста, – пожала плечами Ирина.

– Я не совсем понимаю тебя, Ирина, – спросила ее Нина Сергеевна. – Неужели он думал, что получит двадцать лет расстрела за свое якобы соучастие?

– Валя мне не сказал ни слово, но суицид его на лицо.

Нина заметила, что у Ирины бегают глаза туда-сюда. И она частенько подходит к гробу и прикрывает губы открывшегося у мужа рта.

Когда она пошла опять к телу Валентина, то Нина не увидела во рту у брата золотые коронки. А ведь Валентин когда улыбался, то любил обратить внимание на свой рот: «Посмотрите, друзья мои и родственнички, на мою лучезарную улыбку! Да случайно не ослепните от нее!»

– Неужели даже золотые коронки вынули, а теперь маскируют это? – мелькнуло в голове у Нины Сенчуро.

Поэтому она решила проверить свою догадку о насильственной смерти младшего брата – Валентина Сергеевича Сенчуро. Она расстегнула ворот рубашки брата и внимательно осмотрела шею. Нина Сергеевна после тщательного осмотра тела брата, особенно шеи, всплеснула руками:

– А на шее-то нет триангуляционной борозды! Значит повесили тело моего брата на шнуре с потолка после смерти Валентина, а экспертизу о причине смерти не сделали.

Жена брата – Ирина сказала, поморщась Нине Сергеевне:

– У вас все мерещится, как в драме о Борисе Годунове: «И мальчики кровавые в глазах». Никто Валентина не убивал.

– Зачем же нужно было моему брату лишать себя жизни? Если он был в чем-то виноват, то были бы найдены какие-то улики. На заработанные деньги, а они у Валентина были не малые, можно было недорого купить у ювелиров и золотые кольца и серьги, которые он дарил своим знакомым.

Для меня смерть брата: тайна покрытая мраком.

Ирина опять ответила, пожав плечами:

– Когда-нибудь этот мрак рассеется, а ваши домыслы…

Тут жена Вали запнулась, а потом уточнила:

– А ваши подозрения не подтвердятся!

К матери Марии Комлевой, которую сестры называли Марусей примчался в поселок, где жили Ирина и Валентин, директор аэропорта ее сын Владимир Комлев. Хотя Маруся своего сорокалетнего сына до сих пор называла Вовкой.

Завязался разговор у него не только с матерью Марусей, а с Диной. А Диана, узнав какие огромные зарплаты получают на крайнем Севере в Магадане, попросила Владимира устроить ее на какую-нибудь работу. Он кивнул головой и сказал:

– Тетя Дина, у нас в Магадане с трудоустройством нет проблем. Давайте я отвезу вас всех троих в Магадан на своей машине. Мама и Нина Сергеевна купят на следующий день билеты на самолет, а вас я, тетя Дина, размещу у нас и помогу устроиться на работу.

Сказано-сделано. У Нины и Маруси был в запасе один день до вылета из Магадана и они разместились в гостинице аэропорта Магадан.

Нина Сергеевна не стала терять время даром и зашла в кабинет прокурора области. Он выслушал все доводы о внезапной смерти ее брата Валентина Сергеевича Сенчуро и сказал:

– Я слышал об этом самоубийстве, но если вы настаиваете о дополнительной проверке, то я, как депутат Верховного Совета Белорусской ССР, приму к сведению вашу просьбу и назначу новую прокурорскую проверку.

Если бы Нина Сергеевна знала, что свежо предание, а верится с трудом. Но…надежда умирает последней. И в сердце Нины Сергеевны теплилась надежда. Но на носу у страны надвигалась «Перестройка, перестрелка, перекройка!» Советский Союз планомерно разваливали.

Но в свое будущее еще никому не удавалось заглянуть, и Нине Сергеевне. А она пошла еще в одну инстанцию к председателю райкома партии. Он, посмотрев на документы Нины Сенчуро, пообещал:

– Мы сделаем еще одну проверку этого щекотливого дела.

Сестры Маруся и Нина на следующее утро сели в Магадане на самолет и вылетели в Москву, столицу нашей Родины. Огромные размеры нашей страны побили все мировые рекорды. И древнеримская поговорка: «Все дороги ведут в Рим» потеряла свою актуальность, когда могучая Римская империя превратилась в небольшое государство – Италия. Хотя столица Италии так и называется до сих пор – Рим.

– Ах, в какие исторические дебри я забралась. Мало что ли своей страны? Так нет я о Древнем Риме вспомнила, - вздохнула Нина Сергеевна,

рассмотревшая в иллюминаторе разрывы в облаках. – Не зря Сергей Есенин написал стихотворение:

– «Десять тысяч в длину государство,
В ширину тысяч около трех.
И одно здесь нужно лекарство:
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь!»

– От Магадана до Витебска или Городка как раз десять тысяч километров у нас и наберется, – продолжила вспоминать Нина Сергеевна. – Как там здоровье у нашего брата Павла? Неужели у него так разболелся желудок, что его трудно подлечить. Бедный, бедный, Павел! Наверное даже чувствует, что мы про его болячки вспоминаем, а ему сейчас икается. Хорошо, что Павлику помогает избегать боли в животе козье молоко. Он сам козу-спасительницу и доит и кормит…

Глава 13. Бедный, бедный, Павел!

Думал ли в Городке Павел Сенчуро, что его крепкого, здорового и высокого парня замучили рези в животе?

А я не хочу, чтобы меня называли как императора Павла Первого – бедным, бедным Павлом, - сопротивлялся Паша своей болезни. – Попью козьего молочка и хворь отстанет от меня. Скорей бы моя сестра Нина прилетела из Магадана. Наверно какие-то проблемы возникли там у Ниночки…

Павел, вспомнив о сестре, приободрился и даже боль перестала свирепствовать:

– Уходи, уходи, – шептал брат Нины Сергеевны. – Я тебя в гости не приглашал. Не зря поется в народной популярной песне: «Я желаю всей душой если смерти, то мгновенной, если раны – не большой». Мы с Ниной вначале войны уцелели и не погибли от холода, голода, а вот наш брат Шурик в семь лет погиб от осколка снаряда. Правда тогда был младший брат Валентин, да только ему было три года, несмышлёныш, ничего не понимал. Вот нам с Ниной и пришлось хлебнуть горюшка.

Начало войны врезалось Паше одним эпизодом. Как только 10 июля 1941 года немцы вошли в Городок, уже ночью белорусы патриоты, первые будущие первые партизаны совершили диверсионную акцию. Они подожгли амбар, в котором хранилось зерно пшеницы. Вот тогда и проявился характер Нины. Она мне сказала:

– Павлик, пойдем завтра к амбару и посмотрим, может быть хоть горсточка пшеничных зерен да осталась?

Павлик был младше Нины на два года и согласился, добавив свое предложение:

– Зачем же, Нина, мы пойдем только посмотреть – осталось ли хоть горстка пшеницы, а вдруг под свалившимися от пожара балками крыши осталось зерно не больше чем горсточка. Возьмем с собой по пустому ведру и насыплем в них не по горсточке пшеницы, а хотя бы по полведра. Думаю у нас силушки донести ведерки с зерном хватит.

– Ты разумный мальчик, Паша, – согласилась Нина. – Я возьму ведро для пшеницы чуть побольше чем ты. Ведь я старше тебя на два года и сил у меня побольше.

– Зато у меня, как у парня сил-то, Нина, намного больше чем у тебя, да я и выносливей. Возьмем одинаковые ведра, – предложил Павлик.

Когда брат и сестра подошли к амбару то увидели, что местные жители обложили рухнувшие стороны и как муравьи оттаскивают в сторону обломки кровли.

Как только показалось черное, сгоревшее зерно над пепелищем – пронесся гул разочарования. Пожилой человек, возраста чуть младше Сергея Филипповича, покачав головой сказал:

– Все сгорело до тла, но где лежали балки может быть огонь не добрался до пола сарая. Давайте-ка девочки, мальчики откинем в сторону горелые зерна. Может под ними найдем еще уцелевшие зернышки.

Они втроем стали черпать ведрами и откидывать обгорелые зерна и вдруг Павел как вахтенный матрас, вперед смотрящий на корабле Колумба, вскрикнул: «Нет, нет, он не крикнул «Земля!», а закричал радостно:

– Ниночка, несгоревшее зерно. Набирай пшеницу в ведерко. А я еще чуть-чуть увеличу площадь от сгоревшей пшеницы и наберу себе в свое ведро побольше целого зерна.

Работа закипела на пепелище. Пожилой мужчина выстроил людей с ведрами как будто пожар заливать, а на самом деле за стенами сгоревшего зернохранилища сваливали пепел и залу. Распределил бывалый мужчина и второй поток, в котором оказались Нина и Паша, они набрав не горелого зерна в ведра, унесли бесценный груз к себе домой.

Когда вернулись, брату и сестре пришлось опять сгребать сгоревший слой пшеницы. И Павлик и Нина до позднего вечера носили зерно в родительский дом. Отец отсеивал чуть подгоревшее зерно и молол их на самодельной мельнице. А Екатерина Карповна уже замешивала муку для блинов.

Блины получались пышные и вкусные, не считая запаха сгоревшей сверху пшеницы.

Но про такую мелкую неприятность никто из семьи Сенчуро даже и не вспоминал. Голод не тетка, все ели блины и лепешки так смачно, что за ушами трещало. А что же сделали после пожара народные мстители? Они понимали, что не только нужна акция неповиновения для фашистов, но еще необходима политическая пропаганда.

У будущих партизан нашелся и такой пропагандист. На утро около сгоревшего склада с пшеницей появились листовки со стихами.

Полицаев в самом начале войны было еще мало, а немцы до поры до времени в такие «мелочи» не вмешивались. Пока. Поэтому листовки в стихотворном виде читали все жители Городка:

«Хлеб разрежешь, он белый, белый,
С золотою корочкой спелой.
Сверху чуть потемней, румяней,
От разреза запах дурманный.
Цвет зимы и весны и осени,
Хлеб впитал своим колосьями,
От шального, хмельного, вольного
Ветра, хлеб колыхался волнами.
Умывался дождями, росами,
Хлеб зерном наливался к осени.
Только осенью этой горькой
Не дождалось поле уборки…
А сапоги, на подковках из стали
Хлебные стебли без жалости мяли!
Вечером в поле сверкнула зарница,
В поле костром загорелась пшеница.
Лишь на щеках, законченных и грязных
Белые шрамы прорезались сразу.

Но зерна, которое принесли домой Нина и Павел хватило на неделю. Тогда глава семейства Сергей Филиппович и решил ходить с единственным «взрослым» сыном Павликом по деревням и селам. У каждого за спиной была небольшая котомка, прототип сегодняшнего рюкзака, для сбора подаяния у деревенских женщин.

Но Сергей Филиппович не опустился до попрошайничества милостыни. Он предлагал женщинам, а в деревнях остались только женщины и дети, поколоть дрова, убрать урожай в саду, в огороде и сносить фрукты и овощи в подпол.

И Никогда Сергей Сенчуро не назначал цену за работу. Но женщины и сами понимали, что любая работа должна быть оплачена, и накладывали в рюкзачки отца и сына дары природы под самую завязку. А Павел востор-

гался отцом:

– Как ты умеешь, Папа, разговаривать так деликатно и нежно с женщинами? Ведь я заметил, что если кладут в мешочек картошку, то самую крупную, а если морковку, то самую сочную и сладкую.

Сергей Филиппович кивал головой и отвечал:

– Молодец, Павлик, ты все хорошо подмечаешь детали и понимаешь хозяек. Ведь как аукнется, так и откликнется. Мы же с тобой, сынок, не хамим им, делаем работу аккуратно и быстро. Не сорим, не мусорим в доме если приходится там что-то подремонтировать. А у женщин тонкая душа. Если им сделаешь добро, так они воздадут тебе всегда сторицей.

– Я горжусь тобой, папа, – сказал Павел, – но не только. Я учусь у тебя общению с другими людьми. Ведь я иногда видел у соседей, придут к ним что-то подремонтировать мастеры-ломастеры и давай покрикивать: «Дай-ка, тетка, мне топор поострее да супу или борща повкуснее». А иные забавляют, когда работу закончат: «Ты, бабуля, подмети-ка за нами мусор. Ведь нас уже другие клиенты ждут».

Сергей Филиппович не выдержал и засмеялся, а потом сказал:

– Сынок, а ты у меня на глазах растешь. Все подмечаешь да разумно рассуждаешь. Прямо не подросток, а философ какой-то, Кант.

– Я про такого философа даже никогда и не слышал, – покрутил головой Павлик, – чем же он знаменит?

– Кант учил людей прежде чем что-то сделать, сначала нужно хорошо обдумать как лучше сделать заданную работу.

– Папа, – встрепенулся сын, – так значит ты все делаешь как учил людей Кант?

– Ну что ты, Павлик, – засмеялся Сергей Филиппович. –Да, мне до Канта семь верст до небес и все лесом… Как когда-то говорил Ленин про таких людей: он – матерый человечище.

– Папа, что-то нас хозяйки нагрузили под завязку, – пожаловался Павлик отцу, а он сказал ему:

– Да, ты пожалуй прав, хоть и говорят в народе, что своя ноша не тянет а нести ваш мешок тяжеловато. Завтра с собой саночки возьмем и будем вместо лошадки тянуть санки по очереди.

– Зачем же тебе, папа, саночки везти, я-то уже большой, мне одиннадцатый год, – высказался сын, а отец добавил:

– Если ты большой, то не будь лапшой, а старших-то слушайся. Будем все делать с тобой по очереди. Я тоже саночки буду возить. Не зря же пословица гласит: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Но это хорошо, Павлик, что ты всегда первым рвешься в бой. Лидером не рождаются, а им становятся. Да и Ленин говорил: «Нужно учиться, учиться и еще раз учиться!»

– Я буду учиться, папа, – согласился Павлик, – получу и высшее образование, но сначала поступлю в техникум. У меня есть друг постарше меня, так он говорит, что в техникуме можно научиться работать на автомашине и тракторе. На селе эти профессии очень нужны.

– Но мы же, Павлик, не на селе в Городке живем, – сказал отец, а сын ответил тут же:

– Мне мой друг, Сашка, говорил, что город без села не выживет. Ведь все продукты идут в город из деревни.

– Голова у твоего Сашки хорошо работает, а ты молодец, что умных друзей выбираешь. Не зря же люди говорят: «Одна голова хорошо, а две – лучше». Поэтому дружи со своим Сашкой, набирайся ума. Да и дома маме помогай.

– Я ей всегда помогаю, – сказал Павел. – Да, хорошо, что наша Ниночка от фашистов сбежала. Теперь будет маме по дому помогать.

– Да, у Нины-то хорошая голова на плечах имеется. Она у нас умница, – согласился Сергей Филиппович. – На два года старше тебя, а голова как Дом Советов. Ведь умудрилась же моя доченька убежать домой от фашистов. А так угнали бы ее как постарше стала, в Германию отправили бы батрачить. Но пусть пока маме помогает дома.

Но сколько бы веревочка не вилась, а конец-то, по словам Сергея Филипповича, найдется. И 24 декабря 1943 года Городок освободили от гитлеровцев.

А Павел, закончив семь классов уже переростком, война не позволила учиться ему в школе, где хозяйничали немцы. Призван был в Советскую Армию. Служил на острове в Тихом океане, где рядом проходила Советско-Японская граница. Тогда служили три года.

Отправляясь в армию Павел обнял отца, поцеловал и сказал:

– Папа, береги себя, живи долго!

Сергей Филиппович перекрестил сына и ответил:

– Буду жить, сынок, а вот долго ли жить мне придется, не знаю, но сомневаюсь…

– Не сомневайся, папочка, – улыбнулся Павел и добавил, – пережили мы с тобой голодовку, переживем и изобилие.

А отец, как в воду смотрел. Павлик и года не отслужил как в гарнизон на остров пришла телеграмма:

«Умер отец, приезжай срочно на похороны». Павел отнес это командиру роты и тот предоставил солдату краткосрочный отпуск на Родину – десять дней на все про все: и на дорогу туда и обратно и на три дня после похорон.

Но свирепствующий тайфун на острове не позволил Павлику вылететь в Беларусь. Он опоздал на похороны на один день. В Витебске в комна-

те женского общежития его сестра жила с подругой, Нина освободила свою койку чтобы брат отдохнул с дороги. А сама легла вместе с посдружкой на одной койке.

Павлик сопротивлялся, мол, и на вокзале переночую, но Нина сказала строго:

– Не выдумывай, братик! Ложись и отдыхай здесь, а утром мы с тобой поедем на кладбище. Поклонимся там на могиле отцу и поскорбим с тобой. Жаль, что ты не успел на похороны.

А после армии, вернувшись в Городок, Паша поступил сначала в техникум, а когда его окончил поступил заочно в Невель в институт сельского хозяйства.

Вот тут-то и стал Павел Сенчуро как витязь на распутье: «Учиться на очном отделении уже годы не те, школьники, поступившие в институт после десятого класса, засмеют: «Дяденька, достань дерево воробышка!»

Выбрал именно поэтому Павел заочное отделение в институте. Ему нужен был только диплом о высшем образовании чтобы идти потом по ступенькам карьерной лестницы, а практические знания техники он изучил в техникуме, а во время армейской службы он получил водительские права по всем категориям из начальных букв алфавита: «А», «Б», «В» и даже «Д».

Но сидеть и поступить на работу в Городке не захотел. Он написал письмо в Колымские дали Валентину, который уже работал на золотых приисках и получал довольно приличную зарплату, как написал ему в письме Валентин.

Окрыленный радужной перспективой Павел на крыльях аэролайнера прилетел в Магадан к Валентину. Стал работать на золотых приисках и получать довольно приличные, если не сказать сильнее, огромные суммы заработной платы. Это помогло ему летать на сессии заочного института и быстро возвращаться снова в Магадан.

В итоге за два года Павел заработал столько денег, что смог, приехав в Витебск, купить автомашину «Жигули».

На молокозаводе в Городке была свободная вакансия, а если сказать проще, то требовался туда опытный водитель для грузовой машины. Возить нужно было бидоны с молоком по магазинам. Иногда творог, сметану. Поэтому порядочный шофер был позарез нужен для молокозавода.

Часто Павлу приходилось возить с собой и бухгалтерские документы на привезенные в магазин товары. А выдавала эти документы Павлу главный бухгалтер по имени Вера. И водитель Сенчуро верил Вере как самому себе. Он влюбился в эту обаятельную, добродушную, а когда надо и строгую женщину. Вскоре Павел и Вера поехали на новом «Жигули» в ЗАГС, а свадьбу сыграли в отцовском доме.

Нина радовалась и поздравляла от всей души молодоженов. А они

были на седьмом небе от счастья. На семейном совете все претенденты на родительский дом, в том числе и Нина Сергеевна, отказались от своей доли на положенную им жилплощадь, и отдали Павлу и Вере весь дом целиком. Так что свадебный подарок оказался для молодоженов шикарным.

Прошло несколько лет и у Веры с Павлом родились и стали подрастать дети: Таиса и Саша, Александр. Разница между детьми в возрасте была два года. Такой разрыв при рождении второго ребенка естественен для многих молодоженов. Ведь при родившихся подряд детей легче растить их и в финансовом смысле. Остаются пеленки, распашонки, чепчики, штанишки от первенца, а второму ребенку, он же все равно не понимает во что его одевают, в новую одежду или же немного ношеную. Вот Вера и Павел так детей и растили.

Когда ребятишки подросли, Вера, чтобы сэкономить время передачи выручила на молокозаводе и когда бежала домой кормить детей, прихватив дневную выручку в дамскую сумочку. Зато утром экономила Вера время.

Она забегала когда открывался сбербанк в кассу и сдавала на расчетный счет молокозавода денежные средства. Ведь банковский контроль полезен для малых предприятий. Можно оплачивать покупки для завода потом по безналу.

И в один из таких дней Вера поспешила и, засуетившись, забыла на столе купюры денег в банковской упаковке. Вспомнила Вера про свою оплошность около дверей банка. Хорошо, что она ехала с Павлом в кабине его машины.

– Павлик, – вскликнула жена, – я же деньги-то дома на столе оставила. Вот такая я Маша-растеряша. Разворачивайся быстрее и мчи домой. Хорошо, что он нашего дома до банка ехать несколько минут.

Они вернулись домой, Павел остался в машине, а Вера стрелой помчалась стремглав в дом. А около крыльца уже прогуливалась старшая дочь четы Сенчуро – Таиса.

Вера на ходу сказала дочери:

– Ты бы лучше за Сашей дома присматривала или с ним за ручку на свою прогулку и брата бы привела.

Таиса, гордо подняв свою голову, ответила:

– А мне иногда нравится одной погулять.

Вера улыбнулась, вот как с детства индивидуализм зарождается, но, зайдя в дом, улыбку стерлась с ее лица, а ужас охолодил ее сердце.

На столе уложенные денежные купюры лежали по порядку стопочками, а пачка трехрублевых в банковской упаковке исчезла со стола!

Кто бы это смог за такой короткий период времени украсть из дома пачку из трехсот советских рублей?

Вера выскочила из дома и уже с крыльца стала кричать:

– Павлик, выползай из кабины, ужас дома, беда!

Павел выскочил пулей из кабины грузовика и бросился на помощь жене во двор. Она бросилась ему на грудь и тихонько прошептала:

– Паша, Павлуша, кто-то у нас со стола пачку трехрублевых в банковской упаковке украл. А деньги, которые стопками лежали на столе не стырил, а остались там лежать на столе, как и лежали.

– Какой странный воришка? – удивился Павел, – профессиональный. Если бы вор выслеживал нас чтобы украсть у тебя дневную выручку, то пришел бы с мешком и одним взмахом руки сгреб бы со стола все лежавшие на нем деньги в свой рюкзак. Да и время-то прошло совсем мало пока мы не вернулись из банка домой. Может он здесь, в нашем доре спрятался?

Доводы мужа немного успокоили Веру, но все же, всхлипывая, сказала:

– Ищи ветер в поле. Нашим денежкам тю-тю.

Ее взгляд случайно упал на гордо шагающую по двору Таису и …

– Да вот же моя пачка трехрублевых купюр, торчит из кармана курточки у Таиски! – закричала радостно Вера. – Это она прикарманила деньги, которые я хотела сдать в сбербанк.

Павел подошел к дочери, вытащил из ее кармашка пачку денег и строго сказал дочери:

– Таиса, заруби себе на носу, на все оставшуюся жизнь: Никогда не трогай чужие вещи и не прячь их по карманам. Это называется обыкновенной кражей.

– Я не крала деньги, папа, – нисколько не смутившись ответила Таиса, – я взяла пачку денег поносить в своем кармане. Ведь вы все мне и Саше покупаете за деньги, а я бы вам дала эти деньги на покупку для нас.

Павел, усмехнувшись, сказал:

– Блажен кто ворует. Но я тебе еще раз повторяю: «Никогда не трогай чужие вещи, а тем более деньги!» Поняла?

– Поняла, – нагнув голову тихо сказала дочь.

Но серия неприятностей преследовала семью Павла Сенчуро. Хотя все родственники отказались от родительского дома в его пользу, но крыло дома, где проживал когда-то его брат Алексей, пустовала. Лешка построил себе собственный дом на улице Луговая дом13.

А чтобы площадь комнаты Алексея не пустовала, а для строительства дома по Луговой, требовались деньги, он пустил в свою комнату в родительском доме квартирантов.

Помогала сыновьям и их мать – Екатерина Карповна. На усадьбе Сергея Филипповича Сенчуро осталось жене и ее детям садовые деревья, особенно много было яблонь. На ветках яблонь было столько наливных крупных яблок, что Павлу приходилось частенько ставить под эти ветки

подпорки чтобы они не сломались под тяжестью плодов. А предприимчивая Екатерина Карповна продавала дары природы. Нет, она не ходила на базар продавать в торговых рядах фрукты и овощи.

В Городке уже половина жителей знала, что у Екатерины Сенчуро есть очень вкусные и сладкие яблоки. Любителям этих фруктов и овощей не требовалось реклама. Они звонили в дом Веры и Павла и когда слышали в телефонной трубке голос Екатерины Карповны:

– Я вас внимательно слушаю. Кто со мной говорит?

На том конце провода отвечали:

– Екатерина Карповна, не смогли бы вы нам продать ваших сочных и вкусных яблочков?

Дальше Катя не торопясь спрашивала клиента сколько ему нужно килограммов, называла свою цену и ждала ответ.

Ответ был почти всегда положительным. Правда были у желающих купить наливные яблоки иногда просьбы: «А вы, Екатерина Карповна, не могли бы мне сделать скидку цены? Ведь я собираюсь у вас закупить много яблок оптом».

Мать Нины Сергеевны всегда соглашалась с ценой с оптовым покупателем. Ее подход к торговле был прост: «Дорого, но мило, дешевле да гнило!» Поэтому у Кати и ее сына Павла от покупателей не было отбоя.

Были иногда и жадные покупатели. Они просили снизить цену до мизерной стоимости.

– Так это же себе в убыток продавать надо, дорогие мои хорошие, – отвечала Екатерина Карповна.

Но когда те наседали на Нинину маму, то Екатерина говори им:

– Мое право предложить, а ваше – отказаться.

И если в ответ и на эту реплику торговки начинали хамить и говорить, что она ничего не понимает в коммерческой цене, Екатерина Карповна подводила итог разговора одной и той же фразой:

– Каждый суслик – агроном, – и после этого вешала трубку телефона. Но успокоиться сразу не умела и добавляла вслух:

– А сами-то вы разбираетесь в колбасных обрезках?

Так что Екатерина Карповна помогала неплохо жить Павлу и Вере. Но беда подкралась к семье Сенчуро совсем неожиданно с другой стороны.

В тот роковой день Павел и Вера поехали на работу на молокозавод и в «Жигуленке» отвезли Таису и Саню в детский садик. Их дочь уже ходила в подготовительную группу, где уже изучают буквы и слоги.

А в Лешиной половинке квартиранты оставили своего мальчика Севку без присмотра. Он нашел коробок спичек на плите и стал чиркать спичку за спичкой. Он держал зажжённую спичку в правой руке, как свечку, пока она не догорит.

Когда огонек спички добирался до пальчиков Севы, то он кидал огарок спички на плиту печки. И наблюдал как огонечек затухал на плите.

Но на одной из зажженных спичек видимо очень смолистой , вспыхнул сразу огонь с большим ярким пламенем. От неожиданности мальчик отбросил спичку в сторону и смятый клочок бумаги около печки вспыхнул.

Мальчишка испугался и бросился бежать из дома. Оглянулся и увидел как клубы дыма из окна вылетают на улицу. А пламя огня уже обнизывает сухие древесные рамы.

Сева побежал подальше от огня на улицу и стал пока и стал показывать в сторону дома Сенчуро и говорить:

– Дым, огонь, дым…

Как на грех Екатерина Карповна ушла из дома после отъезда Веры и Павла.

Но прохожие, которые встретили на пути испуганного малыша уже звонили по телефону пожарным:

– Пожарная служба, алло, это пожарная служба?

Услышав ответ – да, называли адрес:

– Горит дом на улице Красноармейская, 96. Выезжайте поскорее. Дом деревянный и построен при царе Горохе.

Но видимо пожарная служба почему-то замешкалась. Может быть потому что скорой называется только медицинская служба, где судьба больного человека зависит как быстро приедет медицинская служба под грифом 03.

Когда приехал расчет пожарных к дому Сенчуро, крыша уже рухнула и пожарные из брандспойтов поливали еще тлеющие почерневшие головешки. В народе недаром говорят: «два переезда, считай один пожар». А при одном пожаре семье Сенчуро и переезжать некуда было. Приютил семью Павла тогда еще не погибший брат Алексей.

Павлу выделили в лесу делянку для постройки дома на пепелище. Ведь бетонный фундамент-то при пожаре уцелел, но ютиться в погребе семья Павла и Веры не захотела.

Они напросились в отпуск и стали на делянке готовить венцы дома из бревен, которые были необходимы для возведения стен нового дома. Часть бревен отвезли на пилораму чтобы из низ напилить брусья для потолка и кровли, а доски для пола. Работа кипела по-ударному и весь клан Сенчуро сделал свой вклад в эту семейную стройку.

Вера и Павел в выходные дни, когда детский садик не работает, привозили на Жигулях своих детей: Таису и Сашу.

Павел останавливался около таблички прибитой на сосне: «Валка леса» и проводил инструктаж с детьми:

– Стойте здесь и ни шагу в лес. Можете сидеть в машине на заднем

сидении и не прикасаться к рулю, тормозному рычагу.

– Все понятно, папа, – сказала Таиса и Вера с Павликом ушли в лес.

Любопытный Саша спросил сестру:

– Таиса, а что там на табличке написано, ведь ты же в садике уже изучала буквы.

Девочка не хотела ударить в грязь лицом перед братом и стала «читать» буквы:

– «В», «О», «Л», «К» и по-моему «И». И остановилась.

– Читай дальше, Таиса, – попросил Саша и Таиса стала опять читку букв:

– «Л», «И», по-моему «С», «А».

– А что же получается, Таиса, – теребил сестру Саня, – ты мне скажи какие слова написаны из этих букв.

– Ой, - сказала испуганно девочка, - получается, что нас лесник предупреждает, что рядом бродят волки и лисы!

– Да ты что говоришь, Таиса? – спросил с ужасом в голосе Александр. – Если они бродят в лесу около нас, так ведь эти хищники могут наброситься и на нас?

После панического настроения брата испугалась и сестра.

– Не зря нас с тобой предупредили, что в лесу бродят волки и лисы. Они могул наброситься на нас и загрызть до смерти.

– И правда, Таиса, – сказал Саша, – давай быстрее заберемся в автомашину, ляжем на сидения чтобы через стекло нас не увидели волки и лисы и будем молчать чтобы эти звери нас не услышали.

А в это время на делянке Вера и Павел решили сделать перекур. Вера прислушалась и с тревогой спросила мужа:

– Что-то не слышу я голосов наших детей. Может быть они куда-нибудь ушли погулять?

– Да и я не слышу ничего, – встрепенулся Павел. – Давай-ка шире шаг и тверже ногу да быстрее доберемся до «Жигуленка». Мне тоже не нравится эта тишина.

Супруги шагали быстро, почти бежали, а когда подошли к автомобилю, то и вовсе перепугались:

– Ау, дети, где вы? – закричал Павел. – Мы здесь около машины стоим. Не играйте с нами, пожалуйста, в прятки!

А из автомашины послышались голоса ребятишек:

– Папа, мама, мы здесь в машине спрятались, – наперебой закричали Тиса и Саша, - это мы волков и лис испугались!

– Фу! – выдохнула из груди воздух Вера. – С чего это вы взяли, что здесь волки и лисы водятся?

– А если и водятся, – добавил Павел, – то давно уже в другой лес

убежали при стуке наших топоров.

А Саша сказал:

– Так Таиса прочитала мне, что в лесу водятся волки и лисы.

– Ах вы грамотеи этакие, – захохотал Павел, а ему добавила и Вера:

– На табличке-то написано не волки и лисы, а «валка леса».

Теперь захохотали все четверо. Только и слышалось:

– Волки – Валка, Лисы – Леса… Ха-ха-ха-ха….Хи-хи-хи-хи!

Дом построили быстро и заселились сразу.

Павел, получив высшее заочное образование, и ему вручили в институте торжественно диплом инженера-механика. А с таким дипломом ему стало стыдно баранку грузовика-то крутить. Захотелось солидарности.

В родном Городке руководство города тоже понимало амбиции Павла и назначили его начальником механизации сельского хозяйства. Работа ему нравилась. Он оказался на своем месте.

Подрастали у Павла и дети. Таиса поступила в институт в г.Витебске. Окончив 3-ий курс встретила хорошего парня. Он был родом из Городка, старше на два года Таисы и уже работал преподавателем в техникуме Городка. Он влюбился в Таису с первого взгляда и предложил миловидной, красивой девушке руку и сердце:

– Я, Таиса, буду пылинки с тебя сдувать и, как ребеночка, на руках носить.

Она улыбнулась и пошутила:

– А на шею тебе я и сама переберусь!

Оба засмеялись, а парень предложил ей:

– Чего же нам, Таиса, тянуть время, если мы можем сразу с тобой зарегистрировать брак в ЗАГСе.

– Так я же студентка, живу на стипендию. А на свадьбу столько денег понадобится, что за год такую сумму не накопить.

– Обижаешь, любовь моя, – обрадовался Сергей, – ты получаешь гроши, стипендию. А я-то уже зарплату. Костюм новенький с иголочки у меня есть, а тебе фату и подвенечное платье не напрокат купим, а за звонкую монету.

– А жить где будем? – вновь спросила Таиса .

– Так мне в техникуме выделили двухкомнатную квартиру. Не в общаге же нам с тобой ютиться?

– Все вопросы я тебе задала, а теперь можно и под венец. Свадьбу будем отмечать в твоей квартире или в доме моего отца Павла Сергеевича?

– Выбор богатый, – улыбнулся Сергей, – но ни в Городке, ни в Витебске мы свадьбу справлять не будем. У меня на примете есть другое место. Посередине дороги между этими городами есть поселок Лосвидо, а в нем дом отдыха, а в нем банкетный зал для таких праздников и комната-опочи-

вальня где могут отметить первую брачную ночь молодожены. Это, Лосвидо в будущем будет нашей Меккой!

Таиса чмокнула в щечку Сергея и сказала ему:

– Ты на каждый мой чих отвечаешь «будьте здоровы». Лосвидо, так Лосвидо, а я не Вася, на все согласна!

– А кто такой твой Вася? – спросил Сергей, а Таиса ответила:

– Нет у меня никакого Васи, это просто народная реплика.

Свадьба была роскошной, были на ней все родные и знакомые, что от «Горько» и сета звенело долго в ушах.

Таиса…забеременела. Радости было – выше крыши. Но после родов пришлось дочери Павла уйти в декретный отпуск с незаконченным высшим образованием. А потом появился в семье Сергея и Таисы мальчик, которого родители назвали Димой, Дмитрием.

После декретного пуска Таиса решила продолжить учебу в педагогическом институте. Все-таки три курса она успела закончить до декретного отпуска. А без курса диплом о высшем образовании не получишь.

Таиса позвонила Нине Сергеевне и попросила ее:

– Я хочу окончить четвертый курс, не могли бы вы поговорить с ректором института о моем зачислении в институт. Чтобы работать учительницей нужно иметь диплом о высшем образовании.

– Таиса, неужели ты не понимаешь, – сказала Нина Сенчуро, – что тебе не нужны никакие провожатые. Закон на твоей стороне, ведь ты не бросила институт после третьего курса, а ушла в декретный отпуск. И без моей просьбы тебя вновь зачислят в институт и ты будешь учиться на очном отделении на четвертом курче.

– Тетя Нини, я стесняюсь разговаривать с ректором института. Вдруг он выгонит меня из своего кабинета и не станет со мной разгвоаривать, отправит меня к заму, а тот пошлет меня куда подальше. А вы из тех людей, для которых двери любых начальников открыты. С вами меня из кабинета ректора никто не выгонит.

Нина Сергеевна махнула рукой и согласилась:

– Приходи завтра в институт к девять часам утра, а может быть и без четверти девять. Ректор любит приходить в институт на полчаса раньше, чем начинается рабочий день этого заведения.

На следующий день Таиса встретилась с Ниной Сергеевной как договаривались, тютелька в тютельку. Они поздоровались и пошли к кабинету ректора. Но около дверей кабинета Таиса вдруг заволновалась и попросила свое протеже:

– Нина Сергеевна, а можно я постою за дверью кабинета. Вы поговорите сначала с хозяином кабинета, а если нужно будет поговорить с ним, так я тут как тут.

– Нянчусь я, Таиса, с тобой как с дитем малым, но раз пообещала тебе поговорить с ректором – стой у двери и никуда от нее не отходи.

Ректор встретил Нину Сергеевну как старого друга. Выслушав ее, он сказал:

– Без проблем, позовите свою скромницу ко мне в кабинет.

Нина Сергеевна вышла из кабинета, а Таисы и след простыл. Она сходила на лестничную площадку, выглянула на улицу – на ней нет ни одной живой души.

Вернулась она к ректору и смущенно рассказала ему о своем фиаско, развела руками:

– Не понимаю, что случилось? Но прошу вас, запишите ее данные в список четвертого курса. У меня вся информация на Таису есть.

Ректор деловито взял листок бумаги, на котором были записаны Сенчуро, все реквизиты Таисы и сказал:

– Пусть приходит первого сентября. Она будет учиться на четвертом курче.

Нина вышла на улицу и хотела сесть в автобус, но тут откуда ни возьмись появилась Таиса. И Сенчуро спросила ее:

– Ты что скрывалась от меня, как партизанка? Твои данные я передала ректору и ты будешь зачислена на четвертый курс института.

Это Таисе только было и надо. Как только списки зачисленных в институт были вывешены на кафедре, она написала заявление чтобы ее перевели на заочное обучение. Таиса проконсультировалась у юриста, что женщина, родившая ребенка, может спокойно перевестись с очного отделения института на заочное. Не надо будет год посещать занятия, а сдавать экзамены и зачеты на сессиях.

Но уже в этот «заочный» период Таиса успела разочароваться в своем муже. Почему? Чужая душа потемки… А Сергей при разводе разделил двухкомнатную квартиру на двоих: половина квартиры будет принадлежать Таисе, а вторая….их сыну Дмитрию.

Мы часто не замечаем как быстро растут дети. Оглянулась Таиса после своей работы в детском саду после окончания института, учительницей в начальные классы ее не взяли, а Дима-то уже возмужал и собрался поехать в Америку как сын Нины Сергеевны – Юрий Иванович.

Таиса подсказала Дмитрию:

– Иди к дедушке Павлу и попроси у него 2500 долларов. Скажешь, что заработаешь в Америке приличную сумму и вернешь сторицей. Отдашь дедушке Павлу 3000 долларов. Дедушка будет этому только рад.

Павла Сергеевича Диме уговаривать не пришлось. Как только Павле услышал о просьбе внука, он пошел в сбербанк и без всякой расписки отдал полученную сумму денег внуку.

А Дмитрий сдержал свое честное слово и заработав в Америке деньги, послал из США телеграмму:

«Вылетаю самолетом рейсом «Нью-Йорк – Минск». Пусть меня дядя Саша встретит в Минске на автомобиле. Дима».

А за день до прилета внука Павла на лугу за речкой Горожанкой ранней весной посадили с Верой капусту и посеяли горох. Кочаны капусты выросли огромные, больше головы человека. Павел с женой загрузил в прицеп эти кочаны, сел за руль трактора Беларусь и привез такое богатство в свой дом.

Вера его перекрестила, сказав:

– С Богом, Павел, езжай домой. Дома Таиса поможет тебе разгрузить этот богатый урожай. А мне нужно еще подрыхлить горох и полить немного.

Юрий Логинов за пару дней до вылета Дмитрия, а Митя хотел перед отлетом повидать с Ромкой, сыном Юры, вылетел из Нью-Йорка повидаться со своей мамой, Ниной Сергеевной Сенчуро. Вот такая карусель закрутилась у кровных родственников.

Юра с Ниной Сергеевной из Витебска приехали в Городок как раз в тот момент когда Павел разгружал телегу с кочанами капусты. Увидев и сестру Нину и своего племянника Юру, обрадовался, обнял их поочередно и спросил Юрия:

– Скажи-ка, племянничек, что тебе не хватает для полного счастья в Америке? И если это имеется у меня в доме, я тебе сразу же подарю.

– Дядя Паша, – улыбнулся Юра, – самый лучший ваш подарок для меня, это радостная встреча с вами, моей мамой, а если вы хотите вручить мне материальный подарок, то подарите мне кочан капусты, который вам больше всего нравится.

– Вкус у тебя, Юра, не плохой, – кивнул Павел и, выбросив из груды капусты самый крупный и сочный кочан, вручил его племяннику.

Нина спросил брата:

– А что один-то разгружаешь такие огромные кочаны, ведь есть же у тебя и помощница Таиса?

Павел только отмахнулся:

– Я привычен к любой домашней работе. А упрашивать помочь мне, никогда и никого не просил.

– Ну как знаешь, – пожала плечами, а потом переживала, что не помогли тогда брату.

Юра тоже был рад встрече, но отъезд его в Минск был близок. Да автомобиль он всегда брал напрокат в столице Беларуси, а срок возврата уже на носу.

Они попрощались с Павлом и поехали сначала в Витебск чтобы

завезти домой Нину Сергеевну, а потом Юре нужно было добраться и до Минска.

Вера вернулась домой и увидела, что Павел сварил рисовый молочный суп, приправленный сливочным маслом. Съел тарелку супа сам и оставил в ней порцию супа для Веры. Знал ведь, что приедет жена голодная, а тут уже на столе еда мужем приготовленная.

Заглянула на кровать, а там Павел спит крепким сном. Замаялся по работе, вот и спит крепко.

Никто и не подозревал, что крепкий сон станет под утро вечным сном…

На отчаянный крик Веры сбежались их с Павлом дети: Саша и Таиса. Саша, узнав из телеграммы, что прилетает сын Таисы – Дмитрий, в Минск, направился его встречать.

Когда она в Минском аэропорту сказал Мите, что дед умер, то Дмитрий зарыдал от горя и плакал не останавливаясь, пока они не приехали в Городок.

На похоронах Павла Нина Сергеевна с грустью заметила:

– Вот и ушел в мир иной наш последний брат из династии Сенчуро – Павел. А как он гордился нашей фамилией… Бывало Павел мне сказал: «Нина, как хорошо, что ты при замужестве с Иваном Ивановичем Логиновым не сменила свою фамилию Сенчуро на Логинова. Ведь когда ты стала знаменитой на всю Беларусь, получив два Ордена «Знак Почета», а потом Орден «Трудового Красного Знамени», то меня часто спрашивали: «А ты случайно, Павел Сергеевич Сенчуро, не брат Нины Сергеевны Сенчуро?, то я с гордостью отвечал: «Да, это моя родная сестра». И вот теперь по мужской линии наша династия Сенчуро оборвалась. А я стала последней в нашей семье, в которой было десять человек ребятишек: две сестры и восемь братьев.

По женской линии я еще ношу эту фамилию, а по мужской со смертью Павла, она оборвалась.

Сын Павла, Александр Павлович, поправил тетю:

– Нина Сергеевна, я же хоть и племянник ваш, но на генеалогическом древе нашей фамилии Сенчуро, я остаюсь продолжателем этой династии. А если у нас с женой, Ириной, родится сын, то я его назову обязательно именем моего отца – Павлом. И тогда, Нина, династия продолжится и по мужской линии.

И Александр Павлович сдержал свое слово. Когда у его жены родился сын, то супруги назвали его Павлом. Теперь и по мужской линии род Сенчуро продолжается. Живет на белом свете новый Павел Сенчуро. И не разрывна связь времен и поколений.

Но откуда появилась сама фамилия Сенчуро?

Глава 14. Беспризорник Семен, безотцовщина

Мальчик Сеня родился в 1800 году, на год позже чем знаменитый русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Но у Пушкина родители были дворяне, с богатой родословной, а у Сени была и шапка по сеньки – его в детстве неизвестные родители принесли малышом в приют призрения, по сегодняшнему времени этот приют назывался бы детским домом.

Фамилию ему «родители» не оставили, а в приюте мамки-няньки запечатлеть ее не успели или поленились. Шустрый мальчишка из приюта сбежал.

Говорят, что Москва бьет с носка всех приезжих. Но у Семена-то рождение было в столице России – Москве. И она благосклонно отнеслась к беспризорнику.

Семен умел выкрутиться из любой сложной, жизненной ситуации. Сначала ходил и попрошайничал на базаре. Базарные торговки денег ему не подавали, а вот дать кусок хлеба или булки.

Это для любого прохожего не проблема. Подаяние беспризорным детям и в Москве приветствовалось. А в войне с Наполеоном в 1812 году, когда Семену уже было 12 лет, он научился не только попрошайничать, а исполнять на базаре трогательные, душещипательные песни. И в его кепку сыпались монетки градом.

Ночевал Семен в ночлежках, а иногда на чердаках или в подвалах домов. Дворники сначала гоняли его взашей, а потом привыкли. Сенька никогда не воровал. Иногда Семен пел и дворникам песенки где-то услышанные им. Притом пел он именно дворникам про дворников:

– «Крутиться, вертится дворник с метлой,
Крутится, вертится по мостовой,
Крутится, вертится хочет узнать,
Чья эта лошадь успела…..?»

Тут на этом конце фразы Сенька произносил довольно неприличные слова для дворников, но они Семена не гнали метлой со своего двора, а хохотали над этим словечком, которое обозначалось как «нагадить».

Но вскоре французов, Наполеоновскую армию в Москве победил Гнерал Мороз… и они подожгли первую столицу России. Ведь император Александр I спокойно проживал в Санкт-Петербурге. А Семен с французами и тогда нашел общий язык. Несколько французских фраз он быстро освоил, а если в лексиконе Сени не хватало фраз на французском, то он умел дополнить свой лексикон жестами.

Разбитого и смышлёного мальчишку французы не трогали, а иногда кормили его из полевой кухни кашей. Французам нравилось, что Семен

приносил для растопки котла щепки, сухие ветки деревьев, а иногда и дрова. Ему повар давал пилу-ножовку, а он распиливал сломанные оконные рамы или половицы пола и отнимал для поварского стола чурочки. Его тяга: «Поближе к котлу!» увенчалась успехом. Но, однажды, Семен заметил, что повар притаскивал из домов богачей денежные купюры разного достоинства. И бросал француз казначейские билеты, это же не валюта Франции, а российские рубли и даже сотенные купюры с портретами Екатерины Великой II.

Вот из валяющихся на полу кухни или на земле полевой кухни Семен и выбирал денежные купюры с портретом «Катеньки». Помощник или дружок повара был по моложе и говорил довольно прилично на русском языке, да и звали его почти по-русски – Виктор. Только ударение в имени француза было не на первом слоге, как у русских, а на втором – ВиктОр.

На вопрос Сени:

– Почему такая цивилизованная французская нация ведет себя по-варварски?

Виктор ответил:

– А Лагер, наш а Лагер!

– Что, что? – переспросил Семен. И в ответ услышал:

– На войне как на войне. И мы не варвары, а культурная еврейская нация. Ваша императрица была нежной и правила Россией. Она переписывалась с нашим философом Вольтером и даже часто вспоминала знаменитую фразу слуги социалиста-утописта Сен-Симона, которую утопист поручил ему будить себя утром: «Вставайте, граф, Вас ждут великие дела».

В беседах с Виктором немножко и о писателе Франции Вольтером Гюго, который написал великолепный роман «Собор Парижской богоматери». В этом романе понял Сеня, описана такая страстная любовь уродливого горбуна звонаря собора к прекрасной девушке. Но конечно же любовь горбуна была неразделенной. Трагедия же потрясла до слез Семена.

К тому же Виктор очень часто произносил непонятное для сени слово «сен-чуро», что паренек решил использовать это непонятное для него словечко в качестве… своей фамилии. И когда, после бегства французов из Москвы, а он умпел собрать полный рюкзак русских денег до их бегства, на вопрос русского дворянина:

– Как тебя зовут, мальчик?

Семен тут же ответил:

– Сенчуро Семен.

Дворянин, увидев в руках парня гармошку, спросил его:

– Сенчуро Семен, а ты можешь сыграть для меня какую-нибудь мелодию?

Вопрос солидного человека прозвучал для Сени симфонией. Ведь

его впервые назали не Сенькой, а Семенов и по фамилии – Сенчуро.

– Вот все встречные-поперечные называли меня брезгливо: «По сеньке и шапке!», а теперь дворянин назвал меня по имени и фамилии – Семен Сенчуро.

У него из груди чуть ли не вырвалось слово: «Ура!», но на удивление он сдержался и стал, играя на гармошке, подпевать:

– «Когда б имел златые горы
И реки полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна».

Афанасий Лукич, а так звали дворянина, сказал:

– Мое селение находится под Смоленском и я хочу поехать в свою усадьбу, вслед за бегущими во Францию солдатами Наполеона. Уже про императора Франции поговорки стали складывать: «Когда пришел Наполеон, поля кипели журавлями». А если разложить эту фразу по слогам, то получится: «Когда пришел на поле он, поляки пели журавлями». И наши славянские братья-поляки пошли служить во Французскую армию, а не в русскую. Брат на брата пошли, предали братскую дружбу ясно вельможные паны, хотя и пели хвалебные песни русские. Забыли, что Екатерина Вторая когда-то приказала Великому полководцу Александру Суворову взять Варшаву, столицу Польского государства. Она сказала: «Такого государства как Польша на карте Европы не должно быть!» И Суворов приказ императрицы выполнил.

В имение Афанасия Лукича Семен не доехал. Барин заметил, что его родная доченька стала заглядываться слишком часто на Сенечку. Так она ласково называла попутчика и певца – Семена Сенчуро.

Афанасию Лукичу не понравились эти внезапные симпатии дочери и Сеньки. И однажды он по-хамски вытолкал Семена с брички вместе с его знаменитой гармошкой. Совсем как басне Крылова «Стрекоза и Муравей» получилось: «Лето красное пропела, это дело, так иди и попляши!».

Семен, когда Афоня его вытолкнул с повозки буркнул: «Собирай свои манатки и катись к Едрене Фене» сказал барину: «Бедному одеться только подпоясаться». И пошел куда глаза глядят со своим рюкзачком за плечами и со своей гармошкой на плече.

Встречные извозчики иногда подвозили паренька до следующего перекрестка дорог, а он им пел всегда одну и ту же песню: «Ямщик, уныло напевая, качает буйной головой»… Да так и доехал до деревни Хоботы Витебской губернии.

Ямщик, покачав своей буйной головой, сказал:

– Тут Сеня и вылезай, вон окна в домике светятся. Попросишь хозяев

чтобы тебя пустили переночевать. А я должен на почту один появиться, там хозяева не любят чтобы мы попутных пассажиров на дороге подбирали.

Семен Сенчуро зашел в этот дом и увидел, что доме находятся женщина лет сорока и ее дочь, чуть помладше Семена на пару лет, так оно и оказалось, девочке было двенадцать лет.

Женщина спросила Сеню:

– Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Он не смутился от такого вопроса, а честно признался:

– Иду я, тетенька, куда глаза глядят. Услышал у ямщика название вашей деревни Хоботы и удивился: «Нежели здесь когда-то слоны водились?» Увидел я, что в вашем окне свет горит и решил попросить хозяина переночевать. А тут в доме только бабье царство. Если меня переночевать пустите, то я могу и дровишки на дворе поколоть. Там только чурбаны лежат. А я их поколю на мелкие дровишки, пусть горят повеселее.

– Это было бы неплохо, – согласилась мать девочки, и представилась: – меня зовут Мария Ильинична, а детишку Таня, Танюша. Иди поколи дрова и принеси охапку. Быстрее вода в чугунке закипит и картошка сварится. Мы поедим с Таней и тебя угостим. Чем богаты, тем и рады.

Через десять минут Семен поколол охапку дров и принес в дом, свалил дрова около дверцы печки и спросил, взглянув на пустые ведра:

– А может быть мне вам и водички принести? Пусть мне Таня покажет где у вас колодец, а я принесу свежей воды.

Танечка соскочила с лавки и сказала парню:

– Иди за мной, колодец у нас недалеко, а я не могу носить полные ведра с водой, сил не хватает, а маме некогда, она ужин мне готовит.

Они пошли гуськом к колодцу: впереди Таня, позади Сеня, и Сеня спросил:

– А где же ваш хозяин?

И Таня ответила:

– Моего папу, когда началась война с французами, забрали в армию. Бои тут шли жестокие, мы с мамой в подвале от французов укрывались. Сами-то выжили, а папа погиб смертью храбрых. Так нам написали с фронта, когда французов взашей погнали! Они заходили в дома и забирали всю мужскую одежду чтобы спастись от наших жестоких морозов. А мы с мамой к морозу привычные.

Семен нес тяжелые ведра до краев наполненные водой легко, не расплескав ни капельки из ведер, а Таня сказала:

– Какой ты сильный, Сенечка, а моя мама по полведра воды наливала. Если ей было трудно воду домой носить, то мне было и подавно не донести воду до дома.

Но после ужина Мария Ильинична сказала Семену:

– Сеня, зови меня просто тетей Машей. Я смотрю, что ты расторопный парень. А мой муж погиб на войне. А без мужчины и дом сирота. Может быть ты останешься жить в нашем доме?

– А почему бы и нет?! – согласился Сеня, – я сам сирота, а у вас дом сирота. Так как же я откажусь стать хозяином дома у вас с дочерью, тетя Маша?

У Марии Ильиничны на лице засияла ласковая улыбка. А Таня подбежала к Семену и, чмокнув его в щечку, произнесла:

– Спасибо тебе, Сенечка, что ты согласился жить у нас.

После случайного порыва Тани, когда Мария Ильинична положила гостя на кровать мужа, сказав: «Спокойной ночи!», Сеня не смог быстро уснуть. Все ворочился под одеялом, а иногда сбрасывал его на ноги. Щека парня горела от поцелуя Танюши. Так он мысленно называл девочку, нет девушку.

Но усталость взяла свое, Семен, поворочившись на кровати, все-таки уснул, да так, как будто в омут с головой окунулся.

Утром он проснулся от вкусного запаха блинов. Их на плите пекла для гостя тетя Маша. Она складывала блины на тарелку стопочкой, а за столом около стопки пухлых блинов уже сидела Таня. Она не торопилась отведать блинчики, а дождалась когда Мария Ильинична стала складывать блины стопочкой в другую тарелку, только тогда Таня стала есть блины из первой тарелки. Ведь они уже немного остыли. Танечка е хотела обжигаться, глотая кусочки горячих блинов.

Сеня оценил хлопоты тети Маши, а также осторожность ее дочери Тани.

– Нет, зря говорят, – подумал Семен, – что с женщинами кашу не сваришь. А мне они, чужому человеку, блины пекут чтобы я их отведал с пылу с жару.

И вздрогнул от возгласа Тани:

– Мама, а Сеня уже проснулся. Зови его к столу, а то я одна все блины съем.

Мария улыбнулась и сказала:

– Ешь, доченька, на здоровье и в меру, а то еще лопнешь если все блины съешь. Пусть и наш новый родственник блинов отведает.

Сеня спрыгнул с кровати, застелил постель и пошел к рукомойнику, сполоснув лицо сказал:

– Спасибо, дорогие мои хорошие! Вы уже с утра завтрак готовите, я еще в постели дрыхну.

После завтрака Мария пожаловалась Семену, но начала беседу с хорошей новости:

– У нас на поле пустует семь десятков земли. Но жито мы на зиму не

посеяли. Ведь у нас как и впрочем у многих сельчан нет лошади.

– Не горюйте, Мария Ильинична, – махнул рукой Сеня, – какой-то населенный пункт с лавками или базаром где-нибудь есть поблизости?

Мария сказала:

– Да, рядом Городок есть, там жизнь бьет ключом, а нам по голове. И там, в Городке, как в Греции – все есть!

– Прекрасно, – кивнул головой Семен, – я пойду туда на базар в разведку. Пока один. А как называется этот городок?

– Этот городок так и называется Городок.

Тут и Семен расхохотался и попросил:

– Мне дорогу покажите, где этот Городок мне разыскать и я быстренько туда сбегаю.

– Так от нас до Городка пару часов топать надо.

– А я рысью, тетя Маша, рысью, переходящую в галоп, – сказал Сеня и добавил, - по своей пробежке буду знать сколько верст до Городка.

– Хорошо, что ты шутя, любя взялся сразу с места и в карьер без рысаков добежать до Городка, – сказала Мария и указала дорогу.

Когда Сенька до базара Городка, ведь язык, говорят, и до Киева доведет, то увидел на базаре открылись все частные лавочки.

Но лавочки ему были не нужны, он пошел на базар и увидел, что продаются две старые лошади.

Сеня прошел еще пару шагов и увидел как старик продает молоденькую кобылку.

– Почем продаешь, батя, и сколько ей лет? – спросил старика Семен.

Услышав цену, Семен покрутил головой и заявил:

– Давай, старик, бери любую половину и я твою лошадку беру под узды и поведу ее в свою деревушку. Буду поле вспахивать.

– За пол цены? – заупрямился дед, – да лучше я сам на ней буду землю пахать за деньги какому-то барину.

– Дело хозяйское, – пожал плечами Семен, – но красную цену твоей кобылки я тебе уже назвал. Мое дело предложить, а тебе, хозяин, можно и отказаться.

Семен отошел в сторону и стал рассматривать в лавках всякую мелочевку. Будто эта рухлядь ему нужна позарез. Сеня даже сразу не понял, как это в душу вселилось жилка предпринимательства.

Рассматривал в лавках товары Семен больше часа, а сам краем глаза поглядывал на старичка… Вдруг к нему какой-то покупатель подойдет. Тогда придется ему этого покупателя «отшивать». Нельзя допустить чтобы его торг перебили другие торговцы.

Выждав еще немного, Семен спросил:

– А как, дедушка, зовут твою кобылку?

Старик уже не хлыщет злобой, напыжился и уже беседовал без категоричности. И быстро назвал имя лошади: «Ее Зорькой зовут!»

– Похоже дрогнул старик! – пронеслась в голове Сени радостная мысль.

И он доброжелательно посоветовал продавцу:

– Батя, я тебе от чистого сердца желаю продать твою Зорьку, хорошая она у тебя лошадка, да молодая, не обученная. Чтобы Зорька стала сильной и послушной кобылкой, столько воды утечет, пока найдется для тебя покупатель. Ты, батя, не испытывай судьбу. Видишь покупателей-то нет. А я вот – он, перед тобой стою и цену свою назвал. Мне пора уже до дома добираться. А я бы купил у тебя и Зорьку, и упряжь для нее и даже какую-нибудь тарантайку куплю.

Сема сморщился, его брезгливая гримаса обеспокоила старика и он пошел на попятную:

– Хорошо, дружок, а как тебя зовут?

– Семен, – буркнул Сенчуро, – и назвал фамилию.

– Такую фамилию я впервые слышу, – сказал дедушка, но если ты у меня сейчас купишь не только Зорьку, а все мои причиндалы к ней, то так и быть, назови за какую ты цену купишь все остальное?

Семен назвал цену, а старик опять нахмурился, но, махнув рукой, согласился с Семой:

– Ай, парень, не жил я богато, так не хрен и начинать! Я не Вася и на все согласен, но кроме этих денег, а деньги гони мне вперед, купи мне бутылку хорошей водки. Омоем мы с тобой нашу купле-продажу.

– Я, дедушка, водку не пью. В рот спиртное не беру. Но просьбу твою выполню, только бутылку водки отдам тебе в руки когда мы у тебя дома запряжем Зорьку в тарантас…

– Я же тебе уже сказал: не жил я богато так нечего и начинать. Но бутылку водки мне уже сейчас отдай. Не бойся, ни грамма не сделаю, пока мою Зореньку не запрягу в тарантас. По рукам?

– По рукам! – воскликнул Семен. – Пошли быстрее к тебе. Меня уже дома две мои дамы сердца заждались. Хорошо, что они знают, что спиртное не употребляю, а так бы с ухватом около крыльца дома меня б поджидали.

– Раз не пьянствуешь, то тебя не с ухватом женщины встречать будут, а любовью и лаской. Я вот как начал пить горькую, от меня все мои милые дамы и отвернулись. Потом и вовсе меня бросили. Вот я бобылем и живу. Но с Зорькой так мне трудно расставаться, будто что-то драгоценное теряю. И навсегда, навеки теряю…

У Семена защемило на сердце, трудно расставаться с прошлым.

– Но он же все равно продал бы кобылку, так что же его жалеть.

Старик помог Семену запрячь Зорьку в бричку, а Сеня сел на сиде-

ние, как на царский трон и произнес не громко:

– Вперед, Зорька, вперед! – потом чмокнул губами но подстегивать кобылку не стал, пусть запомнит своего хозяина, а не чужака постороннего дядьку.

И Зорька, как по мановению волшебной палочки, побежала по дорог легкой трусцой.

Когда Сеня подъехал к дому Марии и Тани, они выскочили на крыльцо. А Мария в восхищении поцокала языком, а потом сказала Семену:

– Лихой ты парень, Сема! На ходу подметки рвешь. Теперь мы выживем вместе с Таней и тобой. И вспашем плугом поле и ячменем засеем. У меня в кладовке ячменное зерно давно для посева просится. Н откуда у тебя, Сеня, деньги появились на покупку? Неужели в долговую кабалу залез?

– Дорогая, Мария Ильинична, – произнес с пафосом Сеня, вы же с Таней мне уже сказали свое веское слово: «Ваш дом – мой дом!» Так должен же я о нашем совместно доме заботиться. А деньги, тетя Маша, навоз, сегодня нету, да завтра будет целый воз.

– Я почувствовала сердцем, – вздохнула облегченно Мария, – но такого размаха щедрости я еще ни разу не видела.

К Семену тихонько без единого словечка подошла Таня и спросила:

– А как звать-то эту красавицу-лошадку?

И Сеня произнес:

– Зорька!

Таня, всплеснув руками, радостно закричала:

– Мамочка, у нас появилась ясная Зорька. Я тоже верю, что лошадка Зорька осветит и освятит наш дом.

А Мария Ильинична добавила:

– Да будет так, как сказала моя Танечка. У нас с Таней появилось будущее. Правда Семен?

– Правда! – кивнул Сеня. – Только почему же у нас впереди только будущее? Посмотрите, что я привез в бричке.

И он, как фокусник в цирке, стал вытаскивать из-под сидения: свиной окорок, самовар, чай для заварки, булки, конфеты и даже две бутылки водки.

– А водка, Сеня, нам зачем? – спросила Мария, – мы же не пьем, да и ты вроде воду не употребляешь?

– Я-то в рот ни капли не беру, – сказал Сеня, – а соседским мужикам по чарочке налью. И вытащил из под сидения мясорубку и самовар. Потом выпряг Зорьку и добавил:

– Мария, отведи Зорьку в конюшню и возьми торбу с овсом и повесишь лошаке на морду. Пусть подкрепится после долгой дороги.

Вечером семья Марии и Семена накрутили мясорубкой фарш и поджарили котлеты. Вскипятили самовар и попили настоящего чая.

А утром вся округа уже знала, что Семен Сенчуро приглашает соседей «обмыть» кобылку Зорьку. И сельчане пришли, но не только обмыть Зорьку, как попробовать вкусных котлет. Они в жизни не ели таких вкусных и сытных котлет.

После праздника всегда наступают будни и Семен занялся ремонтом дома и пристроек. Начал сразу с главного – ремонт крыши, выбросил из скотного двора навоз, осмотрел и подремонтировал сани, повозки, сбрую и инвентарь. Соседи снабдили Семена рыбацкими сетями, а на озере Кашо рыбы видимо не видимо. Еда из рыбы, уха или жареная, такая сытная и полезная, что женщины, Мария и Таня, позабыли слово голод.

Когда наступила зима и на озере морозы сковали ледяную дорогу, Семен катал Танечку по ледяному покрову озера. А она от восторга визжала как маленький ребенок.

А летом Сеня научил Таню хорошо плавать. Они так крепко полюбили друг друга, что вскоре обвенчались, в 1818 году, в Кошанской церкви. После обряда венчания и бурной свадьбы через день к Семену подошел местный парень, который держал всю округу в страхе. А к Танечке он имел симпатии и виды да его опередил какой-то приезжий Семка. И вызвал Семена местный хулиган «побороться», а у самого уже был припрятан в голенище финский нож, финка.

Семен за годы совместной жизни стал настоящим богатырем и красавцем: высокого роста, широк в плечах, сильные руки, а в лице обаяние, а на голове светлые, кудрявые волосы. Но и хулиган парень не промах, под стать Семену.

Сеня принял вызов и спросил:

– Будем биться до первой крови или до полной победы?

Соперник Сени был зол, что Таня вышла замуж не за него, а за приезжего, не местного парня и буркнул:

– Конечно же, до полной победы.

Борцы вышли на круг и стали делать круги чтобы покрепче ухватить друг друга или сразу же нанести сопернику сокрушительный удар.

Семен уловчился, ухватив соперника за нос и поднял его над головой, но не бросил со всего размаха на землю, а спросил хулигана:

– Сдаешься?

– Да я тебе, сучара Сенчуро, покажу, что такое сдаешься, я тебя по стенке размажу!

Семен поносил соперника на руках по кругу на утоптанном снегу, но поступил благородно: подошел к краю «ринга» и швырнул со сего размаха беспомощное тело хулигана в глубокий сугроб.

После своего фиаско хулиган обходил дом Сенчуро стороной. Он понял, что не спас бы его и финский нож. А если бы он его и достал из-за голенища, то крепыш Сенька выкрутил бы ему руку да и воткнул бы он сам, хулиган, себе в живот. От такой перспективы и стал соперник Семена обходить стороной. Ведь Семен, когда бросил хулигана в сугроб, сказал ему строго:

– Не буди лихо, пока оно тихо. Посеешь ветер, пожнешь бурю!

И эти мудрые народные поговорки запомнил соперник Сенчуро на всю оставшуюся жизнь.

А тут Семену подвернулся отличный случай: он прочитал в Московской газете, что на бирже ценных бумаг предлагают купить договор на покупку не менее десяти десяток земли с лесом под хутор. Покупатели такого договора освобождаются от подати на три года. А молодым парням купившим земли для хутора дают московские власти отсрочку от призыва в армию.

Семен прочитал договорные предложения в газете и спросил Марию и Таню:

– Согласны ли вы, мои любимые женщины, с таким предложением Москвы?

– Хозяин – барин! – выпалила Мария, а Таня подтвердила:

– Не нам тебя учить. Мы убедились чтобы ты не делал – все получается в твою пользу. Ты и французский язык немного знаешь, грамоту самоучкой познал, да и голова у тебя не два уха, а хорошо соображает.

Семен съездил в Москву и подписал, узаконив свою фамилию - Сенчуро. Но до подписания договора Семен спросил Марию:

– А как звали твоего мужа, Мария Ильинична?

Когда она ответила ему?

– Его звали Яшей, Яковым! – то Семен тут же решил про себя:

– Меня звали все: Сенька, Семен, фамилию присвоил себе сам – Сенчуро, но нет у меня до сих пор отчества. Вот и возьму себе отчество, имя мужа Марии – Якова. И буду теперь называться Сенчуро Семен Яковлевич.

Вот с чего начиналась династия Сенчуро. Был подкидышем в приюте призрения без имени и племени, а стал хозяином хутора – Сенчуро Семеном! Не было бы счастья да несчастье помогло.

Цепкая память была у Семена на стихи поэтов той бурной эпохи. Когда французы в панике бежали от морозной и снежной России, то Наполеоновские генералы ссылались на погоду и говорили, что их победил не фельдмаршал Кутузов Михаил Илларионович, а генерал Мороз.

На что Кутузов говорил:

– Чем бы дите не тешилось, лишь бы не плакало.

Но Семен, овладев грамотой, увлекся чтением стихов Пушкина и

Лермонтова. Он как-то прочитал Тане стихотворение:

– «Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты!
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты!»

– Это ты для меня, Сеня, написал такое изумительное стихотворение? – спросила Таня.

– Ну что ты, Танечка, куда уж нам, дурочкам, щи хлебать? Это стихотворение посвящено одной прекрасной женщине, вроде тебя, по фамилии Керн. А написал эту небольшую эпиграмму знаменитый поэт России, а может быть и в мире – Александр Сергеевич Пушкин. А вот стихотворение «Бородино» о том, как фельдмаршал Кутузов разбил под Бородино французов, написал Михаил Юрьевич Лермонтов.

– Прочитай его, Сеня, – попросила Таня, а он ответил:

– Танюша, это я тебе сгоряча буркнул, что «Бородино» - это стихотворение. А Лермонтов-то сотворил небольшую, но очень весомую поэму. И так, послушай:

– «Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

– Вот, Танечка, какой вопрос задел молоденький солдатик бывалому служаке? – произнес Семен. – Но каков был мудрый ответ пожилого солдата:

– «Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!»

И тут Семена перебила Татьяна:

– Милый мой, почему же Лермонтов назвал богатырей именем реки, текущей в Питере – Невы?

– Ой, Таня, не вовремя ты перебила меня, – пожурил жену Сеня. – О никаком имени Невы Лермонтов не писал. Он просто сравнил богатырей битвы на Бородинском поле с молоденькими солдатами, которые и пороха пока не нюхали. И сказал «богатыри – не вы!»

– Не….вы! – еще раз произнес Лермонтовскую мысль Семен.

– А-а-а! – протяжно произнесла Таня, – не вы!

И тут же накинулась на мужа:

– Сеня, я не глуховата, а просто ты быстро сказал это «не вы», вот я и опростоволосилась.

А Семен быстро привел в свою защиту реплику:

– Шутить с шутом и подлецом, и спорить женщиной – все тоже, что черпать воду решетом – от всех троих избавь нас Боже.

– Так ты, Сенечка, и не спорь со мной, – сказала жена. – Кто спорит тот рубля не стоит. А твой юмор я, Сеня, хорошо понимаю, а с «не вы» и «Невы» я конечно же маху дала.

– Это же какому ты Маху дала? – спросил Сеня и оба захохотали. Хохотали до слез.

Отсмеявшись, Семен продолжил читать «Бородино»:

– «Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля…
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!»

Следующие строчки Лермонтова Таня не комментировала, а на ее глазах заблестели слезы.

– «Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

Семен читал выразительно, слова каждой новой строфы все больше твердо звучали в голосе мужа и Таня удивилась красоте слога поэта Лермонтова:

– «Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам…
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте же под Москвой,
Как наши братья умирали!
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой».

После этой фразы Татьяна и вовсе зарыдала. Семен бросился к ней и стал успокаивать жену:

– Не плачь, Танюша, русские люди всегда не жалея живота своего шли на смерть, чтобы защитить от врага Родину. А кому как не полковнику вести за собой в атаку своих солдат. В армии есть один принцип: «Делай как я!» Поэтому даже трусоватые люди поднимали высоко голову и шли в бой на русский «авось». Может быть меня пуля-дура обойдет стороной!

Таня вытерла платочком слезы и сказала:

– Вы, мужчины, Сеня, более толстоногие, а мы женщины более тонкие натуры. Да и глаза у нас на мокром месте. А я плачу, но в тайне горжусь, что наши русские мужчины были мужественными в бою, – потом спросила:

– А когда же Михаил Лермонтов написал это стихотворение? Ведь он родился в 1814 году когда война с Наполеоном уже закончилась.

– Лермонтов написал стихотворение «Бородино» в 1837 году, – ответил Семен, – в этом же году погиб и гениальный русский поэт – Александр Сергеевич Пушкин. А Михаил Юрьевич был потрясен смертью поэта и написал стихотворение под названием «Смерть поэта». Если хочешь, Таня, я его прочту.

– Хочу, – сказала Таня, – ты молодец, Сеня. Ты не только хозяйственный, трудолюбивый, а душа-то у тебя прекрасная. Ведь запомнить такие красивые стихи может только тот, кто любит нашу земную красоту. А ты вот как читаешь стихотворения – душа у меня поет.

– У тебя, Таня, душа поет, а она поет и у поэта, – сказал Сеня. – Так послушай, моя любимая, про смерть поэта:

«Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде…и убит!
Пустых похвал ненужных хор,
И жалкий лепет оправдания?
Судьбы свершения приговор!
Что же, веселитесь… - он мучений
Последних вынести не смог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок».

– Как точно описал Лермонтов причину гибели поэта Пушкина, –ска-

зала Таня. – Ты мне рассказывал о дуэли Пушкина и о причине ее говорил. Злые языки были для Пушкина страшнее пистолета. Он не ревновал свою Натали к иностранцу. Но тогда было привило: или извиниться за наговор или испытать на дуэли приговор судьбы. Да вышло по народной, немного мрачноватой, поговорке: «Судьба – злодейка, а жизнь – копейка». Вот и погиб поэт Пушкин, желая защитить честь своей жены.

А Семен добавил одну ироническую реплику:

– Одни «шутники», а скорее хамы привязались к одной фразе Лермонтова: «С свинцом в груди». Начало строки с двух «с» слилось в один звук «с». И получилось эта фраза «С винцом в груди», так опошлили стихотворение Лермонтова. И невнимательные слушатели недоумевали: «Так значит Пушкин был под шафе? Почему под шафе? – спрашивали другие, а хохмачи говорили: «Раз Пушкин был «с винцом в груди» значит для храбрости выпил это винцо».

– Умеешь ты, Сеня, из любой фразы «изюминку» вытащить, – удивлялась Таня, – а я, когда ты читал стихотворение Лермонтова, даже не заметила, что можно так непонятно произнести эту фразу.

Но Семен произнес:

– Есть на белом свете люди, которые готовы очернить все святое. Но я рассказала тебе об этой злой шутке что бы ты понимала, что и про нас с тобой могут налгать…

– Для чего? – подняла удивленно брови Таня.

– Из зависти, – корректно ответил Семен, – многие завидуют нам. Они же чувствуют, что мы любим друг друга, а у самих в семье кипит злоба. Вот они и пытаются поссорить нас.

А в ответ он услышал неожиданно:

– Не дождутся, Сеня, у есть противоядие от злобы и напасти – наша настоящая любовь.

И вскоре в семье Сенчуро родился первенец.

– Мальчик родился, – радовался Семен, – Танечка, нашему роду не будет конец. Фамилию мою Сенчуро уже будет носить мой сын. А родилась бы у тебя, Танеяка, девочка, то я все равно был бы рад. Но первым родился сыночек. Я тебя на руках готов носить.

– Меня на руках носить не надо, – ответила жена, – а вот ты нашего сына на своих руках качай. Я его покормила, так пусть уснет на руках отца. А как мы его назовем, Сеня?

– Да посмотри в святцы, на каждый день и имя найдешь. Назвал бы я мальчика именем моего отца да отца-то я своего и не знаю, а тем более его имя, – ответил Семен.

В его словах звучала горечь.

– Сенечка, я посмотрела, ты не против назвать нашего первенца Фи-

липпом, – спросила Таня, а он ответил:

– Пусть будет Филипок.

– А если бы родилась у нас дочь? – спросила Таня.

– Тогда бы мы назвали ее в честь твоей матери – Марией, Машенькой.

Вскоре Татьяна опять забеременела и родилась дочь. Больше всех радовалась Мария Ильинична. Ведь ее внучку назвали Машенькой как и обещал назвать еще раньше Семен.

Шли годы, вырос и Филипп. В 40-х годах, а точнее в 1847 году Филипп женился и в жены взял девушку из зажиточной семьи. Эту девушку звали Горулькой, также стали звать и ее родственники Сенчуро. И эта Горулька родила Филиппу девять детей: три дочки – Матрена, Марфа и Татьяна, и шесть сыновей – Ефима, Николая, Ивана и в 1874 году самого младшего Сергея.

Сенчуро Семен Яковлевич подарил самому младшему сыну Филиппу – Сергею Филипповичу, половину своей усадьбы с южной стороны дороги. Разумеется, Семен Сенчуро часть усадьбы передал своему сыну – Филиппу, чтобы он после того как подрастут его сыновья, то пусть не разевают свой рот на каравай, который уже за ранее передан их дедом Семеном Яковлевичем самому младшему его внуку – Сергею Филипповичу Сенчуро.

Сыну Филиппу, как многодетному отцу, Семен строит большой дом, дарит лошадь, корову и двадцать десяток земли. А хутор «Сенчуры» выкупили с землей и лесом, аж до самых «Хоботов».

Филипп нашел жениха для любимой дочери Матрены, она была самая боевая из сестер, за богатого жениха из деревни Рябово. Так Матрена оставила себе фамилию отца – Сенчуро.

Как, впрочем, оставила свою девичью фамилию Сенчуро – Нина Сергеевна, которая родилась уже не в 19, а в 20-м веке. У Матрены родились два сына, они стали военными и добились успехов и на военном поприще: один стал полковником, а второй Сенчуро дослужился до генерала.

Не потому ли и Нина Сергеевна Сенчуро, не посрамила честь своего прадеда – Семена Яковлевича Сенчуро. И у нее были три награды «Орден Трудового Красного Знамени», и два ордена «Знак Почета». Ни у одной женщины в Беларуси не было столько наград, как у Нины Сергеевны Сенчуро.

Самого младшенького и баловного Сергея Филипповича Сенчуро направили в платное церковно-приходское четырехклассное училище-интернат, чтобы ученики не били баклуши, а добросовестно грызли гранит науки.

Для сравнения можно сопоставить с Сергеем Филипповичем друго-

го Сергея. Только отчество было у него Александрович и фамилия у Сергея была Есенин. И оба Сергея были из зажиточной семьи.

Взять хотя бы цитату из стихов великого поэта Сергея Есенина, как его в деревне спросили односельчане:

– Что в Питере нынче слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.

Но судьбы у двух Сергеев получились разными. Сергей Сенчуро в 1894 году его призвали на военную службу в Екатериненский гусарский полк. После службы устроили стражником по Городокскому уезду.

Судьба Сергея Есенина известна всем читателям. Он был великим, гениальным поэтом. А учесть обоих Сергеев была роковой.

Одного Сенчуро увезла машина ИКВД, которую называли «черный воронок». Для ареста Сергея Филипповича было достаточно трех подписей «тройки», а клеймо «кулак» стало черной меткой для труженика на своей родной земле.

Учесть Сергея Есенина еще более запутанней. Почему повесился или повесили Есенина в Питерской гостинице – дело темное. Ведь и его помощницу Галину Артуровну Бениславскую ждала трагическая участь. Она пришла на Ваганьковское кладбище, где и был захоронен Сергей Есенин и на могиле своего кумира выстрелом в голову лишила себя жизни. Так и лежат рядом Галина и Сергей.

Старший из сыновей Арсений Сенчуро остался за хозяина в Сенчурах в 9 лет. Екатерина Карповна уехала в Минск и попросила сына:

– Арсений, не пускай в дом никого пока я не вернусь из Минска. Еду в Верховный Совет.

А 3 января 1930 года колхозники из Большого Кашо приехали на лошадях на 3-х подводках и хотели забрать имущество Сергея Филипповича.

Арсений, ему было 9 лет, выше на крыльцо с большой палкой и заявил:

– Мама уехала в Минск, в Верховный Совет. Пока она не вернется я вас в дом не пущу.

Конечно же не огромная палка напугала колхозников, но спорить с несовершеннолетним мальчиком им тоже было нельзя. Если бы Арсения турнули с крыльца, то из колхозников они бы сразу превратились мародёров.

А это уже уголовная статья для них. Но, уезжая, колхозники пригрозили:

– Пятого января мы снова приедем, но уже с председателем колхоза

– Якубенком. И все заберем с собой.

Вышла Екатерина Карповна на крыльцо и показала удостоверение Верховного Совета, заявив:

– Все вернуть и ничего не трогать!

Но лошадь наверное ночью все-таки узнали и сказали Екатерина Карповне:

– Это не мы, а наверное военные из Городка. А с нас какой спрос?

Перекупщик из Хоботов предложил Кате:

– Могу дать тебе в долг кобылу.

Катя посмотрела на одноглазую клячу и, грустно вздохнув, согласилась:

– Начну платить за кобылку после весны. А сейчас и дрова повезти сани надо. Все хранится на участке.

– Да я подожду, Екатерина Карповна. Ты ее хоть сеном покормишь, а летом если не деньгами так продуктами откупишься, – сказал перекупщик.

После Екатерина Карповна пошла к леснику:

– Елисей, помоги моему горю! Топить нечем, дети плачут. Они даже в кухне мерзнут, а вода на полу замерзает. Выпиши мне дров, не застуди до смерти моих детей.

Елисей поправил шапку и, почесав затылок, произнес:

– Дров у меня нет!

Екатерина зарыдала и лесник сжалился и повторно заявил:

– Дров у меня, Екатерина Карповна, нет, но подскажу как выкрутиться из этой беды. Слушай меня внимательно: езжайте в лесок Ляды. Рубите ночью ольху, осину. Пеньки замочите, уберите сучья и заметите следы ветками.

Арсен со своим двоюродным братом Потапом Дмитриевичем приехали в лес, он на своей хорошей лошади, а Арсен на своей кобылке. Стало смеркаться. И напилили по две повозки дров для нас. У Потапа запас дров был.

Поэтому чтобы не топить мерзлыми дровами из леса, Арсен, вместе с шестилетним братиком Алексеем, привез от Потапа сухих дров. Напилили и сырых дров. Как только затрещат на огне сухие дрова можно будет подкидывать в топку и сырые. А сучья рубить помогала братьям старшая сестра – Маруся. Вскоре на кухне стало жарко как в парной бане. И малыши отогрелись. Ведь даже на кухне у ребятишек зуб на зуб не попадал. Так и перезимовали зиму в 1930 году.

Но беда не миновала семью Сенчуро. В феврале простудился 8-летний братишка Трифон. Коклюш и скарлатина скрутили его в бараний рог. Трифон дрожал как в лихорадке и смерть его была неизбежна. Ни лекарства, ни медицинской помощи и даже тепла в доме не было. И мальчик

скончался тихо и незаметно.

Зато двоюродный брат Арсена – Потап, оказался необыкновенно добрым человеком, готовым всегда прийти на помощь.

Он помог Арсену и Екатерине Карповне вспахать землю и засеять яровые. Именно Потап подарил Арсену небольшую, маленькую косу и научил его клепать и косить.

И Арсен всем хвастался, что его двоюродный брат Потап ему приходится не только двоюродным братом, а и другом, отцом и учителем.

В 1937 году Арсен закончил 7 классов и поступил в железнодорожное фабрично-заводское училище (ФЗУ) на станции Витебск.

– Как мне повезло, – радовался Арсен, – форму железнодорожника выдали бесплатно.

Закончил ФЗУ с отличием и мне присвоили 5 разряд слесаря.

– Хорошо учишься, парень, – сказал начальник депо, – на ходу подметки рвешь. Направляю тебя на курсы помощника машиниста, а там глядишь и машинистом станешь. Ведь самое главное лицо на железнодорожном транспорте это машинист.

Окончил курсы Арсен точно на отлично. Начальник депо опять его похвалил:

– У тебя, Арсений, голова что надо, а не продолжение шеи. Шарики-ролики хорошо крутятся. Поработаешь немного помощником и станешь классным машинистом. А пока я поощряю тебя двухнедельной путевкой в центральный белорусский Дом Отдыха.

Начал Арсен работать помощником машиниста на станции Витебск. И проявил свое мастерство на ту же отметку – отлично! Начальник депо – Древин, пригласил Арсена Сенчуро в свой кабинет и попросил его:

– Арсений, прошу у тебя помощи. Мне нужно обучить девушек помощниками машиниста, а инструктора нет. Девчата должны научиться уходу и отоплению паровоза. Для тебя эта наука все равно, что подсолнечные семечки пощелкать. Ведь ты все на лету схватываешь. Возьмись…

Арсений ответил не сразу, а потом спросил Древина:

– Вы понимаете, что такое неосвобожденный инструктор? Это же бесплатная работа, а у нас говорят, что каждый труд должен быть не только почетным, а и оплачиваемым.

– Арсений, я не знал, что ты такой торопливый человек, – улыбнулся Древин, – я же не на халяву тебе поручаю поучить девчат обслуживать паровоз. За каждую обученную помощницу машиниста ты будешь получать 150 рублей. И получишь ты, Сенчуро, кроме зарплаты еще тысячу рублей. По рукам?

– По рукам! – согласился Арсен.

Он совершенствовал свое мастерство семимильными шагами, рабо-

тал на толкаче паровоза, потом его поставили помощником машиниста на самый мощный товарный паровоз ФД – Феликс Держинский.

А в мае 1940 года дали «отдохнуть», отправили в командировку в Карелию, а в августе Арсен уже вернулся в свой пункт прописки и выдали денежную компенсацию за две недели.

А в октябре и вовсе призвали Арсена в армию, в город Сарны. Зачислили его в полковую школу младших командиров мостостроительного взвода.

Кроме основных занятий Арсен записался в спортивную секцию бокса. За отличную стрельбу получил пулемет Дегтярева, изучал Сенчуро и подрывное депо. Заметил его старание изучать боевую подготовку командир взвода, лейтенант Шелухин, его земляк из Витебска и сказал:

– Назначаю вас, Сенчуро, своим помощником. Учись сам и обучай курсантов рукопашному бою, штыковому. Боксом ты уже занимался, научись самбо, сам учись и обучай других. И запомни, Арсений, человек определяет свою судьбу сам. Как учил своих солдат полководец Александр Васильевич Суворов: «Тяжело в учении, легко в бою».

– Товарищ лейтенант, – ответил Шелухину Арсений, – я тоже учусь воевать, но едва ли мне с вами идти в бой в штыковую атаку. Хотя моей силой и высоким ростом победить противника мне удастся быстрее, чем он проткнет меня штыком.

Лейтенант ответил Арсену не по уставу и не в духе того времени:

– Человек предполагает, а бон располагает. Поживем, Сенчуро, узнаем где раки зимуют.

А в июне 1941 года грянула война, а за месяц до этого, в мае, как будто Шелухин спиной чувствовал начало войны. Их всю школу послали в Бессарабию, где по поэме Пушкина не любили кочевать цыгане.

Взвод в котором служил Арсен, на станции Окнице, перешивал узкую колею железной дороги, на широкую российскую колею. Вот тогда машинист паровоза Арсен приобрел еще о дну профессию на железной дороге, стал путейцем.

Потом всей школой отсыпали посыпь железной дороги. Вот там-то и застала их война.

Боевое крещение Арсен получил когда его взвод возвращался в Сарны. Бомбежки и обстрелы самолетами с воздуха стали обычным делом.

Зато в школе, в Сарнах, ему присвоили звание сержанта и мастера-подрывщика. Широкую колею построили, а вдруг придется ее взрывать? На войне, как на войне!

Арсена, получившего сразу два звания, направили в истребительский полк, во взвод лейтенанта Ковалецкого. Он был уроженцем столицы Украины – Киева, а работал там до войны «парикмахером». И в подрывном деле

на железнодорожных путях ни бум-бум не смыслит. Но воинское звание все же – лейтенант. А Арсен получил полную свободу в своих действиях по подрыву только что построенной им же железнодорожной широкой колеи.

Батальон в котором служил Арсен стали укомплектовывать западниками: украинцами и поляками. На каждый взвод пришлось выделять по четыре сержанта.

И Арсен ломал голову:

– Как тяжело подобрать сержантов подходящих для истребительных рот. Ни «бе», ни «ме», ни «ку-ка-ре-ку». А еще говорил один поэт: «Если сволочь сержант, до точки довел, не упрямься как бык, не стой как осел, а будь верным солдатом своей королеве!» А подобрать хорошего сержанта во взвод еще труднее. Правду говорил наш Маршал Ворошилов: «Красной Армией управляю я и мои сержанты».

Как потом разочаровался в действиях Маршала Ворошилова Арсен в начале войны. Хотя Ворошилов был храбрым воином, но вводить из-за беспомощности самому Маршалу солдат в атаку – безумие.

А вот командир истребительной роты, капитан Киселев понравился Арсену Сенчуро:

– Капитан Киселев, молодец, – думал он, – энергичный, командует ротой прекрасно, на размазню Коваленко совсем не похож. А вот в железнодорожном деле и в подрывном специалист никудышный. Но не выпендривается. Со мной советуется и, самое главное, не вмешивается в подрывные дела. Не связывает мне руки и стал даже моим другом. Отдал мне все взрывные боевые причиндалы.

Только подумал Арсен, что же еще не хватает, а капитан Киселев тут как тут, и говорит:

– Зайди ко мне в блиндаж, сержант Сенчуро, и получи большой полевой бинокль, полевой телефон и ручную оповестительную крутящуюся сирену.

Арсен только начал свое первое боевое крещение по подрывному делу и сетовал, что многие солдаты еще ходят не в кирзовых сапогах, а в ботинках и закрученных до колен обмотках. Нарком Тимошенко «оголил» железную дорогу, призвав в армию молодых железнодорожников, а Коганович поддержал наркома. И начал отступление красноармейцев.

Батальон, в котором служил Арсен, отступил последним. Бойцы этого батальона подрывали за собой мосты, станционные сооружения. Но война это война, а мирная жизнь для Арсена окончилась… И, как говорил философ: «В одну реку нельзя войти дважды». И началась иная, другая жизнь у Арсена.

Глава 15. Милые бранятся только тешатся

Став первым секретарем райкома партии в Шумилино, Нина Сергеевна Сенчуро с головой ушла в заботы и хлопоты этого района.

А Иван Иванович Логинов, хоть и был директором школы, но жизнь его была спокойной и размеренной. Прозвенит последний звонок, соберутся учителями в кабинете директора, сделают разбор «полетов» сегодняшнего дня и…по домам.

Так что у мужа Сенчуро – Ивана Ивановича Логинова, по сравнению с Ниной Сергеевной, было свободного времени вагон и маленькая тележка. А Нина моталась на УАЗики, на Волге-то она выезжала или в Витебск или в Минск, по всему району. Кабинетным работником она не стала. В кабинах ее подчиненные предлагали свои варианты развития событий. Зато, приезжая на фермы или на поле и, разговаривая с рабочими людьми, понимала, что они-то ей говорят правду и только правду, а чиновники эту правду приукрашивают, да иногда так исказят, что кажется в Шумилинском районе наступил, а в совхозах и колхозах текут молочные реки, которые обрамляют кисельные берега.

Нина мотается, свою душу рвет и вкладывает заряд справедливости в малых селах, а у Ивана много свободного е, а заняться-то особо и нечем… С соседями тары-бары не разводит, у телеящика сидеть надоело. Скучно и грустно и некому руку подать.

И Иван отыскал для себя «отдушину». Одному скучно, а как стопочку сорокоградусной водочки тяпнешь, так вроде и ничего… Настроение поднимается, заботы улетучиваются, хоть песни пой.

Да вот беда: начнешь петь – соседи думают, что соседи к Ивану пришли, а чтобы и им грустно не было бегут к Ивану Ивановичу поднять градус как можно выше.

Приходят домой к Ивану измотанная, уставшая жена, а он уже и лыко не вяжет. Сначала Нина Сергеевна пыталась вразумить мужа, но с пьяным ругаться, что с тигром целоваться. Опасно.

Нина, чтобы совсем не рассориться стала приезжать попозже, когда Иван уже третий сон досматривал. И хорошо, что в казенной квартире много комнат. Зайдет в свою спальню, дверь на замок и спать. Утром-то надо осмотреть дозором, острым взглядом свои угодья.

А Иван Логинов продолжает действовать по принципу как в одной блатной песенке: «У павильона пиво-воды стоял советский человек. Он вышел родом из народа…он вышел и….упал на снег!»

Чтобы не испытывать такого состояния не стояния, а точнее: падения с высоты своего роста, как пишут в своем протоколе «менты-позорные» - это так ласково называют алкаши нашу родную милицию при исполнении

их служебного долга, Иван Иванович стал тихим, домашним пьяницей.

И когда возвращалась домой Нина, Ваня читал ей лекции о морали и этике. Как в песне Владимира Высоцкого: «А стрелок: «Да что за награда?! Мне бы – выкатить портвейну бадью! А принцессу мне и даром не надо – чуду-юду я и так победю!».

Нина Сергеевна слушать морали аморального мужа не хотела и уходила в другую комнату, запирала дверь на крючок и, заведя будильник на шесть часов, ложилась в холодную постель. Так сложилась новая семейная традиция: без утреннего - «здравствуй» и вечернего – «спокойного сна».

Однажды Нина Сергеевна услышала такую народную мудрость: «Спокойной, вам, ночи, спокойного сна, желаю увидеть козла и осла! Козла до полночи, а после осла! Спокойной, вам, ночи, спокойного сна!»

Впервые за несколько месяцев Нина Сергеевна рассмеялась и подумала:

– Хорошо, что я ночью засыпаю сразу и встаю по будильнику, а козлы и ослы пусть уж снятся моему мужу. Спит, спит, вздрогнет и снова спит. А вздрагивает он ведь от кошмаров.

Однажды Нина вернулась на час позже чем приезжала обычно в предыдущие дни и позвонила в дверь. А Иван, видимо он стоял в ожидании жены под дверью, распахнул дверь мгновенно, подняв кулак до правого уха, нанес молча сильный удар в лицо Нины.

Она была в шоке. До рукоприкладства у нее с мужем никогда не доходило. А тут такое зверство? Лицо ее от стресса залилось краской стыда. Ведь любимый когда-то человек так нежно ухаживал за ней, и вдруг мордобой:

– Куда же мы катимся, Ваня? – подумала Нина, а потом, спохватившись, – о чем я сейчас думаю-то. От такого удара, наверняка , будет у меня фингал под левым глазом! Ужас какой! Завтра с утра у нас в Шумилино состоится же областное совещание. Приедет сам председатель области – Шабашов Сергей Михайлович. Какая же будет мне стыдоба? Пойду и умоюсь на водной колонке, что устанавливали прямо на улице. У кого нет водопровода в доме берут питьевую воду из этой колонки.

Нина подошла к водопроводной колонке и чуть-чуть нажала ручку чтобы тугая мощная струя не забрызгала свои модные туфельки. И стала споласкивать лицо холодной водой.

Она услышала шаги по обочине улицы и повернулась на звук чтобы увидеть пешехода.

– Так это же Юра, мой сын идет. Приехал ко мне наверное чтобы деньги занять, ведь у его жены, Татьяны, каждая копеечка на учете. Зато у Юры карман пустой. У Тани он спросить стесняется, что мужу нужны деньги на карманные расходы.

И окликнула его:

– Юрочка, ты ко мне? А я вот у колонки стою.

Юра встряхнул головой и спросил:

– А почему же ты, мама, на уличной колонке умываешься. Ведь дома-то ополоснуть лицо куда сподручней…

И осекся, увидев синяк под глазом матери, окликнул:

– Какая сволочь, какая скотина это сделала? – спросил возмущенный сын Нины – Юрий. – Я его, паразита, сейчас в порошок сотру!

А Нина Сергеевна ответила тихо, но с твердостью в голосе:

– У этой сволочи и скотины есть знакомое тебе имя: Иван Иванович Логинов.

– Он что, белены объелся? – продолжил допрос разгневанный сын. – Сейчас получит по заслугам! Не посмотрю, что он мой отец.

– Юра, – сказала Нина Сергеевна, – сбавь обороты! Ты совершенно правильно сказал: мой муж – твой отец. Но пойдем в мою квартиру вместе. Я не знаю, что он еще по пьянке может совершить, если у него шарики заходят за ролики!

Они пошли в квартиру, поднявшись пешком на лестничную площадку, Юра взял в руки ключи от замка двери и, отперев ее, приоткрыл ее. В щель выглянул его отец и отшатнулся от сына, как от прокаженного.

Пока Юра неторопливо распахнул дверь настежь, его отец легкой рысцой помчался по коридору к двери своей комнаты и скрылся в спальной комнате.

– У страха глаза велики! – подумала Нина, – ишь как бросился в свою комнату, будто сама смерть с косой за ним гонится.

А у Юрия мелькнула другая фраза:

– Тренируйся, бабка, тренируйся, дедка, тренируйся, ты моя, добрая соседка!

Но этим народным афоризмом он не ограничился:

– Перед женщиной – герой, а как увидел мужчину, то быстрее в свою нору забился, – подумал Юра и, постучав кулаком в дверь, крикнул:

– Папа, ты что же такое творишь? Зачем ты ведешь себя как бандит? Почему ты поднял руку на женщину? На святую женщину! Ведь она твоя жена и моя мама! Ты хочешь чтобы я тебя отдубасил, отлупил?

В ответ ни звука, ни шороха. А Нина в шутку попросила сына:

– Юрочка, дорогой мой сынок, ты ему лучше предъяви ультиматум. Крикни Ивану через дверь: «Леопольд, подлый трус, выходи!»

Юрий первый раз после встречи с мамой улыбнулся и сказал:

– Мама, после такой подлости отца, ты еще нашла силу в себе иронизировать?

А Нина ответила:

– Плакать от обиды можно только в одиночестве, не показываю свою слабость. А у меня сильный характер и плакать в тряпочку – не мой стиль. Да и зачем плакать перед малодушным человеком, который нагадил по злости из подтяжка и сразу же спрятался в кусты чтобы его мордой в экскременты не натыкали. Неужели из-за пьянки Иван все больше и больше деградирует? Ладно, об этом больше ни слова! Я уже поняла, Юрочка, что тебе требуется материальная помощь. Сколько нужно денег, назови сумму.

– Да, мама, – сказал сын, – если можешь, помоги. От моей зарплаты остаются рожки да ножки. Татьяна, после рождения моего сына, Павлика, много тратит.

– Я же, Юра, прекрасно понимаю, что у Тани внезапно умер отец и в семье осталось четыре женщины: бабушка, мать, сестра Лена и твоя супруга Татьяна. Поэтому терпи казак – атаманом будешь.

– Да, мама, мы учились с Таней вместе в медицинском институте. На четвертом курсе поженились. Ты помогала нам и свадьбу справить. Окончив институт стал хирургом. И мою карьеру хорошо знаешь. Я хоть день и ночь в больнице буду работать, а семью прокормлю.

– Ладно, Юрочка, не будем вспоминать о трудностях. Ты будешь знаменитым хирургом. Я уверена в твоем успехе. А у Татьяны Олеговны хоть и много родственников, зато будут ее мама и бабушка помогать воспитывать нашего Павлика.

– Как хорошо, мама, что ты такая заботливая. Думаю, что если буду повышать свою квалификацию, то и зарплата у меня будет побольше. Я хочу стать не просто хирургом, а нейрохирургом. А чем выше квалификация, тем выше и зарплата.

– Юра, – махнула рукой Нина Сергеевна, – пока я занимаю такой высокий пост, то нашего Павлика мы с тобой прокормим. Не переживай.

– Да я и не переживаю, – ответил Юра, – и тебя прошу лишь об одном: если отец начнет выступать, то звони мне сразу. Он молодец среди овец, а против молодца и сам овца. Меня же мучает один вопрос: «Как ты завтра пойдешь на работу с таким украшением?»

– Ты, Юрочка, позаботься о своей новой семье, а в своей семье я порядок сама наведу.

– Не сомневаюсь, мама, ты – железная леди, как Маргарет Тэтчер.

Оба остались довольными. Ведь есть же хорошая песня со словами: «Важней всего погода в доме, а все другое суета. Есть я и ты, а все, что кроме, легко уладить с помощью зонта».

А Нина Сергеевна решила позвонить Шабашову Сергею Михайловичу. Он был первым секретарем Витебского райкома партии. И на следующий день должен приехать в Шумилино и провести там совещание.

– Не могу же я, – размышляла Нина, – появиться перед Шабашовым

во всей моей «красе». Не смогу я и сквозь пол провалиться чтобы мой синяк рассматривали мои подчиненные. А злые языки страшнее пистолета, как сказано у Грибоедова в его поэме «Горе от ума»: «Придется слукавить!»

Она набрала номер телефона Сергея Михайловича и произнесла, вроде бы смущаясь, Шабашову:

– Сергей Михайлович, извините за беспокойство во внеурочный час, но моя мама, Екатерина Карповна, прихворнула. В больницу ложиться не хочет и просит полечить ее на дому. Городокского врача она уже уговорила чтобы он ей прописал домашний режим. А теперь уговаривает меня приехать к ней. Мне нужно побыть с ней три-четыре дня.

Шабашов не стал долго раздумывать, а сразу же сказал ей:

– Работников у нас много, но мама у каждого из нас только одна. Поезжайте к Екатерине Карповне. Ей нужна, я так думаю, не столько врачебная поддержка, а ваша дочерняя, моральная.

Нина радостно ответила Сергею Михайловичу:

– Благодарю вас за моральную поддержку, – и повесила трубку.

Никуда уезжать из Шумилино Нина не собиралась. Во-первых, ее могут увидеть соседи, подруги и ее ложь во спасение репутации сразу вскроется. Во-вторых, ее мама бодра и здорова и ухода за собой не требует. Надо, пока не сойдет синяк, отсидеться дома. А в-третьих, нужно разобраться в отношениях с мужем. Что же он скажет в свое оправдание.

И Нина вспомнила как в молодости она носила на левом плече двухметровые бревнышки на зыбкой болотистой почве чтобы застелить дорогу, по которой фашисты будут катить артиллерийские орудия для обстрела партизан, которые скрываются в густой чащобе.

Немцам конвоирам нравилась красивая 13-ти или 14-ти летняя девочка Нина Сенчуро. И конвоиры, которые были на отдыхе окрикивали ее. Кто-то сказал гитлеровцам, что зовут эту красотку – Нина. И они азартно выкрикивали ее имя: Нина, Нина, Нина.

Нина же работала на укладке бревнышек на болотистую почву с пожилой женщиной. Что старый, что малый, а работать заставляли. Напарницу Нины звали Матреной.

Матрена увидела как алчно смотрят фашисты на Нину и посоветовала ей:

– Если ты будешь откликаться на их клики, то тебя сразу же утащат в кусты и изнасилуют там. После войны при таком раскладе не найдешь мужа. Поэтому не оглядывайся и ни с кем не разговаривай. А я пущу слух, что ты глухая. От тебя все и отстанут.

Так и случилось, окрикивать Нину перестали, а таскать на плече бревна ей пришлось.

Зато когда она вышла замуж за Ивана Ивановича, он был готов ее на

руках носить:

– Ниночка, – радовался муж, – я горжусь твоей невинностью и готов целовать твои ноги.

Нина задумалась, а в голове вертелась мысль:

– Что же скажет в свое оправдание Иван?

И не заметила, что в комнату зашел муж. Дверь скрипнула и Нина обернулась. Перед ней стоял Иван. Измятое от пьянки лицо, голова трясется, покачивается. А на небритой щеке прилепилась нашинкованная полоска из нашинкованной капусты – таков был внешний вид

– Разве это директор школы? – мелькнуло в голове у Нины. – Это же беспробудный пьяница, не мужчина, а бомж – человек без определенного места жительства.

Иван сделал два шага в направлении к Нине и бухнулся на колени, всхлипнув, произнес:

– Нинуля, прости меня, если сможешь. У меня от пьянки крыша вовсе набекрень съехала. Я больше не буду!

Нина чуть ли не расплакалась, а вслух произнесла:

– Ваня, ты же взрослый, солидный человек, а ведешь себя как первоклассник: «Тетенька, прости меня, больше не буду!» Может быть тебе высморкаться помочь? На, возьми чистый носовой платок и, хотя бы, слюни вытри.

Насмешка жены покоробила его лицо и самолюбие. Так она его никогда не унижала. Он на самом деле взял у Нины носовой платок, но не высморкался как советовала жена, а вытер свой лоб. После затянувшейся пьянки на лбу Ивана выступили круглые бусинки пока, вот он их и промокнул носовым платком.

– Простишь?

Нина пожала плечами и сказала:

– В годы войны струсившихся в бой солдат из армии переводили в штрафбат, в штрафной батальон. А трусу все же давали шанс стать снова в строй красной армии. Ему предлагали: «Кровью искупи свою вину!» И штрафники в атаку шли в первых рядах.

– Ниночка, я искуплю свою вину, хочешь побей меня, я тебя пальцем не трону, – сказал Ваня.

Вот тут Нина не выдержала и рассмеялась:

– Я же не салтычиха какая-то, которая карала за любую провинность своих крестьян.

А отведу тебя в вытрезвитель или к врачу-наркологу. Иди-ка в ванну умойся как следует, побрейся, освежись одеколоном.

Воспрял и Иван Иванович. Он оживился и сказал на ходу к двери:

– Дети в школу собирались: брились, мылись, похмелялись.

– Иван, ты не радуйся особенно-то. Если ты опохмелишься, то я вызову скорую помощь и увезут тебя врачи не в школу, а в наркологическую поликлинику.

– Все, все, Ниночка, я пошутил, пошутил, поверь, я тебя больше пальцем не трону…

– Только посмей, греха не оберешься! – резко прервала мужа Нина. – Имей ввиду мое слово твердое. Если я что-то сказала, то уже, поверь, что шкуру я с тебя спущу и в Африку пущу. Позагорай там на ярком солнышке, подлечись. Загар полезен для здоровья. А то уже опух от пьянки.

Иван быстро скрылся и через минут пятнадцать уже зашагал твердой походкой в школу.

Рецидив у Ивана повторился в зимние каникулы. Он оделся в шубу Деда Мороза, нахлобучил на себя меховую, красивую шапку и с мешком и посохом пошел раздавать ребятишкам, из огромного мешка, новогодние подарки.

Раздавал Иван Иванович подарки детям с прибаутками:

– Подходите, детки, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток!

После раздачи подарков кто-то из учителей-мужчин предложил Логинову:

– Иван Иванович, какой же Новый год без шампанского, давай-ка я откупорю бутылочки и под звон бокалов, до кремлевских курантов еще далеко, выпьем по фужеру искристого, золотистого шампусика!

– Ну что ты, Вася, – покрутил головой Логинов, я со спиртным завязал.

Но Вася не был согласен с отказом Ивана Ивановича. Видимо он уже втихаря тяпнул рюмку, другую напитка покрепче, чем шампанское. И заявил:

– Ваня, да разве шампанское спиртной напиток? Да оно не крепче кваса. Так ударит шампанское не в голову, а в нос.

Откуда-то появились два фужера, пробка из бутылки шампанского со звуком выстрела выскочила из горлышка бутылки, а пена заполнила больше половины фужера.

Иван пригубил бокал с шампанским, но оно было сладкое и совсем не хмельное и он выдул напиток одним махом.

А Вася, сделав пару глотков, сморщился словно ему в фужер отраву налили и сказал:

– Да, – кивнул Иван.

И тогда Вася с радостной улыбкой сказал своему другу:

– Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! У меня, Ванюша, есть н не начатая бутылочка сорокаградусной. Это мужской напиток. Я ду-

маю, что ты не откажешься от этого нектара богов?

– Ни за что! – воскликнул Иван, видимо после долгого поста у Логинова Ивана голова закружилась.

И приятели быстренько познакомились. Хорошо, что от удовольствия чуть не захрюкали.

Нина Сергеевна, увидев мужа и его собутыльника в маскарадных костюмах, шатающихся из стороны в сторону, словно от пятибалльного шторам с картины Айвазовского «Девятый вал», поступила жестко как и обещала Ивану. Она подошла к телефону, подняла трубку и, набрав номер, произнесла:

– Скорая помощь? Это звонит вам Нина Сергеевна Сенчуро. У моего мужа белая горячка. Приезжайте по моему адресу поскорее.

Скорая помощь, на то ее и называют скорой, а потому в дверях квартиры Нины Сергеевны появились женщина в белом халате – врач и пара крайних парней, в халатах синих.

Вася, видимо, после принятия даже довольно большой дозы спиртного напитка мог себя контролировать, заявил:

– Ребята, в этой квартире я не проживаю и в семейные скандалы никогда не вмешиваюсь.

– А до дома-то добраться самостоятельно сможешь? – спросил один из крепких и сильных санитаров. И Вася, собрав свою волю в кулак, ответил:

– Разумеется, друзья мои! Смотрите за моими движениями: «Крепче шаг и тверже ногу! Ать, два и я уже на пороге!»

Два санитара переглянулись и направились к раскисшему от алкоголя Ивану. Ваня попытался, что-то сказать, но его заплетающийся язык издавал невразумительные звуки: «ме-ме-ме, ля-ля-ля». Санитары взяли крепко за белые рученьки Ивана Логинова и спросили Нину Сергеевну:

– Вы не поедете с мужем?

Она же вежливо ответила им:

– Извините, ребята, но я же не врач. Назовите мне адрес вашей поликлиники и завтра я приеду туда проверить самочувствие этого пациента. А уже врачи ему поставят диагноз. Мне кажется, что у него белая горячка. Завтра будет все ясно.

Санитары пока диктовали адрес, врач скорой помощи сделала Ивану Ивановичу укол. Он успокоился и утих.

Так во время зимних каникул Иван Логинов прошел курс лечения. И Нина Сергеевна когда из больницы выписали мужа, решила опять по-хорошему поговорить с ним:

– Как себя чувствуешь, Ваня, – спросила она. – Что врачи тебе сказали, предсказали при выписке? Неужели ты хочешь, Иван, себе рюмкой

или стаканом могилу выкопать? Неужели мы с тобой не сумеем победить зеленого змея?

– Нина, – ответил Иван, – я ведь уже боюсь не только себя, а своей тени.

Он умолк и долго-долго молчал. А потом высказался с мрачным юмором:

– Ведь мне мерещится, что водка плещется… Закуска бегает вокруг стола! А мой любимый поэт Сергей Есенин, тоже пытался справиться со своим пристрастием к спиртному и написал: «Друг мой, друг мой, я очень-очень болен. Сам не знаю откуда взялась эта боль. То ли ветер свистит над пустым и без мористым полем, то ли как листья в лесу осыпает мозги алкоголь»!

– Ваня, хоть ты и писал мне в молодости стихи, а лирика твоя была радостная и прекрасная, но вспомни как боролся Есенин со своей привязанностью: «Я из Москвы сбегаю навсегда. С милицией мне спорить нет сноровки. За каждый мой пивной скандал, меня таскали в тегулевку. Благодарю за дружбу граждан сих. Но очень жестко спать мне на скамейке. И с пьяной мордой читать стих. О клеточной судьбе какой-то канарейки».

– Но я не кенар, я – поэт, я не чета каким-то там Демьянам. Пускай я иногда бываю пьяным. Зато в глазах моих – прозрения дивный свет!

Иван опять, опустив голову, помолчал, а потом сказал:

– Я тоже хочу увидеть прозрения дивный свет. Но какая-то черная пелена застилает мне глаза. Мой друг и собутыльник Вася, когда я его спрашиваю: «Как дела? Как здоровье?», то он мне всегда отвечает: «Хреново, а как выпьешь так вроде бы и ничего».

Ваня опять помолчал и вдруг в отчаянии предлжил:

– А может быть, Нина, ты ведешь разговоры со мной вокруг и около, потому что хочешь развестись со мной?

– Нет, Ваня, я предлагать тебе развод не стану, – ответила Нина, – ты коммунист и я состою в партии, а значит мы не только пойдем в ЗАГС и разведемся. Нас вызовут сначала в партбюро и сделают разбор полетов. Меня это не устраивает. Я работаю на своем месте и могу еще много сделать для страны. А если же ты хочешь подать на развод, то это твое личное дело.

Как говорил твой и мой любимый поэт Сергей Есенин: «Наливай, чайханщик, крепче чаю, много раз цветет в твоем саду, но за себя я нынче отвечаю, а за вас ответить не могу».

– Ой, Ниночка, умеешь ты, Нина, на свое место поставить, – покрутил головой Иван. – Я постараюсь от этой вредной привычки избавиться и заявляю: «Пьянству – бой!»

– Ну-ну, – вздохнула Нина. – Свято предание, а верится с трудом. Но

заявляю тебе серьезно. Пока ты не бросишь пить совсем, мы будем спать в разных комнатах, а дверь я буду запирать не только на ключ, а даже на крючок.

– Это твое дело, – вздохнул Иван, – но ведь я не только водочку попиваю, а в школе сею доброе, умное, вечное. И хочу, чтобы ребятишки выросли не только грамотными людьми, но и патриотами нашей страны. А, читая стихи Сергея Есенина, я понял, что он был не только великим поэтом, но и прекрасным гражданином нашей Родины. Вот как он сказал в своих стихах о себе: «Хочу я стать певцом и гражданином, не разгильдяем, а другим в пример, и стану я родным, не сводным сыном, в великих штатах СССР».

– Ладно, Ваня, держись казак, атаманом будешь. Если перестанешь пить, тебе цены не будет. Скоро у Тани с Юрой ребенок родится. Так каким вырастет наш внук, если мы не станем помогать молодоженам?

– А я давно уже мечтаю о внуке, – разоткровенничался Иван, – буду помогать молодоженам. Тогда и ты меня простишь. Ведь за детьми нужен глаз да глаз. Тогда мне будет не до пьянки.

– Ладно, Ваня, не будем мечтать о воспитании внуков. У Тани и Юры есть кому за нашими внуками присмотреть: Танина мам и бабушка, - сказала Нина. – А я хочу заранее попроситься у Шабашова Сергея Михайловича уйти с поста первого секретаря райкома партии из Шумилино. Пусть работают на этом посту мужчины.

Шабашов не хотел отпускать Нину Сергеевну, но потом согласился:

– Есть должность в Минске в отделе наград. Можете занять это место.

Нина Сергеевна взмолилась:

– Сергей Михайлович, я отработала 12 лет учительницей в школе, почти 22 года работала на руководящих должностях и все время в Витебском районе. Что я буду делать в Минске? У меня сын женился, скоро ребенок родится. Он закончил вместе с женой однокурсницей медицинский институт. Она – гинеколог, а сын мой хирург. Так позвольте мне с мужем внуков понянчить. А я могу и в профсоюзе поработать. Только не в Минске, а в Витебске.

Шабашов, выслушав просьбу Нины Сергеевны, согласился с ее доводами:

– Да, вы заслуженный человек, награждены орденом Трудового Красного Знамени и дважды орденом «Знак Почета». Поэтому я не буду возражать, поработайте в профсоюзе. Не место красит человека, а человек место. Не сомневаюсь, что и на профсоюзной работе будете работать так же добросовестно и с огоньком.

Все вроде бы утряслось. Татьяна родила вскоре мальчика. Она посоветовалась с мужем и они назвали мальчика – Павлом, Павликом.

А Юра был рад, что у него родился сын. Отдавал Татьяне всю свою зарплату, но в «бабьем» царстве-государстве у него что-то не заладилось. Трое женщин и у каждой свой характер, нрав и конечно же своя психология. Юра был как Витязь на перепутье: налево пойдешь – коня потеряешь, направо – голову сломаешь, а прямо пойдешь – найдешь девушку-красавицу и женишься на ней.

Он выбрал свою дорогу: женился на своей одногруппнице, но советы, упреки летали с двух сторон постоянно.

Когда Нина Сергеевна спрашивала сына:

– Как дела, Юра?

Он отвечал:

– Как сажа бела. Нам бы с Таней хотелось бы пожить в своей квартире и заниматься воспитанием нашего сына – Павлуши. А то бабушка и мама моей жены моими деньгами распоряжаются, а мне нальют тарелку супа с костями на которых мяса-то как кот наплакал. А жили бы вдвоем и у нас с Таней был бы свой бюджет и покупали бы мы с ней все, что нам необходимо.

– А какие у бабушки и матери Татьяны льготы? – спросила Нина и угадала точно в прицел.

Юра ответил:

– У бабушки-то Тани в Великую Отечественную войну погиб отец.

– Так она же имеет льготы, – обрадовалась Нина. – Я, сынок, проконсультируюсь с моим руководством и думаю, что они мне помогут увеличить вашу жилплощадь за счет льгот бабушки.

Нина Сергеевна не стала откладывать просьбу сына в дальний ящик и обратилась опять к своему руководителю – Шабашову:

– Сергей Михайлович, у меня сложилась очень сложная ситуация. Как говорил Воланд в романе Михаила Булгакова «Москвичи хорошие люди, но их испортил квартирный вопрос!» Вот такой вопрос встал и передо мной.

– Выкладывайте мне ваш квартирный вопрос как на духу, Нина Сергеевна. Чем могу – помогу, – сказал Шабашов.

Внимательно выслушав рассказ Нины он сказал ей:

– Не беспокойтесь, пусть бабушка Татьяны напишет заявление, что как дочь погибшего фронтовика она просит предоставить ей однокомнатную квартиру. И мы будем обязаны ей предоставить эту квартиру.

– Но, Сергей Михайлович, дорогой вы мой человек, – взмолилась Нина, – если бабушка Тани поселится в однокомнатную квартиру, то Юра и Таня с Павликом все равно останутся в коммуналке с матерью Татьяны.

Шабашов, улыбнувшись, произнес:

– Нина Сергеевна, зная характер бабушки Татьяны, она никогда не

переедет от дочери в однокомнатную квартиру, во-первых, она не уедет от дочери, ведь бабуля так любит с кем-то общаться, да и помогать Танина мама бабушке будет лучше чем ваш сын Юрий с Татьяной, а они-то, переехав от бабушки и мамы, добьются того, о чем мечтали: будут жить в… отдельной однокомнатной квартире.

Теперь Нина Сергеевна заулыбалась и сказала:

– Ах, Сергей Михайлович, перед вашим умом померк бы даже Великий комбинатор – Остап Бендер из повести Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Ведь вы за пару минут поняли как можно переселить молодоженов, специалистов врачей, одного, который уже хирург и ездил в Киев, в институт нейрохирургов чтобы повысить свою квалификацию. И второй молодой специалист, которая уже работает в родильном доме. А что значит работа – принимать у рожениц маленьких детишек. Спасибо, вам, огромное, за ваше предложение. Лечу на крыльях к бабушке Татьяны.

– Не стоит меня восхвалять и восторгаться, оперативного мышления и мгновенной реакции вам, Нина, Сергеевна, точно не занимать. Я ведь помню как вы за один день изготовили на фабрике Витебска «Знамя индустриализации» великолепный подарок для нашего дорогого вождя – Леонида Ильича Брежнева.

Нина кивнула головой и сказала:

– До свидания! Пойду и займусь сразу же вашим толковым предложением, – легкой походкой направилась к двери кабинета.

Только на улице Сенчуро стала вспоминать как ей удалось привезти в Москву подарок для Брежнева.

Ее белорусский земляк, Михаил Васильевич Зимянин, занимал высокий пост в столице нашей Родины. А у Брежнева вот-вот наступит семидесятилетний юбилей. Разумеется, Леониду Ильичу должны были вручить четвертую звезду Героя Советского Союза.

Решение такое в Москве в верхних эшелонах власти пришло внезапно. За пару дней до юбилей Леонид Ильич должен был подписать Указ о награждении передовиков. Все шло как по маслу, но когда дошли до голосования кому присвоить звезду Героя, Брежнев сказал:

– Я предлагаю вручить звезду Героя Советского Союза Леониду Ильичу Брежневу, кто за?

Из-за скромности Брежнев не стал задавать вопрос: «Кто против?». Во-первых, уже на первый вопрос проголосовали все единогласно, так зачем же задавать второй вопрос. Правильно – бессмысленно!

Ответственные за награду схватились за голову: «У Леонида Ильича на всех фотографиях уже закреплены три звезды Героя, но при вручении четвертой звезды на портрете Героя будут висеть только три звезды. Ужас какой! Если на портрете подрисовать четвертую, то она будет отличаться от

других трех наград!»

Михаил Васильевич Зимянин несколько раз встречался в Кремле с Ниной Сергеевной Сенчуро по белорусским вопросам. Таких визитов в Кремль у Нины было шесть и на седьмой раз время на изготовление портрета вождя с четырьмя звездами Героя не было. И Зимянин позвонил Нине Сергеевне Сенчуро:

– Как быть? – спросил ее Михаил Васильевич, и она ответила:

– Я попрошу, как в русской народной сказке, ткачей ковров на фабрике «Знамя индустриализации» соткать ковер с портретом Леонида Ильича Брежнева, с четырьмя звездочками Героя.

– Великолепно! – произнес одно слово Михаил Васильевич и добавил:

– Как только ковер будет готов, сразу же поезжайте в аэропорт. Самолет будет готов к вылету в ту же минуту, как взойдете по трапу в салон.

Рано утром портрет Брежнева был доставлен в Кремль. И Нина Сергеевна вручила лично в руки руководителю КГБ Юрию Владимировичу Андронову.

Воспоминания у Нины Сергеевны ушли в сторону. Ведь главная задача для нее – оформить однокомнатную квартиру по ордеру, не надо путать это слово с «орденом». Для бабушки Тани. Главнее задачи в этот день у Нины Сергеевны не было.

Вскоре молодожены Юрий и Татьяна въехали в «однушку». Радости не было предела.

В профсоюзе у Нины Сергеевны дела тоже заладились. Ей поручили как самой ответственной женщине, заняться туристическими поездками за рубеж. С одной стороны – это приятное предложение путешествовать по странам, морям и океанам, а с другой стороны – это очень ответственное дело.

А Нина Сергеевна решила в селе Ровное приобрести для дачи жилой дом вместе с садом, огородом и с приусадебным участком. С Иваном Ивановичем Логиновым у Нины отношения наладились. Он сумел побороть Зеленого Змея, а трезвый Иван становился паинькой.

Но, узнав о покупке домика в деревне, Иван стал расспрашивать жену:

– Ниночка, на кой бес нам этот стресс?

– Может быть тебе работа на даче и стресс, но у нас будут внуки, – сказала Нина, - а растить их надо на природе. В Ровном с нашей усадьбой рядом озера, фрукты и овощи, не придется покупать. Только ухаживай за огородом и…..

Тут вклинился в разговор Иван:

– … Мне придется пахать как Папа Карло!

– А ты хочешь бездельничать?

– Нет-нет, Ниночка, – быстро сменил тон Иван, – я не Вася на все согласен. Но как вспомню работу в огороде деревенских женщин…

– Понимаю, Ваня, твое состояние, ведь ты такой трудоголик! – пошутила Нина, а Иван подыграл ей:

– Нина, почему ты меня унижаешь: «алкоголик, алкоголик!» Я давно уже не пью…

Но тут уже Сенчуро подыграла мужу и, перебив Ивана, добавила к незаконченной фразе:

– … «по два литра водки за один присет»

И оба захохотали, а Иван смеялся до слез. Ваня смахнул с ресниц капельки слезинок и добавил:

– Нина, ты же знаешь, что я завязал. Поэтому хоть я люблю полежать на диване, читая книгу. Но помогать тебе собирать урожай буду. Вон вишен сколько много уродилось, собирай себе ягодки в ведерко и оно быстро наполнится. А таскать ягоды на базар я тебе не позволю.

– Так ты, Ваня, не только таскай ягод на базар пока сам не наешься вишен сначала оттуда, а потом уже и таскай их ведрами. Мышцы рук, бицепсы накачаешь, а животик твой чуть-чуть и спадет.

– Ладно уже подкалывать друг друга, - отмахнулся Иван. – Я все об Юре и Татьяне вспоминаю. Скоро ли Таня родит ребеночка?

– Зря надеешься, Иван, – сказала Нина. – Теперь у них есть своя однокомнатная квартира и уезжать из комфорта городской жизни, а Витебск прекрасный город и нам в нашей квартире можно было бы жить, но город – это город: суета и духота. Поэтому будем надеяться, что молодожены будут воспитывать сына, а ты их будешь обеспечивать витаминами.

Время летит быстро и Павлик, как в сказке, рос не по дням, а по часам. Вскоре Татьяна поехала в командировку на Кавказ и оставила Павлика на руках у Нины и папы.

Татьяна поехала в Армению на трехмесячные курсы врачей из роддома в Ереване. Павлику было в то время уже года три и в детский садик ребенка отводил Юра или Нина Сергеевна. А иногда бабушка или мать Тани.

Уехала Таня в Ереван и как будто в глубокое кавказское ущелье провалилась, ни звука по телефону, ни письма…

Юрий недоумевал, а Нина Сергеевна нервничала. Звонила родственникам Татьяны, но они тоже не получали известия из Еревана.

Одно успокаивало их. Если бы с Таней что-то случилось, то из Армении пришло бы конкретное известие. А так: ни слуху, ни духу.

Под Новый год наконец-то Юра получил поздравительную открытку. Но Юрию от это не стало легче. На открытке не было никаких эмоциональных фраз, а сухие и скупые слова: «Поздравляю вас с Новым годом!

Будьте здоровы и счастливы!»

Счастья было с гулькин нос. Юрий зашел к матери и, поздравив ее с Новым годом, показав открытку, произнес:

– Вот тебе, бабушке и Юрьев день!

Хорошо, что Павлику только три годика и он не понимает, что его мамочка не очень-то торопится к нам домой.

Нина Сергеевна только молча покачала головой, а потом произнесла:

– Чует мое сердце, что происходит в Ереване нечто непонятное, а может быть и неприятное. А ты как думаешь, Юрочка?

– Стараюсь не думать ни о чем. Поживем, увидим, – ответил Юрий и добавил:

– Какой-то грустный у нас Новый год получается. Могла бы потратиться на телефонный звонок. А посылать в Ереван письмо или телеграмму «на деревню к дедушке Константину Марковичу» я не буду… Так пусть будет, что будет… Время покажет!

– Давай тогда, Юра, устроим праздник твоему сыну – Павлику. Он-то еще не понимает кто есть кто, а льнет и ко мне и к тебе. Я что-нибудь вкусненькое состряпаю, но для Ивана Ивановича и тебя я все-таки бутылку шампанского приготовила. В 12 часов ночи послушаем по телевизору сообщение из столицы Минска и отпразднуем Новый год как полагается. Не будем портить настроение ни себе, ни Павлику, ни Ивану. Пусть в Новом наступающем году мы станем счастливее, чем в уходящем!

– Мама, ты все говоришь правильно, – сказал Юра. – Ты в нашей компании одна женщина, а остальные трое – мужчины. А Бог любит троицу. Павлику хоть и три года, но домашний режим должен выполнять. Посмотрит в 9 часов вечера «Спокойной ночи, малыши» и бай-бай в кроватку. И если бы с нами была Татьяна, то мы отпраздновали бы Новый год парами из двух поколений, как в романе у Тургенева «Отцы и дети». Я и Таня и мама и папа. А они сегодня единственная пара за семейным столом. А я остаюсь один здесь, а Таня еще месяц будет находиться в Армении, в Ереване, одна.

Но мысленно мы все вместе за праздничным столом. Поэтому и Новый год по любому отметим, правда, каждый по-своему.

– Выступление нашего сына мы одобряем, – сказал Иван Иванович, – правда, Ниночка?

Она кивнула и Ваня продолжил:

– Таня повысит свою квалификацию в Ереване, а Юра уже повысил ее в Киеве и стал не простым хирургом, а нейрохирургом.

Тут вмешалась в разговор Нина:

– Ты, Ваня, как будто не тост говорил, а как будто библию читаешь. Ты бы нам еще теорию относительности Эйнштейна, для полного счастья, рассказал.

Тут Иван обрадовался реплики Жены и ответил:

– Какая замечательная подсказка для меня, Нинуля. Эйнштейн уникально-мудрый человек и его теория относительности не каждому по зубам.

– А ты, папа, – бросил реплику сын, – боишься об теорию Эйнштейна зубы обломить?

– Юра, хорошо смеется тот, кто смеется последним, – пригрозил пальчиком Иван, мол, помолчи, мальчик, пока старшие говорят и продолжил:

– Так вот, в одной тюремной камере было три койки: на одной лежал блатной пахан, около второй койки стоял слуга главаря бандитов, а к третьей…подошел щупленький мужичок, которого втолкнул его тюремщик.

Иван перевел дыхание и продолжил монолог:

– Главарь спросил третьего сидельца: «Ты кто такой, доходяга?» И невзрачный мужичок ответил: «Я профессор математики и изучаю теорию относительности».

– Ах, ты профессор, и знаешь теорию относительности еврея Эйнштейна? Так расскажи же нам, дуракам неграмотным, что это за теория?

Профессор нисколько не смутился и сказал:

– Друзья мои, чтобы рассказать вам всю теорию относительности нам не хватит и двадцати лет. Я лично изучал ее двадцать пять лет. А вот объяснить вам теорию относительности я смогу за пять минут.

– Ну тогда, профессор, и объясни нам за пять минут теорию относительности. Не объяснишь – вечно будешь возле параши стоять, а не на коечке валяться!

– Я предпочитаю, друзья мои, второй вариант, сказанный вами фразы. Хочу поваляться на коечке. Поэтому слушайте мои вопросы и давайте свои ответы, а вывод я сделаю сам.

– Петька, засекай время вопросов и ответов, – приказал пахан слуге, а ты, умник, задавай свои вопросы, бухти потихонечку нам.

– Так вот вы, – обратился профессор к главарю, – что сейчас делаете?

Пахан ответил: «Лежу», а профессор спросил второго, слугу:

– А вы что делаете?

И слуга ответил:

– Я стою!

– Теперь, друзья мои, я делаю вывод после моих вопросов, – улыбаясь произнес профессор, – один из вас – лежит, другой – стоит, но все мы трое сидим. Сидим в тюрьме. А вывод давайте сами.

После гробовой тишины пахан и его слуга заржали как жеребцы.

Посмеялись над анекдотом, рассказанным своим родным слушателем, Иваном Ивановичем, все присутствующие этого предновогоднего вечера, стали поджидать боя курантов.

Приближалось окончание командировки Татьяны. И чем быстрее приближалось это окончание, тем медленнее , казалось Юре, текло до приезда его жены.

И вот она приехала, притом утром, а Юра ушел на работу в больницу до приезда Тани.

Когда он вернулся домой, около двери однокомнатной квартиры стоял его чемодан. Из квартиры вышла Татьяна и сказала ему:

– Юра, отдай мне ключ от моей квартиры и забери свой второй чемодан из нее.

– Что случилось, Таня? – спросил муж, а она ему ответила:

– Я с утра подала заявление на развод. И уже вручила повестку в суд твоей матери.

– Мне мама не звонила на работу, и я не знаю ни о какой судебной повестке.

– Она, наверное, не вытащила повестку из почтового ящика? – сказала, как отрезала Таня.

– Не понятно ты себя ведешь, Таня, – сказал Юра, – то повестку вручила моей маме, а теперь говоришь, что бросила ее в почтовый ящик.

– Я не хочу выслушивать твои упреки, – настаивала Татьяна, – выноси свои вещи из моей квартиры. Я все знаю, ты, вроде, мне за эти три месяца изменял и я хочу развода.

Юра, пожав плечами, сказал ей:

– Таня, что за форма общения: «Вроде Володя, а зовут Акулькой». Но если тебе нужен ключ от квартиры – забирай его. А за другим чемоданом мне придется все же зайти в ТВОЮ квартиру. Она действительно принадлежит твоей бабушке.

– Ну вот и ладненько, – усмехнулась Таня, – я хочу начать новую жизнь и с чистого листа. Ты ведь, вроде, изменял мне и у меня есть свидетели. Встретимся в суде. Я же чувствую, что ты изменял мне.

Юра вызвал такси, уложил чемоданы в багажник и через двадцать минут он уже встретился с мамой.

Она с потемневшим лицом протянула ему повестку в суд. Был расстроен и отец Юрия. Но Витебск, хоть областной город, огромный и красивый, но Юре показался в тот момент маленьким-маленьким. Куда не глянешь, а на тебя пальцем показывают: «Вот загулял, загулял парень молодой. В белой рубашонке, красивенький такой».

Юра взял из рук Нины Сергеевны повестку в суд, сел за стол, взял лист бумаги и написал: «С разводом согласен», поставил дату и подпись.

– Юра, а может быть ты все-таки придешь на суд? – спросила сына Нина Сенчуро.

А Иван Иванович даже спрашивать сына не стал. Он-то знал хорошо,

что если Юра решил, то переубедить сына невозможно.

Отнес Юрий документ о согласии на развод ровно за сутки. Ведь он знал песенку Владимира Высоцкого: «Ходят слухи по домам, ходят слухи тут и там, а беззубые старухи их разносят по ушам».

А потому и отнес свое письмо за сутки до суда. Чем меньше время до развода, тем меньше слухов будет вращаться вокруг домов Витебска. Суд пускай решает его судьбу, а не беззубые старухи с их предположениями.

Юра замкнулся сам в себе, но от Нины Сергеевны было трудно утаить, что происходит с Юрой и в самом Витебске.

Она узнала, что ее сын написал заявление в военкомат отправить его добровольцем в Афганистан. Там шла война с талибами и ограниченный контингент Советских воинов не позволял разгореться пожару большой войны.

Когда Юрий пришел домой, Нина Сергеевна бросилась сыну на шею и заплакала:

– Сынок, дорогой мой Юрочка, забери, пожалуйста, свое заявление отправить тебя в Афганистан обратно. Ведь у меня погиб мой первый сын Сережа. А если в Афганистане погибнешь ты, мое материнское сердце не выдержит и разорвется. А я хочу, чтобы и ты не погиб и сама не умерла от горя за твою судьбу.

Юра погладил маму по спине и пообещал:

– Мамочка, не плачь, я тебя очень люблю. Поэтому не беспокойся я сегодня же заберу свое заявление назад. Все перемелется и будет мука. Теперь я понимаю, что у меня был порыв самоубийства. Ведь я хирург, а операции раненных солдат проводят хирурги-военнослужащие не только в госпиталях, а и на поле боя. За себя я не боюсь, боюсь только, чтобы ты была спокойна и здорова. Вот тебе, мама, мое честное слово.

Вскоре узнал Юра и о поведении Тани. Она скрывала от мужа, что приехав в Армению на курсы по принятию родов, встретила в Ереване сокурсника Гришу. А Гриша был по национальности грузин. Вот два бурных темперамента Тани и Гриши и слились воедино.

Суд прошел и конечно же развел Юрия Логинова с его женой Татьяной.

Но почему-то Таня вдруг позвонила Нине Сенчуро и нажаловалась ее на суд:

– Нина Сергеевна, почему же ваш сын не пришел. Я хотела услышать его мнение, может он передумает на суде и не разведется со мной.

Пока Таня вела разговор с Ниной Сергеевной, Таня не просто плакала, а рыдала. Мама Юры удивлялась, Таня явно не устраивала комедию, а в голосе и плаче чувствовались трагические нотки.

Но слезы хоть они и были искренними, но высохли быстро. Семей-

ная жизнь Тани и Гриши продолжилась. Да не долго. Через пару месяцев супружеская пара, а инициатором отъезда в Грузию, ведь это же родина Григория, был он, переехала работать на Кавказ.

Казалось живи и радуйся. Но почему-то земляки Гришу не восприняли. Или им не понравилась белорусская жена земляка или же сработал грузинский темперамент, но факт на лицо: Татьяна и Григорий возвратились в Беларусь.

А рабочие места, где трудилась супружеская пара, уже были заняты.

Началось хождение по мукам: мест нет, говорили в одной поликлинике, подождите чуток, отвечали в другой больнице. И все те же скитания по поиску работы продолжались.

В карманах финансы уже не наполнялись, а таяли быстро как снега и подножья гор Кавказа. А тут вскоре забеременела Таня, а земляки девушке посочувствовали и на работу супружеская чета устроилась. В роддоме, где работал Гриша, восторгались, что мужчина, а так нежно обращается с пациентками-роженицами. А Татьяна, через природой положенных девять месяцев, родила мальчика. Его назвали Борисом!

Борис как и его отец был крепок и красив, а вот отец Бориса – Григорий в расцвете сил и умер. И осталась Татьяна матерью-одиночкой. Борис последовал примеру отца – он стал прекрасным врачом-гинекологом.

Татьяна же подозревала, что ее муж Григорий так резко умер, в расцвете сил, от употребления наркотиков. Так ли это или не так, но распоряжаемся нашей жизнью не мы, а руководит нами кто-то свыше. А Тане Бог подарил двух сыновей: светленького Павлика и смугленького Бориса. Оба сына были похожи на своих отцов как две капли воды.

А когда ее первый муж уехал работать в Америку, Татьяна поехала проведывать своего сына Павла на Соединенные Штаты. На границе она предъявила паспорт и свидетельство о рождении сына: Татьяна Логинова и Павле Логинов. И таможня дала добро! Но от встречи Юрий Иванович отказался.

А в следующий раз когда Татьяна опять прилетела в Америку – встреча состоялась. Она повстречалась со своим сыном Павлом. А Юрий Иванович был уже женат. Но это уже другая история.

У Алексея Толстого – российско-советского писателя был написан прекрасный художественный роман «Хождение по мукам». Нечто подобное произошло и с Юрием Ивановичем Логиновым. И как в романе Толстого, так и в судьбе Юрия – главные герои обрели семейное счастье.

Зато бабушка и мать Тани удивлялись: «Это надо же Юра Логинов сейчас в Америке работает!».

А Юрий Иванович работал уже в больнице Витебска когда встретился с миловидной девушкой. Она пришла к Юре на прием. Вот тогда он и

узнал, что ее зовут Галя, Галина.

Галя сразу очаровала врача. Она была не высокого роста, худощавая, пропорциональные формы женского тела, все равно как Венера Милосская, только руки у Галины были целые, а не как на греческой скульптуре. А вот колено ноги, упав, споткнувшись об камень на поселковой дороге, у нее распухло. Любое движение ноги причиняло девушке огромную боль.

И Юрий стал лечить колено Галины. Она проживала в Могилеве, училась на третьем курсе швейного техникума, а потому могла себе пошить экстравагантные наряды.

Все вместе взятое: красота тела и роскошные наряды и вскружили Юре голову. Как в известной поговорке: «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним». Хотя в этом случае было все наоборот, но это не меняет дело: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. И Галина и Юрий влюбились друг в друга. Страсть любви так вскружила Юрию голову, что он позабыл сразу все неприятности с Татьяной, которые больно ударили его по самолюбию.

Он после переломного поступка Танечки, Танюшки, не мог даже смотреть на любую другую красотку, а вот в Галину красоту он влюбился с первого взгляда.

Но, как говорят пессимисты, любовь с первого взгляда исчезает мгновенно когда на свою любимую девушку влюбленный посмотри второй раз. А Юрий в тот момент был еще на первой стадии этой любви – он не смотрел пока на девушку Галю вторично, он был в эйфории от первого взгляда.

Все у Галины и Юрия происходило как в романах Александра Дюма. А у Дюма романтические страсти кипели так, что все вокруг казалось скучным и унылым. Зато Юрий услышал где-то одно стихотворение неизвестного поэта и прочитал его Галине:

– «Для остроты ума Дюма
Бокал бургундского вина
Осушит утром быстро, рано
И его мысли для романа
Блуждают в поле далеко,
Витают в небе высоко.
Строка мелькает за строкой –
Романы пишутся легко!
Вот десять, двадцать лет спустя:
«Три мушкетера» - не пустяк!
Тома написаны Дюма,
А сводит мальчиков с ума

Девиз единственный его:
«Один за всех и все за одного!»
И что же в том девизе есть?
Отвага, мужество и честь!»

– Оказывается, Юра, ты пишешь блестящие и романтические стихи, – удивилась Галина и добавила. – Значит у меня уже есть благородный рыцарь Д'Артаньян?

– Галя, эти стихи написал не я, а неизвестный мне поэт. И зовут меня Юрий, а не Д'Артаньян, и у любого настоящего мужчины имеются такие качества как отвага, мужество и честь.

– Тогда я буду называть тебя – Ромео, – согласилась с доводами Юры Галя, а он сказал:

– Вильям Шекспир уже сказал в своей поэме: «Нет повести прекраснее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

– Юрочка, ты что-то сегодня не в духе? – спросила Галина, – чтобы я тебе не сказала, ты все мною сказанное встречаешь в штыки!

– Почему же я все встречаю в штыки, Галина? – засмеялся Юра. – Мне нравится имя Ромео, Рома. Пусть у Шекспира это драма, а мы с тобой превратим в комедию.

– В комедию? – спросила Галя, перебив мужа.

– Ну что ты, Галя, я в клоунаду наши отношения превращать не буду. Хочу назвать нашего сына, если же родится у нас мальчик – Романом, Ромой. Созвучно с Ромео?

– Согласна! – улыбнулась Галя, – пусть будет не Ромео, а Рома и если наш род будет продолжаться, то я готова назвать нашего сына Романом. Очень красиво получится: у нее любовный роман, а значит сын от этого романа должен носить имя – Роман.

Свадьбу сыграли без помпезности, скромно. Со стороны Юры были мать, отец и несколько друзей-хирургов из их поликлиники. Приехали и родственники Галины. Один родственник Гали был старшим лейтенантом и служил в Петербурге.

Вскоре в их семье родился ребенок, мальчик. Мечта Юры сбылась и сына назвали, как и договорились – Романом, Ромой. Прошло месяцев семь с рождения Ромочки и Нина и Иван уже жили летом на даче в собственном домике с садом и огородом, в поселке Ровное Шумилинского района. Слева и справа от усадьбы Сенчур-Логинова распласталась водная гладь озер. Друзья из Шумилино привезли рыбацкую лодку сначала на правое озеро, а потом и на озеро слева.

В выходные Юра со своими друзьями ловили на лодках рыбу. Где лучше клюет там и рыбачили. Попадались на крючок окуни, иногда на на-

живку с окунем бросалась жадная щука и, заглотив наживку в свой ненасытный желудок, попадалась рыбакам для ухи.

Роме было семь месяцев когда Галя с сыном заявилась к Нине и Ивану с коляской и обратились конечно же к женщине:

– Нина Сергеевна, Рому я уже выкормила грудью. Он уже стал кушать манную кашку с ложечки и пить кипяченное молоко из бутылочки с рожком, с сосочкой. В коляске лежат пеленки, распашонки и штанишки на лямках. У нас с Юрочкой не хватает времени нянчить ребенка: муж работает в своей больнице день и ночь, я шью и кручусь как белка в колесе, выполняя всю домашнюю работу. А у вас на даче – комфорт и уют!

Пока Нина и Иван соображали что к чему, у Галины и след простыл, едва успев попрощаться:

– Ой, у меня уже скоро автобус подойдет! До свидания!

– А на даче у Ивана с Ниной было и без этого хлопот полон рот. Хорошо, что Павлик уже был крепким мальчиком. Он на даче ходил в шлеме танкиста, а обычная солдатская шинель казалась кавалерийской, она доставала Павлику до пяток.

Забот у Нины и Ивана было много. Не только сад и огород. Иван построил сарайчик и разделил его на две половины. В одной половине были два поросенка, а во вторую половину хозяин запустил цыплят.

Но Иван Иванович разрешал Павлику покормить поросят. Ваня сколотил из строганых досок корытце, а у цыплят был пол из фанеры. На полу были блюдечки с водой, а также насыпали корм.

Иван зашел к цыплятам, а они разлетелись по всему огороду. Он хотел позвать Павлика, а мальчик уже открыл сарай с хрюшками и два поросенка вырвались из неволи и пустились галопом бежать.

Ивану пришлось ловить цыплят:

– Цып-цып-цып, – кричал он, а они обрадовавшись свободе не сразу поддавались ему.

Руки Ивана дрожали как будто он кур воровал, а не цыплят ловил, но по одному, по одному в сарайчик посадил.

Павлик же бежал за поросятами долго, а они как будто играли с мальчиком в прятки. Остановятся около кустиков и свиными рыльцами пороются около их корней. Только Паша подумает перегородили им дорогу, а они уже, подняв верх спиралью тоненькие хвостики, несутся, сломя голову, к другому кустику.

– Все, – думал Павлик, – не догнать мне этих тупорылых поросят. – Что же мне скажет дедушка? По головке-то не погладит.

А поросята, словно подслушав мысли Павлика, развернулись и понеслись по кустам к даче. Мальчишка вздохнул от облегчения:

– Вот что значит свиньи, хотели чтобы меня дедушка Ваня отругал,

что я не запер их снова в сарайчик, в их хлев, где дедушка для них кормушки сколотил.

А дедушка Ваня уже налил в корытце для поросят еду и они, громко чавкая, стали завтракать, после утрешней пробежки. Пробежались, проголодались и быстрее к корыту. Не жизнь, а малина…

Иван Иванович, когда Павлик пригнал поросят в хлев, обрадовался и похвалил его:

– Молодец, Павлуша, догнал этих беглецов. А я-то думал, что они убегут от тебя далеко-далеко, а потом кто-то их поймает и будет откармливать в своем хлеву.

– Дедушка, – спросил Павлик, – а разве можно чужих поросят загонять в свой хлев? Ведь это делать нельзя, нехорошо.

– Эх, Павлик, забирать чужое нехорошо, об этом тебе бабушка Нина всегда говорила, но как отличишь чужого поросенка от своего? Ведь паспорт поросятам не выдают. А если у кого-то совести нет, то кто сможет отличить чужого поросенка от своего?

Павлик растерялся, а Иван улыбнулся и сказал:

– Вот так-то! И я рад, что ты догнал поросят. Вон как они дружно и смачно едят. Пробежали хрюшки, нагуляли аппетит, можно и подкрепиться.

– Дедушка, а если поросят выпускать из хлева когда они сытно покушают, тогда они же не убегут в лес?

– Да, Паша, не убегут, но погулять же им как и тебе хочется. Я сделаю небольшой загончик около двери их сарайчика и пусть там резвятся, чтобы ты не бегал за ними.

– Спасибо тебе, дедушка, – поблагодарил Ивана Павел. – Мне будет поспокойней если они будут в загородке.

Вскоре и Рома подрос на даче в Ровном летом, а Юра и Таня не возражали, что родители Юры воспитывают Рому.

Однажды Нине с Иваном нужно было поехать по делам в Витебск и что-то купить по мелочам на Полоцком рынке. Они вышли из рынка, а Рому держали за ручки. За правую вел внука Ваня, а левую руку Ромочки придерживала Нина.

Неожиданно они столкнулись около рынка.

– Посмотри, Рома, какая великолепная встреча, – удивился Иван Иванович, – твои родители-то тоже были на рынке.

Ответ Ромы потряс всех:

– Нет, мои родители это дедушка Ваня и бабушка Нина.

Юра удивился и сказал сыну:

– Ромочка, ты что же не узнал меня? Ведь я твой папа! Подойди ко мне.

А мальчик как держался за руки деда и бабушки так и не выпускал их

из своих. Но на своем настаивал:

– А я хочу чтобы моими родителями были дедушка Ваня и бабушка Нина.

Нина ахнула и хотела поправить внука, но Юра успел ее остановить и приложил указательный палец к губам. Мол, ни слова, мама. А Роме сказал:

– Я рад, Рома, что ты считаешь своими родителями дедушку Ваню и бабушку Нину. На даче тебе с ними жить очень хорошо. Когда же ты подрастешь, то поймешь, что я твой папа!

Потом Юрий посоветовал родителям:

– Пусть Ромочка считает вас своими родителями. Устами младенца глаголет истина. Мы с Галиной и вправду мало уделяем внимания нашему сыну. Поэтому и потерпели сейчас фиаско. Будем чаще заглядывать к вам на дачу.

А на даче уже созревала черная смородина. Когда Юра и Галя приехали к Нине и Ивану на дачу, сбор черной смородины шел полным ходом. Собирали не только хозяева дачи в Ровном, а и Павлик с Ромой. Малыши складывали ягоды в одну чашку. Набрав ее до краев, ссыпали в ведро.

Галя подошла к братьям и сказала Павлику:

– Ты собирай в эту чашку смородину один, а я моему Ромочке дам кружку и он будет собирать ягоды в нее с другого куста. Посмотрим кто из вас собирает быстрее.

Павлик остался собирать в чашку смородину, а Рому Галя подвела к другому кусточку. И она увидела, что ее сын собирает ягоды неумело и потому медленно.

Нина Сергеевна набрала черной смородины почти ведро, до краев осталось насобирать ягод сантиметров десять. Галина взяла из рук Ромы кружечку, подошла к ведру Нины, она куда-то на несколько минут зашла в дом, и воспользовалась этим: ладошкой, зачерпнув из ведра черную смородину, насыпала их в кружечку Ромы.

Когда Нина Сергеевна вернулась и увидела, что рома набрал ягод полкружки, всплеснула руками и сказала:

– Ромочка, какой ты трудолюбивый! Уже полкружки насобирал!

Рома не отреагировал на восхищенный возглас бабушки и, молча, продолжал в кружечку ягодки.

Галя же ответила Нине:

– Он у ме…, у вас трудолюбивый мальчик, а сноровка-то моя!

Но и на эту реплику Галины Рома не отреагировал, а продолжал срывать с куста черные бусинки и складывать их в кружку. Рома молчал как в рот воды набрал.

Нина подошла к своему ведру и увидела на ровной поверхности со-

бранных ягод три ямочки, три лунки… и поняла:

– Так значит, Галя, чтобы «помочь» сыну быстрее собрать ягод в кружку, зачерпнула смородину из моего ведра и пересыпала три горсти в кружечку Ромы. И оказался мой малыш, как Витязь на распутье: неправду он не может сказать, а лгать, что это он уже набрал черной смороды мне не хочет. А вот Галя-то поступает неправильно: «Зачем же с малолетства учить своего сына врать?»

И она пошла к Роме и сказала:

– Ромочка, это очень хорошо, что ты стараешься быстро набрать ягод, но вместе с ягодами из-за торопливости можешь насыпать и мусор: листочки, сухие веточки. А потом мне придется просеивать ягоды через сито. Собирай не торопясь.

Рома продолжал молчать, но тут уже Галина пошла на попятную:

– Ромочка, ты слушайся бабушку Нину, она же тебя не укоряет, не ругает, а советует как надо собирать ягоды. А к советам старшим надо прислушиваться.

Потом Галя, всплеснув руками, спохватилась:

– Ой, Нина Сергеевна, я же на автобус могу опоздать. Спасибо вам за подарок, я пересыплю собранную вами черную смородину в свое ведерко и побегу на остановку автобуса. Юрочка-то сегодня по графику в этой смене работает, так вашему подарку будет рад. Хоть он собирать ягоды с куста и пробовать их на вкус любит.

Чмокнув сына в щечку, Галя пересыпала смородину в свое ведерко и быстрым шагом зашагала на шоссе.

На следующий день Нина дала задание внукам прополоть грядки с морковью. Она показала Павлику и Роме какая ботва и листики у морковки и как выглядят лепестки и стебельки у сорняков.

– Павлик, ты уже крепкий паренек и тебе я поручаю прополоть четыре грядки, а Рома младше тебя и вот Ромочке для прополки выделяю оставшиеся две грядки. Можете устроить соревнования между собой, только не на скорость, а то вы вместе с сорняком и морковку можете вытаскать. Вы аккуратненько вырывайте сорняки. Поняли?

– Так точно! – приложил руку к шлему танкиста Павел. Он был рад, что отыскал и шлем и военную шинель в кладовке бывших хозяев.

– Бабушка, я выполню свою работу хорошо. Мне папа сказал: «Рома, если тебе поручают что-то делать, так делать надо все очень аккуратно».

– Тогда вперед, ребятки: тверже шаг и крепче ногу, – сказала Нина и пошла собирать вишни, подумав:

– Какой в этом году богатый урожай у нас с Иваном на даче. Ваня не успевает ягоды и фрукты на рынке продавать. А что не успеет продать, будем делать варенье. Остатки-сладки. Витамины внукам нужны как для

дыхания кислород. Пусть растут не только умными, но и сильными, крепкими, здоровыми и трудолюбивыми.

Любая работа вначале исполняется с азартом, но чтобы выполнить ее от начала до конца, требуется терпение. Начинают уставать руки, спина разгибается и сгибается уже без легкости и с трудом.

Павлик и рома набросились на работу как псы, но с каждым часом движения рук замедлялось и замедлялось.

Первым устал Павлик. Шлем танкиста он снял в самом начале работы. Голова вспотела, а шлем только мешал полоть грядки. Он отошел в сторону и сел под вишню.

Рома терпеливо вырывал из второй грядки сорняки, а на своей второй грядке Павлик уже выдохся и сделал небольшой перерыв.

Рома спросил старшего брата?

– Ты почему не пропалываешь свои грядки?

– Да что-то приустал и полоть траву уж и не хочется.

И тут Роман поразил брата своей мудрой фразой:

– Мало ли, Павлик, тебе не хочется. А работу-то заканчивать надо. Бабушка добрая, но потребует от тебя выполнить работу до конца! Не ленись и поли траву!

Павлик вылез из тенечка и пошел нехотя к свои не прополотым грядкам.

Нина Сергеевна когда вышла проверить работу внуков осталась довольна и произнесла:

– Да, мои дорогие ребятишки, чистота и порядок на грядках! Рядочки-то как по линеечке выстроились. Теперь вам, Павлик и Ромочка, можно доверять любую работу.

Позже пошли дожди, природа оживилась и в сосновом лесочке и в березняке появились молоденькие и крепенькие подосиновики и подберезовики, которых местные жители называли обабками. И Нина Сергеевна сказала мужу:

– Ваня, ты с Павликом продолжайте собирать урожай с кустов и с деревьев, а мы с Ромой пойдем грибы собирать, такой ужин сделаем, объедение и только.

Иван Иванович улыбнулся и сказал:

– Люблю первые грибочки, они такие крепенькие, что ли в шляпках, ни в крепеньких ножках ни одного червячка. Так вы посоревнуйтесь с Ромочкой, кто больше грибов наберет.

– Ладно, Ваня, я научила Рому молитве «Отче наш…» читать. И он ее так читает, почти как в храме – четко и выразительно. Может нам его молитва и поможет?

– Поможет, поможет, ты только, Ниночка, не сбейся с дороги. Следы

по солнышку и запоминай. Я сначала по лесу с компасом бродил, а потом научили по солнцу ориентироваться.

– Спасибо, Ваня, авось, не заблудимся… А если через два часа не придем – побегай по лесу и нам поаукай!

– Не сомневайся, Нина, – кивнул Иван, – лес граблями прочищу, а вас отыщу. Но мне кажется, что Бог вам поможет вернуться домой без приключений. Хотя люди иногда говорят: «Бог-то бог, а будь и сам не плох!»

Никто из ребятишек и не знал, что бабушка и дедушка комедию перед ними ломают, разыгрывают их. Но иногда комедия превращается в трагедию.

А Нина и Рома шли по лесным тропинкам, вдыхали лесной аромат и заглядывали иногда на полянки, надеясь, что после дождичка в четверг на них грибы и появятся.

Они пошли к пеньку под осиной, листья которой трепетали на ветру и как будто дрожали от страха перед силами природы.

Нина сказала малышу:

– Ромочка, я тут немножко посижу! А ты загляни вон на ту полянку, может быть на ней грибы растут. Возьми маленькую корзиночку и ножичек положи. Если найдешь подосиновичек или подберезовичек, то срезай их ножом под самый корешок. Тогда рядом еще гриб вырастет. Ведь грибница-то в земле широко распространяется и не зря говорят в народе даже про детей: «Как грибы растут: не по дням, а по часам!»

Рома кивнул головой, пошел на полянку и…замолк! Нина забеспокоилась не случилось ли что с внуком, а он через минут пятнадцать-двадцать выбрался из чащи и показал бабушке корзинку полную до краев крепеньких подосиновиков и закричал:

– Бабушка…бабушка, посмотри сколько я грибов-то набрал. И все такие крепенькие, нигде ни в одном из них нет червей.

Нина взяла сверху один гриб, потом второй и удивилась:

– Да, грибки отменные, молоденькие и крепенькие. Хоть и подосиновики, а как будто боровики. Такие только белые грибы бывают. Выкладывай-ка грибочки мне в корзинку да посмотри еще раз, на полянке, может быть там еще есть такие хорошие чистые грибочки. Только далеко в лес-то углубляйся и мне время от времени подавай голос, чтобы я не беспокоилась за тебя.

Когда Нина Сергеевна аккуратно переложила грибы из маленькой корзинки в свою большую, Рома сказал:

– Бабушка, я когда набрал грибов полную корзинку, то обошел вокруг полянку, а грибов там видимо-невидимо. И я стал срезать ножом подосиновики и складывать их в кучки. Так что ты посиди здесь на пенечке, а я снова с корзиной сбегаю на такое грибное место и буду носить тебе грибы,

пока полностью не загрузим и твою корзину и мою корзиночку.

– Хорошо, Ромочка, я посижу тут на пеньке! Пока шла сюда, то немного подустала. А раз ты разыскал такое грибное место, то не буду тебя перебивать. Собирай свою добычу, пусть тебе в жизни везет как ты грибы собираешь. Быстро и ловко!

– Бабушка, я их быстро наберу, – обрадовался мальчик. Может быть еще в другие кустики загляну и еще вдобавок подосиновиков наберу.

– Раз тебе судьба фартит, Рома, то не теряй время на разговоры со мной. Не зря говорят в народе: «Дорога ложка к обеду!» А тут я на пеньке посижу и отдохну от дачной работы. Зачем же мне по лесу бродить и собирать по одному грибу, когда у меня есть такой везучий внук.

Рома бегал от пенька до полянки несколько раз пока корзина Нины не наполнилась до верху.

Когда они пошли по тропинке домой, Нина Сергеевна вдруг растерянно стала осматривать вокруг себя и сказала:

– Ой, Ромочка, по-моему мы с тобой сбились с дороги. Мы же не по той тропинке пошли.

– Нет, бабушка, – ответил Рома, – мы идем правильной дорогой. Вон там, около тех кустов, видишь веточка сломана, так это же когда мы в лес за грибами шли, ты ее сломала.

– Какой ты глазастый, Ромочка, видимо я так озоном надышалась, что у меня голова закружилась. Ничего в упор не вижу. Чтобы я без тебя, внучек, делала. Голова-то моя и правда закружилась. Давай-ка, Рома, посидим мы на той сломанной ураганом березке да отдохнем. Раз дача уже близка, посидим да помолчим.

Сидели они недолго, Рома нарушил тишину отдыха, сказав:

– Бабушка, как хорошо на свете жить мне Бог помогает!

– Молодец, Ромочка, не зря же ты веришь в Бога! – обрадовалась Нина. – Читал молитвы и прозрел, увидел свет Божий.

Когда она с внуком пришла домой, то сказала Ивану, отойдя в сторону:

– Как хорошо, Ваня, что мы с тобой вчера на разведку в лес сходили и отыскали такое грибное место, что грибов было столько, хоть косой коси. Ромочка так радовался, что ему так повезло.

– А я, Нина, всегда желаю нашим внукам и Павлику, и Роме, только добра. И они нам за это добро воздадут станицей.

– Ваня, – засмеялась Нина, – ты прав как граф. А граф был жулик!

– Нина, но я так хотел сделать приятное Ромочке, что думаю на небесах простят мое лукавство. Я отыскал грибное место, показал его тебе, а ты подарила радость своему внуку.

– Жаль, Ваня, что наш сын Юрий не видел этой радости младшего

сына, – сказала Нина. – Но зато повышает свою квалификацию. Ведь он хочет стать не просто хирургом, а нейрохирургом.

– Да, Нина, – ответил муж, – в любом деле совершенству нет предела. А Юра тянется к знаниям.

Юрий и в самом деле решил осуществить свою заветную мечту – стать нейрохирургом. Ведь у хирургов есть свои профессиональные тонкости. Он пару лет работал детским хирургом, потом стал одним из лучших хирургом Витебской области.

И куда бы он не приехал: в поселок или даже в свой родной Городок, то операции проходили успешно. Это только говорят, что слава приходит с годами. А Юрия Ивановича, вылеченные им пациенты, восхваляли так, что пациенты во всей Витебской области умоляли главврача:

– Пожалуйста, назначьте делать мне операцию хирурга Логинова Юрия Ивановича.

И он приезжал и делал самые сложные операции. Зато Галина была недовольна отлучками мужа и ревновала:

– Юрочка, – говорила она, – ты всегда в разъездах. Может быть у тебя появилась зазюба на стороне?

Не говори глупости, Галинка, на сложных операциях я так изматываюсь, что не могу «мама» сказать, а не шашнями всякими заниматься. Тебя любил, люблю и буду любить. Я же тебя, любимая моя Галинка, ни в чем не подозреваю.

А Галя подзадорила мужа:

– Юра, подружки уже подтрунивают надо мной: «Муж мужем, а заместитель позарез нам нужен!»

– Но тебе0то заместитель не нужен? – спрашивал жену Юрий и она опять щекотала ему нервы.

– Если ты будешь так гореть на работе, то может быть и понадобится!

На этот выпад он отвечал шуткой:

– Если тебе понадобится заместитель, то я сделаю как Японский самурай, себе харакири. Вспорю свой живот профессионально – скальпелем, а не кривым самурайским мечом.

И Галина сменила гнев на милость:

– Я, как в таких случаях говорит наш Ромочка: «посюсила», «посюсила»!

– Ладно, Галя, мир! – произнес Юра и спросил:

– А как там на даче наш Рома поживает? Мне никак не вырваться его навестить. Все операции и операции.

– Находится под бабушкиной опекой, – ответила Галина. – Я приезжала со своей родней. Так Павлик пошел на какую-то вечеринку в сельский клуб. А Ромка стал уговаривать бабушку Нину: «Можно я пойду тоже с

Павлиоком в клуб на вечеринку?»

– А что ему ответила моя мама? – спросил Юра.

– Да что ей оставалось делать, как не уговорить нашего сыночка. Она ему говорит: «Ромочка, там в клубе только взрослые или старшие ребята, они могут и похулиганить и подраться, а ты еще маленький и я боюсь тебя отпускать в клуб. Когда ты вырастешь большим и сильным тогда на одну вечеринку сходишь». Так Рома уговаривал, уговаривал ее отпустить его, но она ему не разрешила идти в клуб. Нина Сергеевна и добрая и не жадная, но когда касается здоровья ее внуков, то она становиться железной леди. Отказывает в просьбе без истерики и крича, зато говорит твердо и жестко одно лишь слово «нет».

– Да, Галя, это так. Такой уж у нее характер: творить добро и пресекать зло.

Глава 16. И концы в воду

Пока Юрий вели разговор с Галей полушутя, полусерьезно, Нина Сергеевна на даче в Ровном вспомнила о династии Сенчуро:

– Ведь у Семена Яковлевича Сенчуро – родоначальника нашей семьи, было два сына: младший – Филипп, который стал отцом моего папы Сергея – Сергея Филипповича, а старшего сына Семен назвал Дмитрием.

Дмитрий, отец Семен постарался, был образованным человеком и стал учителем в Кремлевской школе в Москве. А у Дмитрия тоже родился сын, которого он назвал Потапом. Вот он-то, Потап, и женился на знаменитой Пелюке, Апполинарии, в 1938 году.

Они также проживали в Сенчурах, неподалеку от озера Большое Кашо, в резиденции династии Сенчуро.

Потап был водителем автомашины или как его называли земляки – шофером.

Про такую профессию даже песню написали лихую и трагическую: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездило там шоферов. Но один был отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев». А заканчивалась она так: «На могилу поставили фару, а потом даже гнутый штурвал».

В отличии от Кольки Снегирева, Потап Дмитриевич водил автомобиль аккуратно. А Полюха, как и полагается любимой жене, уже была беременной. Потап ждал ребенка с нетерпением и спрашивал жену:

– Поля, ты кого мне родишь: мальчика или девочку?

– Потап, – отвечала Апполинария, – а не все ли равно кто у нас родиться? Был бы ребенок крепким и здоровеньким. А кого ты ждешь?

– Я-то хочу мальчика, да боюсь, что девочка родится. Ведь в вашем роду семь девочек родилось. И все же если дочка будет, то я буду все равно

ее любить и баловать.

– А как назовешь ребенка если родится дочь? – спросила Полюха.

– У тебя красивое женское имя – Апполинария, – ответил Потап, – тогда я назову доченьку тоже шикарным именем на древнегреческий лад – Дианой, как богиню. Уменьшительное имя – Дина.

– Потап, да ты у меня романтик. И как говорится в сказках: «волю первую твою я исполню как свою».

А в поселке был праздник. И потому пришлось в этот радостный день возить сельских тружеников на своем авто с шутками и прибаутками:

– Дорогие гости, карета подана! Садитесь куда придется.

В кабине Потапа сидел бухгалтер Ильин. Ведь финансиста всегда рабочий класс уважал. Лишь бы денежки в положенный срок он им выдавал. Когда к кассе подходил бухгалтер, в сопровождении милиционера, то около окошечка собиралась всегда длинная очередь.

Так же происходило в поселке Веремеевка, который находился неподалеку от Городка. Да только зря народ собрался около кассы. Бухгалтер Ильин и хотел получить деньги по депозиту для рабочих да в кассе Сбербанка наличных денег не оказалось. И Ильин получил только депозит, по которому ему выдадут деньги как только инкассаторы привезут наличные в банк.

А Ильин заскочил к себе домой и оставил депозит своей жене до следующего дня. Утром деньги еще не успеют обналичить и опустошить кассу, как это произошло с Ильиным.

А председатель совхоза – Кузекин, не знал, что депозит лежит не в кармане пиджака или рубашки, а у жены в комоде, и следил за Потапом.

В Веремеевке же праздник продолжается, а Ильин с Потапом Сенчуро изнывали в кабине автомашины от жары. А Кузекин с сыном сидели на берегу:

– Может быть мы искупнемся в озере, – предложил Потап бухгалтеру.

Ильин, покачав головой, мол, не хочу, признался:

– Да я же плавать не умею и пойду на дно как топор, если я буду барахтаться в воде чуть подальше от берега.

– Михалыч, – посочувствовал Потап Ильину, – а ты не заходи в воду далеко от берега, а поплескайся на мелководье. Глубина начинается в метрах двадцати пяти, тридцати от берег, а вот дальше мне можно поплавать.

Сказав это, Потап разгребал обеими руками прохладную водичку, с мелководья дошел до глубины и как дельфин стал резвиться на озере. То в глубь нырнет, то саженками загребая проплывет метров двадцать и опять нырнет.

А бухгалтер Ильин по совету Потапа барахтался возле берега чтобы

вода не доходила ему выше пояса и вскрикивал от удовольствия:

– Ой, как хорошо, вот как здорово: такая жара, а я блаженствую в прохладной водичке!

А Кузекин в шестилетним сыном не раздеваясь сидели на зеленой травке и не собирались плавать в озере. Его беспокоила одна, но пламенная страсть: вытащить из кармана одежды Ильина банковский депозит. Ведь стоит только предъявить документ кассиру Сбербанка, как солидный председатель совхоза получит крупную сумму денег. Алчность глодала душу голубого мечтателя воришки. Но Кузекин себя вором не считал. У него был другой принцип:

– Если денег берешь немножко, то это не воровство, а дележка.

Но его замысел: как только Ильин с Потапом отплывут от берега – он быстренько обшарит карманы бухгалтера и, забрав документ о выдаче денег, заберет себе. А там ищи ветер в поле: не пойман – не вор!

Откуда же было знать Кузекину, что бухгалтер Ильин не умеет плавать и топчется на мелководье. Ильин же, наслаждаясь прохладой, ступил еще один шаг в сторону «дельфина», фыркающего и ныряющего в воде Потапа, как почувствовал, что его нога провалилась в пустоту.

– Яма, – воскликнул Ильин, – спасите! Истошный крик бухгалтера услышал и Потап. Он изо всех сил старался помочь Ильину выбраться из ямы-ловушки, куда случайно провалился бухгалтер.

Яма оказалась глубокой, не менее трех метров. Вот тебе и мелководье. Ильин судорожно сопротивлялся, не собирался стать утопленником и оттолкнувшись от дна ногами на какое-то мгновение его голова показалась над поверхностью воды, но через мгновение она снова исчезла. Омут не собирался отдавать свою добычу: не умеющего плавать бухгалтера.

Потап, подплыв к омуту, нырнул туда где только что виднелась голова Ильина и руками нащупал тело утопающего.

Он не ожидал или забыл поговорку: «Утопающий хватается даже за соломинку, а потому постарался помочь Ильину». Потап уже обхватил бухгалтера за торс и попытался мощным гребком руки всплыть вместе в Ильиным на поверхность, но почувствовал как руки Ильина ухватились словно щупальца в его тело вместе со спасательными руками. Освободиться от такой «мертвой» хватки Потап не смог.

В голове его мелькнула мысль: «Неужели хана?» И Потап потерял сознание.

Зато Кузекин торжествовал и сглатывал в эйфории слюнки:

– Тот кто мне мешал, – радовался председатель, – тот мне и помог. Сейчас я обшмонаю карманы в одежде Ильина да и заберу в один узел одежонки Потапа. Отнесу подальше по берегу озера их шмотки и положу около пологого бережка. Пусть милиция ищет здесь утопленников.

– Папочка, а зачем ты одежду-то утонувших забираешь? Пусть бы лежала на том месте где они разделись.

– Много ли ты понимаешь, Петя? Приедут скорая помощь, милиция, набегут любопытные жители из Веремеевки да одежонку-то и приберут к своим липким ручонкам. Ведь немало у нас еще жителей, которые с хлеба на квас перебиваются и в обносках ходят. А тут им хорошая одежда как с куста свалится.

– Может и правильно, что одежду ты перенесешь на другое место, - согласился с отцом Петя. – А милиции мы скажем где она лежит.

– Не беспокойся, сынок, – согласился Кузекин, – как только милиция появится на берегу так я сразу же покажу то место где одежда, утонувших наших граждан, лежит. Власть на то она и власть, что должны знать обо всем.

Кузекин, сын и отец, дождались пока приедут скорая помощь, милиция, показали где лежит одежда утонувших Потапа и Ильина, и быстрым шагом ушли с «рокового места».

А у Кузекина была каша в голове:

– Где же хранится у Ильина документ для Сбербанка? Как мне снять деньги со счета? Их в карманах утопленников нет. Куда же они исчезли? Ведь я так надеялся, что эти денежки я положу себе в карман и ….тю-тю в Воркутю!

– Папочка, ты что загрустил? – спросил Кузекина Петя. – Ведь мы же показали место где лежит одежда, а не забрали одежду себе.

– Ты у меня, Петя, такой разумный, что меня даже дрожь берет. Ты о людях печешься как о своих родственниках. А они и гроша ломаного не стоят. А милиция свое дело, к моему великому огорчению, хорошо знает.

А в голове у Кузекина уже появились другие мыслишки:

– Неужели я так бездарно вляпался? Хоть и говорят, что везет дуракам и пьяницам, а мне вот не повезло. Хоть я и попиваю, но дураком-то никогда не был.

В голове же все заскрежетало:

– Обманули дурака на четыре кулака!

И Кузекин принял нужное решение:

– Пойду домой и напьюсь до чертиков…

А на берегу озера, где нашлась одежда Ильина и Потапа Сенчуро: было столпотворение: и добровольцы и, привлеченные милицией, сотрудники ныряли в воду в разных местах, но все попытки найти утонувших оказались бесплодными. Да разве можно отыскать черную кошку в темной комнате, особенно когда кошки в комнате нет!

А Апполинария, Полюха, должна была вот-вот родить ребенка, узнав, что Потап утонул вместе с бухгалтером Ильиным, стала бродить по

берегу озера и обшаривать глазами кромку воды и размышляла:

– Какие же мы с тобой невезучие, Потапушка! Даже имена-то у нас несуразные – Апполинария и Потап, нет чтобы назвали бы нас Иван да Марья, как красивый полевой цветок с разными бутонами на одной веточке. А то Потап! Как будто бурого медведя называют: «Михаил Потапович». Да и мое красивое имя – Апполинария, превратили в издевательское – Полюха.

И вдруг она на травке, почти у самой кромке воды, увтдела ремешок, поясок для брюк:

– Так это же ремешок-то моего мужа – Потапа. Он никогда не вдевал ремень в петельки на поясе брюк, а затягивал его просто. И так плотно, что брюки из-под ремня никогда не спускались вниз, а крепко удерживали их. Видимо когда раздевался, то ремешок бросил в одну сторону, а брюки в другую.

И тут в голове Апполинарии словно молния блеснула и она не ослепла от яркого света, а прозрела:

– Так значит одежду Потапа и Ильина кто-то перенес в другое место чтобы замести следы преступления. Кто же хотел смерти моему мужу? Ведь если бы спасатели приехали во время и вытащили бы из воды утонувших мужчин, то их могли бы и откачать. Сделали бы массаж грудной клетки да и выдавили бы воду из груди наружу. Сколько на озере Большое Кашо было утонувших, а их как-то, если во время вытащить на берег, откачивали. И эти молодцы живут до сих пор.

Она бросилась в милицию и рассказала их служащим о своей находке и о своих подозрениях.

Спасатели и милиционеры стали искать тела утонувших и нашли. Потап и Ильин задушили друг друга в своих крепких братских объятиях.

Безутешная Апполинария, жена Потапа, в один миг стала вдовой. У нее от стресса мог быть и выкидыш, но тут Бог смиловался и Поля родила девочку, которую назвала Дианой, сокращенно – Дина.

Милиционеры сначала подумали, что произошел несчастный случай, а Полюха стала настаивать:

– Дорогие товарищи, про вас же легенды ходят: «Наша народная милиция нас бережет». Так найдите этого мерзавца, который вас пустил по ложному следу. Если бы ваши сыщики не лопухнулись, а стали бы около ремня моего Потапа в воде искать и мужа и бухгалтера Ильина, то ваши доблестные милиционеры их бы из ямы вытащили и откачали бы обоих. Спасли бы вы их, как говорится, по горячим следам.

– Женщина, мы внимательно слушаем ваши доводы, – остановил Полюху старший лейтенант милиции, – но я повторяю: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Я понимаю, что вы овдовели мгновенно и потеря мужа для вас удар неожиданный, но помогите нам какими-то

косвенными уликами отыскать преступников. Запустите ваше «сарафанное радио» и кто-нибудь из местных жителей вспомнит кто был на берегу около одежды утонувших. Может быть кто-то видел человека, который нес в руках одежду, хотя сам был не раздет, а шел в рубашке и брюках.

И тут Полюхе повезло…какой-то шустрый пацан, подошел к старлею и, подняв руку, будто он сидел за школьной партой, спросил милиционера:

– Можно я вам расскажу все как было?

– Взялся за гуж – не говори, что не дюж, – махнул рукой милиционер и добавил, – давай рассказывай, выкладывай мне все как на духу. Помогай следствию.

– Я шел по берегу, – начала рассказывать паренек, – и увидел Петьку Кузекина, моего друга…

Милиционер, поморщившись как от зубной боли, раздраженно сказал:

– Зачем ты мне, друг мой, рассказываешь про своего приятеля Петьку Кузекина? При чем тут твой дружок?

– Обижаешь, дяденька милиционер, – не сдавался дисциплинированный мальчишка, – я дело говорю. Ведь Петька Кузекин может стать главным свидетелем преступления.

Милиционер насторожился и прервал парня:

– Как тебя звать?

– Вася, – ответил мальчик.

– Так вот, Василий, – с уважением произнес старлей, – давай-ка с этого момента рассказывай мне про Петьку Кузекина поподробнее.

– Повторяю, – продолжил Вася, – иду я по бережку и виже, что впереди меня идет Петя Кузекин…

И снова милиционер сказал недовольно Васе:

– Опять двадцать пять…Дался тебе этот дружок Петька Кузекин. Ты мне факты выкладывай, а не про своего дружка рассказывай.

– Рассказываю, – кивнул головой Вася, – рядом с Петькой Кузекиным идет его отец и держит в руках узел с какой-то одеждой. Дошли они вон до того камня. Валун огромный…

Васин рассказ прервал старший лейтенант. Он резко сказал оратору:

– Васенька, дорогой мой мальчик, быстро садись в мой воронок и, айда, быстро-быстро помчимся на автомобиле прямо к дому Петьки Кузекина. Садись ко мне в кабину.

Потом крикнул двум своим милиционерам:

– Ребята, боевая тревога! Садитесь на заднее сидение и готовьтесь к силовому задержанию. Преступник может быть вооружен и опасен.

Пока милиционеры забирались в УАЗик, старлей сказал водителю:

– Выжми из машины все что можешь, но сигнал сирены не включай.

Мы должны взять преступника тихо, без шума и пыли.

Но применять оружие в доме Кузякина милиционерам не пришлось. Как только милиция ворвалась в квартиру Кузякина и старлей приказал:

– Руки вверх, при сопротивлении открываю огонь на поражение!

У Кузекина старшего поднятые руки затряслись, задрожали как осиновые листочки от дуновения легкого ветерка, а на ширинке брюк затемнела мокрота. Но главное в этом эпизоде было другое: кроме лужи на полу в комнате запахло как в зачуханном сартире.

А парень со шпалой подозвал из толпящихся сокамерников своего проверенного пацана:

– Серега, как ты думаешь? Может быть нашим педикам его, подонка, отдать?

У Кузекина волосы, хотя и остриженные, но зашевелились. Будто вши в остриженных волосах завелись. И он бухнулся на колени и стал умолять смотрящего:

– Ради Бога, не опускайте меня! Я могу вам чем-нибудь помочь! Что хотите просите, только не это. Все продам, а деньги за дом вы получите.

– Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела! – произнес пахан. – А как эти деньги ты в тюрьму доставишь? По почте тебе пришлют? Ах ты, подумаешь! Серега, ты смотри какой у нас мыслитель появился. Сократ да и только. Правда башка у этого парня Кузекина огромная, как глобус, а какие у него яйца, ты уж слегка пощупай. Может быть поиграть в бильярд придется. Какие у него коки-моки!

Серега подошел к Кузекину и спросил:

– Ты почему, сучара, на коленках-то стоишь. Поднимайся. Шеф мне приказал твои коки-моки пощупать, а ты еще, как жук навозный до сих пор на коленях по полу ползаешь.

Как только Кузекин поднялся с колен, Серега нанес ему мощный удар прямо в них. Вой от боли долго не продолжался. Два приятеля Сергея завернули руки Кузекину назад а Серега нанес второй удар ногой в пах. Бывший председатель Совхоза потерял сознание и вой прекратился.

– Докладываю, шеф, – произнес Сергей, – я выполнил твое указание – яичница в смятку готова! Жить будет, но женщин любить не может.

Бывший председатель не только женщин перестал любить, после жестких побоев Серега, ноги-то не мог передвигать. Кузекина положили в тюремный лазарет, но и там уже ничего не смогли сделать. То ли лекарь был не очень умелый, то ли при расправе с Кузекиным его так изувечили и нанесли побои несовместимые с жизнью, но вскоре председатель совхоза умер.

А Аполинария через полтора месяца, пока Кузекин лежал в тюремной больничке, родила девочку, которую назвала Дианой, Диной.

Дина выросла крепкой и здоровенькой, да и внешность у девушки была обаятельной. Не зря же Полюха назвала ее таким роскошным именем – Диана.

После школы Дина потупила в торговое училище и поработала сначала в книжном магазине. Работа интересная, интеллектуальная, со всеми новинками изданных книг. Она же при получении книг из типорафии становилась самым первым читателем.

Дом Дианы, он остался ей от матери, Полюхи, был по соседству с домом матери Нины Сенчуро – Екатерины Карповны. Вот Нина и Дина, не смотря на разницу в возрасте, подружились. А подружила Нину и Дину именно работа в книжном магазине. Обе женщины были начитанными, любили литературу, поэзию и стремились первыми прочитать новинку.

К тому же и Нина, и Дина были родственницами – двоюродными сестрами. Ведь муж Полюхи, Потап Дмитриевич, был из рода Сенчур, который основал легендарный предок этого клана – Семен. Ведь у Семена Яковлевича Сенчуро были два сына: Дмитрий – старший и младший сын – Филипп. Хотя Нина была старше Дианы на 12 лет, но есть закон возраста для женщин в народных поговорках.

Мужчина с возрастом называется так: мальчик, юноша, взрослый парень, мужчина, пожилой человек, старик, дедушка.

А у женщин отсчет возраста складывается совсем по-другому: девочка, подросток, молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина…и так до бесконечности.

Поэтому Нина не считала свои года, а Диана свои. Зато Дина никогда при знакомстве с новыми людьми не называла себя по отчеству, а Нине Сергеевне поясняла:

– У меня имя двойное – Дина, а отчество-то заковыристое – Потаповна. Говоришь свое отчество, а звук в слове один монотонный: По-По-По!

Нина засмеялась:

– Да разве можно пенять нам на отчество. Свой род надо помнить, ведь не зря говорят: «Где родился там и пригодился».

А Дина совершенствовала свое мастерство, именно книги расширяли ее кругозор. И вскоре эрудированную женщину назначили директором «Универмага» ее родном городе Городке. И Универмаг находился на улице Пролетарская, угол Красноармейской.

И вот что значит судьба человека. Нина Сергеевна позже переедет в квартиру углового дома, тоже на улице Пролетарской, угол Красноармейской, который стоит до сих пор напротив «Универмага», и если бы Дина до сих пор работала в этом универмаге, то они могли бы жестами приветствовать друг друга. Вот такая интересная история с географией была у Нины

и Дины.

У этой истории было продолжение. Дом родителей Нины Сергеевны был на улице Красноармейская, а дом Дианы Потаповны на Старо-Невельской, название улиц разное, а все-таки двоюродные сестры Дина и Нина жили по соседству. За пять минут они могли зайти в гости друг к другу.

Дина в Универмаге познакомилась с молодым человеком. Он зашел за какой-то покупкой, а увидев ее, стал оказывать Дине знаки внимания! И ей понравился Николай, Коленька. И он зачастил в Универмаг. Он как-то предложил ей:

– Диночка, мне кажется, что я тебе симпатичен, а ты мне очень нравишься. Но никак не смел признаться тебе в своей любви. Может мы сможем соединить наши судьбы.

– Ой, Коля, ты мне понравился с первого взгляда, но стеснялась признаться, что я влюблена в тебя тоже.

Николай с сияющей улыбкой предложил Диане:

– Давай же соединим с тобой вместе наши судьбы!

– Я согласна! – воскликнула Диана. – Я тоже влюбилась в тебя в с первого взгляда, да только злые языки говорят: чтобы узнать человека, в которого влюблена с первого взгляда, то нужно посмотреть на него второй раз, но ты заходил ко мне в универмаг несколько раз, а разочарования у меня не было.

– Если ты, Коля, не против повстречаться с моей матерью, то давай после работы мы зайдем к нам в гости.

– Да я сам собирался предложить тебе чтобы ты познакомила меня с твой мамой. Ее, кажется, зовут Апполинария?

– Именно так! – ответила Дина и встреча с матери и Николая состоялась.

Полюха встретила будущего зятя радушно. Она работала на мясокомбинате и заработала там немало денег. А потому предложила:

– Николай, на Старо-Невельской улице имеется приусадебный участок. Если у тебя есть намерения жениться на моей дочери, то вложи в строительство дома на этом участке и живите потом в нем припеваючи.

– Очень хорошо, – согласился Коля, – больших денег у меня нет, зато есть умелые руки. И буду строить наш райский уголок от зари до зари. Ведь не на дядю буду работать, а на нас с Диной.

Полюха, выслушав намерения зятя, смахнула со щеки слезу и сказала:

– Совет да любовь! Поживите пока в моем доме, а как обустроите своё райское гнездышко так и будете жить в своем доме!

Работа закипела и на Старо-Невельской улице появился дом Дины и Николая. А вскоре жена обрадовала мужа:

– Коленька, у нас вскоре родится ребенок.

Николай был в восторге. Он обнял жену, поцеловал и сказал:

– Хорошо бы первенцем был мальчик, но если родится девочка, я не обижусь. Ведь у твоей мамы Апполнарии было в семье вместе с ней семеро сестер. Одни девочки, девушки. Поэтому если родится доченька я все равно буду рад.

Но к удивлению Дины и Коли родился сын. Нина Сергеевна поздравила их:

– Ну вот, Дина, дом вы построили, а теперь и сын родился. Нашему роду не будет переводу, как говорили ниши родственники Сенчуро. Да здравствует, Александр! Но для полного счастья вашей семье нужна и девочка.

Со вторым ребенком Дина и Николай не спешили, а через семь лет родилась и девочка. Назвали ее Викой, Викторией.

Нина радовалась рождению девочки, а также ее имени.

– Виктория в переводе с латинского означает Победа. И вы, мои дороги Дина и Коля, победители.

Но судьба играет с человеком, она изменщица всегда: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без стыда!

Однажды Николай пришел домой, а Вика уже ходила в четвертый класс и заявил:

– Дина, я встретил девушку: полумесяцем бровь, на щечке родинка, а в глазах любовь!

Дина засмеялась:

– Коленька, так это же слова из одной популярной песни. Но когда ты произнес фразу: «Я встретил девушку», то у меня сердце ёкнуло. Подумала: неужели мой любимый муж полюбил другую женщину».

Ответ Николая обескуражил Дину. Он жестко прервал жену:

– Дина, я не шучу! Я полюбил другую женщину. Мог бы об этом сказать позже, но играть в темную, а это ты знаешь, я не люблю. Мы строили с тобой не только нашу семью, но и наше жилище, наш дом. Наш сын Саша уже взрослый парень, хотя и лоботряс. Работать не любит да и не хочет. Вика пока маленькая, но для девочки всегда мама нужна больше чем папа, то есть я!

– Ты, Коля, – ответила как могла неспокойная Диана, хотя голос ее дрожал, а иногда и захлебывался, – не виляй хвостом, а скажи мне прямо и честно, что ты ходишь вокруг да около: «Чего тебе от меня теперь надо, раз ты уже живешь с другой женщиной?»

– Я сейчас тебе объясню, Дина, зачем к тебе пришел, – ответил Николай. – Мы строили вместе с тобой дом и прошу у тебя отдать или продать половину нашего дома. Я это заслужил?

У Дины лицо окаменело, и она как могла сдерживала свои эмоции, выдавив из груди несколько слов:

– Заслужил, заслужил, Коля, а вот наши дети-то разве заслужили такую оплеуху?

– Дина, не надо истерики, у тебя сильный характер. Давай поговорим спокойно и скажи как мы разделим нажитое нами совместное имущество?

– Я, Коля, никогда на чужое не зарилась, а ты свое забирай. Свою одежду, мебель. Жить в одном доме со своей соперницей я не хочу и давай определимся с тобой за сколько ты мне продашь свою половину дома?

Николай назвал сумму и Дина дала согласие, не сказав ни слова, а кивком головы.

Ее бывший «муж» подошел к такому «ответу» Дины более прагматично:

– Диана Потаповна, я с адвокатом составил соглашение о разделе дома. Тебе требуется только подписать его. И можешь мне частями оплачивать мою долю. По рукам?

– По рукам, – ответила Дина, а шмотки свои забери сразу.

– Я одобряю твое поведение, Диана, и за ранее просчитал твою реакцию на раздел имущества.

Он вышел на крыльцо дома, свистнул своим друзьям, сказав им:

– Хлопцы, подгоняйте грузовик и грузите мои манатки.

Дина ушла в другую комнату чтобы не мозолить глаза мужа. Пусть творит что хочет. Ведь прошли-то они с ним немало лет.

Нина Сергеевна, узнав семейной катастрофе своей двоюродной сестры, сказала:

– Дина, есть такая финская легкомысленная песенка, в которой такие слова: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло!» В твоей семье произошло все наоборот: твой муж и когда-то жених уходит и неизвестно кому из вас больше повезло.

Но жизнь слишком сложна и непредсказуема. Сын Дины – Саша, Александр, окончил в Городе техникум и приобрел права водителя, как раз перед призывом в армию, в город Смоленск. Служил в армии и водил автомашину. Повстречался с девушкой и влюбился в нее.

Александр после армейской службы решил жениться на Светлане, так звали его подругу. Он отправил матери письмо, что собирается сыграть со Светочкой свадьбу.

С этой радостной вестью Дина поделилась с Ниной Сергеевной. И Нина согласилась поехать с Диной в Смоленск. Но характер у Александра был ветреным и непредсказуемым. Начались у Саши со Светланой ссоры, а иногда и скандалы. Вот тут-то Дина и вспомнила слова своей подруги Нины: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло».

Теперь мать Саша сама убедилась, что повезло-то не ее сыну, а Светлане, которая поняла, что Александр живет сам по себе, а она сама по себе. Деньги, если муж Светы их и зарабатывал, то в дом не приносил. И Светлана подала на развод.

После развода она быстро вышла замуж. Местный парень влюбился в Свету и давно предлагал ее руку и сердце. Но она все надеялась, что ее Александр образумится. Поняв, что Саня не образумится никогда и разорвала сыном Дианы отношения.

Диана же разрывать отношения со своим сыном не могла, а пыталась устроить его на работу.

– Саша, ты же служил в армии, стал после техникума водителем, шофером. Я договорилась с председателем исполкома нашего Городка, так поработай у него водителем.

– Мама, – ответил Александр, – я по горло сыт такой работой. В армии накрутил досыта баранку и мне все осточертело. Не могу целыми днями наматывать километры на кардан.

– Сынок, я же тебе добра хочу, – умоляла его Дина. – Председатель исполкома работает в основном в своем кабинете, решает сложные вопросы, ведет приемы наших городокских граждан. А если куда и отлучается, так это пару часов в сутки.

– Ладно, мама, – согласился Александр, – попробую вспомнить молодость. Поработаю у председателя водителем. Жалко, что будет некогда заглядывать к любимым женщинам.

– Некогда заглядывать к женщинам… – с укоризной произнесла дина, – да ты только и делаешь, что из одной постели со своей пассией перебираешься в постель другой женщины. Занятие приятное, но когда же ты заведешь настоящую семью?

– Ты, мама, сказала «некогда», а я говорю тебе «никогда». Я никогда не прекращу вести такую веселую и радостную жизнь. Женщины меня боготворят.

– Перенасыщение быстро наступит, – вздохнула Диана… – Так согласен ты стать водителем у председателя исполкома?

– Согласен, согласен, – махнул рукой Саша. – Допекла ты меня, мама, до печенки достала, что даже у меня изжога появилась.

– А ты, сынок, поменьше к рюмке прикладывайся. Так в народе говорят: «Маленькой рюмкой алкаши себе могилу выкапывают». Ты этого хочешь?

– Тебе это мои подруги говорят? – спросил Саня и тут же разозлился и сказал: «Не дождетесь! Я крепкий молодой мужчина и женщины меня обожают».

Проработал водителем у больного начальника Александр недол-

го – пару недель. Последний раз подъехал он со своим шефом к крыльцу исполкома, а как председатель вышел – подождал за «любимой» баранкой немного, вынул ключи за замка зажигания и, покручивая брелоком, зашел в приемную и, положив перед молоденькой секретаршей ключи на стол сказал ей:

– Моя любимая, Женечка, передай шефу, что у меня в животе произошла «революция», боюсь, как бы мне успеть до туалета добежать и не опростоволоситься. Пойду дома отлежусь. А если ты вечером зайдешь в мамин дом, то мы с тобой вечером такой стриптиз устроим, что на всю жизнь его запомнишь.

Женя сделала небрежную гримасу. И пожала плечами. Потом помахала ему ладошкой и сказала:

– Чао-бамбино, – не понимая, что сказала.

Увидев вечером сына, Диана ахнула:

– Саша, ты же меня подвел под монастырь, как мне теперь председателю исполкома смотреть в глаза?!

– А ты ему, мама, в глаза-то и не смотри. Они у него пустые. Я сегодня поджидаю одну шикарную женщину. Прошу тебя, не заглядывай в мою комнату. Она будет стесняться тебя.

Диану чуть ли не заплакала от обиды, но сдержалась и размышляла:

– Мой дом превращается в притон и в бордель. Саше не хочет меня слушаться. А я не хочу ему потакать.

На следующий день Дина пошла в жилищную контору и попросила начальника:

– Петр Иванович, у вас же есть передвижной жилищный фонд. Мой сын – Александр, проживает со мной в одном доме. В нем же живет и моя младшая дочь Виктория, Вика. Она собирается уже выйти замуж. А мой сын Александр до сих пор не женат. Я вас умоляю, Петр Иванович, выделите ему в передвижном фонде, пожалуйста, хотя бы комнату или однокомнатную квартиру. Пусть он хоть немного остепенится. Не могу я на его безалаберную жизнь смотреть.

Петр Иванович, выслушав крик души Дины, пошел на встречу матери, у которой сын вошел в штопор вихря и не может вырваться на размеренную полосу жизни, выделил Александру однокомнатную квартиру.

Просила Дина помощи в ЖЭК не зря. Она уже вышла замуж второй раз. Нина Сергеевна посоветовала своей двоюродной сестре выйти замуж за военного, служившего в Городке. Мужчина был уже женат на еврейской женщине, но ей предложили ее подруги выехать в Израиль. Этого мужчину звали как и бывшего мужа Дианы – Николаем. Вот Николай-второй, после отъезда Раечки в Израиль, в свою собственную страну, и решил жениться на Диане.

– Коля, – спросила она, – где мы будем жить?

Николай, не задумываясь, ответил:

– Рая уехала от меня, а двухкомнатная квартиру осталась мне одному. Я считаю, что ты можем с тобой жить в счастье и любви в этой шикарной квартире.

Дина ответила:

– Коля, у меня младшая дочь, Виктория, собирается выйти замуж. И на первых порах нам придется помогать Вике. Переезжай, Коленька, к нам. А двухкомнатная квартира есть не просит. Стоит себе и пусть стоит.

Как кусала Диана локти потом. Если бы она прописалась в квартиру Николая, Николая второго, то она бы стала обладательницей этой квартиры. Но он прописался у Дины в доме. На Старо-Невельской.

Прошло время и в освободившуюся квартиру Николая-второго военное ведомство заселило семью другого военнослужащего. Уплыла двухкомнатная квартира у Дианы из-под носа. Грустно, обидно, но ничего уже не поделаешь.

А Николай, хоть ему и жалко было потерянную квартиру, но жил с Дианой в мире и согласии. Трудился добросовестно и когда дочь жены – Виктория, решила поступать в Витебский технологический университет, то Николай помогал Вике и материально. Ведь на одну стипендию в областном городе не проживешь.

Поэтому Виктория замечательно относилась к отчиму, а Дина гордилась своим домовитым и добросовестным мужем, Николаем-вторым.

После окончания университета, Виктория отправилась работать по направлению в Полоцк. На танцах в военном городке Полоцка познакомилась с лейтенантом, который влюбился в нее с первого взгляда. Оно и понятно, красоты у Виктории не занимать: миловидная, светловолосая, голубоглазая.

Их свадьбу Дина решила сыграть в Городке. Она надеялась, что на свадьбу приедет и Нина Сергеевна Сенчуро, ее двоюродная сестра. А Нина в это время работала с мужем, Иваном Логиновым, на даче в Ровном и воспитывала двух сыновей их сына Юрия: Рому и Павлика.

Потом Дина огорчалась:

– Нина, а что ты не приехала ко мне на свадьбу Виктории?

– Так ты же, Дина, меня не приглашала, а говорят, что незваный гость, хуже татарина.

Дина подняла удивлено глаза, а Нина успокоила ее:

– Не сердись, Диночка, на даче хлопот полон рот, да и своих внуков я не могла одних оставить.

– А что же твой Иван не мог за внуками посмотреть? – спросила Дина, а Нина ей, улыбаясь, ответила:

– Так Ваня у меня третий, правда большой ребенок.

Виктория же с мужем, вернулись в Полоцк, а мужа-лейтенанта перевели в Минск. Там была тоже воинская часть, но более крупная и на погонах мужа появилась еще одна звездочка.

После сияния этой звездочки, появились в семье Виктории, а это имя означает в переводе с латинского – Победа, еще две яркие звезды на семейном небосклоне, у Виктории родилась двойня: мальчик и девочка.

Мальчика родители назвали Антон, а девочку – Анастасия. По первой букве в нашем алфавите. В военном городке Минска уже захлопотали о такой прелестной семье. Им выделили двухкомнатную квартиру.

Но злой рок витал в семье Дины по этим двушкам – двухкомнатным квартирам. И в Городке профукали двушку, а вскоре зевнули и неожиданно профукали другую двухкомнатную квартиру.

Произошло это вот так: Викиного мужа попросили провести инспекторскую проверку в Минском гарнизоне. Возле водителя УАЗика сел на сидение майор. Старшему лейтенанту пришлось сесть на заднее сидение. После проверки к военной машине подошли навеселе и майор и старлей.

А тут муж Виктории подошел к водителю и приказал старшему сержанту:

– Переходи-ка, дружок , на заднее сидение.

Старший сержант попытался возразить, мол, я отвечаю за автомашину, за воинское имущество, но Викин муж его оборвал:

– Есть правило, дружок: «Ты – начальник, я – дурак, а я – начальник, – ты – дурак». Быстро на заднее сидение.

Так и поехали. Сначала не спеша, а у старлея проснулся азарт, он все больше и больше увеличивал скорость. На перекрестке он нарушил правило дорожного движения и врезался в грузовую машину.

Водитель всегда интуитивно уходит от лобового удара и старлей так и поступил. Он остался цел и невредим, а майор, сидевший на переднем сидении справа от горе-водителя от удара сломал ногу.

Мужа Виктории не стали судить за его аварийную поездку. Спустили дело на тормозах. Майора положили в госпиталь, а Викин муж, объевшись груш, был уволен без всякого наказания. Концы в воду и «гуд-бай» армия!

Один неосторожный поступок перечеркнул все Викины мечты. Военная карьера мужа перечеркнута, двухкомнатная квартира накрылась медным тазом, а на руках двое детей-двойняшек.

Пришлось возвращаться в Городок к матери. Дина тоже была в шоке. Но вида не подавала. Ведь у нее был надежный тыл – Николай-второй.

А муж Вики в доме Дины повел себя более чем странно. Он сидел около окна и ломал себе голову. Нет-нет, он не думал о трудоустройстве, а сидел за столом и разгадывал кроссворды. Полезное дело для ума, а вот для

дома и семьи не только бесполезное, а очень вредное. Деньги не приносят. Но Вика держалась из последних сил, бралась за любую работу, а мужу поручила:

– Ты хоть за детьми следи, отвези Антона и Настю в детский садик утром, а вечером забирай их в детскую коляску на двоих и привози домой.

Задание жены он выполнял, а днем занимался головоломками. Но кроссворды его уже не занимали, муж Вики их все разгадал, а голову ломал, чтобы разыскать Викины заначки и, забирая детей, зайти в какую-нибудь забегаловку и пропустить стопочку-другую сорокоградусной.

Детскую коляску с ребятишками покачивал одной рукой, а второй смаковал «божественный» напиток. Однажды он так нализался, что Виктория еле своего суженого-ряженого.

Утром она сказала мужу:

– Все, силы мои иссякли, нервы на пределе, я подаю на развод. Будешь платить мне алименты. Кончилась твоя лафа!

Развод состоялся, но проблемы Вики не исчезли. Первый муж Дианы – Николай, после долгих лет разлуки попросил свою дочь Викторию:

– Доченька, я живу сейчас в квартире своего брата в Смоленске. Подошел срок обмена паспортов. Паспорт у меня белорусский и в Смоленске его не поменяют, да к тому же мои родственники не собираются прописывать меня в их квартире:

– Я-то, папа, здесь причем? Ты уже со своими родственниками разбирайся сам.

– Вика, ты мне помоги поменять только паспорт, возьми у Дины домовую книгу и впиши туда меня, Санина Николая, и мне паспортистка обменяет старый и выпишет новый паспорт.

– Папа, – ответила Виктория, – владелица моя мама, так ты у нее попроси, чтобы она вписала тебя в домовую книгу.

– Ну что ты, доченька, Дина меня ненавидит и никогда не пойдет мне на уступки. Для нее домовая книга как зайцу стоп-сигнал. Она не только не даст мне домовую книгу, а надает мне по шее. Когда она будет на работе, принеси книгу мне, а я все потом улажу. За пару часов все решу и принесу тебе домовую книгу.

Виктория, тяжело вздохнув, согласилась:

– Ладно, папа, так и быть, принесу я сейчас тебе домовую книгу. Но через пару часов я ее у тебя заберу и положу на место чтобы мама не узнала о твоей махинации.

Прошло время и вдруг Коля Санин прибыл из Смоленска в городок. Свалился в дом Виктории, как снег на голову. И заявил:

– Поживу-ка я, Вика, немного у тебя! Я здесь прописан, а есть закон, что дети должны заботиться о родителях. Я проголодался, голоден как волк,

свари-ка мне что-нибудь и покорми.

– Папа, у меня учатся дети: Антон учится в медицинском университете, мечтает стать хирургом, а Анастасия учится в педагогическом институте. Станет учительницей иностранных языков: английского и немецкого. Я должна дать им образование. Разве ты помогал мне растить и учить моих детей, я когда развелась с моим мужем – взяла кредит и купила себе и детям дом. Ты разве вкладывал свои деньги в него?

– Неужели меня ты не покормишь?

– Накормить-то тебя смогу, но надо мне и детей кормить.

– А я тебе, Вика, уже сказал, что есть закон: дети должны заботиться о родителях, – стоял на своем Николай Санин и добавил, – буду жить у тебя целый месяц.

Виктория только рукой махнула. Ей было обидно, что она пошла тогда на поводу своего бессовестного папаши. А про себя подумала:

– Не делай добра, не получишь и зла!

Только Вика развязала руки от своего «щедрого» папочки, как начались неприятности у ее мамы Дианы.

Николай-второй все меньше стал помогать по дому Дине, а все больше приобщался к дружбе «зеленого змея».

Употребление алкоголя стало для Коли-два жизненной необходимостью. Жена забирала у Николая деньги чтобы не на что было купить бутылку водки, а он занимал их у соседей. Приходилось Дине отдавать пенсионные деньги мужа его кредиторам, ругаться с ними и умолять чтобы они не давали в долг ее Коленьке. Но соседи клялись и божились, что не дадут и рубля алкашу, а потом сжалившись с попрошайкой, снова спонсировали Колю.

Одна соседка имела самогонный аппарат и забродившую брагу перегоняла в более-менее приличное пойло. Познакомилась с Николашей. А он стал у нее покупать самогоночку сомнительного качества. С похмелья у Николая трещала башка, он прилагал ко лбу мокрое полотенце и клялся самому себе:

– Все, больше никогда не притронусь к этой дряни, это не самогон, а дерьмо собачье…

Но как только самогонщица, встретив на улице постоянного потребителя ее продукции спрашивала:

– Что-то ты, Николаша, сегодня смутный? Может быть головушка-то твоя бо-бо, так я могу ее и полечить!

Николаша сразу преобразился:

– Идем, моя радость, идем в твое литейное заведение побыстрее. Боюсь, что моя голова гудит как пивной котел и вот-вот лопнет от боли.

Выходил Коля из «смолокурни» качаясь из стороны в сторону, но

Дина стала так умело прятать деньги, что ее муж не мог их разыскать днем с огнем.

Но и после жесткой блокады денежных средств со стороны Дины, Николай приходил домой пьяным.

Жена недоумевала:

– Все каналы я перекрыла, а Коля все равно домой на бровях приходит! Чудеса в решете...

Дина решила проследить за мужем и поняла в чем дело. Она увидела, что Николай уходил из дома с сумочкой-авоськой, в которой лежала какая-то пол-литровая баночка и возвращался с такой же тарой.

Дома Николай забивался в свою комнату и оттуда раздавался резкий запах самогона. Первый секрет был разгадан – муж ходит опять к самогонщице.

– Но деньги-то он уже не может достать, никто не дает ему взаймы. А что же он несет в той же пол-литровой баночке самогонщице, не анализы же идет ей сдавать?

И через день Дина увидела, что ее муж полез в подвал, а вылез с сумочкой, а в ней была видна пол-литровая баночка.

– Стой, стрелять буду! – шутя крикнула Дина. – Таможенная проверка. Предъяви мне, что ты из дома выносишь.

– Да я, Диночка, – заюлил Коля, – покушать захотел, вот и вытащил из подвала банку свиной тушенки. Мы же с тобой когда забили свинью, столько пол-литровых банок с тушенкой закрутили.

– С тобой, Коля, мне все ясно! – сказала Дина. – Ты таскаешь банку тушенки в обмен на пол-литровую банку самогона. Бартер устроили. Безденежное обращение товаров – товарообмен. А скорее всего – товарообман!

– Ты мне, Дина, не доверяешь, но ведь и я тебе помогал хрюшек выращивать, а потом тушенку варить и в банки эти закатывать. Могу же я иногда баночку свиной тушенки на баночку самогонки обменять?

– Коля, ты думаешь, что я для тебя баночку тушенки пожалела? Мне жалко видеть, что ты с каждой баночкой самогонки деградировать начинаешь все больше и больше. Но главное-то, что остатки своего здоровья теряешь! И эти остатки, увы, не сладки… Ты превращаешься в обыкновенного бомжа, человека без определенного места жительства. Ты домой приходишь лишь поспать, а остальное время ты блуждаешь в омуте дурмана. Опомнись, Коля! И поклянись, что не будешь больше пить. Неужели ты не понимаешь, что стоишь одной ногой в могиле?

– Может быть, Дина, тебе честное пионерское слово дать? Да я держусь на этом свете благодаря этой выпивке! – возразил Николай-второй. – Ведь кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет. У меня же здоровье может и не богатырское, но как только выпью немного, то в общем-то здо-

ровьишко и ничего!

– Ладно, Коля, делай как хочешь, на дверку подвала я повешу замок.

Никто не знал, как Николай доставал зелье, чтобы выпить стаканчик, другой в пивной, но всему приходит конец… И Николай вскоре умер.

Похоронила мужа Диана Потаповна на Ивановском кладбище Городка. Рядом с могилой Дининой матерью – Апполинарией, Полюхой. Нина Сергеевна на этой тризне.

– А почему же называется кладбище Городка – Ивановским? – задала Нина вопрос Дине, а ее двоюродная сестра ответила:

– Апполинария, в молодости подружилась с мужчиной, который не женился до солидного возраста. А мама моя в него влюбилась и пригласила к себе домой этого мужичка, которого звали Иваном. Она захотела испытать близость с Ваней, но тут-то и открылась загадка бирюка Ивана, который обходил женщин стороной и боялся их как огня. А ларчик-то перед Апполинарией и раскрылся – Иван был в постели бессилен. Вот так и умер Иван не испытав наслаждения любви. А Апполинария, как ее все подруги называли Полюха, похоронила Ивана первым на Ивановском кладбище. Могила была Ивана, вот и кладбище все стали называть Ивановским.

– Да, – вздохнула Нина, – вот так и рождаются легенды. А у меня, в нашем родовом хуторе Сенчуро, похоронены два моих самых дорогих человека на свете – два Сергея, так звали и моего отца и моего первого сына. Но эти захоронения так и называются Сенчуры, а не Сергеевские.

– Хоть и горькая, но ирония, а память-то народная остается, – вздохнула грустно Дина.

Но вскоре старший сын Дианы собрался со своим дальним родственником в Москву на заработки. Начинались лихие 90-е, но говорят, что в мутной воде крупная рыба водится.

Александр прочитал объявление, что нужны рабочие, у которых умелые руки и прекрасное трудолюбие. От Саши и его родственника работодатели, которые больше походили на бандитов, а не на предпринимателей, заявили друзьям-товарищам сразу:

– Чтоб вы не могли сбежать от нас, нарушив контракт, сдайте мне ваши паспорта. Если вам работа будет не под силу, то паспорта мы вернем по первому требованию.

Родственник Саши сразу же сник, слишком резвыми показались ему «работодатели» и паспорт свой не отдал. А Саша решил рискнуть и свой паспорт сдал работодателям.

Но вместо обещанной вкусной и здоровой пищи Александру в тарелке принесли какую-то баланду и он с брезгливой мимикой стал есть эту бурду. А вместо спецодежды швырнули Саше какую-то заношенную и замусоленную одежду. На коленях брюк зияли заплатки , а на рубашке белели

известковые пятна.

Работа же была изнурительная и тяжелая, и Александр пожаловался руководству, а начальник ему ответил:

– Никто тебе не обещал молочные реки и кисельные берега. Я только обеспечиваю рабочим питание и обмундирование, за работу же отвечают другие люди. Ты подожди пять минут в коридоре на стуле, они быстро прилетят и все тебе растолкуют.

Действительно через пять минут в коридоре показались крепкие парни с короткой стрижкой на голове и с татуировками на руках. Выпуклая грудь распирала футболку, а на руках катились крупные шары бицепсов.

Один из них спросил Александра:

– Ты че, пацан, права начал качать? Так мы щас покажем тебе где раки зимуют!

И замахнулся правой рукой чтобы дать возмутителю спокойствия увесистую затрещину…

Саша съежился, втянул голову в плечи и завопил:

– Не надо меня бить, я все понял! Буду продолжать работу. Я же хорошо работал и буду трудиться как трудолюбивая пчела.

У мускулистого парня рука застыла в воздухе и он ухмыльнулся во весь рот, в котором сияли две золотые коронки.

– Ладно, не сучи… Не люблю когда меня не слушаются, – затем хлопнул по плечу Александра с такой силой, что в голове Саши зазвенели какие-то колокольчики.

Отморозки развернулись и пошли по о, а он все сидел и не мог опомниться:

– Эй и влип я, как муха, которая хотела попробовать меда, а лапки-то у нее и прилипли, не может выползти из банки. Как в детском стишке: «Тонет муха в сладости, в банке на окне. Но нету в этом радости, ни мухе и не мне!»

Он встал со стула и поплелся в раздевалку. Переоделся в «спецодежду» и пошел выполнять грубую, но необходимую работу. А в голове роились мысли:

– Тьфу, зараза, – подумал Саня, – уже мозги набекрень поползли: вместо «роились мысли» чуть ли не сказал: «в голове роились мухи», совсем с ума схожу.

За работой Александр немножко забылся, а вечером он лег на матрас, укрылся какой-то интересной тряпкой и стал думать:

– Как же мне выбраться из этой передряги? Паспорта нет и, скорее всего, отдадут мне его не скоро. Если вообще когда-то отдадут. Без паспорта билета на любой транспорт не купишь, да и деньги у меня тю-тю, в карманах пусто и гуляет только ветер. Остается только одно – дальнобойщиков

умолять довезти хотя бы до какого-нибудь небольшого населенного пункта. Там люди живут попроще и подобрее. Денег у них нет, так я и за харчи могу у них поработать. От баланды бандюганов меня уже тошнит.

Рано утром Александр собрал свои жалкие вещички, открыв окно, вылез на улицу и направился в направлении автотрассы.

Дина переживала, что от Саши нет вестей, и Вика беспокоилась за судьбу брата.

Нина Сергеевна успокаивала свою родственницу:

– В многомиллионной столице, в Москве, можно затеряться, как иголка в стоге сена. Вот же приехал уж попутчик Александра, нахлебался, помыкался в столице, а в свой милый Городок вернулся. Может быть Саша нашел работу понадежней? Так приедет веселый и богатый..

– Спасибо, Нина, за моральную поддержку, – вздохнула Дина, – твои бы слова да Богу в уши. Надежда умирает последней.

Прошло время и Дина получила извещение из МВД:

«Мы обнаружили недалеко от Москвы труп молодого мужчины. Но когда стали рассматривать одежду, то над подкладкой куртки нашли написанные на бумаге ваш точный адрес. Труп кремировали уложили прах вашего сына в урну. Можете забрать его по адресу…»

Нина Сергеевна была с малышами в Ровном на даче. И не смогла помочь своей двоюродной сестре.

А Дина и Виктория заказали автомобиль и поехали в Москву, разгонять свою тоску.

Приехав в Городок, они захоронили урну с прахом рядом с могилой матери Дианы – Апполинарией на Ивановском кладбище.

Вот так получилось в семье Дианы Потаповны, что в первом семейном круге: родители-дети, не осталось ни одного мужчины, осталась только женская команда.

Еще до гибели Александра попрощалась Диана с Николаем-вторым.

Николай-первый Дину бросил, а обманув свою дочь, Викторию, с пропиской стал терроризировать ее. Он же развелся с Диной и не имел никаких прав на ее имущество, а зато приезжал к Вике, заставлял е кормить, не отдавая ей ни копейки. А проживая в доме Виктории стеснял подрастающих детей Вики своим присутствием, валяясь на кроватях.

Вика не знала, что и делать. Хамство его переходило все границы, бесплатно «подметал» все, что попало у дочери на столе вместо того чтобы помочь материально матери его детей.

Беспардонность Николая-первого не знала границ. Он ни копейки не выделил близнецам. Дети подрастали, Вика выбивалась из сил, но не женская это дело остановить хама. А защитника у Виктории не было.

Ей помогало растить, обучать детей только государство, родная Бе-

ларусь. Сам же и пальцем не шевельнул помочь внукам. А Вика надеется на подрастающую смену и ее дети Антон и Анастасия прокладывают себе дрогу с помощью государства. Антон в Витебске выучился на хирурга и получил направление в больницу Городка. Анастасия, окончив институт, получила диплом учителя немецкого и английского языков, поработала два года в школе Городка, а после уехала в Минск и стала переводчицей в фирме английского и немецкого языка.

Так что Николаю-первому скоро отольются «кошки-мышкины» слезки. За его шантаж собственной дочери, за хамское отношение к своим внукам – Бог накажет его и за пьянство и за хамство. А Дина рада, что в их женском царстве-государстве все-таки появился наконец-то настоящий мужчина по имени Антон. Отдохнет от стресса и Виктория. С такой привлекательной внешностью, как у нее – женихи найдутся быстро!

А Николаю-первому государство предлагало: переходи в дом престарелых пенсионеров. Уход, прекрасное питание, друзья по возрасту, телевизор и выступление школьников или даже артистов.

Только за это нужно, чтобы благотворительное заведение получало часть пенсии Николая-первого, а другую часть денег он бы мог расходовать по своему усмотрению.

Так нет же, Николай-первый отказался от такого приличного существования. Наверное о по природе садо-мазохист. Издевается не только над слабыми женщинами, а и над самим собой. В доме престарелых пить спиртные напитки запрещается, а что может сказать Виктория:

– Папа, не пей водку, она вредна!

Когда Вика однажды сказала эту фразу, то услышала такой матерный вой, что уши затыкать пришлось.

Глава 17. После симпозиума – за рубеж!

Сын Нины Сергеевны – Юрий Иванович Логинов, постепенно из хирурга превращался в ынейрохирурга.

Главврач областной больницы Витебска – Косинец, заметив как успешно справляется Юрий Логинов со сложными хирургическими операциями подошел к нему и спросил:

– Юрий Иванович, я доволен вашей работой хирурга в нашей областной больнице. Но, голубчик, нельзя стоять на одном месте, почивая на лаврах. Кроме обычных хирургических операций можно научиться делать еще очень сложные операции, если стать вам нейрохирургом, т есть лечить травмы черепа головы. А это деликатная и очень тонкая работа. Для такой работы необходимо высокое мастерство.

– Я бы хотел добиться такого мастерства, – кивнул Косинцу Юрий

Логинов, но в нашей областной больнице кроме вас, нейрохирургов нет. А значит нет и наставников, которые бы научили меня этому мастерству.

– Вы, Юрий Иванович, на ходу подметки рвете, – усмехнулся Косинец. – Если вы хотите повысить свою квалификацию, то я могу вам помочь.

– Каким образом? – спросил Юра, а Косинец ответил:

– Я смогу вас отправить на три месяца в Санкт-Петербург, чтобы вы освоили нейрохирургию. Там есть мастера такого класса – профессоры!

– Готов хоть завтра поехать в Питер! – загорелись глаза у Юрия, но Косинец произнес:

– Всему свое время. Как только я согласую с нейрохирургами дату, то сразу же сообщу вам дня за два до начала этой даты. У меня с Питером налажена связь.

Дома Юра сообщил Галине:

– Дорогая, меня от нашей областной больницы посылают на курсы нейрохирургии в Петербург.

Галина восторг Юры встретила холодновато:

– Уезжать на три месяца из-за каких-то курсов нейрохирургов, Юра, да ты что, с ума сошёл?! Что я буду делать в нашем Витебске? Умру от скуки. Это надо же, уезжать в командировку на три месяца!

– Ты знаешь, Галя, мне и самому и хочется, и колется, но упустить, может быть единственный шанс в моей жизни я не могу. Может быть он никогда не повторится, а я выпущу золотую рыбку в синее море.

– Юра, я про это и думаю, – сказала Галя. Старик послушал золотую рыбку и отпусти ее в море. И они, старик со старухой, остались у разбитого корыта.

– Галина, ну не сердись ты, – ответил Юра. Побудем один раз в жизни в разлуке три месяца, зато на всю жизнь оставшуюся я буду мастером высокого класса – нейрохирургом. Кстати о золотой рыбке. Это не старик виноват, что он выпустил в море золотую рыбку, а старуха из-за своей жадности заставляла своего старика выпрашивать для старухи все более высокие посты. Вот золотая рыбка и не выдержала старухиного хамства.

Галина и вовсе надула губы:

– Так значит, Юрочка, ты считаешь, что я сварливая баба? Спасибо тебе за такое ласковое обращение ко мне.

– Галя, ну зачем ты так утрируешь мои замечания? Ведь если же я стану нейрохирургом, то и зарплата-то у меня будет выше. Нельзя застаиваться или засиживаться на одном месте.

– Ладно, Юра, мир… – сменила Галя гнев на милость. Если тебе повысят зарплату, то я уже как-нибудь перетерплю три месяца разлуки.

Потом помолчала и добавила:

– Только имей ввиду: питерские барышни такие элегантные, наряд-

ные, что могут вскружить голову любому парню. Узнаю о какой-нибудь интрижке – развод!

– Какие интрижки, какие разводы, у нас сын растет. Моя мама родила двух сыновей, так и ты мне родишь второго сына.

Галя улыбнулась и высказала Юре:

– У тебя уже есть два сына, один от Таньки, а второй мой. Но если ты хочешь чтобы я родила тебе еще парня, то не заглядывайся на питерских барышень. Я тебя без рентгена насквозь увижу: шалил ли ты в командировке или постился.

Вернулся Юрий в областную Витебскую больницу сияющий и воодушевленный. И рассказал как он грыз гранит науки под названием «нейрохирургия» Косинцу.

Тот внимательно выслушал коллегу и произнес:

– Юрий Иванович, я не ошибся в своем выборе. Вы мне рассказали о курсах так подробно и четко, что мне показалось, что это не вы, а я обучался на курсах нейрохирургии в Петербурге.

– Давайте, голубчик, готовьтесь учиться на курсах нейрохирургии в Киеве. И учеба там будет продолжаться не три месяца, как в Питере, а два месяца.

– Так может быть там за два месяца нам прочитают такой же курс как я изучал в Петербурге?

– Я так не думаю, голубчик, – покачал головой Косинец, но даже если вы окажитесь правы, вспомните мудрые слова: «Повторение – мать учения!», и еще слова другого философа – Карла Маркса, он сказал: «Практика – критерий истины!», поэтому готовьтесь к поездке в Киев.

Юрий поблагодарил Косинца и побежал с такой новостью к Галине. Жена встретила его без эмоций:

– Надо так надо, Юра, назвался груздем – полезай в кузов! Все-таки командировка в полтора раза покороче. Мне уже непривыкать дожидаться тебя из командировок.

– Ты извини меня, Галя, и не сердись. Косинец прав. Знаний много не бывает, а кто не стремится их получить, то начинается застой. А застой опасен для любого организма: будь это человек, зверь, птица, но как только кровь перестанет циркулировать, настает катастрофа – смерть!

– Да я, Юра, уже ничему не удивляюсь, – ответила Галина мужу, – я не хочу тебе мешать и пусть все идет своим чередом. Если вторая командировка в Киеве нужна, то и поезжай.

А Нина Сергеевна словно почувствовала, что Юра как витязь на распутье. Она радовалась, что Питерская командировка дала импульс сыну и, позвонив ему, спросила:

– Юрочка, я так рада, что тебя направили в Санкт- Петербург и ты

учился на нейрохирурга.

– Спасибо, мама, - ответил Юра. – А мне уже предложили командировку в Киев. Только немного поменьше – на два месяца.

– Отлично, сынок. – обрадовалась Нина Сергеевна, – а ты знаешь, я узнала, что в Киеве есть питомник для породистых собак. А вы с Галей хотели завести собаку, так когда ты поедешь в Киев, то купи щенка там. Будет маленькому Ромочке с кем поиграть дома.

Юрий вскоре поехал на курсы нейрохирургов в Киев. Дни мелькали, как листки отрывного календаря. В свободное время от учебы на курсах Юра получил в клубе собаководов маленького черного щенка. Только хвост у щенка был слишком длинный.

Он расстроился и попросил в клубе собаководов хирурга укоротить хвост. Оставить обрубок сантиметров в пять.

Хирург, посмотрел в Юрино удостоверение собаковода и сказал ему:

– Ведь вы же, Юрий Иванович Логинов, сами учитесь у нас в Киеве на курсах нейрохирурга. Так зачем же вам, хирургу, нужно обращаться ко мне ветеринару? Неужели не могли бы сами ампутировать хвост щенку по имени Крис: черному и мохнатому песику?

– Кондратий Ефимович, – обратился к коллеге Юра, – я был хорошим хирургом, повысил квалификацию и стал нейрохирургом. Но делал операции людям, а не животным. Зачем же я буду отбирать хлеб у вас, у хирурга-ветеринара? Так сделайте, пожалуйста, операцию щенку сами. Я же учусь в Киеве на курсах нейрохирургов. Когда вы сделаете операцию Крису, то понаблюдайте за хвостиком. А как заживет, позвоните мне и я заберу щенка себе.

Когда Юра вернулся в Витебск, то Галина обрадовалась подарку мужа:

– Вот сюрприз так сюрприз, – восторгалась Галя, – Ромочка уже бегает по дому и ему будет интересно играть со щеночком.

Потом Галина спросила Нину Сергеевну:

– А где, вы считаете, нужно поставить блюдечко с молоком?

– Не беспокойся, Галя, – ответила Нина, – я поставлю около входной двери в углу у стеночки на коврик, в блюдечко налью молока и пусть Крис лакает и кушает вкуснятину.

И Крис лакал молоко и быстро рос. Вместе с ним рос и сын Юрия – Рома, Ромочка. Крис и Рома быстро подружились и затевали игры, то Рома подползет к Крису и погладит щенка по спине, то Крис подбежит к малышу Ромке и дружелюбно тявкнет. Мол, поиграем мальчик:

– Пока нет хозяина Юры, мы и поговорим с тобой по душам. Так пока мой хозяин и не придет домой. Тогда, Ромочка, не обессудь! Меня он поведет на прогулку. Как хорошо и вольно гулять по улице. Я, Рома, гоняю

сытых и жирных голубей, которым женщины кидают хлебные крошки. А я подбегу к ним да как гавкну на них, а они, глупые, разлетаются в разные стороны. Не понимают, что я их не обижу, а только балуюсь с ними.

О как радовался Крис, когда домой приходил Юрий. Он повизгивал от удовольствия, словно говорил ему:

– Хозяин, я без тебя скучаю вместе с Ромой. Я знаю, что он твой сын и ты его любишь, как и меня.

Однажды Юра пошел выгуливать Криса рано утром и отпустил из рук поводок. А пес, обрадовавшись свободе, бросился, стремглав, наутек!

– Крис, куда ты побежал? – окрикнул собаку хозяин, а он только ускорял свой бег.

Были выходные дни: суббота и воскресенье, а Юра так и не отыскал Криса.

Рано утром в понедельник Юра пошел на автостоянку, чтобы поехать на машине на работу и…из-под жигуленка выскочил Крис с радостным визгом и лаем.

Криса хозяин иногда сажал на заднее сидение и возил его в магазин за покупками. Правда в магазин Юра его не брал, а приказывал:

– Крис, сиди в машине тихо, на прохожих не гавкай, будь вежливым и послушным псом.

Крис приказание выполнял, но когда Юра подходил с покупками к жигуленку – пес визжал от восторга.

– Крис, дорогой мой дружок, - погладил по спине собаки Юра. А рос Крис как русский или белорусский богатырь и уже доставал хозяину до колен, - Как ты меня, дурашка, напугал. Я думал, что ты удрал куда-то, а ты меня под машиной двое суток поджидаешь. Ты мой самый верный друг. Пойдем-ка я тебя, милый Крис, дома покормлю. Вот какой ты преданный пес.

А Крис шел, гордо переступая лапами, как бы заявляя своим видом прохожим:

– Вот так любезные мои граждане Витебска, он не бросил меня, а понял, что я поджидаю его около машины. А тут дождик пошел, вот я и укрылся от ливня под автомашиной хозяина. Я-то знаю, что хозяин придет ко мне.

Когда Нина Сергеевна приходила в квартиру на улице Валентины Терешковой и садилась на свой стул около окна - Крис подбегал к ней, клал свою голову ей на колени и преданными глазами смотрел на хозяйку, не мигая. А его умные глаза как бы говорили Нине Сергеевне:

– Я же знаю, что ты тоже хозяйка, но не моя, а моего хозяина Юрия. И я тоже люблю тебя, дорогая мамочка Юры! Но все-таки мой хозяин – это Юрий!

Когда Юра привел домой собаку и налил в миску овсяную кашу на мясном бульоне, Крис стал, жадно чавкая и урча, есть пищу. Но как только Юра произнес:

– Не торопись, дурашка, никто у тебя не отберет твою еду! – то Крис, на удивление Юры, сбавил темп поедания овсяной каши, а стал спокойно, по-джентельменски кушать.

– Тебе бы, Крис, – улыбнулся Юра, – еще бы на шею салфетку повестить, тогда бы ты стал самым настоящим интеллигентом.

Крис повернулся к хозяину, а в глазах у пса стоял немой укор:

– Так я всегда был и есть интеллигентным псом. А забыл правила этикета при еде, лишь потому, что проголодался я жутко за эти двое суток.

– Ешь, ешь, Крис, набирайся сил. Пока идем до машины, ты придешь уже в себя и будешь послушным и радостным псом. Так?

И Крис ответил «да» по собачьи:

– Гав, гав, гав!

Прошло немного времени, а может быть количество этого времени протекло прилично. Но вдруг, Юрию Ивановичу пришло извещение из Москвы, что Юрий Иванович Логинов приглашается на Всемирный конкресс нейрохирургов.

Юрий обрадовался, что он удостоился такой чести и спросил у Косинца:

– Огромное вам спасибо, что вы меня направили и в Санкт-Петербург и в Киев на курсы нейрохирургов. А теперь вот меня приглашают на Всемирный конгресс нейрохирургов.

Косинец, пожав плечами, ответил:

– А я, коллега, тут не причем. Всемирный конгресс не моя епархия! На это мероприятие от Беларуси поедут только два нейрохирурга: один из Минска, а второй вы, из Витебска. Кандидат из Минска понятно! Столица Республики все-таки. А вот кандидат из областного Витебска, уже сенсационная новость! Я искренне желаю вам, чтобы на конгрессе услышали и ваш голос. Постарайтесь привезти из Москвы ваши заметки, впечатления и, разумеется, фотографии. Одно дело услышать и совсем хорошо увидеть на фото делегатов конгресса.

Юрий поблагодарил Косинца и стал собираться в Москву. Хоть и говорил Булгаковский Воланд: «Москвичи – хорошие люди! Но их испортил квартирный вопрос!» А Юрий Иванович Логинов поселился в забронированной заранее гостиничный номер. Это жители Москвы могут иметь жилищные проблемы, а для гостей Москва не бьет с носка, а встречает их доброжелательно.

Но так получилось, что после выступления Юрия, не Москвичи, а зарубежные гости и участники Всемирного конгресса нейрохирургии по-

дошли к Логинову. Их было двое, американцы. Один из них спросил Витебчанина:

– Нам понравился ваш доклад, мистер ЛоХинов! (так исковеркал фамилию Юры американец). А не хотели бы вы прилететь на нашу родину в гости? Посмотрите в наших больницах как обстоят дела с нейрохирургией, узнаете какие клиники имеют современное оснащение для операций. Познакомитесь с методами лечения пациентов с нашими нейрохирургами.

– Да я-то не против посмотреть на работу ваших нейрохирургов, – ответил Юра, – но кто меня отпустит в Америку?

– Для нас же, Мистер ЛоХинов, – изумился второй американец, – ваш вопрос звучит для нас парадоксально. Кто может из ваших патронов не отпустить вольного человека за рубеж? Вы сами решаете свою судьбу? Кто-то запугал вас нашим дедушкой Сэмом?

– Да никто меня не пугал: ни дедушкой, ни бабушкой, – пожал плечами Юра, а старший американец тут же отозвался:

– Так могу ли я вашу реплику о своем свободном выборе считать соглашением посетить Америку? Как говорят у вас в России: «Если сказал «А», то говори и «Б».

– А у нас, на нашей родине, про «А» и «Б» есть даже загадка: «А» и «Б» сидели на трубе, «А» упало, «Б» упало, кто остался на трубе?

– Кто же может остаться на трубе, Мистер ЛоХинов, если обе буквы упали вниз?

– Как кто? – удивился Юра, - осталась буква «И».

Юра не ожидал реакции американцев. Они оказываются великолепно понимают юмор и громко захохотали.

После, успокоившись, старший спросил:

– Значит вы можете приехать к нам в Нью-Йорк?

Юра кивнул и второй гость Москвы добавил:

– Тогда дожидайтесь нашего вызова.

Юрий, приехав из Москвы в Витебск, показывал матери и жене Галине фотографии, сделанные им в Москве. Они удивлялись, а Нина Сергеевна даже спросила сына:

– Если американцы пришлют тебе вызов, то ты поедешь в Нью-Йорк?

– А почему бы и нет? – ответил сын маме, – раз зовут, то по лбу не дадут. А посмотреть их аппаратуру, тем более хочется. Любому нейрохирургу нельзя топтаться на одном месте. А кругозор мне просто необходим. Нейрохирургу опыт необходим. Петр Капица занимался ядерной физикой в Великобритании. Вернувшись в Росссию он смог создать теорию расщепления атомного ядра. Так вот академик Капица сказал как-то замечательную фразу: «И опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг!» Я

тоже могу в чем-то ошибаться, но как оказывается не только опыт двигает прогресс, а и парадоксальность опытов порождает гениальные решения.

– Поезжай, Юрочка, в Нью-Йорк, – кивнула Нина Сергеевна, – я слышу от тебя слова не мальчика, а мужчины. Ты повзрослел и поумнел. И я верю, что ты и в Америке не потеряешься среди эмигрантов. Спаси тебя Бог!

– Спасибо, мама! – ответил Юра, – твоя поддержка была мне всегда нужна.

Вскоре Юра получил вызов в Америку на пять дней.

– Хорошо, что у тебя, Юра, – сказала его жена Галина, – вызов на пять дней. Я устала уже от твоих бесконечных поездок по городам и всех командировок, теперь уже за границу в Америку.

– А если, Галя, мне предложат не только посетить Америку, а остаться там поработать немного, получить опыт?

У Галины даже ни один мускул не дрогнул на лице и она ответила:

– Я, ты знаешь Юра, за тобой пойду как ниточка за иголочкой. Ведь ты же прекрасно знаешь, что я швея, оканчивала швейный институт и без куска хлеба никогда не останусь. Ромочка у нас учится в школе очень хорошо. Учитель гордится его знаниями. Он участвует во всех школьных мероприятиях. Его выбрали старостой класса. Мы с Ромой, как ты знаешь, тогда останемся в двух комнатах нашей четырехкомнатной квартиры, а Нина Сергеевна с Иваном Ивановичем Логиновым будут проживать тоже в двух комнатах. Можешь быть спокоен за нас. Мы с тобой одна семья.

После разговора с Галиной, Юра собрался вылетать в Нью-Йорк. Его встретили американские знакомые и пять дней возили по нейрохирургическим поликлиникам.

После каждого посещения медицинского объекта они спрашивали, задавая один и тот же вопрос:

– Как вам, нравится, Мистер ЛоХинов, наша нейрохирургия?

А Юрий так же односложно отвечал:

– О'кэй, джентельмены!

Пять дней пролетели для Юры, как пять минут и ему его гиды задали уже более конкретный вопрос:

– Мистер ЛоХинов, а вы не желаете остаться поработать в Нью-Йорке?

Юрий так же односложно ответил:

– Yes! – и засмеялся.

Джентельмены одобрительно кивнули головой, но не стали его спрашивать почему он так весело отреагировал на их вопрос. Видимо их вопрос гость оценил так бурно, что его мечта сбылась.

А Юра смеялся совсем по другому поводу. Он вспомнил фразу из

кинофильма «Джентельмены удачи», где один «герой» из этой комедии ответил раздражительно: «Йес, йес – обехэээс!».

– Но смех без причины, – подумал Юра, – признак дурачины и он быстро переменил свое веселье на серьезный лад:

– Я прошу вас, джентельмены, что же мне нужно, чтобы стать нейрохирургом в Соединенные Штаты Америки? Мне никогда не пришлось бывать за границей, а в каждой избушке свои игрушки.

Услышав это джентельмены быстро превратились в бизнесменов.

Оказалось нужно предоставить очень много разных документов, но самое главное, изучить английский язык. Хотя в школе Юра Логинов и получал отличные оценки у «англичанки», но в Америке он понял, что несколько запомненных английских фраз не позволяют ему общаться с американцами.

И Юрий, разыскав в Нью-Йорке консульство Беларуси, встретился с представителем МИДа.

Его земляк стал подробно объяснять Юре:

– Как вы понимаете, нужно хорошо говорить по-английски, затем все документы: дипломы, удостоверения, аттестаты подтвердить!

– Что это означает слово «подтвердить»? – спросил консула Юрий, а когда он ему разъяснил, то он за голову схватился.

Оказывается нужно снова сдать экзамены по всем предметам института. На русском языке, сдать английском. Только получив эти документы на английском языке, можно будет работать в нейрохирургических больницах в Нью-Йорке.

– Так что же, Ярослав Иванович, мне делать? – спросил консула Юра.

– Задрать штаны и бегать по всем инстанциям и сдавать экзамены, - ответил «мидовец», - другого пути нет и не будет.

– Но на это уйдет не только много времени, а у меня хоть и есть небольшие сбережения, но это капля в финансовом море капиталистического общества.

– Вы мудрый человек, Юрий Иванович, – согласился консул с ответом посетителя, - и я, как ваш земляк, предлагая поступить на какую-нибудь простую работу. У вас кроме медицинской профессии имеются другие навыки работы попроще?

– Как же нет, конечно есть. Я в армии работал водителеv автомобиля, ответил Юра.

– Прекрасно, дружище! – воскликнул Ярослав Иванович, – у меня есть несколько деловых предложений. Как я понял из нашего разговора, вы уже сняли какую-то комнатушку, а значит есть крыша над головой. Во-вторых, вы шофер и имеете права на вождение авто и можете взять легковую машину в аренду. Возить пассажиров по городу вам не привыкать. А значит

кэш, наличные деньги, вы будете получать не так как зарплату два раза в месяц, а ежедневно.

Слово «ежедневно» Ярослав Мудрый произнес по слогам и пока он чеканил каждый слог, делая небольшую паузу после этого слога, Юра заулыбался.

Заметив улыбку гостя, Ярослав сказал:

– Наконец-то вы поняли, что Америка, страна огромных возможностей. И если не лениться, то там можно жить в не любому трудолюбивому эмигранту. А по вашему трудовому опыту вы можете не только себя прокормить, а и вашу семью.

– Спасибо, вам, Ярослав Иванович, – поблагодарил «мидовца» Юрий, - вы как опытный штурман проложили мне точный курс в бурном море предпринимательства. И я не разобьюсь о прибрежные скалы, и потом окунусь в родную стихию – нейрохирургию и буду спасать людей, моих будущих пациентов.

– А я на прощание добавлю вам, – сказал Ярослав, – девиз полярника Антарктиды, который пытался достичь южного полюса планеты Земля: «Бороться, искать, идти и не сдаваться». Чтобы вы поняли эту мысль, прочту одно стихотворение, не помню, правда, автора:

«Люди шли до земли склоненные,
Ветер, снег им швырял в лицо,
И заталкивал в рот соленое,
С губ слетевшее вдруг словцо.
Хоть прошли они и немало,
Но далек был до цели путь,
И мыслишка не раз витала:
«Может лучше назад свернуть»,
Отдохнули и вот, упрямые,
Хоть опять готовы идти…
Так не зря поднимаем с вами мы
Тост: «За тех кто всегда в пути».

– Стихотворение ваше, Ярослав Иванович, мне понравилось, но поэзия – это стезя моего отца, Ивана Ивановича Логинова, – сказал Юрий. – А мне больше нравится девиз таких же людей устремленных в будущее: «Дорогу осилит идущий!»

– Хороший ответ! – похвалили Юрия Ярослав, – вы тремя словами оценили стихотворение, а наш писатель Чехов, если бы он был жив и мог бы стать арбитром между нами, то сказал бы: «Краткость – сестра таланта!»

Потянулись будни. И окрыленный Юра стал крутиться, как белка в колесе. Восстанавливал документы, дипломы, проходя курс института с

русского языка на английский. Возил пассажиров в автомашине в свободное время от сдачи экзаменов.

Успевал Юрий вести и переговоры с Галиной:

– Галя, ты можешь отправить нашего сына, Ромочку, ко мне в Нью-Йорк. Я узнал в департаменте США, что по их закону отец, то есть я, может пригласить из России своего родного сына без всяких проблем. Да и сама можешь в Москве похлопотать и, сдав документы на выезд в Америку, дождаться результата и соединиться всем нам снова в одну семью.

Нина Сергеевна слушала сноху и радовалась, что Рому можно будет отправить в Нью-Йорк. Узнал об этом у матери и Павлик, он уже закончил университет и хотел довести сводного брата до Минского аэропорта в машине Галины. Он могла вести машину сама.

Однако Павел получил от Галины, как говорил Шолоховский дед Щукарь: «Полный отлуп!»

Галя сослалась на тесноту автомобиля. Ехать в Минск придется ночью, чтобы рано утром сесть в самолет, а Ромочка может на заднем сидении и подремать часа два-три.

Павел хотел в сердцах сказать Гале не лицеприятное слово, но сдержался. А Галя продолжала приводить доводы:

– И на переднее сидение тебе нельзя сесть. Роме Нина Сергеевна подарила хрустальную чешскую вазу. На хрустале вырезаны очень красивые узоры и орнаменты и она очень высокая. Нина Сергеевна Роме объяснила, что в самолете он должен эту вазу держать на коленях, придерживая ее то одной, то другой рукой.

После этого довода Гали, Павлик махнул рукой:

– Если мне нельзя на сидение автомобиля сесть, то на сиденье самолета меня уже не посадят точно. Билет в Нью-Йорк только у Ромы. До свидания, Рома, счастливого тебе полета через Атлантический океан. А папе передай мой низкий поклон и пламенный привет.

Рома в Минске поднялся по трапу самолета, сел в свое кресло и во время полета держал на своих коленях вазу и чешского хрусталя.

– Модная штука и подарок папе от моей бабушки, – думал Рома, – как бы мне ее довезти благополучно до Нью-Йорка.

Павел, когда его «отшила» Галина, встретив Нину Сергеевну, рассказал, как повела себя Галя перед отъездом из Витебска в Минск.

Он думал, что она поддержит его но бабушка только грустно вздохнула и сказала уклончиво:

– Бог ей судья, Павлик! Он может и воздаст Галине по заслугам, а может послать ей и проклятье. Человек за свою долгую или короткую жизнь столько натворить может и добра и зла, что разобраться может лишь сам творец, Всевышний!

Павел ушел от Нины Сергеевны еще более удрученный:

– Бабушка сама-то не хочет сказать правду, которую она знает, – размышлял Павлик, – мол, Бог воздаст всем по заслугам. А я просто был шокирован, что Галя вытурила меня из автомашины, не позволила проводить брата до самолета. Я же видел как у Ромки передернулась вся физиономия от хамства Галины. Даже если она поджидала вместо меня другого человека, то могла бы мне не хамить, а сослаться на сложившиеся обстоятельства…

А Нина Сергеевна как раз в это время и размышляла об «сложившихся обстоятельствах» с Галей:

– Все-таки Галя ведет себя очень странно в последнее время. Сначала она стала часто приглашать в нашу квартиру, в свою двухкомнатную половину, для ремонта швейной машинки симпатичного молодого человека, чуть даже помоложе ее. И когда этот мастер по ремонту швейных машинок заходил к нам, Галя тут же выпроваживала из своей комнаты Рому или к нам с Иваном или же ко мне или моему мужу Ивану.

Нина, увидев тогда Рому в совей половине квартиры говорила мужу:

– Ваня, сходи, пожалуйста, с Ромочкой в магазин. Для нас купи хлеб и молоко, а Роме купишь то, что ему понравится в продуктовом магазинчике. Пусть мальчик полакомится твоим гостинцем.

Иван с Ромой уходили, а черные мысли Нины продолжали вихриться в голове:

– Понятно, что пока Юра ездил по служебным командировкам в Питер, Москву, Киев, а теперь и в Нью-Йорк, Галина истосковалась по мужской ласке. А потому Рому отправляет к нам, а когда приходит ее мужчина, для ремонта швейной машинки, поступает по принципу, а может быть и без принципа: «Муж – мужем, а заместитель нужен!» Потом и вовсе обнаглела и говорит мне: «Нина Сергеевна, я сегодня у подружки переночую, вы уже посмотрите, пожалуйста, за Ромочкой, накормите его и уложите во врем спать!» А мне-то как поступить? Скрывать или не скрывать? Вот какой вопрос напрашивается, а у меня рот на замке. Конспираторша хренов, что я не знаю к какой «подружке» она ходит похоть свою потешить?

Когда Нина размышляла к ней пришли Иван и Рома. Нина Сергеевна, перебив свое мрачное настроение, улыбнулась, хотя улыбка на ее измученном лице была наверное жалкой, но Рома не обратил на хмурый вид бабушки никакого внимания, радостно сообщил ей:

– Посмотри, бабуля, что мне купил дедушка: булочку с маком, зефир и мороженое.

– Так Иван угадал, что ты так любишь эти сладости, вот и купил, чтобы ты отведал эти подарки.

А Рома смущенно добавил:

– Бабушка, возьми и попробуй какой вкусный зефир. Пока мы шли с дедушкой я его почти все съел. Спохватился и посмотрел, что осталась одна зефиринка. Вот тебе мой подарок, бабуля. Такая вкуснятина.

– Спасибо, Ромочка, – через силу улыбнулась Нина, – ты такой заботливый и внимательный, весь в меня.

– А я, бабушка, горжусь даже в школе, что у меня характер, как у бабушки.

– И что ты имеешь ввиду? – удивилась Нина Сергеевна.

– Твою доброту. Ты ласковая, умная и знаменитая. Мне есть на кого ровняться.

Лицо у Нины расцвело от улыбки и она сказала внуку:

– Мне твоя учительница говорила, что ты лидируешь в своем классе. Много лет избирают старостой класса, ты учишься на одни пятерки, окончил ВУЗ в красным дипломом. Но скажи-ка мне, мальчик, как вы с Галей, со своей мамой, съездили Питер?

– Я ездил туда и был поражен величественной красотой города. Но с мамой ездил ее знакомый мужчина. Вот он мне и показывали красоты Петербурга: зимний дворец, Петропавловскую крепость. Увидев Атлантов, которые символически поддерживали на своих плечах и руках небосвод. Я там и услышал слова песни: «Когда на сердце тяжесть и холодно в груди, к ступеням Эрмитажа ты в сумерках приди. Где без воды и хлеба, забытые в веках, Атланты держат небо на каменных руках».

– И ты эту песню, Ромочка, запомнил наизусть? – удивилась Нина Сергеевна.

– Да, бабушка, дядя Жора тоже удивился, когда мы пришли в гостиницу и спел эту песню маме.

– Так значит нового мужа твоей мамы, Галины, звать Георгий? – спросила Нина, а Рома ответил:

– Да, бабушка, Жора – это уменьшительное имя, а Георгий – имя взрослого человека и Святого Георгия-Победоносца.

– Какой ты, Ромочка, разумный мальчик! – вздохнув грустно, сказала Нина, – а ты знаешь ли, Рома, что Георгий-Победоносец победил твоего папу?

– Как же, бабушка, дядя Жора мог победить моего папу, если он сейчас живет в Америке и ожидает когда же мы с мамой прилетим в Америку? Да и мой папа сильный, его трудно победить, – возмутился Рома.

Нина покачала головой и произнесла:

– Твоя мама обманула не только тебя, но и меня, и твоего папу, а также моего сына Юрия. Она изменила моему сыну Юрию с этим Жорой.

Рома сначала замолчал, а потом заплакал навзрыд будто маленький мальчик из детсада, у которого ребятишки постарше отобрали любимую

игрушку.

– Бабушка, милая бабушка, я же не знал, что моя мама изменила моему папе!

Нина обняла Рому и постаралась успокоить внука:

– Успокойся, милый, ведь имена Юрий и Георгий имеет один и тот же смысл. И неизвестно еще кто кого победил: Галин Жора или мой сын Юрий. Не покусает ли Галя свои локти, узнав о его быстром карьерном росте? И я тебя умоляю, Ромочка, не скажи своему отцу, что у меня есть подозрения, что Галя изменила ему. Время лечит душевные раны, а Галя нанесла ему удар из-под тяжка.

Рома долго молчал, изредка всхлипывая от обиды, а потом спросил Нину:

– Бабушка, а может быть мои мама и папа помирятся?

– Ромочка, ты же вырос уже из коротких детсадовских штанишек, – ответила Нина, - и считалочка: «Борись, борись, но только не дерись» уже вышла из моды. А Галина, Жора и Юра тоже взрослые люди и они разойдутся как в море корабли. Ты же видел в Питере как под разводными мостами по Неве торговые суда проходят?

– Видел, – всхлипнув, произнес Рома, – идут величаво и гордо.

– Так вот, Ромочка, – произнесла Нина, – и ты постарайся жить всегда величаво и гордо.

– Я тебе обещаю, бабушка, что буду жить как ты мне рекомендуешь: «Жить всегда величаво и гордо».

Окончив шестой класс Рома собрался уехать в Америку. Разрешение на въезд в Нью-Йорк сына, Юрий Иванович Логинов получил. А у Ромы не было проблем с английским языком. Юра, когда Рома должен был поступить в школу в Витебске, он заранее узнал где ученики изучают английский язык. Поэтому Роман отлично изучил иностранный язык и научился не просто читать слова, а разговаривать бегло на английском, словно он всю жизнь проживал в Великобритании.

Тогда еще не было англомании в России и уезжать за рубеж, хоть и не запрещалось, но и не поощрялось в то время. А Юрий Логинов как будто предвидел, что появится мода разговаривать бегло на английском. Он считал, что любой интеллигентный человек может без переводчика разговаривать в любой стране мира, с гражданами этой державы. Ведь английский язык давно стал международным!

Когда-то о Великобритании говорили так: «В этой стране никогда не заходит солнце: когда оно закатывается за горизонт на Западе, то на Востоке оно уже взошло. Поэтому когда Рома прилетел самолетом в Нью-Йорк из Минска, его отец встретил сына с радостью, хотя он еще и не работал нейрохирургом, а возил пассажиров на арендованном автомобиле, получая

довольно приличную сумму денег. Он уже давно снял двухкомнатную квартиру на одной из авеню, но Галина так и не приехала в Нью-Йорк. Зато Роме была предоставлена персональная комната.

Рома был в восторге:

– Папа, у нас в Витебске была четырехкомнатная квартира, но в квартире проживали две семьи. А тут ты мне предоставляешь одну комнату, жаль что…

Тут Рома споткнулся на полу фразе. Ведь из его рта не вылетели слова окончания предложения: «нет с нами мамы». Рома хотел произнести машинально, но вовремя понял, что упоминать ситуацию про Галю не уместно.

Зато Юрий стал рассказывать Ромочке, что он отыскал для него хорошую первоклассную школу, туда не принимали ни темнокожих африканцев, ни смуглых мексиканцев, ни скулистых азиатов. В этой школе учились только бледнолицые американцы и европейцы.

Рома с восторгом слушал отца и вскоре, через пару дней, он уже учился за партой седьмого класса. Но не прошло и пару недель, как Юрия Ивановича Логинова вызвал директор школы, где начал учиться Рома.

Юрий встревожился:

– Неужели неудачи преследуют меня по пятам!?

Но когда заговорил директор, Юра впервые почувствовал гордость отца за своего умного сына.

– Вы знаете, мистер Логинов, вашему сыну не место занимать в седьмом классе.

Юрий насторожился:

– Опять двадцать пять! Почему же отличнику Роме не место в этом классе.

Но тут же понял.

– Мы проверили его знания и решили, что его эрудиция на уровне… – тут директор сделал паузу и продолжил:

– …на уровне девятого класса. Если вы не возражаете, то мы переведем завтра же Рому в девятый класс.

Вечером Юрий беседовал с сыном:

– Папа, я удивился знаниям моих одноклассников. В Витебской школе нас учили лучше, а тут шалтай-болтай.

– А ты не хвастайся, Рома, – ответил сыну Юра, – и грызи, грызи гранит науки.

Он же не терял времени экстерном экзамены по своим российским дипломам о высшем образовании. Не забывал и про аттестаты по нейрохирургии.

Отец и сын будто устроили эстафету по сдаче зачетов. Юрий штур-

мовал вершины высшего образования, а Рома брал приступом образование средней школы. И хотя школа у Ромы и называлась средней, он получал в ней великолепные знания. Ведь с малых лет и отец и сын прокладывали путь к вершинам знаний.

Два экзаменационных года в вперемешку с таксованием по Нью-Йорку не прошли даром. Юрий получил в Нью-Йорке работу нейрохирурга.

Глава 18. Мы жили по соседству, встречались просто так. Любовь проснулась в сердце – никто не знает как…

Юрий с Ромой жили в двухкомнатной квартире на четвертом этаже. Каждый уже оказался на своем месте: Юра работал нейрохирургом, а Рома, окончив школу, поступил в институт и учился на психотерапевта.

А на втором этаже этого дома и в этом подъезде жила молодая и красивая женщина с двумя детьми, мальчиком и девочкой на втором этаже, но в четырехкомнатной квартире.

Получается какая-то арифметическая чехарда: 2-ой этаж – 4-х комнатная квартира и 4-ый этаж – 2-х комнатная квартиру. Как кубик рубик, крути-верти его пока четверка не совместится с четверкой, а двойка с двойкой.

Женщину, проживавшую на втором этаже с двумя детьми звали Сашенькой.

Юра, пробегая мимо второго этажа часто встречался взглядами с Сашей. Никто из них не подозревал, что с каждым взглядом Юры, у него пробуждалось какое-то нежное чувство к этой прекрасной даме. А у Александры, Саши, екало сердце и таял лед ее холодного отношения к мужчинам.

Бывший муж Саши в самый трудный момент поднятия на крыло ее детишек, быстренько умыл руки, бросив бывшую жену на произвол судьбы.

Саша пыталась обратиться к Фемиде и решить вопрос алиментов с мужем. Ведь он не просто оставил Сашу на бобах, а не оставил ее ни одного цента. Были бы дети одного пол так Саша могла бы на одежде на вырост экономить, а так пришлось покупать мужскую одежду для мальчика и женскую одежду для девочки.

Однако Фемида-то судит людей с завязанными глазами и со слепа не разгадала вины мужа по отношению к Саше Ларченко.

Мировой судья вынес приговор: «В нашем законе не прописано, что муж обязан платить жене при разводе какую-то сумму». Мол, разбирайтесь по совести. Но совести у Сашиного мужа не было даже малюсенькой капельки.

Зато искра божья пронзила сердце Юры и Саши и они решили сое-

динить свои судьбы в одну.

Помогал Юре и Саше соединить им судьбы сосед Юрия по Витебску, тоже русский, которого тоже занесло попутным ветром в Нью-Йорк.

Он хорошо знал о трагической судьбе Саши Ларченко и о том, как она пыталась переломить ее и добиться справедливости. Но слепая судьба не помогала Сашеньке. А Юра рискнул и они стали жить вместе.

Он после согласия Саши пригласил на их свадьбу Нину Сергеевну. Саша же тоже пригласила своих родителей: Владимира и Анну Ларченко.

Нина никогда не бывала в Нью-Йорке и грациозность этого мегаполиса поразила ее. Он и его авеню и стрит возвышались над водами Атлантического океана. Нина Сергеевна когда увидела с набережной бескрайнюю гладь воды, то только сейчас поняла, что такое океан. В Белорусских лесах и полях протекало множество рек из голубых озер, в которых отражались белые, пышные, как лебединый пух, облака. Но грациозность океана ее поразила. И она подумала:

– Может быть слово «океан» произошло от славянского слова «око». Око и океан – созвучны как близнецы.

А потом, улыбнувшись, делала вывод:

– И это растекаюсь мыслью я, бывшая учительница русского языка и литературы?! Ведь сколько раз вспоминала на уроках русского языка слово «Окаем», то есть на границе воды и неба где они сливаются воедино проходит черта, которая и называется «Окаем», то есть око воспринимает емкость пространства.

Родители Саши Ларченко взяли на себя свадебные ритуалы. Владимир и Анна предложили фантастическую идею для приглашенных на свадьбу гостей. Они сказали:

– Если справлять свадьбу в доме, то всем нашим друзьям и родственникам не разместиться даже в четырехкомнатной квартире нашей дочурки, Сашеньки. Можно заказать трапезу после регистрации молодоженов в ресторане. Это хорошо, даже шикарно, но многие молодожены так и поступают.

Тут супруги Ларченко сделали паузу, а потом Владимир продолжил:

– А мы с Анной предлагаем сыграть свадьбу Юрия и Александры на…пароходе.

– Как на пароходе? – удивилась Нина Сергеевна, – нас же укачает! Вон как волны то поднимаются, то опускаются. Океан – стихия морская, коварная: шумит, бурлит.

– Не беспокойтесь, дорогая Нина Сергеевна, – сказал Владимир Ларченко, – у нас как начнется застолье на пароходе, то гости так зашумят и забурлят, и океан поймет что ему соревноваться с гостями нашей свадьбы не удастся.

Жена Владимира, Анна, добавила, чтобы успокоить Нину:

– Володя шутит. Круизный лайнер будет курсировать вдоль прогулочного берега. Он двухэтажный. На первом этаже обычные сидения для туристов, которые собрались посмотреть на красоту Нью-Йорка не на его улицах, а через призму панорамы круизного лайнера. Морские волны в бухте смиренные и выглаживают прибрежный песок так ровнёхонько, что шагаешь по пляжу будто по мягкому ковру в своей квартире.

Владимир, улыбаясь, добавил:

– Аннушка всегда старается сгладить мои шутливые реплики Нине Сергеевне. На втором этаже лайнера есть ресторан, но мы забронировали в нем все места заранее чтобы наши части чувствовали себя на свадьбе как дома.

– А сколько гостей будет в этом морском ресторане? – поинтересовалась Нина.

– Где-то 25-30 человек, – ответила ей Анна, – гулять так гулять, чтобы душа наша развернулась во всю ширь радостно и запела весело.

На причал гости подъезжали на автомашинах и проходили на второй этаж корабля. К Владимиру и Анне Ларченко присоединились их дочь и Сашина сестра с мужем. Так семейный клан и прошествовал в ресторан.

Пока шли по дороге Нина Сергеевна узнала, что вся плеяда Ларченко жили в…Чернигове.

– Да вы что, - удивилась Нина, – а ведь в Чернигове жил мой старший брат – Арсений. Какое совпадение. А каким образом вы все очутились в Америке?

– Сначала уехала за границу наша старшая дочь с мужем, – сказала Анна, – когда она тут освоилась, то пригласила к себе всех нас: меня, Володю и Сашу. Поздравить Сашеньку пришли и ее дети: доченька уже взрослая и устроилась на работу, а сын Саши еще учится в школе.

– Как хорошо, – заулыбалась Нина, – а мой сын Юра пригласил на свадьбу и своего сына – Ромочку. Так все наши и ваши родственники собрались на это торжество.

В ресторане уже стояли накрытые столы. Слева и справа на борту второго этажа, как в жилом доме были оконные витрины. Так что обзор для гостей был прекрасен. Справа огни большого города, слева морские волны Атлантического океана.

Посередине между столами ходили официанты, чтобы помочь гостям разобраться с ложками, вилками, фужерами и рюмками, тарелками и блюдечками.

На нижней палубе играла музыка, пели песни, танцевали дамы и кавалеры.

Юра и Саша поддались всеобщему настроению и даже спустились

вниз, чтобы покружиться в вихре вальса пару раз.

Юра даже пошутил:

– Мама, может быть и ты спустишься на первый этаж корабля?

Но Нина отказалась от предложения сына:

– Юрочка, у вас своя компания, а у нас – своя. Я уже лучше побеседую со своими новыми родственниками и земляками.

– А что у вас здесь, в ресторане, есть ваши белорусские земляки? – спросила Анна.

– Да, – ответила Нина, – вон на том столике правого борта сидят мои знакомые из Шумилино, где я проработала 14 лет первым секретарем парткома. Женщина выиграла по лотерее семейную путевку на заграничную поездку в Америку.

– Великолепно, – воскликнула Анна. – Вы, Нина Сергеевна, приехали на свадьбу к сыну, а счастливая обладательница выигрышного лотерейного билета оказалась тоже в нашей компании. Она приехала одна?

– Путевка выдавалась семье и из Шумилино приехала она с мужем и двумя детьми, – ответила Нина и показала рукой на стол, где сидела семья. – Видишь вон у второго окна стоит столик на четыре персоны – это сидят счастливчики, и мои земляки.

– Не зря же говорят, – воскликнула Анна, – что мир тесен. Мы жили в Чернигове, где Владимир работал машинистом паровоза. Моя дочь Саша проживала в одном доме с вашем сыном Юрой, а теперь ваша белорусская землячка со своей семьей встретились случайно с вами на свадьбе наших детей. И интересно то, что и путевку-то в Америку эта семья выиграла случайно.

– Вы, Анна, удивляетесь таким неожиданным совпадениям, а мне кажется, что это наших родных и знакомых соединил в Америке сам Бог, – вздохнув, произнесла Нина. – А значит пусть живут они в мире и согласии много-много лет.

– Мне тоже кажется, что наши дети, Нина, будут жить счастливо и долго, – кивнула Анна.

Вдруг гости на столиках около правого борта лайнера зашевелились, подскочили со своих стульев и бросились к окнам.

– Что за шум, а драки нет? – пошутила Нина Сергеевна. – Так ведь можно и корабль перевернуть, если и мы поддержим эту компанию любопытства. Только зачем они просят: «Свобода, свобода!» Ведь их же никто не держит, да и бежать-то в море некуда: вода, вода, кругом вода.

– Не беспокойтесь, Нина Сергеевна, – успокоила Сенчуро Аня, – никакой паники нет, я-то уже давненько живу в Америке, а вы здесь впервой. Никакая свобода нашим гостям не нужна. А люди радуются, что они увидели Статую Свободы. Посмотрите и вы на этот символ американской

свободы.

Нина присмотрелась и увидела статую. Эту красивую женщину с венком на голове, в длиной одежде и, держащую в руках, пылающий факел. Притом огонь факела в руках статуи был не скульптурным, а горящим по-настоящему.

– Грандиозно, великолепно, – сказала Нина Анне, – а вы знаете, что символ Америки сделали не американцы, а русские?

– И мне и в голову не приходил этот вопрос, – произнесла Анна, – раз символ Америки, женщина, держит в руках пылающий факел, значит его и создал американский скульптур. Как же получилось, что это сделал русский скульптор? И кто он?

– На первый вопрос, Анна, я уже вам ответила, – сказала Нина, – а вот какая фамилия у этого русского скульптора я не помню, потому что не бывала в Америке. Но точно знаю, что кто-то из русских царей, самодержавцев, продал американцам эту Статую Свободы. Может быть, что при самодержавии и свобода-то не была нужна. Вот американцы и «купили» себе свободу.

– Вы так тонко подошли к этому вопросу о свободе, Нина Сергеевна, – удивилась Анна, – что американцы не завоевали себе свободу, а свободу купили?

– Давайте, Анна, уйдем в сторону от этого жонглирования словами: кто продал, кто купил «свободу», – произнесла Нина. – Важно, что Статуя Свободы в Америке теперь известна во всем мире. Зато посмотрите как неважно выглядит этот символ свободы сейчас. Статуя какого-то серовато-зеленоватого цвета. Видимо ее поверхность из-за влажного воздуха покрыла какая-то плесень или мхи. Я видела в Санкт-Петербурге в лихие 90-е около Казанского Собора стояли памятники полководцам 1812-1814 гг.: Барклаю де Толли и Михаилу Илларионовичу Кутузову. Так, на голове Барклая было будто зеленой краской разлито, и такое же пятно зеленой смеси сияло на эполете Кутузова. Я тогда поняла, что это так бронза тускнеет, когда за этим металлом не ухаживают. Может быть и скульптура Статуи Свободы в Америке изготовлена тоже из бронзы?

Вопрос Нины повис в воздухе, а корабль, на котором справляли свадьбу Юрий и Саша, продолжал совершать свой круиз.

А Нина Сергеевна продолжала размышлять:

– Юра с Сашей будут жить в ее квартире. Молодожены приняли такое решение. А Ромочку Юра оставил жить в его квартире. Он уже заканчивает здесь университет в Нью-Йорке и будет работать психотерапевтом. Запланировано заранее его трудоустройство. Такая профессия, как у Ромы – психотерапевт, нужна военным летчикам в ВВС США. Они при полетах и тренировках испытывают огромные нагрузки и стрессы. И потому про-

фессия Ромочки им пригодится на долгие годы. Работа военных летчиков и опасна и трудна.

После мыслей о Роме, она вспомнила и о первом сыне Юрия – Павлике:

– Павле в Беларуси тоже закончил высшее учебное заведение, а Юра не позабыл про него. Ведь Павлик уже самостоятельный парень и мог бы успешно работать и на своей родине, но мой Юрочка не хочет разбрасываться своими сыновьями и пригласил Павла в Америку. Хоть вместе и тесно, а врозь хоть брось! Так говорят на нашей Родине. А Юра стремится помогать сыновьям. Павлику приходится сейчас трудновато. Ему, как и Юре, приходится подтверждать свой диплом в американских ВУЗах на английском языке.

Она взглянула на часы и подумала:

– Как быстро летит время. Оглянуться не успела, а уже и внуки повзрослели. И мне кажется, что и Юра нашел наконец-то свою половинку. Саша испытала много передряг, их и Юре пришлось пережить немало. Но теперь они вдвоем осилят любые трудности.

Потом Нина Сергеевна задумалась:

– Почему же Юрий сумел добиться успехов в своей профессии нейрохирурга не только на своей Родине, но и в Америке?

И поняла, что на Юру повлияла и книга Джорджа Буша-старшего «Глядя в будущее» В этой книге автобиография Президента США.

– Название-то «Глядя в будущее» немного не совсем книжное, – подумал Юрий, – на американский лад – деепричастный оборот речи «Взгляд в будущее» - вот это было бы более яркое название.

Но когда Юрий Логинов стал читать книгу Джорджа Буша, то поражался яркому языку Президента.

Взять хотя бы эпиграф книги: «Моей матери и моему отцу, чьи духовные ценности освящали мне путь».

Эпиграф четко отвечает всем читателям, что именно мать и отец дарят детям свои духовные ценности, которые освещают им путь.

Да, если нет душевного порыва делать добро, то зло покроет землю мраком и в нем мы заблудимся и погибнем. И только свет истины – отца и матери, может вывести нас на дорогу жизни.

Эти святые принципы отца и матери придают силу и волю детям. Кстати, Джордж Буш в своем эпиграфе к книге поставил на первое место не отца, а мать. Мать –это святое имя для любого человека, она рождает нас в муках, кормит детей своих грудью, воспитывает их, учит делать людям добро, а не зло!

А в предисловии для русских читателей Джордж Буш пишет:

– Я обращаюсь к друзьям в Советском Союзе, исполненный надеж-

ды и печали. Моя надежда родилась в ходе встречи с Генеральным секретарем – Горбачевым и поддерживается верой.

Уже в предисловии Джордж Буш называет только фамилию Генерального секретаря – Горбачев, не упоминая ни имени, ни отчества генсека. Ладно бы назвал он Горбачева по-американски – Михаил, без Сергеевича. Но Джордж Буш пренебрегает и званием Горбачева: он говорит Генеральный Секретарь, но не указывает на то, чей он Генеральный Секретарь!

Хотя прекрасно понимает, что Горбачев – Генеральный Секретарь Советского Союза. Это очень важная деталь, не забывчивость Джорджа Буша.

Просто Президент США понимал еще тогда, что Горбачев на троне перестройки – Халиф на час! Так к чему же церемониться с временщиком?

После встречи с уходящим президентом США – Рональдом Рейганом, и избранием Джорджа Буша президентом его страны Рейган и Буш сказали свое мнение о Горбачеве:

– Он все нам сдал, не спросив с нас даже цента.

А зачем было торговаться временщику?

Печаль же Джорджа Буша была вызвана трагическими событиями в Советской Армении, но и американцы и советские люди стали оказывать плечом к плечу помощь жертвам страшного землетрясения.

А дальше Джордж Буш стал рассказывать о событиях второй мировой войны, когда ему было всего почти двадцать лет. Он служил в то время в морской авиации и бомбил Японские военные суда. Выполняв одно задание его бомбардировщик был сбит.

Бушу повезло: его подобрала в море подводная американская лодка. Два других летчика погибли в морской пучине. А боевой опыт только усиливал его решимость чтобы другие его товарищи не погибали. В том числе и граждане Советского Союза. Ведь самые страшные потери испытал советский народ – 20 миллионов человек.

Джордж Буш после Великой Отечественной войны стал послом США в ООН, после стал послом в Китае, председательствовал в Национальном комитете республиканцев и даже поработал некоторое время диктором Центрального разведывательного Управления.

Проявил себя Джордж Буш и в бизнесе, он стал организатором и владельцем нефтяной компании.

Главная цель Президента Америки, Джорджа Буша, формулировалась так: «Защита свободы и обеспечение мира». И в то же время буш призывал к «бдительному оптимизму», но и…хотел большой открытости в отношениях с СССР. Но как заглянуть в будущее никто не знал. Но СССР, ни США.

А журналисты всегда пытались задать вопрос Президенту США, Бу-

шу-старшему:

– Из рассказов о вашей жизни ясно одно: вы никогда долго не задерживались на одном месте.

– Да, за сорок лет мы с женой – Барбарой, двадцать восемь раз переезжали с места на место.

Журналист задал вопрос бушу о законопроекте и Джордж ответил:

– Законопроект вносился конгрессменами-новичками. И он далеко не прошел. А этика – проблема внепартийная, она не исчезнет: мошенники на Уолд-стрит, мошенники в правительстве – Вашингтон обязан установить моральный кодекс для всей страны. Я полностью разделяю афоризм Гровера Кливленда: «Общественная должность – это общественное доверие».

Ответ Джорджа Буша оригинален. Он говорит правду и только правду. Линчует мошенников и заявляет афористично и кратко. А краткость, как сказал Чехов, сестра таланта. Так и Буш: «Общественная должность – это общественное доверие». А к кому нет доверия, тот получает пинок под зад и освобождает свою должность для другого, порядочного человека.

Буш, отвечая на вопрос журналиста о его работе в ЦРУ: «Что вы знаете об тайных операциях дела «Иран-контрас»?», сказал:

– Людям в свободном обществе трудно согласиться с тем, что тайные организации необходимы для выживания мировой державы. Перед потенциальной угрозой национальной безопасности я должен иметь какую-то альтернативу, чтобы кризис не взорвал наши интересы. Выход – в тайных организациях, но они должны быть легальными. Эффект дела «Иран-контрас» сводится к тому, что брошена тень сомнения на все тайные операции. Я согласен, что конгресс имеет законный интерес к сфере деятельности ЦРУ. Если имеется большой доступ к информации, то неизбежна и ее утечка. Я за создание в конгрессе единой комиссии по надзору и объединенной комиссии по разведке. Должна быть глухая стена между ЦРУ и двух правительственной деятельностью.

Разумеется, что Джордж Буш выдержал мощный зубодробительный удар со стороны конгресса, но его эрудиция помогла ускользать от этого «кулака» конгрессменов и защищать свое реноме.

А журналист спросил Буша:

– Правильно ли освещают средства массовой информации вашу работу?

Джордж буш ответил мгновенно:

– Занимаясь политикой, неизбежно становишься объектом критики. В течении многих лет у меня с прессой были нормальные отношения. Хотя как я стал вице-президентом, чтение утренних газет за завтраком не было для меня приятным делом. Но в целом отношение ко мне было беспристрастным.

Ответ Буша был исконен, прямым и даже без нападок на «желтую прессу», а почти в конце интервью Бушу был задан такой вопрос:

– Когда в 1980 году был утвержден бюллетень Рейган-Буш, вы спросили американский народ: «Живете ли вы сейчас лучше, чем четыре года назад?». Поэтому я заглядываю вперед в последнее десятилетие двадцатого века, и спрашиваю у вас: «Будут ли жить американцы лучше, чем сейчас?»:

Буш ответил немного подумав:

– Несомненно. Я вывел страну во время Великой депрессии, второй мировой войны, Кореи, Вьетнама, в 60-е и 70-е года, когда некоторые сочли, что наше общество разваливается, но несмотря на это мы вышли из этого более процветающей и сильной стороной.

Про Вьетнам слишком сильно сказано. Ведь американцы вели там войну и сжигали жилище вьетнамцев, не жалея ни детей, ни стариков. Но кто старое помянет, тому глаз вон… Все-таки и Джордж Буш помог американцам вывести войска из Вьетнама.

В книге о Президенте США написал послесловие Геннадий Герасимов. Политические лидеры на западе выражают волю кого они представляют…

Остаточный догматизм, который у нас отнюдь не исчез, нашептывал, что буржуазный политик способен лишь защищать интересы своего класса. И это главнее и принципиальнее, а подробности уже ни к чему, если не от лукавого сегодня мы мудрее.

Если бы догматизм был чертой мышления президента США – Рональда Рейгана, наша страна осталась бы для него «империей зла», леопардом, который не может менять своих пятен.

Герою этой книги на жизненном старте повезло. Отец – бизнесмен и видный сенатор, лидер умеренного эйзенхоуровского крыла республиканской партии. Мать из семьи финансистов.

Он патриот, примерный муж, отец, в общем – образцовый семьянин. Спортсмен, человек простых вкусов, без особых претензий. Уважающий роль молитвы в жизни. Поставивший свое дело, но замет решивший отдать свои способности и энергию общественному поприщу.

Нине Сергеевне, прочитавшей книгу о Джордже Буше, понравилось больше всего изречение капеллана сената США Эдварда Хейла:

«Гляди ввысь, а не вниз,
Гляди вокруг, а не в себя,
Гляди вперед, а не назад,
И протяни руку помощи».

– После такого мудрого изречения, - продолжила размышлять Нина, – захочется максимально расширять свой кругозор. Нужно, оказывается,

смотреть не вниз и назад, а тем более не в себя любимую. Нет, капеллан не желал людям отступать, а двигаться вперед и ввысь, осматриваясь вокруг и протягивать сирым и бездомным руку помощи.

Когда пришел проведать Нину Сергеевну после круиза на следующий день ее сын Юрий, он спросил:

– Как самочувствие, мама? Не утомил тебя наш круиз, по кромке Атлантического океана?

Нина Сергеевна ответила:

– Юра, я в восторге, вот уеду скоро в мой родной Городок, то будет о чем рассказать моим друзьям и знакомым. Жалко что Иван умер, как бы он радовался.

– Куда ты поедешь, мама, – улыбнулся Юрий, – неужели ты думаешь, что я тебя отправлю домой не осмотрев такую огромную страну, как Америка? Ты же увидела сейчас только Нью-Йорк, а в каждые выходные дни мы тебе с Сашей покажем несколько штатов, а в них таится столько сюрпризов для туристов, что у тебя голова закружится, разглядывая достопримечательности наших штатов.

– Юрочка, а с каких пор Соединенные Штаты Америки стали твоими? – хитренько улыбаясь, спросила сына Нина.

Он тоже улыбнулся и сказал:

– С тех пор, мама, как я прочитал книгу Джорджа Буша «Глядя в будущее». В романе Каверина «Два капитана» маленький мальчик Саша решил отыскать стоянку капитана Татаринова в Северо-Ледовитом океане, где-то на берегу России. Так вот девиз, который Саша прочитал в письмах капитана Татаринова был таким: «Бороться, искать, найти и не сдаваться». Джордж Буш тоже был, как и капитан Татаринов, целеустремленным и добился, став президентом США, что вывел свою страну из Великой депрессии. Мне кажется, что ему помог и этот девиз: «Бороться, искать, найти и не сдаваться!»

– Да я, Юра, убедилась, прочитав книгу Буша, что подвиги совершают пытливые и самоотверженные люди, которые желают, чтобы их страна стала, если и не мощной, то хотя бы процветающей. А пока Америка и является таковой.

– Ладно, мама, – махнул рукой Юра, – не будем вспоминать кто более великая из стран Россия или Америка. У каждой из них были и взлеты и падения, но на коленях они никогда не стояли. Так вот, по выходным мы с тобой будем «изучать» и многоэтажную и одноэтажную Америку. И в каждой из них есть своя изюминка.

– Хорошо, Юра, мне хочется посмотреть Америку! – согласилась Нина Сергеевна. – Если вы сможете показать мне как на колесе обозрения и сверху и снизу, то с благодарностью приму ваше с Сашей предложение. А

с ней-то, ты Юрочка, согласовал об этих поездках?

– Конечно, мама, – усмехнулся Юрий, – мы теперь с ней не разделимы, куда движется иголочка туда тянется и ниточка.

– А кто же из вас ниточка, а кто иголочка? – спросила шутливо Нина, и Юра поддержал хитринку матери:

– Мы, мама, поочередно меняемся ролями, но связь-то у нас уже устойчивая и не разрывная.

– Что же, Юра, еще раз хочу вам сказать: «совет вам да любовь», я рада, что вы в этом браке будете счастливы.

В первые же выходные дни Юра и Саша предложили:

– Мама, собирайся, – сказал Юрий, – мы едем показывать тебе одноэтажную Америку. Тебя приглашаю навести визит родителям Саши – Владимиру и Анну. В сорока километрах от Нью-Йорка у них построена дача. И они милости просят посетить их хоромы…

– Юра, я благодарна тебе и Саше, но вы подскажите мне во что нарядиться.

Не успел Юрий ничего сказать, как Саша посоветовала свекрови:

– Нина Сергеевна, на даче нам не потребуются никакие наряды. Мы с Юрой берем плавки, я бюстгальтер в придачу и на дачу. Можно взять еще халат и тапочки. Мы же не по улицам Нью-Йорка будем прогуливаться, а по травке на даче прохаживаться. Притом отдыхать будут только родственники.

– А каким мы транспортом будем добираться? – спросила Сашу Нина, а она ответила:

– Нина Сергеевна, какой транспорт? У нас с Юрой у обоих по автомобилю. При том, что через какое-то время мы продаем поддержанный и покупаем новенький автомобиль. Так делают не только мы, а все американцы. Но так как нас трое, то мы уместимся втроем в одном авто. Юра рядом со мной, а вы на заднем сидении.

Нина уселась поудобнее и автомобиль плавно выехал на трассу. Она заметила, что их никто не обгоняет, но самое странное, что за минут десять-пятнадцать, не встретился ни один водитель на встречной полосе. Она спросила, недоуменно, об этом Юру, а он ответил:

– Мама, здесь у нас только одностороннее движение, а встречные машины двигаются по автобану в другом направлении.

Нина оглядывала окрестности и за стеклом авто видела деревья, которые очень походили на наши русские березки: и стволы белоснежные с черными черточками, и кроны такие же пышные только листочки у этих крон чуть-чуть другие чем у российских березок.

Поразило Нину еще одно обстоятельство: слева и справа от шоссе было много озер и речек. И через каждую реку был перекинут мост. Но

промчаться по этим мостам с шиком Саше не удавалось. Перегораживал ей путь полосатый шлагбаум. Проезд по мосту – платный!

И Юра выходил из машины и подходил к какому-то ящику и бросал в щель монетоприемника необходимого номинала копеечку, а вернее – монетку. Шлагбаум вздрагивал и поднимался: проезжайте, пожалуйста, господа хорошие, мистеры и сэры!

Так незаметно добрались и до дачи Владимира и Анны.

Около дачного домика родителей Саши был построен большой бассейн, стены и пол которого облицованы бело-нежной керамической плиткой. В воде сверкали солнечные зайчики и блики, которые ласкали глаз приехавших гостей. Около домика дымилась металлическая печурка, на которой можно поджарить на сковородке рыбу или мясо, а в чайнике вскипятить кипяток для кофе или чая.

Хозяева дачи, Владимир и Анна, стали гидами для Нины Сергеевны. Анна по-свойски стала объяснять ей:

– Рядом с нашей дачей построено еще три домика. Но их отсюда вы не увидите. Они закрыты от наших глаз кустарниками, небольшими перелесками. Хозяева этих дач, в отличии от нашей страны, любят отдыхать со своей семьей, а не вступать в перепалки с соседями, что на них ветерок приносит клубы дыма от костра или слушать разудалые песни подвыпивших мужиков.

– Резонно, – согласилась Нина, – значит американцы любят уединяться на природе и наслаждаться тишиной и ловить в речках и озерах рыбу для ухи и для жерехи.

Аня улыбнулась и сказала:

– Ну, что вы, Нина, пусть плещется в воде рыба, плавают по водной глади утки, пусть ходят на длинных лапах жирные здоровенные гуси, но мы их не трогаем. В полутора километрах от нашей дачи есть прекрасный продуктовый магазин где есть готовые полуфабрикаты мяса свинины, птицы, фрукты, овощи и приготовить обед или ужин можно за несколько минут.

– Да, – вздохнула Нина, – я слышала много раз, что Америка – общество потребителей, а вот увидеть это общество потребителей мне пришлось только сейчас.

– Мне кажется, – ответила Анна, – что восточные мудрецы были правы, когда придумали поговорку: «Сколько не говори про хлеб: халва, халва! А слаще во рту от этого не станет».

– Это правда, – согласилась Нина, – а далеко ли продуктовый магазин?

– Да каких-то полтора километра, – отозвалась Анна, – но кроме него в лесочке можно собирать грибы. Тут растут и подосиновики и белые грибы, боровички. Поджаришь их на сковородке и лакомишься дарами при-

роды.

– А какие у вас зимы? – спросила Нина.

– Климат тут хороший, – ответила Аня, – температура тепла градусов под двадцать, колебания небольшие. Нет большей жары, но зато зимой морозы бывают шесть-семь градусов. Уши не отморозишь. Снег выпадает редко, а если и выпадает, то быстро и растает.

В следующий выходной Юра и Саша поехали показывать Нине Сергеевне город Нью-Йорк. Ей он понравился. Есть высотные дома, но есть и яркие рекламы, магазины, рестораны. Заехали они и в еврейский квартал. Он находится на самой кромке океана: песчаная коса, которая сменяется мелководьем. Загорающие там ребятишки шагают по воде навстречу набегающим волнам, а вода все по колено или вообще по щиколотку.

Дома же в еврейском квартале одноэтажные и совсем недалеко от пляжа. После прилива вода разливается и по улицам этого квартала, но жители его проложили мостики из двух широких досок от дома к дому и ходят друг к другу в гости по этим «тротуарам». Дешево и круто: ноги не промочишь, а к соседу заглянешь. Как Иисус Христос прошел по морю, как по суше, так и жители этого квартала не боятся морской пучины.

Саша пояснила Нине Сергеевне:

– Еврейским кварталом это место только называется, а живут в том квартале не только евреи, а испанцы и португальцы, немцы и голландцы, китайцы и японцы и африканцы. А когда-то на месте еврейского квартала находилась мусорная свалка, но когда отходы стали загнивать, то этот «аромат» нюхать американцы не захотели. Построили полигон с заводом по переработке мусора. И осталось эта территория пустой и свободной площадкой. Сначала стала строить свои жилища еврейская диаспора, а потом появился и весь интернационал. На пляже, как я уже говорила, блаженствуют ребятишки. На отливе вода теплая-теплая.

На следующие выходные Юра и Саша показали городской штат – Нью-Джерси. В нем проживали в основном русские. В Нью-Джерси построены фабрики и заводы и поэтому для специалистов из России оказалось много свободных мест.

– Этот штат, – сказала Саша Нине Сергеевне, – только сейчас стал процветающим, индустриальным, а был загажен мусором, как и еврейский квартал. Но потом в Нью-Йорке спохватились: акватория Атлантического океана может «проглотить» эти отходы и создать экологическую катастрофу. Ведь полиэтиленовые пакеты и обрезки этой продукции – не гниет. А значит нарушится баланс морской воды, в которой обитают рыбы и другие морские животные.

На очереди для экскурсии в следующие выходные оказался для Нины Сергеевны штат Филадельфия. В этом штате были не только заводы

и фабрики. Юра и Саша показали Нине музей скульптуры:

– Ой, – всплеснула руками Нина, – какие изящные человеческие фигуры, о не бронзовые или мраморные, которые я видела в наших музеях, а черные.. Никогда не видела скульптур европейской внешности, но абсолютно черного цвета. Обычно такого цвета делались для африканцев, а тут черные европейцы.

– А что вам бросилось еще в глаза, Нина Сергеевна? – спросила Саша.

И она ответила:

– Разнообразие скульптур: мужчины и женщины, кто-то из них сидит, кто-то стоит, они обнимаются и демонстрируют наряды. Мне понравилась особенно одна женская скульптура вот эта: она изящная, высокая, стройная. Дамская шляпка сдвинута на правую бровь, узкие плечи, но выпуклые красивые груди. Но больше меня пленила ее одеяния из ткани, которое полностью открывает ее широкие бедра и виден даже между ее ног часть мыска. Такой фигуре позавидовала бы и Венера Милосская.

– Хорошо, что вы, Нина Сергеевна, чувствуете женскую красоту, хотя ваша женственность до сих пор не уступает изящности этих скульптур.

– Да куда уж мне теперь до современных людей, – ответила Нина. – Я понимаю, что вы мне льстите, но на меня и в самом деле заглядывались мужчины, но я была холодна к их горящим взглядам. Как бы там не было у меня с Иваном Ивановичем Логиновым, но ведь мы и работали, и вырастили умного и знаменитого сына Юрочку, воспитали и вырастили детей Юры, а потом воспитывали у себя на даче наших с Иваном внуков: Ромочку и Павлика. А благодаря твоим детям Саша, у которых уже родились свои дочери и сыновья, я стала на сегодняшний день – прабабушкой. Об этом мне даже страшно подумать. Но именно они продолжат наш род в третьем тысячелетии и в третьем столетии нашего рода Сенчуро и Логиновых.

– Да, Нина Сергеевна, – умеете вы высказывать свое мнение красиво. Вам бы оратором в Древнем Риме быт, как Цицерон.

– Меня, Санечка, жизнь научила этому искусству – красиво, четко, кротко говорить, а не разводить воду как кисель. Полководец Цезарь, однажды, сказал три слова о своей одной очень трудной битве: «Пришел, увидел, победил». Всего три слова, но динамика битвы, как на ладони. Теперь же прямолинейного разговора редко услышишь. Как сказал один поэт: «Действуй только по закону, это значит – втихаря!»

Под Новый год дома у Юры и Саши всегда ставили елочку, чтобы хвойный аромат распространялся по квартире. И как правило, Санта-Клаус, прототип русского Деда Мороза, укладывал под стройной елкой подарки для всех членов семьи. До встречи Нового года оставалось два дня, а Санта-Клаус поручил Саше преподнести Нине Сергеевне новогодний подарок

– путевку на два дня осмотреть Вашингтон.

Саша не сказала, но Нина поняла, что Сашенька купила этот презент свекрови заблаговременно, чтобы узнала ее гостья о столице Америки. Ведь все гости Америки, заблуждаясь, считают ее столицей не Вашингтон, а Нью-Йорк. Поэтому-то и получила такой подарок от Санта- Клауса Нина Сергеевна.

Приехав в Вашингтон на экскурсионном автобусе, ей предоставили двухместный номер в гостинице Вашингтона. Всего туристов в этой поездке было тридцать человек и всех гостей бесплатно кормили, поили утром, днем и вечером в ресторане отеля. В путевке, оплаченной Сашей, было все оговорено.

В первую очередь гости посетили музей Вашингтона. Нина Сергеевна удивилась, что в музее организован специальный стенд для первого космонавта Земли Героя Советского Союза – Юрия Алексеевича Гагарина.

Она подошла поближе и увидела кресло, в котором сидел в ракете космонавт №1, Юрий Гагарин, совершая свой полет вокруг земного шара, в космическом пространстве вокруг планеты Земля. Рядом с креслом стоял скафандре Юрия Алексеевича. Прозрачный шлем космонавта был с открытой шторкой. В музее же нет безвоздушного пространства.

Но третий экспонат на стенде космонавта Юрия Гагарина вызвал у Нины Сергеевны противоречивые чувства: восторг и недоумение.

На столе под бронебойным стеклом лежал партийный билет Юрия Алексеевича Гагарина. В нем дата рождения космонавта, имя, фамилия, отчество и дата вступления в Коммунистическую партию Советского Союза. Но на столе лежат кроме партийного билета и другие удостоверения космонавта, а также различные справки об Юрии Гагарине.

Посмотрев гагаринские документы, Нина Сергеевна заметила, что к металлической оградке с трех сторон высотой метр двадцать сантиметров, на полу этого ограждения, лежит плоский квадратный камень со стороной не более полуметра, а толщиной плиты сантиметров тридцать. Она серого цвета.

Около этой плиты толпятся посетители музея космонавтики, а у оградки стоит экскурсовод, высокий, крепкий мужчина в униформе и объясняет:

– Видите, на этой серой плите, привезенной с Луны нашими американским астронавтами, есть посередине уже небольшая ложбинка. Посетители прикасаются к лунной плите ладонями и наглаживают ее. Вот выемка на плите и получилась. Это не простой, а уникальный камень, привезенный со спутника нашей Земли – Луны, влияет на здоровье человека. Когда посетитель просит улучшить его здоровье, вылетает недуг, то лунный камень помогает им и дает долголетие.

Нина Сергеевна задумалась

– Бывают на Земле чудеса, но когда-то американцы рассказывали, что после посадки на Луну астронавтов, они поставили в лунную поверхность спутника Земли – звездный флаг в Лунный грунт.

А если там поверхность каменистая, то как воткнули тогда туда флаг?

Потом показывал с экрана небольшую пробирочку с лунной пылью. Воды на Луне нет, а значит на ней или слой пыли или она плотная, как этот камень. Что-то тут не так.

Но когда подошла очередь ее, она е стала мудрствовать лукаво, а погладила выемку на лунном камне сначала левой рукой, а потом и правой, читая молитву:

– Господи, спаси и сохрани меня, дай мне здоровья и долголетия, как обещал нам мужчина, который советовал каждому посетителю погладить ложбинку на сером камне. Камень-то лежит на земле, и если бы я не держалась за поручень оградки, то не достала бы ладошкой ложбинки на сером лунном камне.

Может быть лунный серый камень помог отметить 90-летний юбилей Нине Сергеевне, то ли ее молитва попала в Богу в уши, но она крепка здоровьем, в здравом уме и не чувствует себя усталой и беспомощной.

Затем Нина Сергеевна пошла в музей Рузвельта, знаменитого Президента США, который избирался на этот пост четыре раза почти четверть века во время Второй Мировой войны. Три мировых лидера: Сталин, Рузвельт и Черчиль встречались этой тройкой два раза. В 1943 году в Тегеране, чтобы согласовать открытие союзниками Сталина: американским и английским лидерами.

И второй раз это же тройкой устроили конференцию в Ялте, в 1945 году, чтобы провести границы их политического влияния в таком хрупком мире на земном шаре.

Так вот именно Рузвельт и заинтересовал Нину Сергеевну когда она пришла в музей под открытым небом.

Рузвельт в молодости нырнул в реку, а оказалось, что в том месте под водой был огромный громадны валун. Ударившись головой об камень, будущий президент выжил, но повредил нервную систему. У него отнялись обе ноги, но тем не менее и в инвалидной коляске он смог умело управлять государством США.

Президент Рузвельт не торопился открывать Второй фронт на Западе Европы. Но зато помогал Сталину поставками оружия и продовольствием. Притом не требовал за это денег, а отдавал необходимые вооружения и продукты в долг, с огромной временной отсрочкой погашения долга.

Черчиль боялся войны с Гитлером, а потому отправлял караваны

военного конвоя из Англии в незамерзающий северный порт Советского союза – Мурманск, также как и Рузвельт танки, самолеты и необходимые продукты. Именно Черчиль сказал после победы в Великой Отечественной войне фразу, которая стала легендарной: «Сталин принял Россию с сохой, а сдал страну с атомной бомбой». Не зря говорят: «от великого до малого – один шаг».

После своих размышлений и умозаключений и подошла к памятнику Рузвельта. Он с одухотворенным и мужественным лицом сидит в кресле инвалидной коляске, руки его лежат на поручнях, возле его атрофированных, беспомощных ног протекает бурный, мощный водный поток.

На камнях под водой возникают буруны, пена клочьями летит по сторонам, в этих клочьях надуваются пузыри и лопаются. Река времени течет мимо него. Физически он не может передвигаться без помощи своей жены. И она стоит рядом с ним. Невысокая, обаятельная женщина и готова по его голосу тут же прийти на помощь своему мужу.

Поток несется по камням с бешенной скоростью. С такой же скоростью Рузвельт решал все проблемы своей страны, да и с мировыми проблемами успевал уладить. Но сейчас он вспоминает свою напасть, молодость, энергичность. Время не вернуть вспять. Хоть и близок локоток, да не укусишь.

А на другой стороне бурного ручья стоит старший сын президента Америки. Он смотрит на отца, а Рузвельт хоть и видит краем глаза своего сына, но смотрит только на бурный поток. Почему он не желает посмотреть на сына – непонятно.

Нина Сергеевна под впечатлением этого замечательного памятника, задумалась:

– А ведь и я, как Рузвельт, руководила и старалась решать все вопросы, которые были в моей компетенции. И сравнить мои проблемы с проблемами Рузвельта смешно. Кто президент и кто я? Но каждый делает ту работу, которая ему или мне была под силу. Только я радуюсь за своего сына, за его детей, а Рузвельт е желает смотреть на своего старшего сына. И тут уже ничего не поделаешь. Коня н водопой может привести и ребенок, но заставить коня пить из ручья если он не хочет, не смогут и десять дюжих мужчин.

Нина встряхнула головой и пошла осматривать кладбище Вашингтона. На нем могилы погибших в войнах, которые воевали за Соединенные Штаты Америки. На каждой могиле воина, отдавшего свою жизнь за США, стоит персональный памятник из полированного блока, гранита. Он невысок, полметра высотой, а по длине чуть больше метра. На каждом таком обелиске высверлены имена и фамилии усопших. Все чинно и благородно: ряд за рядом и уходят за горизонт.

Могилы и кладбище находятся слева, а справа дорога устремленная вверх к другому кладбищу, где захоронены более знаменитые личности. Но и среди знаменитостей особняком находятся могила президента Джона Кеннеди, убитого наемным убийцей из снайперской винтовки.

Нина Сергеевна посмотрела на могилу Кеннеди и отметила:

– А памятник-то на могиле Кеннеди такой же как у всех погибших на войне, только получше ухожен и облагорожен. На могиле президента горит вечный огонь, около него стоит бюст Кеннеди и в подписи есть слово: «убит».

Все это смогла сказать бывшая жена президента – Жаклин Кеннеди.

Нина постояла молча у могилы и сказала:

– Хоть она и быстро вышла замуж за греческого миллиардера, но о бывшем муже позаботилась. Вечный огонь дорого ей обходится. Но память о погибшем муже важнее, чем эти доллары, которые Жаклин тратит на вечный огонь.

Когда Нина Сергеевна вернулась из турпоездки, то поздравив Юру и Сашу с Новым годом, подошла к «Деду Морозу» и поцеловала Сашу, растрогано произнесла:

– Твоя щедрость, Сашенька, не знает предела! Я этот Новый год никогда не забуду.

Следующая поездка была для Нины Сергеевны и Ромы к Канадской границе. Там находился Ниагарский водопад. Для Нины Сергеевны слов Канада, Ниагарский водопад, звучали как бравурная музыка. Канада – это уже другая страна. А побывать не только в Америке, но и в Канаде было для Нины Сергеевны престижно.

Но Юра и Саша начали двухдневную экскурсию с Ниагарского водопада. Они купили два билета для Ромы и Нины Сергеевны. Когда Саша вручала их Нине, то объяснила:

– Нина Сергеевна, мы с Юрой уже несколько раз проплывали на лодках по воде у подножья Ниагары, а Рома и вы еще не испытали восторга, проплывая по воде у подножья Ниагарского водопада. Мы постоим на смотровой площадке, а вы поплывете на лодках по воде.

Рома захлопал в ладоши от радости, а Нина взяла его за руку и пошла к лодкам. Пока соберутся «мореплаватели» заполнить одну лодку и отправятся в путешествие. Подойдут любители острых ощущения ко второй лодке. Да-да, ко второй лодке. Потому что на лодке уместятся более десяти-пятнадцати «мореплавателей».

Два хозяина лодки, видимо Боцман и Лоцман, попросили одеть Нину и Рому полиэтиленовые плащи с капюшоном. Длина плащей была не только до пят, а еще и ниже. Чтобы пассажиры лодки не только не промочили свою одежду от брызг водопада, но туфельки дам и ботинки джентельме-

нов оставались сухими.

Когда экипировка была закончена, а лодка забита до предела, Боцман дал команду:

– Отдать концы, отчаливаем…

Нина попыталась задрать голову вверх, но ей помешал это сделать капюшон, но она когда подходила к лодке, то восхищалась Ниагарским водопадом:

– Какой он широкий, мощный и грандиозный, – восторгалась она, – не знаешь даже сколько метров его высота. Скала, с которой извергается вода, почти отвесная, но все-таки уступы есть через несколько метров друг от друга.

Лодка плыла, покачиваясь, а плащи оберегали «моряков» от водных брызг. Сколько время прошло чтобы прокатиться пассажирам в одну, а потом в другую сторону, не засекла. Ее дамские часики закрывал балахон из полиэтилена. Но, прикинув в уме, Нина подумала:

– Где-то прошло минут тридцать-сорок. А Рома сказал: «Счастливые часов не наблюдают».

Юра и Саша помогли Нине Сергеевне и Роме выйти из «Ноева ковчега», так оценила Нина, разноперстных национальностей, пассажиров: «Каждой твари по паре». И это без обиды всем. Вода к этим тварям относилась и мы с Ромой. А ковчег нас доставил до земли веселыми и здоровенькими.

Сняв капюшон, Нина Сергеевна опять задрала голову вверх. И еще раз убедилась в грандиозности этого явления природы:

– Да мировая известность. И вот я увидела ее с Ромой, благодаря Юре и Саше.

А они оказались тут как тут!

– Путешествие под Ниагарским водопадом прошло успешно, – сказала Саша… Гип-гип ура!

Всей родней, вчетвером, направились вдоль канала, куда устремилась вода из водопада. Редкие прохожие проходили по этому мосту: туда и обратно.

Юра сказал Саше:

– Зайдем в магазинчик, купим там что-нибудь вкусненького и если ты не возражаешь, приобретем бутылочку хорошего вина.

Нина поддержала идею сына и сказала:

– Так и я схожу с вами. Хочу побывать с вами в Канаде.

Но Юра, пожал плечами и с огорчением произнес:

– К сожалению, мама, тебе с нами не пройти…

– Так вы же втроем с женой и сыном пойдете, а мне в канаду нельзя?

Юра пояснил:

– Мы граждане США и можем пересекать границу между США и

Канадой по американскому паспорту, а у тебя, мама, паспорт белорусский. На границе тебя завернут обратно. Ты сядь на скамеечку, а мы быстро вернемся. Зайдем в продуктовый магазинчик и к тебе назад.

– Что ж, нельзя так нельзя, – вздохнула Нина. – Я смотрела как-то фильм по рассказам О.Генри, так там два жулика и вора убегали от боевого мальчугана, которого они похитили чтобы получить выкуп у его богатенького папаши. Да только мальчишка так довел их до стресса, что жулики привезли «заложника» отцу, заплатили ему денег чтобы папаша подержал сына у крыльца своего дома до тех пор, пока грабители успели добежать до Канадской границы.

– Как хорошо, что ты, мама, вспомнила про писателя О.Генри. У меня есть книжка про такого воришку в рассказе «Родственные души».

– Хорошо, Юра, я люблю классическую литературу, – сказала Нина, – а О.Генри я очень люблю. Сейчас пойду этот рассказ и почитаю. Она открыла книгу и увлеклась:

«Вор быстро скользнул в окно и замер, стараясь освоиться с обстановкой. Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начинает его присваивать. Вор находился в частном особняке. Он закурил сигарету. Прикрытый ладонью, огонек спички осветил на мгновение то, что было в нем выдающегося – его длинный нос и торчащие скулы. Вор принадлежал к третьей разновидности. Эта разновидность еще не изучена и не получила широкого признания.

Полиция познакомила нас только с первой и второй. Квалификация их чрезвычайно проста. Отличительной приметой служит воротничек».

Нина подумала:

– Хорошее сочетание слов: «вор и его яркая примета – воротничек». По такой «отличительной» примете ищи ветра и вора в поле.

Но интрига только начиналась и Нина снова влилась в строчки рассказа:

«Если на пойманном воре не обнаружится крахмального воротничка, то нам заявляют, что это опасный выродок, в конец разложившийся тип. И тут же возникает подозрение – не тот ли это закоренелый преступник, который выкрал наручники из кармана полицейского Хэннесси и нахально избежал ареста.

Представитель другой, второй разновидности – это вор в крахмальном воротничке. Его обычно называют вор-джентельмен. Днем он либо завтракает в смокинге, либо переодевшись вечером обойщиком приступает своему основному гнусному занятию – ограблению квартир.

Мать его богатая, почтенная леди, провожает его в тюремную камеру, а он первым долгом требует себе пилочку для ногтей и «Полицейскую газету».

А на этом воре был синий свитер и он не принадлежал ни к категории джентельменов, ни к категории поваров адовой кухни. Полиция несомненно встала бы в тупик при попытке его квалифицировать. Ей еще не довелось слышать о стеклянном, солидном воре, который не опустился на дно и не залез слишком высоко.

Вор третьей категории, крадясь, пробирался вперед. Он не носил на лице маски, не держал в руке потайного фонарика и на ногах у него не было башмаков на каучуковой подошве, чтобы при ходьбе не шуметь».

Нина Сергеевна удивлялась четкой квалификации воров. О.Генри так хлестко, но с юмором сообщил читателям об воровских категориях, что их не хотелось даже пожурить. А воришка в синем свитере, прочитала Нина:

«…не рассчитывал на особо богатый улов. Может, попадется немного денег, часы, булавка с драгоценным камнем…словом, ничего сногсшибательного, выходящего из ряда вон».

– Ничего из ряда выходящего, – удивлялась Нина Сергеевна, – немного денег, часы, булавка с драгоценным камнем.

Видимо она последнее слово произнесла вслух, не заметив, что из Канады возвратились Юра, Саша и Рома. И ее сын спросил:

– Мама, ты говоришь об мечте любого идиота: «немного денег, часы, булавка с драгоценным камнем». А мы реальные люди и как обещали принесли за Канады кое-что вкусненькое.

– Поверь мне, Юра, – пошутила Нина Сергеевна, – я не мечтаю об булавке с драгоценным камнем. Об этом мечтал вор из рассказа О.Генри. Пока вы ходили в Канаду, я немного прочитала страниц из рассказа «Родственные души».

– А у нас с тобой, мама, хоть и родственные души, но я тебе хочу показать еще одну «одноэтажную Америку», о которой так с восторгом написали наши классики Ильф и Петров, не изнутри, ни из лодки, а свысока.

– Юрочка, я никогда не смотрела свысока не только на страну, а тем более на такую великую страну как Америка, поэтому мне достаточно путешествия на лодке по оде вблизи от Ниагарского водопада.

– Нет, мама, я хочу посмотреть на страну с воздушного шара. Вот это будет такая панорама, что эта картина тебе запомнится навсегда.

Нина Сергеевна посмотрела в ту сторону куда показывал рукой ее сын и испуганно произнесла:

– Нет, нет, Юра, я боюсь высоты. Я не полечу на воздушном шаре.

– Мамочка, – удивился Юра, – на воздушном шаре все туристы хотят полетать, а ты упираешься.

– Саша, – окликнул жену Юрий, – помоги-ка мне мою маму довести до воздушного шара. Она так упирается, слово мы ее на лобное место на плаху ведем.

Когда под ручки взялась и Саша, то Нина Сергеевна перестала упираться ногами в землю, а решила рискнуть: было не было.

В корзину воздушного шара, вместилось человек шесть или восемь. И два пилота, которые будут управлять воздушным шаром. Внизу два других мужчины держали в руках страховую веревку.

По периметру всей корзины был барьер. И он был всем до плеч. Нина Сергеевна, посмотрев вокруг а этот бортик и немного успокоилась. И не заметила, что воздушный шар уже летит высоко-высоко, но снизу им управляют сотрудники этого аттракциона.

С высоты птичьего полета Нина Сергеевна увидела не только Ниагарский водопад, а еще несколько водопадиков, которые сбрасывали свой водный поток с горок поменьше чем Ниагарский.

Чуть дальше она увидела около реки дом, около которого паслись кони. Видно, что оно огорожены. Но сама площадь загона настолько огромна, что лошади чувствуют себя там свободными. Кто-то из коней щиплет, не торопясь, травку, другие лошадки, подняв хвост трубой, резвится, делают побольше пробежки, собираются вновь в табуны.

Рядом с загоном, чуть подальше еще один домик. Но дома в одноэтажной Америке находятся на почтительном расстоянии друг от друга.

От этих картин сверху у Нины Сергеевны поднялось настроение. Она уже нисколько не боялась полета на воздушном шаре. Наоборот, ей показалось, что она летит не на воздушном шаре, а будто у нее за спиной выросли крылья, и она сама парит над землей. Нина Сергеевна никогда не употребляла алкоголь, но сейчас ей показалось, что она охмелела, опьянена от воздушного потока и может выполнять в воздухе кульбиты и пируэты на полу корзины воздушного шара.

Когда полет на воздушном шаре закончился, Нина Сергеевна еще оставалась в ощущении нирваны и, ступив, на твердую землю, засмеялась, так весело как смеялась в детстве.

– Мама, тебе понравился полет на воздушном шаре? – спросил ее Юра.

– Как видишь, сынок, иду, смеюсь, дышу полной грудью. И не знаю куда подевался мой страх перед полетом.

– И я рада за вас, Нина Сергеевна, – поддержала мужа Саша, а Юрий дополнил ее:

– Ты же, мама, не хотела садиться в корзину воздушного шара, даже ногами упиралась в землю.

И Нина ответила:

– Да, я боялась, упиралась, но в полете мне стало так приятно и спокойно. Видимо страх потеряла, когда я поплыла на воздушном шаре над землей.

– Просто вы почувствовали экстрим, – дополнила Нину Саша.

Прошло три месяца…Нина Сергеевна ходила по берегу Атлантического океана где стояли скамеечки. На них сидели или лежали американские парни и девушки. Наслаждались солнечными лучами.

Но заходить в воду она не хотела. Она видела как женщины в детьми побаиваются заходить в океан.

А некоторые объясняли Нине Сергеевна, что к берегу иногда приплывают акулы, и если малыши заходят в океан на глубину, чтобы научиться там плавать, были жуткие случаи, что акулы нападали на детей и даже умудрялись укусить ребятишек.

Возможно это были слухи. И как пел Владимир Высоцкий: «Ходят слухи тут и там, а беззубые старухи их разносят по умам, по умам…»

Но Нину Сергеевну было трудно напугать какими-то слухами. Она прошла такие страшные жизненные испытания, что испугать какими-то мифическими акулами около берега, которые пожирают непослушных младенцев, было бы очень трудно.

Ее замучила ностальгия или простым языком – тоска по родине. Однажды вечером она подошла к Юрию и сказала ему:

– Сынок, я хочу уехать домой. Там меня ждет любимы Городок и река Горожанка. В Городке у меня живут родственники. Они разные по характеру, по месту жительству, но все же родная кровь. А тут только вы с Сашей, да твои дети Рома и Павлик. Поэтому родственные связи и привязали меня крепким морским узлом к своему любимому Городку. Его не развязать, а если обрубить, то по живому, а это значит причинить боль мне и моим родственникам.

– Мама, – грустно вздохнул Юра, – я рад бы в рай, да грехи не пускают. Ведь я, вызывая тебя ко мне в Америку, не учел твою ностальгию по Родине. И вызов в Америку я сделал на семь месяцев. И если его юридически разорвать то надо заплатить такую неустойку, что голова заболит.

– Я поняла тебя, Юра, – вздохнула Нина. Придется мне пожить немножко в Америке. Городок от меня никогда не отвернется, а вы уже прочно обосновались в Нью-Йорке.

– Мама, но ведь это время все равно будем рядом с тобой. Поэтому я и сделал запрос на проживание тебе в Америке на семь месяцев. Ведь слово семья и звучит как два слова: семь и я. А у нас с тобой было всегда семь я.

– Спасибо, сынок, – сказала Нина.

– За что? Это мне тебя надо за все благодарить, – сказал Юра и услышал:

– За все! Хотя бы за то, что ты, пока вы переходили Канадскую границу, ты дал почитать мне книгу О.Генри. Ведь там я прочитала рассказ этого писателя «Родственные души».

– И что тебе там понравилось? – спросил Юра.

– Если у тебя есть немного времени, то послушай об одном воришке, – ответила Нина и, увидев, что сын весь превратился в слух, начала говорить от воре О.Генри:

– Вор отворил дверь, в слабоосвещённую комнату…и сделал три осторожных шага по направлению к столику. На нем валялась пачка смятых банкнот, часы, ключи, три покорных фишки. Спящий на кровати жалобно застонал, открыл глаза и тут же сунул правую руку под подушку за пистолетом.

– Лежать тихо! – сказал вор нормальным человеческим голосом. Воры третьей категории не говорят свистящим шепотом. Человек в постели посмотрел на дуло, направленное на него револьвера и замер.

– Руки вверх! – приказал вор.

Человек сел в постели и поднял правую руку.

– А ну-ка вторую, – сказал вор, – может вы стреляете левой. Умеете считать до двух? Ну живо!

– Я эту поднять не могу, – сказал обыватель с болезненной гримассой.

– А что с ней такое?

– Ревматизм плеча!

– Острый?

– Был острый, теперь хронический.

Это диалог О.Генри Нина прочитала быстро.

– Странный какой-то вор, – подумала Нина Сергеевна. – Вместо того чтобы схватить пачку банкнот, часы и броситься бежать наутек, вор начинает расспрашивать о болезни обывателя. Такие душещипательные разговоры настоящие воры не ведут, и стала читать дальше:

«Вор с минуту помолчал, держа револьвер под прицелом. Он глянул украдкой на столик с разбросанной на нем его добычей, и его лицо вдруг исказилось болезненной гримасой.

– Перестаньте корчить рожу, – раздраженно крикнул обыватель, – пришли грабить так грабьте. Забирайте все, что лежит на столике».

Нина Сергеевна скользнула по тексту писателя О.Генри, там вор и жертва побеседовали о коварном ревматизме, который мучил их с одинаковой силой и какие методы лечения они испытали чтобы вот так вдруг стать беспомощным и больным в одну секунду. За время их беседы боль отпустила и они по-приятельски решили заглянуть в литейное заведение чтобы хлопнуть рюмочку, другую горячительного напитка.

Концовка О.Генри поразила Нину Сергеевну:

– На пороге обыватель остановился и шагнул обратно:

– Чуть не ушел без денег. Выложил их вчера на столик.

Вор поймал его за рукав.

– Ладно, пошли, – сказал он грубовато, – брось это, я вас приглашаю. У меня на выпивку хватит».

– Вот такой поворот сюжета, Юра, – сказала сыну Нина, – но ты, наверное, читал этот рассказ.

– Разумеется, – кивнул головой сын. – А почему ты заинтересовалась писателем О.Генри?

– А вот почему, Юра, – ответила Нина Сергеевна и, раскрыв обложку книги О.Генри, показала глянцевую чистую страницу перед названием книги «О.Генри: Избранные новеллы. Москва. Издательство «Правда» 1985 год».

– Тебе было в этом году 30 лет. Но ты и тогда был уважаемым человеком, - Нина открыла картонную обложку книги, а на ней была запись: «Награждается врач «Лесная сказка» Логинов Юрий Иванович, за отличное медицинское обслуживание». Подписались начальник и старшая медсестра. Вот видишь, Юра, ты всегда делал свою работу на отлично, а потому ты отличный и человек.

Глава 19. Нина Сенчуро шагает по планете

Нина Сергеевна пересекла Атлантический, Индийский, Тихий океаны. А приехав в Магадан на похороны своего младшего брата Валентина, ощутила и холодное дыхание Северо-Ледовитого океана. Вот такие огромные пространства остались за плечами Нины Сергеевны Сенчуро. Она не космонавт, как Валентина Терешкова, первая в мире женщина-космонавт, которая на своей родной земле стала знаменитой и известной, побывав в двадцати семи странах мира.

В начале восьмидесятых она добровольно отказалась от должности первого секретаря парткома, отработав в Шумилинском районе четырнадцать лет. Ее не хотели отпускать, надеясь, что она может поработать еще лет семь-восемь.

Район районом, а вот и областное начальство лестно отзывалось о ней. Свое слово замолвили о Нине Сенчуро Председатель Витебского облисполкома – Шибеко Иван Артемович и секретарь Витебского облисполкома КП Белоруссии – Шабашов Сергей Михайлович. Они написали ей письмо с просьбой продолжить работу:

«Уважаемая, Нина Сергеевна! Ваше трудолюбие и настойчивость, большие организаторские способности раскрылись в Шумилинском районе. Вы проявили и проявляете лучшие качества – самоотверженность в работе, принципиальность и ответственность сочетается с чуткостью к то-

варищам по работе. У вас огромное трудолюбие и настойчивость, большие организаторские способности, а потому внесли ощутимый личный вклад в развитие народного хозяйства и культуры района.

Партийный и советский актив области знает и ценит Вас, как авторитетного руководителя, неутомимую труженицу и скромного товарища. Так пусть же, дорогая Нина Сергеевна, долго и молодо бьется ваше горячее сердце энтузиаста.

Мы желаем и Вашим родным и лично Вам крепкого здоровья на долгие годы, огромного счастья и неиссякаемой энергии. Они нужны вам для новых замечательных успехов в труде на благо нашей любимой Родины».

Нина Сергеевна прочитала это трогательное послание и подумала:

– Сколько теплых слов в этом письме! А я и не подозревала, что во мне столько множество замечательных качеств, необходимых любому руководителю. Не зря говорят: сверху виднее. Но ведь и вверху бывают черствые, самовлюбленные люди, которые могут и оскорбить трудолюбивого, но молчаливого труженика. А тут столько оценок, эпитетов. Взять хотя бы это: «пусть же долго и молодо бьется ваше горячее сердце энтузиаста». Но ведь мне через два-три года нужно уходить на пенсию, к тому же и внуков надо поднимать и воспитывать.

И она тоже написала ответное письмо.

В нем она говорила, что ей нужна сейчас работа попроще. Но в судьбу Нины Сергеевны вмешалась фигура покрупнее, чем ее Витебские коллеги: Первый секретарь ЦК компартии Белоруссии – Киселев Тихон Яковлевич. Звонок для Нины был неожиданным. Она подняла трубку телефона и услышала женский голос:

– Нина Сергеевна Сенчуро?

– Да! – ответила Нина.

– Одну секундочку, я сейчас соединю вас с Киселевым Тихоном Яковлевичем.

Киселева назначили на этот пост после гибели Петра Мироновича Машерова, с которым она работала ни один год, и Машеров уважал деловитость и расторопность Нины Сенчуро. Но главное, что Шумилинский район занимал первые места, чаще чем областной Витебск. Несколько знамен за 1 место по районным показателям стояли у нас в кабинете.

Поэтому, когда она услышала голос Киселева, то не сразу ответила на его вопрос, а он спросил:

– Нина Сергеевна, почему вы отказываетесь от партийной работы?

Услышав молчание Киселев переформатировал вопрос:

– Если вы не хотите работать на партийной линии, можете поработать у нас в Минске. У нас свободная вакансия в отделе наград. Тем более у вас три правительственные награды. И вы знаете, по каким критериям

награждаются орденоносцы.

Пока Киселев предлагал ее по телефону разные варианты продолжения партийной карьеры, Нина Сергеевна перевела дух и сказала:

– Тихон Яковлевич, у нас в областном комитете партии 10 человек и девять – мужчины, и только одна женщина – это я. Так пусть же руководят мужчины.

– А разве вы руководили хуже, чем мужчины? – спросил Киселев, а Нина Сергеевна ответила:

– Я просто устала. Понимаете, что просто устала. До пенсии буду работать на любой должности.

Теперь паузу сделал Киселев, а потом произнес:

– Я не совсем понимаю ваш категорический отказ. Поэтому предлагаю вам подумать, дня два-три…

Нина держала трубку около уха, пока не услышала гудки отбоя.

Через минуту ей позвонил Шабашов Сергей Михайлович и спросил:

– На чем закончился ваш разговор с моим начальством?

– Отказалась переезжать в Минск, он дал мне пару тройку дней подумать. Хотя я объяснила ему про свою физическую усталость.

– Возможно вы поступили как всегда твердо и решительно, сославшись на усталость, но вы и в Витебске не ударите в грязь лицом. Ваша материнская забота о единственном сыне Юрии Ивановиче и его жены Татьяны мне понятна. А работу мы вам подыщем и в Витебске: была бы шея, а хомут найдется. Для вас могу предложить работу в профсоюзе. Там хватает тоже хлопот и забот.

– В этом я не сомневаюсь и буду работать добросовестно, честно, как всегда, на любом посту, – сказала Нина. – Не место красит человека, а человек место. И благодарю вас за это предложение. Работа в профсоюзе тоже работа с людьми. Я согласна работать на этой должности.

– Вот и хорошо, Нина Сергеевна, завтра принимайтесь с новой силой за работу в профсоюзе.

Сергей Шабашов сдержал свое слово и Нину Сергеевну назначили заместителем Президиума областного Витебского Совета. Она возглавила в Совете идеологический отдел.

И первая туристическая поездка трудящихся Белоруссии пришлась для Нины Сенчуро…за рубеж. Да не только в какую-то демократическую страну, например, Болгарию. Про нее даже среди туристов Советского Союза ироническая поговорка возникла: «Курица не птица, Болгария не заграница».

Куда там, Нине Сергеевне предложили совершить поездку вокруг Европы, но не по городам и селам на железнодорожном транспорте или автомобильном комфортабельном автобусе. Бери выше, для поездки за рубеж

Москва выделили круизный современный трехпалубный лайнер, который был пришвартован в союзной Республике Латвия, в ее столице Рига. Название лайнера было броское: «Шота Руставелли».

Нина, узнав о названии лайнера вспомнила, что поэт Грузии, Шота Руставелли, в одном из своих стихотворений сказал фразу, которая как поговорка, прижилась во многих странах мира: «Каждый мнит себя стратегом, вида бой со стороны».

Путевки туристы получили из всех четырнадцати Советских Республик на сорок человек из каждой из них. Пятнадцатая группа на «Шота Руставелли» была сформирована из Москвы. «Москвичи хорошие люди, но их испортил квартирный вопрос» - сказал Булгаковский Воланд в романе Михаила Афанасьевича «Мастер и Маргарита». Вот Москвичи особняком и сформировали свою группу.

В Риге руководителей всех 15 групп собрали не на пароходе, а в министерском кабинете. Там рассказывали руководителям о правилах поведения советских граждан за границей. А чтобы наши туристы не бросились покупать в каком-нибудь иностранном порту модные шмотки, им разрешалось поменять наши рубли на…десять долларов.

Но Нина Сергеевна всегда была одета как с иголочки и по современной моде. А потому и доллары ей были не особенно и нужны, да и питание на лайнере было отменное.

Первой страной для туристов была Дания. И после совещания в Риге Нина увидела впервые лайнер «Шота Руставелли». Взглянув на него у нее закрутился в голове мотив и слова одной популярной песенки: «Пароход белый, беленький, черный дым под трубой. Мы на палубе бегали, целовались с тобой».

Разумеется, что Нина Сергеевна, взойдя на океанский лайнер на второй этаж с комфортабельными каютами для членов ее белорусской делегации, не бросилась бегать по этой палубе, а тем более целоваться со своими знакомыми, но каюту ей выделили двухместную. На «Шота Руставелли» все комнаты были двухместными в расчете на размещение супружеских пар. А потому, что супружеских пар на лайнере было немного, то размещали в каютах двух женщин или двух мужчин. Соседка Нины Сергеевны была знакома ей по Витебску, а потому можно было поговорить о своем городе.

Дания – небольшая страна, но когда-то она была Королевством. И английский поэт и драматург Вильям Шекспир перенес в Датское королевство в своей трагедии – принца Гамлета, которого блестяще сыграл Владимир Высоцкий, который с таким страстным голосом, с надрывом, выкрикивал на сцене: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!».

Балтийское море омывает берега Дании, но туристическая волна в более чем шестьсот человек, не смыла ее жителей с территории небольшой

страны.

Туристы и не пошли осматривать такой толпой достопримечательности Дании. На каждую группу туристов родных республик Советского Союза полагался переводчик, он же и гид, который вел экскурсию по назначенному свыше маршруту.

Нина Сергеевна посетила со своей группой Копенгаген – столицу Дании. Именно в нем, когда проводился конгресс под руководством Розы Люксембург и Клары Цеткин, там и родился для всего мира – Международный женский день – 8 Марта.

Рассказала гид и о спортивных успехах футболистов Дании. Оказывается, футбольная сборная Датчан добиралась в отборочных турах до четверти финала. И это в такой небольшой стране, как Дания. Великолепный результат!

Радовали глаз туристов и старинные в готическом стиле здания Копенгагена. Много гид рассказала о великом сказочнике, широко известном во всем мире, Гансе Христиане Андерсоне. Это он написал сказку о снежной королеве и о стойком оловянном солдатике.

Но когда туристы зашли в мясной магазин, он был одноэтажным, но таким длинным и широким, как футбольное поле у датских спортсменов, то у многих туристов слюнки потекли.

Нину Сергеевну поразило обилие свиных окороков, они были копченные, соленые, проперченные, со шкуркой и без. А фарша разных сортов на прилавках глазом не окинешь.

В завершении осмотрели белорусские туристы Андорскую «Русалочку». Миловидная девушка с грустной улыбкой скорбит о своем юноше, в которого была влюблена. Но ей судьба не позволила соединиться со своим принцем.

Впечатления были у туристов тоже сказочными. Первая страна круиза вокруг Европы не стала, как говорится первым блином, который всегда не пропеченный, а значит и не вкусный. Но Дания запомнилась Нине Сергеевне как самая процветающая и гостеприимная страна.

В Великобритании, в этом королевстве, где до сих пор правит королева Елизавета вторая, Нина Сергеевна должна была выступить с докладом: «Белоруссия в борьбе за мир!»

При выступлении Нины Сенчуро присутствовал премьер-министр – Маргарет Тэтчер. Она рассказала как годы Второй Мировой войны граждане Белоруссии самоотверженно сражались не только в рядах Красной Армии, но и уходили в лес в партизаны и взрывали гитлеровские эшелоны с военной техникой и с живой силой под девизом: «Смерть немецким оккупантам!»

Рассказала англичанам Нина, что в борьбе с фашистами Беларусь по-

теряла четверть населения. Спустя несколько лет статистика показала еще более страшную цифру. Погибло в Великой Отечественной войне треть населения Белоруссии. Хатынь, которая была сожжена дотла, где в домах были женщины и дети, показала звериный оскал захватчиков.

Но не только с Маргарет Тэтчер познакомилась Нина Сергеевна. Она увидела Трафальгарскую площадь и башню с часами – Биг-Бен. Посмотрела и дворец Елизаветы второй, окруженный цветочными клумбами, кустами.

В этом парке летали мощные черные вороны. Это были не просто птицы, а вещие вороны, предсказывающие судьбу людям. Нина понимала, что это легенда, но в этих птиц верили многие туристы.

Дворец Королевы охраняли два гвардейца в высоких черных мохнатых шапках, в красных кафтанах и темных брюках, заправленных в сапоги. Но старомодность этого города посетителей не смущала. Наоборот добавляла колорит древнему обычаю Королевского караула.

Когда Нине Сергеевне задали вопрос о мемориальных комплексах в Советском Союзе, то она рассказала слушателям о Кургане боевой славы под Сталинградом, теперь переименованный Никитой Хрущевым – Волгоградом. На вершине которого возвышается скульптура женщины, поднявшей над головой меч. И именно у подножия этого кургана Нина Сергеевна и заложила белорусскую традицию создать книгу с кротким названием «Память». В этой книге Нина Сенчуро предлагала записать все фамилии, имена и отчества воинов, которые погибли в Великую Отечественную войну, защищая свою Родину. Слушатели одобрили идею Нины Сергеевны. Теперь в каждом районе, в каждой области Беларуси, есть своя книга «Память».

Запомнила Нина и прощальный вечер, а в Англии он был теплым и уютным. В Португалии ей запомнилась стрижка овец пастухами. Стадо овец пасется в поле, пощипывая травку, а потом их поочередно загоняют в загон, а там стригут, освобождая от густой шерсти.

Овечки, постриженные как в армии, новобранцы выбегают из загона с радостным блеянием: ме-е-е да ме-е-е!

Зато Нину поразили португальцы своими изделиями из шерсти овец. Вязанные шарфики, платки с разноцветными узорами пленили своим изяществом. Рассказал туристам гид и про открытие Колумбом Америки в 1492 году. Напомнил он и о том, что первым капитаном, ступившем на американскую землю был Америго Вискуччи, итальянец. Но историки почему-то остановились на имени другого капитана – Колумб открыл Америку.

В Испанию «Шота Руставелли» шел недолго. Она же граничит с Португалией. Однажды, писатель Аксенов написал повесть «Апельсины из Марокко». Но зачем европейцам ехать в Африку, где бродят гориллы и мо-

гут только укусить туристов большие крокодилы? Когда Испанский апельсиновый рай рядом с Португалией! И вот Нина Сергеевна со своими подопечными вдоволь полакомилась фруктами. И апельсинами и мандаринами. Туристы вспоминали, как перед Великой Отечественной войной в Испании разразилась в 1936 году гражданская война. Республику Хунта пыталась превратить в тоталитарное государство. Из Советского Союза да из многих демократических стран поехали добровольцы: летчики, танкисты, чтобы помочь испанским патриотам. Поднятый вверх кулак правой руки и фраза «Но пасаран!», то есть в переводе с испанского языка на русский: «Они не пройдут». Символизировал объединение антифашистов.

Но история непредсказуема, тогда фашисты смогли подавить испанских патриотов, а потом и вовсе развязали Вторую Мировую войну вместо гитлеровскими молодчиками и с итальянским фашистским лидеров – Дуче Муссолини, то есть вождем.

Теперь в Испании растут фрукты. Кроме апельсин и мандарин есть в этой стране и лимоны. Хотя в гражданскую войну в Испании были у русских добровольцев ручные гранаты, которые называли «лимонками», но эти «лимонки» никакого отношения не имеют к испанским фруктам.

Время не хватило туристам с «Шота Руставелли» посмотреть Испанскую корриду – бой тореадора с быком, которого тореадор дразнит красной тряпкой, а публика поддерживает смельчака: «Тореадор, смелее в бой!»

Не посмотрели туристы и знаменитую оперу «Кармен», но и без этих событий программа экскурсий в Испании была насыщенной.

А лайнер «Шота Руставелли» уже взял курс в другую сторону, которая называлась Франция. Это и Елисейское поле и, разумеется, Эйфелева башня. Любой турист стремится подняться на Эйфелеву башню, чтобы посмотреть на Париж с высоты птичьего полета. Нина Сергеевна так же направилась с экскурсией на эту парижскую достопримечательность. Ощущение необыкновенное.

Нине казалось, что у нее кружится голова, а на самом деле амплитуда колебания Эйфелевой башни и вызывала некое «опьянение». Как будто Нина Сергеевна делает на одной ноге, как балерина из Мариинского театра на сцене, несколько пируэтов, вращаясь с нарастающей скоростью.

Но, посмотрев на лица своих знакомых, поняла, что не только она испытывает невесомость, как космонавт в кабине ракеты, вырвавшись из земного притяжения, успокоилась.

Нина вспомнила, что в детстве после войны был такой аттракцион в городском парке. Там на самом деле был подвешен небольшой самолетик с двумя креслами друг за другом: «пилот», а сзади «штурман». Их владелец аттракциона пристегивал к креслам крепкими ремнями, раскачивал «самолетик» все с большей и с большей амплитудой, а потом эта «ракета» начи-

нала вращаться вокруг горизонтальной оси аттракциона.

И вот в этот «самолетик» сели ей знакомые пареньки. Сделав несколько витков вокруг этой оси, у них закружилась голова. И произошел у «пилотов» такой разговор, от которого у зрителей раздался громкий смех:

– Петька, меня что-то стало тошнить!

А второй «пилот» ему ответил:

– Васек, я тоже посматриваю вокруг и думаю куда бы мне блевануть!

Но на Эйфелевой башне ни у Нины Сергеевны, ни у ее подопечных такого конфуза не случилось. Наоборот, появилась какая-то эйфория: «Эх, ты, ах, ты - все мы космонавты!»

Но Париж не был бы Парижем. Гид предложил прогуляться по набережной Сены, полюбоваться собором Нотр-Дам де Пари.

Вспомнили о писателе Викторе Гюго, который создал уникальный литературный роман «собор Парижской богоматери».

После этого рассказа экскурсовода, Нина вспомнила фильм Леонида Гайдая «Про Шурика и Верзилу», с участием прораба на стройке. Верзила быстро слепил свой обед и лег на доски, сложенные в штабель, отдыхать. Прораб стал «воспитывать» Верзилу, рассказывая ему истории, а он поддакивал прорабу: «Бухти мне, как космические корабли штурмуют большой театр». Но как только прораб сказал о Соборе Парижской богоматери, то Верзила уточнил: «Какой-какой матери?»

Она улыбнулась, а экскурсовод прочел ее мысли и спросил Нину Сергеевну, с обидой в голосе:

– Я рассказываю вашей делегации о трагических событиях в романе Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери», а вы посмеиваетесь надо мною. Это несолидно с вашей стороны.

Нина чуть ли не рассмеялась, но сумела сдержать себя и извинилась:

– Не обижайтесь, пожалуйста, на меня. Я радуюсь тому, как вы хорошо знаете подробности романа Виктора Гюго, а наша делегация с таким вниманием слушают.

Экскурсовод сказал:

– Пардон, мадам, – и засиял такой широкой улыбкой, что Нина Сергеевна испугалась, а вдруг в его рот залетит птичка.

Много было рассказано экскурсоводом и о Наполеоне Бонапарте, не только о войне с Россией, а его просветительской деятельности в Египте.

Услышали гости из Беларуси и о замечательном лидере Франции генерале де Голле. Он возродил былое величие после быстрого взятия Парижа гитлеровскими ссолдатами.

Когда посещение Франции белорусской делегации подходило к концу, Нину Сергеевну вместе со своей группой, пригласили на дружеский ужин. Но подавали не только вкусные блюда, но и играл музыкальный ор-

кестр.

Музыканты играли изумительно. Не хуже, чем в симфоническом оркестре. В такой теплой и дружеской обстановке закончился вояж группы белорусов во Франции.

Лайнер «Шота де Руставелли» продолжил путешествие уже по Средиземному морю в Италии. Итальянский «сапожок» на карте всегда бросается в глаза любому человеку, когда он взглянет на географическую карту.

Нине Сергеевне и ее туристической группе белорусов понравилось больше всего, что их пригласили в Ватикан, сердце католической церкви.

Ватикан - государство в государстве. И как ни странно, но способствовал созданию Ватикана, итальянский диктатор, Бенито Муссолини. Он разрешил владеть католической церкви небольшой территорией, на которой они могли творить молитвы, выполнять церковные обряды.

Как когда-то в Древнем Риме гуси спасли Рим, разбудив задремавших стражников, а они не позволили врагам захватить Рим, так же произошло и с Ватиканом. Дуче Муссолини отвел землю Ватикану чтобы заработать славу набожного человека.

И вот, священнослужители Ватикана пригласили Нину Сергеевну и ее делегацию с чистым сердцем. Не посчитали, что многие в группе были православными людьми, а они католики, а взяли и пригласили белорусов в Ватикан.

И поступили мудро, религий в мире много, а Бог-то – один!

Делегация вошла в храм. К Нине Сергеевне подошел священник и стал рассказывать ее туристической группе о структуре храма:

– Это помещение только для литургии. Видите ходят священники в сутанах, а мальчики в черной униформе. Там ниже несколько этажей, где хранятся иконы и реквизит. И вход туда не для всех.

Экскурсия по Ватикану продолжалась, и Нина Сергеевна оставила вместо себя старшую по группе продолжать изучать структуру Ватикана, а сама вышла на улицу подышать свежим воздухом.

И тут она увидела двух мужчин. Один из них был ей знаком, она видела телепередачу с его участием. Нина еще раз посмотрела на лицо мужчины и подошла к нему чтобы спросить:

– Я правильно узнала вас? Вы Расул Гамзатов, который написал стихотворение для песни: «Летит, летит по небу клин усталый, летит устало, на исходе дня... И в том строю есть промежуток малый – быть может это место для меня!» Меня зовут Нина Сенчуро.

Поэт кивнул головой и продолжил:

– Раз вы, Нина, знаете мои стихи, то давайте сфотографируемся на память. Встаньте посередине с моим другом, а наш фотограф, он всегда наготове, запечатлит нас для истории.

Нина Сергеевна встала между Гамзатовым и его другом, а фотограф скомандовал:

– Улыбнитесь! – и несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата.

Нина долго смотрела на Расула Гамзатова, который выбрал себе место в журавлином клине заранее и вспомнила как ей кто-то рассказал о ее создании. Ведь Гамзатов стихи писал на родном национальном языке, а стихи на русский язык переводил тоже поэт и друг Расула.

И, однажды, переводчик сказал, как родилась эта замечательная песня:

– Мы сидели осенью с Расулом в его саду и увидели в небе летящий клин журавлей. Он сказал мне: Посмотри, дружище, на этот калин, мне кажется это летят в небе души наших джигитов. Этот образ потряс меня и я стал писать: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей».

Нина, услышав эту легенду, понимала, что переводчик рассказывал эту басню для хохмы. На самом деле, она-то это хорошо знала, что союз поэта и переводчика, занимался трудной и кропотливой работой.

Они выбирали тему, предлагали несколько вариантов стихотворения, а когда Расул Гамзатов выбирал самый удачный и уникальный из них, то передавали этот стих композитору.

И вот это трио талантливых людей и выдавало на года – песню!

Остыв от впечатлений, Нина Сергеевна, опять вспомнила об итальянце Дуче Муссолини.

Когда диктатор понял, что его союзник Гитлер недоволен действиями итальянских фашистов, то решил, как говорят бандиты, вовремя смыться и концы в воду!

Муссолини со своими преданными охранниками укрылся где-то в горах, опасаясь гнева Гитлера. В Италии нарастало возмущение народа. И Гитлер поручил Отто Скорцене , боевику из 30-х годов, когда фашисты захватили власть в Германии, разыскать беглеца и уничтожить Дуче.

Отто Скорцене и раньше выполнял очень замысловатые поручения Адльфа, но на этот раз задание для Скорцене было очень трудное. Нельзя было бомбить бункер с воздуха. Муссолини должен быть схвачен живьем. А как подобраться на холм в горах? Ведь, наверняка, бункер Муссолини находится глубоко под землей. Парашютистов расстреляют в упор.

И Скорцене придумал хитроумный план. Он со своими словорезами, которым приказано взять Муссолини только живым, подцепил за самолет пленер. Приближаясь к цели летчик самолета отцепил пленер Скорцене, а его умелый пилот, спланировал бесшумно со своим летательным аппаратом прямо около бункера. Охрана Муссолини была уничтожена мгновенно. Она

была захвачена врасплох. А для того, чтобы взять в плен трясущегося от страха диктатора, хватило для боевиков несколько секунд…

Его обыскали: нет ли ампулы яда в воротничке черной рубашки. Ведь итальянцы-фашисты носили черные рубашки, а гитлеровцы носили коричневую форму. Потому от этого цвета и пошла витать поговорка: «коричневая чума».

Яда не нашли и Скорцене доставил Муссолини инкогнито в Рим. Вот там его же соотечественники, итальянцы, и повесили Муссолини. Но не петлей за шею, а обвязали веревкой ноги и повесили вниз головой. Как в загадке о морковке: «Растет она вниз головой, не летом растет, а зимою, но солнце ее припечет, окрепнет она и…взойдет».

Но Муссолини не позволили взойти. От кровоизлияния в голову Муссолини, подергиваясь на веревке, быстро умер.

Нина Сергеевна узнала про этот эпизод о Муссолини из книги писателя Юлиана Семенова «По следам человека со шрамом». Писатель Юлиан Семенов сумел каким-то образом, негласно, встретиться с Отто Скорцене и уговорить его рассказать об взятии в плен им Муссолини.

Скорцене согласился дать интервью при условии, что писатель издаст книгу об операции имени Муссолини и его казни, только после смерти Отто.

Юлиан Семенов дал Скорцене честное слово, что выполнит его наказ. И слово свое писатель сдержал. Шрам на лице Отто Скорцене получил еще в юности. Молодые фашисты устраивали дуэли на ножах чтобы показать свое бесстрашие перед судьбой.

Поэтому шрамы на лице были для боевиков отметиной мужества.

В это время из здания Ватикана стали выходить туристы из группы Нины Сергеевны. Оставался последний пункт – Турция.

Лайнер «Шота Руставелли» принял белорусскую делегацию на борт и направился в Турцию.

И вдруг, Нина Сенчуро услышала слова популярной песни:

«Летят перелетные птицы,
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А мы остаемся с тобой.
А мы остаемся с тобою,
Родная моя сторона,
Не нужен нам берег Турецкий,
И Африка мне не нужна.»

Нина подумала:

– В песне рифма чередуется только во второй и в четвертой строке, а

первая и третья строчка не рифмуется. Но какой задор, патриотизм звучит в этой песне. Белорусы поют так весело, что любому слушателю хочется влиться в этот хор, подхватив мотив, подпевать.

И хотя туристы и пели, что им не нужен турецкий берег, но «Шота Руставелли» упрямо шел в Турцию.

Экскурсия группы Нины Сергеевны высадилась на берег и на таможне ей предложили выложить все что лежало в сумочках, карманах, на стол.

Таможенник сложил по порядку «добро» каждого туриста, в том числе паспорта и фотоаппараты.

Фотографии в паспортах внимательно изучались, сравнивались оригиналом, а потом возвращал документы владельцу паспорта. А вот фотоаппараты турецкие таможенники туристам группы Нины Сенчуро не отдали.

На ее вопрос:

– Почему же у нас забрали фотоаппараты?

Таможенник с непроницаемым лицом вежливо, но строго произнес:

– Мне дано такое указание: фотоаппараты получите после экскурсии. Ясно?

Нина вздохнула:

– Ясно, но не совсем. Во всех странах мы фотографировали достопримечательности: дворцы, памятники, улицы, парки, колоны и реки, а в Турции фотографировать нельзя?

Таможенник опять заявил Нине:

– Фотоаппараты получите после экскурсии.

Нина поняла, что у нее разговор слепого с глухим и, махнув рукой, сказала туристам:

– Вы слышали мой разговор и понимаете, что придется вам сегодня обойтись без фотосессии.

Поразило туристов, когда они пришли на турецкий базар не только сладости, сочные фрукты: яблоки, апельсины, виноград, но и длиннющий ряд столов в золотыми цепочками, украшениями, часами. При этом изобилии золотых предметов, цена на золотые украшения была довольно не высокая.

Нина Сергеевна считала, что она в Турции даже занижена, чем в странах где она уже побывала.

Ее группа туристов воспользовалась этой дешевизной и сделала не мало покупок. Многие и них покупали обручальные кольца. Может быть золото у турок и «самоварное», но лучшего подарка совим друзьям и хорошим знакомым, не придумаешь.

А Нине Сергеевне вспомнился инцидент в Великобритании. Ее группа туристов зашли в магазин распродажи драгоценных изделий, вещей, обуви.

Магазин был без продавца, но на прилавке около каждой безделушки стояла цена этого предмета и возле покупки.

Одна женщина из Латвии, не из Нининой группы, прошлась вдоль прилавков магазина самообслуживания и увидела две дешевенькие брошки. Притом они были такие миленькие и красивенькие, что ласкали глаз, и вот, Лайма, не Вайкуле, а с другой фамилией, захотела приобрести эти понравившиеся ее брошки.

Она посмотрела вокруг и не увидела ни одного продавца. И бес попутал ее. Лайма не положила в коробочку ни одного фунта стерлинга, а красивые брошки запихала в сумочку для косметики.

Наивная женщина. В ее Латвии не был магазинов самообслуживания как в столице Великобритании – Лондоне. А там были установлены телекамеры. На выходе Лайму остановил полисмен, заставил открыть ее сумочку и обнаружил кражу. Хоть кража была и мелкая, но закон нарушила.

Латышская группа туристов готовы были заплатить за Лайму. Они говорили, что у Лаймы на Родине две дочки – школьницы, что она хотела сделать подарок своим детям, но полисмен стоял на своем. Как говорил Высоцкий в фильме «Место встречи изменить нельзя»: «вор должен сидеть в тюрьме».

Латвийская делегация зашла в свое посольство в Лондоне и просила пощадить Лайму, не вести ее в полицейский участок, а заплатить за нее стоимость двух брошек, будь они не ладны. Лндонские власти были глухи и просьбы Латышей отлетали от них как от стенки горох

В итоге лайнер «Шота Руставелли» простоял в порту Великобритании, пока посольство Латвии выпрашивало у полиции Лондона освободить Лайму, целые сутки.

В Турции золото никто не воровал, а вот когда подошел срок отчаливать лайнеру «Шота Руставелли» получился казус. Все вещи, которые остались на турецкой таможне выдали группе Нины Сергеевны в целости и сохранности, отдали и фотоаппараты. Но когда белорусские граждане в каюте парохода «Шота Руставелли» решили проявить свои фотоснимки во всех семи странах круиза, то…оказалось, что вся фотопленка….засвечена. Вот такой «подарок» получили белорусы от турецких подданных. Как известно, что и Великий комбинатор Остап Бендер, считал себя турецким подданным. И знал Остап Ибрагимович, Бендер-бей четыреста способов обмана лопоухих граждан, а про четыреста первый способ, турецкий подданный ни слухом, ни духом.

Но вскоре, «Шота Руставелли» отчалил от турецкого берега и оказался на другом берегу Черного моря, в порту Одессы.

Можно было бы привести очень много каламбуров, шуток, розыгрышей, какие любят Одесситы, но Нине Сергеевне было не до шуток. Нина

постаралась разместить в поезде Одесса-Витебск своих подчиненных.

Заграничные поездки были и раньше, поэтому сказать, что Нина Сергеевн впервые выбралась за рубеж и впервые приехала за границу нельзя. Когда она была первым секретарем в Шумилино, то Нина с группой Шумилинских жителей по туристической путевке посетили Германскую Демократическую Республику. Если кратко, то ГДР.

Германия была разделена после окончания Великой Отечественной войны Сталиным, Черчелем и Рузвельтом на ФРГ и ГДР. На Западную: Федеративная Республика Германия и ГДР.

Встреча на Эльбе бойцов Советской Армии солдат-американцев оказалась символической. На мосту через пограничную реку они обнимались, обменивались сувенирами и…пели. Как не вспомнить крылатую фразу из песни: «Пели негры русскую Катюшу, ту, что Исаковский написал».

Нина Сергеевна, услышав эту фразу, подумала:

– А теперь скажи-ка чернокожему африканцу это пренебрежительное, унизительное слово «негр», ведь шапками его забросают.

Но тогда слово «негр» не было пренебрежительно. Ведь он же служил в армии США, а там дискриминация чернокожих была нормой. В трамваях и автобусах белые американцы сидели в креслах отдельно, а чернокожие сидели только под надписями «место для черных».

Но в восточном Берлине экскурсовод провел туристов группы Нины Сергеевны в первую очередь к памятнику Советского солдата, державшего на руках спасенную немецкую девочку.

Русскую и белорусскую делегации в первую очередь, приехавших в ГДР туристов, приводили к этому монументу.

После по Эльбе на прогулочных катерах немецкий экскурсовод, который прекрасно говорил на русском, почти все «гэдээровские» немцы хорошо говорили по-русски, рассказывал замечательные истории на водном маршруте.

Посетили белорусские туристы Нины Сергеевны и знаменитую Дрезденскую картинную галерею. Все картины из Дрезденской галереи были по законам Конституции сданы в Эрмитаж Ленинграда или же в музеи Москвы. Но затем Советское правительство, сделав жест доброй воли, вернула шедевры мировых живописцев опять в картинную галерею Дрездена.

А наши туристы с Ниной Сергеевной услышали историю под названием: «Сегодня ночью погибнет город». За день до взятия Дрездена в кольцо Советскими войсками гитлеровцы отступили, не желая излишних жертв, а самолеты бомбардировщики американцев и англичан нанесли мощный бомбовый удар по «освободившемуся» городу Дрезден. Казалось, что жилые квартиры с кирпичными зданиями, домами запылали как костры,

где языки пламя лизали нестареющие стены, а в разрушенных квартирах ярко горела мебель, полы, что англичанам и американским пилотам были не нужны ни радиосигналы с координатами объектов, ни осветительные бомбы. Город был виден для стервятников прекрасно.

Перед отъездом из восточной части Берлина группу Нины Сергеевны пригласили на прощальный ужин в ресторан куда были приглашены и немецкие товарищи.

Рядом с Ниной Сергеевной оказался и штурман-капитан с прогулочного катера, пожилой мужчина еще на катере рассказал о своей печальной истории. Он заявил ей:

– Мои два сына были в войну совсем мальчишками и оба погибли. Один под Сталинградом, а второй в самом центре Берлина.

На столах ресторана стояли вазы в которых были разложены, сваренные вкрутую, куриные яйца и аккуратно разрезанный пополам и больше ничего из закуски не было.

– Аккуратисты! – с восхищением подумала Нина и тут же, вздохнув, поняла, - но немного скуповато…

Рядом с вазами с закуской стоял и откупоренные бутылки с вином. Нина пригубила и одобрила:

– Легкое, ароматное и вкусное вино.

Одному немцу тамаде предоставили слово. Сосед Нины, у которого погибли в войне два сына попросил Нину Сергеевну:

– Запретите ему произносить речь. Он летчик и бомбил ваших соотечественников, убивал мирных жителей. А теперь этот убийца вдруг стал миротворцем.

Нина выполнила просьбу капитана-штурмана прогулочного катера.

А перед прощальным ужином группу туристов Нины Сергеевны пригласили на экскурсию в немецкий концлагерь «Освенцим». На воротах которого была подпись: «Каждому свое».

Экскурсовод рассказал историю от которой кровь застыла в жилах. В крематорий концлагеря заводили группу женщин будто в баню помыться. Они раздевались до гола и шли в другое помещение из которого вниз уходила лестница. Как только нога жертвы ступала на металлическую плиту, створки этой плиты раздвигались и женщина, не успев даже вскрикнуть, проваливалась в гиену огненную, в пылающую печь крематория. Ни стона, ни звука и, спускающиеся по лестнице женщины, шли думая, что они смоют со своего тела пот и грязь.

Пепел из печей крематория погружали в кузов грузовых автомобилей и увозили вместо удобрения на поле для сельского хозяйства.

Как говорил Тиль Уленшпигель: «Пепел клааса стучит в мое сердце» – также застучалось сердце Нины Сергеевны, когда она услышала эту

трагическую историю.

Спустя какое-то время Нина прочитала книгу немецкого писателя Дитера Нолля «Мост», как обыкновенные немецкие ребята, которым было чуть больше шестнадцати лет, получили в самом конце войны с Советским Союзом задание – защищать мост второстепенного значения, через который могли пойти пехотинцы, а могли и прогрохотать танки. Такие прославившиеся во время Великой Отечественной войны «Тридцать четверки». Трагическая развязка для этих несовершеннолетних мальчишек была предрешена. И когда Нинин сын, Юрий, дал почитать книгу Дитера Нолля «Киппенберг», то она поняла как многогранен талант этого талантливого писателя.

Потом Нина поняла разницу в книгах Нолля. «Мост», он написал сразу после окончания войны в конце сороковых годов, а роман «Киппенберг» был написан в конце шестидесятых. То есть, двадцать лет после войны, во время мира.

Поэтому Нине Сергеевне и крутится один эпизод из книги «Коппенберг» с удовольствием:

«Уже тогда было деформировано мое отношение к Босскову. Поначалу мы оба представляли несокрушимую упряжку. Но вскоре я рассказал основную его слабость. Да Боссков разрушал любую преграду. Он ощущал противника, но не мог его ухватить: если навалится со всей своей тяжестью, то сто килограмм веса рухнут в пустоту. Босскову требовался на ринге открытый противник. Бой с тенями его не устраивал.

Итак, Боссков плюхнулся в кресло. Едва я сказал, что письмо из Тюрингии провалялось у Кортнера с понедельника, Боссков так и взвился:

– Хотел бы я знать, когда будет конец этому разгильдяйству.

Я протянул письмо через стол и сказал:

– У разгильдяйства всегда есть свои принципы. Наш друг Кортнер малость помариновал письмо у себя, решил все само образуется и сможет «омыть в невинности руки свои».

– А вы… – начал было Боссков, но я перебил его!

– Что значит – «Я»? Вы каждый раз предоставляете именно мне расхлебывать конец. Мне пришлось пригрозить вашей Красной Шапочке, злым партийным волкам.

Тут зазвонил телефон и Боссков, не вставая, потянулся к нему, снял трубку, послушал и сказал: «Ну тогда все в порядке», положил трубку на рычаг».

Вот так, а несколько минут чтения произведений Дитера Нолля, Нина Сергеевна поняла, что не только в ГДР литература Великой Германии остается на высоте. А народ этой страны, разделенный на две половины, когда-то осознает свою целостность и соединится снова в одну мощную

страну.

И это, кстати, вскоре и произошло. Словно, Нине, кто-то на ушко прошептал это решение свыше. А Нина Сергеевна вспомнила и о фундаменте немецкой литературы:

– Поэт Гете, заполнил его в своей поэзии.

Работая еще в Шумилино, Нину Сергеевну попросили возглавить туристическую группу из передовиков сельского хозяйства в Витебской области.

Люди славно поработали и имели прав по туристической путевке выехать за рубеж в страны демократии. В группе Нины было сорок человек. Тридцать девять человек туристов и сороковая – она, Сенчуро Нина, руководитель этой группы, которая направлялась в экзотическую страну – Индию. После Китая она была тоже густонаселенной страной.

В то время зарплата у отличных работников была около трехсот рублей, а стоимость путевки в Индию – около тысячи рублей, но желание посетить сказочную страну, в которой никто не знает что такое холода, а тем более зимние морозы, притягивала туристов как магнит. Три месяца работы и путевка в Индию, у желающих посетить ее, на руках. Гуляй в свое удовольствие в природном раю: горячее солнце, пышная растительность, слоны и обезьяны. Вот такие они жаркие страны.

И когда группа Нины Сергеевны собиралась из Беларуси сесть в Москве на самолет и лететь в Дели, столицу Индии, была погода как в стихотворении Некрасова «Однажды в студеную, зимнюю пору, я из леса вышел: был сильный мороз…»

Морозы после новогодних праздников были и в самом деле лютыми и трескучими. Как и полагается Крещенским морозам. Поэтому Нина Сергеевна оделась в меховую элегантную шубу с воротничком: и тепло и модно. На голову она приобрела кубаночку с красивой опушкой из такого же мехового материала что и шуба.

– Руководительница из Советского Союза должна выглядеть элегантно и достойно, – решила Нина, – выбирая себе одежду.

Так же поступили и туристы из ее группы.

Посадка в самолет в Московском аэропорту происходила под полночь. Места были забронированы заблаговременно и лайнер взмыл в небеса минута в минуту.

Нина вспомнила рекламный плакат у входа в аэропорт Шереметьево: «Летайте самолетами аэрофлота». А на этом плакате, кроме надписи, была фотография красивой девушки в строгом костюме темно-синего цвета и в такой же пилотке

К хорошо и изящно одетым пассажирам подбежали фарцовщики и предлагали, в том числе и Нине:

– Можете обменять ваши доллары на наши Советские рубли. Такого отличного курса обмена вы нигде в Москве не найдете.

Нина, усмехнувшись, сказала:

– Мне, молодые люди, доллары не нужны. Если бы у вас были индийские рупии, то может быть и купила бы. Хотя покупать доллары с рук опасно. Они могут оказаться фальшивыми. Поэтому «аривидерчи»!

Грустно ухмыльнувшись, фарцовщики быстренько слиняли. Засветиться в аэропорту им не хотелось. Можно и на тюремные нары попасть.

После проверки документов группа Нины Сергеевны подошла к трапу самолета и их встретила стюардесса, как принцесса, прекрасная, как наш аэрофлот. Сели в кресла, пристегнули ремни перед взлетом и авиалайнер взмыл в облака.

Никто из группы Нины Сергеевны не смогли заснуть. И мужчина, и женщины говорили тихо, шепотом чтобы ненароком разбудить соседей, но соседи и сами дрожали в нетерпении, как перед стартом космонавта, которые отрываясь от земли не могли не удивляться космическому пространству, а оглядывали из космоса нашу планету под названием – Земля!

Но из иллюминатора туристы и сама Нина Сергеевна разглядеть землю не могли, звезды мерцали в иллюминаторах, а вот густые облака внизу под летящим самолетом, казались какими-то заснеженными сугробами-равнинами.

В аэропорту Дели, лайнер приземлился и белорусские гости спустились по трапу самолета на индийскую землю, на ходу снимая с головы платки, шапки, расстегивали пуговицы на верхней одежде.

Контраст климата в Москве и Дели был н менее 50 градусов по Цельсию.

Но зато индийские хозяева встретили белорусов с букетами цветов. Каждому из 39 туристов вручили по одному букету, а Нине Сергеевне, как руководителю этой делегации, вручили целую охапку разноцветных цветов.

Такого огромного и радостного гостеприимства в аэропорту никто из туристов не ожидал, а потому многие громко восхищались, а другие более эмоциональные, доставали носовые платки и промокали им слезы. Слезы радости и восхищения от такого теплого приема индусов.

Представитель принимающей стороны с тюрбаном на голове и в светлых брюках и такого же цвета френча, видимо какой ответственный за прием гостей, подошел к Нине Сергеевна переводчиком и сказал, а переводчик перевел ей:

– Вы идите все в комнату гостиницы, где можете снять зимнюю одежду и остаться в легком летнем наряде. У нас в Дели в зимней одежде будет жарковато. Вы повесьте зимнюю одежду на вешалки, а комнату закром на

замок. Ключ от нее мы передадим вам.

Сначала в раздевалку зашли женщины, а потом уже мужчины.

Как только переодевание закончилось, белорусских туристов пригласили в гостиницу в центре Дели на завтрак. Номера в гостинице были на третьем этаже. Номера двухместные и в них разместили в каждом или по две женщины или по два мужчины в каждом номере.

Нине, как руководителю туристической группы, выделили один, но только лично для нее. Кровать для Нины Сергеевны стояла посередине комнаты, в номере была душевая кабина и санузел. А кровать была затянута от комаров и москитов прозрачной, но прочной тканью с мелкими, с иголку, отверстиями, чтобы не было душно.

Вся группа зашла в ресторан и расселась за столом. На каждого туриста стояла массивное, удобное кресло. Когда белорусы расселись в них, то индус с челном на голове стал за Нининым столом, как б охраняя руководителя. На всякий случай. На столе стояли закуски в вазах, но не как в восточном Берлине – одни половинки яиц, а с разнообразным кушаньем. И каждый турист мог наложить себе в тарелку любое кушанье. Притом в таком количестве, как говорят на Руси святой, от пуза!

Удивилась Нина, что индус стоит сзади за ее креслом и…молчит. Она сначала подумала, что в древности султаны вырывали у своих дворянах слуг языки с корнем, чтобы их подданные не смогли нечаянно проболтаться и выдать секреты господина его врагам. Но тут подошел переводчик и сказал:

– Дорогие гости, все ваши пожелания вы моете передать мне, а я их озвучу моему господину. А он постарается выполнить вашу просьбу.

Посыпались вопросы к господину, а он в короткий промежуток времени ответил быстро, скупо, точно.

Нина Сергеевна, позавтракав, разрешила своим подопечным после длинной дороги отдохнуть да и поспать немного. После мучительного, утомительного перелета сама же, подремав чуть-чуть, решила погулять по улице. Недалеко уйти по незнакомому городу не боялась. Ведь заблудиться в чужом городе, а тем более и стране, пара пустяков. Ведь она уже увидела не только красоту Дели, блеск ресторана и шикарные номера гостиницы, а испытала в аэропорту, когда х лайнер приземлился по расписанию, психологический удар.

Да их встретили в аэропорту Дели с цветами, но она краем глаза увидела индийскую девочку лет пяти-семи. Она была без одежды, но не нагая. Вместо одежды эта малютка натянула на себя мешок. Да-да, обыкновенный мешок. На дне мешка была дыра, в которую девочка просунула голову, а по бокам мешка были прорезаны на высоте ее худеньких плеч еще две дырки. Из них выглядывали рученьки этого ребенка. И, вытянутый вперед, ладо-

шкой правой руки, она просила милостыню.

У Нины Сергеевны, случайно, в кармане дубленки оказалась пачка вафель. Их принесла стюардесса вместе с чашкой кофе. Кофе Нина выпила, а пачку вафель, что добру пропадать, засунула машинально в карман шубки.

Нина протянула пачку этих вафель девочке и она ловко, как маленькая обезьянка, вцепилась в эту пачку. Зажала эту пачку в ладошку и бросилась наутек бежать чтобы ее подружки постарше не отобрали эти злосчастные вафельные печенюшки.

Нина Сергеевна была ошеломлена такой прыткости маленькой девочки и полезла быстренько за носовым платком. Она почувствовала, что непроизвольно по ее щекам потекли слезы.

- Не хватало мне тут перед всей делегацией зареветь белугой, - подумала она, а душа ее все щемила и щемила…

Но возвращаясь в отель той же дорогой, где отдыхали после перелета ее подопечные туристы, она, подавив свои мрачные мысли о девочке-нищенке, открыла второе дыхание и появилась радость.

Она шла по тротуару и видела рядом на газонах клумбы разноцветных цветов: белые, розовые, красные, голубые, синие. Дорожки между клумб чисто подметены, ни одной соринки нет на асфальте.

В обед все повторилось как при завтраке, только еще обильнее: много мяса, рыбы, молока. Нина Сергеевна удивилась, когда перед ней официант поставил какую-то огромную шишку с зелеными листьями на ее верхушке.

Она спросила, указав рукой на эту «шишку» и шутливо произнесла:

– Что это за фрукт?

Официант ответил, а переводчик перевел:

– Вы, Нина Сергеевна, угадали точно: этот фрукт называется – ананас. Возьмите вот тот острый нож и срежьте верхушку ананаса. Потом возьмите эту полиэтиленовую трубочку и опустите ее в этот фрукт и насладитесь очень полезным и ароматным соком. Вы, наверняка, пили фруктовый сок в Витебске, высасывая его из бокала соломинкой. А тут прямо из ананаса вы пьете сок ананаса этой трубочкой.

Нина вспомнила все рекомендации переводчика с наслаждениями и вспомнила стих Владимира Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день свой последний приходит, буржуй».

Сока было внутри ананаса столько много, что Нина Сергеевна, отобедав, вышла в недопитым ананасовым соком на улицу.

К ней подошел какой-то чумазый подросток лет пятнадцати-четырнадцати в одной набедренной повязке и неожиданно вырвал этот уникальный фрукт и рук Нины. Отскочив в сторону с недопитым ее ананасом, он откинул в сторону «соломинку» и выдул залпом остатки сока. Остатки ока-

зались для мальчика очень сладкими. Он одним махом допил ананасовый сок. Расколол сильными руками ананас и стал грызть мякоть внутри это фрукта, чавкая от наслаждения.

Сначала Нина Сергеевна опешила и возмутилась дерзостью паренька, но увидев и услышав, как он громко, шумно пожирает остатки ананаса, забеспокоилась.

– Неужели этот нищий мальчик не понимает, что его голодный желудок не воспримет сразу такую, с позволения сказать, пищу и будет мучиться от рези в животе.

А мальчик, взглянув мельком на Нину Сенчуро, бросился бежать. Видимо у нее был такой взгляд сожаления, что может быть он подумал: тетенька отнимет у него этот вкусный фрукт, который он пожирает вместе с кожурой, и будет есть остатки ананаса сама…

Вечером Нина Сергеевна, изнывая от жары, зашла в свой номер гостиницы. Она сполоснула лицо в туалете и вышла осмотреть номер, как вдруг на стене одиночного номера справа распахнулась дверь и вошел улыбающийся парень. Нина не успела испугаться такому неожиданному визиту этого мужчины в ее номер, ведь он же улыбался и стоял в сторонке, не двигаясь.

– Что ты хочешь, подарка? – спросила она и, взяв в руки флакончик духов, протянула такой подарок.

Неожиданный и незваный гость замотал головой. Мол, мне не нужен этот подарок.

Тогда она предложила в качестве подарка этому молодому стройному и красивому мужчине упаковку душистого мыла. А он опять покачал отрицательного головой.

– Раз нет, так нет, – сказала Нина и показала ему рукой на дверь в которую этот молодой индус вошел, без стука, заявив:

– Вот тебе бог, а вот тебе порог! Ступай себе восвояси.

Парень будто бы поняв, что его выпроваживают из номера, куда он зашел без спроса и без стука, поклонился Нине три раза и, двигаясь спиной к выходу, скрылся с ее глаз.

И тут Нина Сергеевна увидела, что в замочной скважине двери с ее стороны торчит ключ.

– Значит этот парень знал, что потайная дверь была открыта заранее? – удивилась Нина. – Так этот парень предлагал оказать мне интимные услуги? А вдруг в этом одиночном номере есть фотокамера чтобы заснять мои развратные действия с этим индусом?

Она стала осматривать номер, но ничего подозрительного не заметила. Поэтому она сняла с себя всю одежду, включая трусики и бюстгальтер и стала смывать с себя не только пот, а и дневную и ночную усталость,

под тепленькой струей душа. Махровое полотенце было приготовлено для такой процедуры и Нина не досуха вытерлась им.

Распахнув сетку от москитов, Нина зашла в этот прозрачный полог, куда уже точно не залетят комары. И вспомнила одно стихотворение, коротенькое, но очень яркое:

«Человек на спине лежал,
А комар под ухом жужжал,
Донимала мужчину жара,
Раздражал его этот сплин,
Человек…убил комара…
И остался совсем…один!»

Она посмотрела на двуспальную широченную кровать, что в длину, что в ширину, легла на спину посередине этой опочивальни, а кровать даже не скрипнула, зато утонула в объятиях перины.

И…вдруг Нина Сергеевна взглянула на потолок. А на потолке она увидела такую эротическую картину, где лежит распростертая, обнаженная, стройная женщина. Одной рукой эта красавица коснулась своей пышной груди с левой стороны и ладошка лежит рядом с розовыми сосочками. Ладонь правой руки касается края широкого бедра, а между раскинутых нот, ничем не прикрытых, ярко сияет райское интимное гнездышко.

– Вот это картина! – восхищенно и громко произнесла Нина Сергеевна. – Какой же знаменитый живописец написал этот шедевр? А лицо-то этой прекрасной женщины напоминает мое.

Тут Нина от восхищения взмахнула рукой и опешила:

– Женщина-то на картине ожила и машет мне ручонкой. Шлет привет с этих небес. Но чудес-то на белом не бывает. А значит на потолке не написанная картина, а мое отражение…в зеркало. На потолке не картина живописца, а лично я!

И Нина, смутившись, замерла, а потом, рассмеявшись, стала жестикулировать, чтобы убедиться, что этак красотка – это она сама!

Вскоре начались туристические поездки по Индии. Ведь у белорусов только месяц чтобы повидать достопримечательности этой страны. Однажды поехали на автобусе и удивлялись, что дороги-то очень приличные, ровные, асфальтовые. Проезжали по пустынной местности и вдруг автобус остановился.

– В чем дело? – спросила Нина Сергеевна, а экскурсовод объяснил:

– Небольшая заминка, водитель сказал, что произошла поломка в моторе, но он обещает мне за минут двадцать-тридцать отремонтировать поломку. Запчасти у него есть. Можно выйти и размять ноги.

Нина и ее земляки вышли из автобуса, как вдруг откуда не возьмись

слетелась стая огромных черных воронов. У них были большие мощные лапы, не такие как у ворон России, а клювы были еще мощнее, чем лапищи.

Нина Сергеевна спросила экскурсовода:

– Таких крупных пернатых воронов я в жизни не видела. Почему они сели рядом с людьми? Не боятся даже автобуса.

– А чего им бояться людей? – удивился гид. Эти вороны – падальщики. И они думали, что раз автомашина остановилась среди пустыни, значит из нее около дороги выкинут трупы умерших людей. Эти птицы будут даже ссориться кому из них попадется падали.

– А говорят, что ворон ворону глаз не выклюнет. Не тут-то было. Но неужели они не понимают, что мы живые люди, а не падаль? – спросила Нина, а экскурсовод пояснил:

– В Индии умерших людей не хоронят, не предают их тела земле, а тут пустыня и голая земля. В основном умерших сбрасывают в реку. А в Индии этих рек, ручейков очень много. Ниже уровня реки на несколько сантиметров устраивается деревянный настил, а с берега до настила сооружена наклонная деревянная дорожка. На нее похоронная команда складывает тела умерших и они дальше без помощи людей катятся на настыл. Вот туда-то и слетаются вороны-падальщики. Они с жадностью пожирают сгнивающее тело до костей, а потом кости останков человеческого скелета тоже дробят этими мощными клювами. А вода уносит эти останки людей в реку, а река в океан.

Нина Сергеевна, выслушав эту «лекцию» гида, с дрожью в голосе сказала:

– На дороге ужасная жара, а я дрожу как будто стоит сейчас трескучий мороз после вашего рассказа. Неужели и знаменитую в Индии женщину Индиру Ганди, когда она умерла, сбросили по наклонному настилу в реку?

Экскурсовод ответил:

– Нет, Индиру Ганди кремировали, а урну с пеплом ее праха замуровали в специальном помещении, встроенном лично для нее – Мавзолей.

Тут водитель автобуса вылез на дорогу и сказал:

– Можете садиться в салон. Помчимся по асфальту с ветерком.

Все пассажиры зашли в автобус, а гид сел на одном сидении с Ниной Сергеевной, а она спросила:

– Кто построил эти прекрасные дороги?

Гид мог бы ответить на этот вопрос руководителя и односложно, но ехать по пустыне предстояло еще долго и она начал свой рассказ издалека:

– В Индии общество делится на касты. Первая из них каста брахманов – элита общества. Во втором ряду иерархии стоят воины, офицеры и солдаты. В мирное время они обеспечивают порядок в стране, а во вре-

мя войны защищают независимость Индии. Ведь эта страна была когда-то колонией Великобритании, которая простилалась по всему земному шару. Что даже ходила такая поговорка: «В Англии в туманном Альбионе никогда не заходит солнце. Как только солнце заходит за горизонт на Западе, на Востоке оно снова начинает светить».

– Да, – кивнула Нина, – я была когда-то в Великобритании и встречалась с Маргарет Тэтчер, и про эту поговорку слышала. Но эта поговорка уже в прошлом, и тщеславие англичан уже поумерилось. Извините за комментарии, я вся во внимании.

– Так вот, – продолжил экскурсовод беседу, – третья каста – это рабочие с высокой квалификацией. В Индии всегда были отличные мастера и умельцы. Не зря же даже книга выпущена про вашего первопроходца Афанасия: «Хождение за три моря». Он проложил в Россию шелковый путь.

– А кто находится в четвертой касте? – спросила Нина Сергеевна и гид ответил:

– В этой группе – нищие бедолаги. Вы же рассказывали мне про девочку, у которой вместо одежды был натянут мешок с отверстиями для головы и рук. Так эта нищенка из четвертой касты находится на самом дне бедноты.

– Неужели в этой самой низкой касте есть своя иерархия? – удивилась Нина, – чем занимаются люди из «верхушки» низа нищих? – спросила Нина, - какие у них «привилегии»?

– А вы, Нина Сергеевна, зря иронизируете, – произнес гид, – есть и среди нищих люди, которые умеют не только попрошайничать. Они соединяются в родственные группы, получают от дорожных магнатов технику обслуживания дороги. Только технику обслуживают люди из третий касты – рабочие, а в бригаде подсобников свои задачи: бери больше, кидай дальше, отдыхай пока летит песок, щебень или масса горячего асфальта под каток. И у четвертой и у третьей касты есть пограничная полоса, где нерадивые рабочие могут очутиться в нищей группе и наоборот талантливые и хваткие нищие могут влиться в третью касту – рабочих.

– А у нас в Беларуси, - кивнув головой в знак согласия, сказала Нина, – я смотрела индийские кинофильмы. Они поставлены великолепно: много танцев, много песен и любовной лирики. Но не зря же про эти фильмы у нас говорили: «В первой серии танцуют, во второй – поют, а в третьей – влюбляются и выходят замуж или женятся и играют свадьбу.» Но все происходит так трогательно и нежно, что в России полюбили эти индийские кинофильмы.

– Да, наш продюсер Радж Капур, – согласился гид, – создавал на своей киностудии романтические фильмы, не хуже голливудских мелодрам. Притом, я слышал в Москве, что индийские кинофильмы при прокате их

в Советском Союзе получили огромную популярность. Притом ходили на индийские фильмы и дети, и пожилые, очень пожилые русские люди. Особенно на фильмы «Господин 420» и «Бродяга».

– О, да! – воскликнула Нина Сергеевна, – я помню, как распевали такую пародийную песенку: «Радж Капур, Радж Капур, посмотри на этих дур! Даже бабушка моя говорит «Абара я!» Но наши хохмачи придумали еще одну песенку в другом подобном варианте: «Все Московские стиляги помешались на «Бродяге», даже бабушка моя говорит «Абара я».

– Так значит, у вас такие же сентиментальные люди как и у нас в Индии? – спросил Нину Сергеевну гид и она кивнула и произнесла:

– «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны», – сказал наш поэт Пушкин. Вот и поют у нас: «Абарая». А значит у вас в Индии есть еще одна пятая каста людей.

– Какая пятая каста, – удивился гид и Нина ответила:

– «Каста культуры». Ведь без культуры не было бы ни литературы, ни музыки и танцев, ни игры актеров.

– Я вас благодарю за такой вывод нашей беседы, – сказал гид, – культура к нам пришла из глубины веков и, благодаря ей, мы перестали рычать, а стали разговаривать. Вы со мной согласны?

– Разумеется, – ответила Нина Сергеевна, – ведь «сначала было слово и это слово было Бог!»

– Но религии-то у нас разные, – произнес экскурсовод.

– А Бог-то все равно один, – ответила Нина, – ведь мы, люди на планете Земля, хоть и говорим на разных языках, но ведь научились понимать друг друга.

– Тут мне сказать нечего, уважаемая Нина Сергеевна, – ответил гид. – И этому, способствуем мы – переводчики!

– В этом и есть наше взаимопонимание! – согласилась Нина.

После этой поездки, в которой Нина поняла, что кладбищ в Индии нет и пепел Индиры Ганди, которая правила много лет в этой стране, ее пепел развеяли по океану.

Но перед поездкой в Индию Нину Сергеевну пригласили, когда она приехала в Москву, в ЦК КПСС. Там объяснили: раз Индия стала социалистической страной, то дети школьного возраста должны, как и в Советском Союзе, стать пионерами. Как говорится: «Пионер – всем ребятам пример!» И в багаже самолета появился тюк с пионерскими красными галстуками.

А Нине Сергеевне поручили чтобы она и члены туристической группы, брали эти галстуки с собой, когда посещали школы. Чтобы индийские дети создавали пионерские организации, а галстук им будет хорошим подарком.

Когда Нина Сергеевна, а ведь и она когда-то работала учительницей,

зашла на урок в одну индийскую школу, то поразилась аскетизму и бедноте в классе.

Ребятишки сидели на стульях или табуретках, а кто-то просто на полу, и на коленях держали небольшие доски, окрашенные в черный цвет и писали цифры или буквы на них мелком. Выполнив задание учителя, стирали доски тряпками и снова писали под диктовку учителя новые слова или цифры. Ответы дети должны были получить сами. Уже без подсказки преподавателя.

А вот с галстуками получался иногда конфуз. Учитель для учеников был царь и бог и его слово было – закон. Так, в некоторых сельских школах учитель встречал в штыки гостей, которые предлагали подросткам одеть на шею красный галстук. И они после слов гостей: «пионер – всем ребятам пример» тянулись рукой взять галстук, но после окрика, отдергивали руку, словно красный галстук вдруг превращался в кусок раскаленного железа.

Не было часто в школах и книг. Учитель имел у себя учебники, но для учеников они были недоступными, ведь школьный учебник стоял очень дорого. Кто-то из школьников предлагал сложиться и купить хоть один учебник по предмету на весь класс, а потом передавали эту драгоценную книгу-учебник друг другу, как эстафетную палочку в беге на стадионе.

Уезжая из школы, у Нины Сергеевны было двоякое чувство:

– Да, нищета, но ведь какую старательность и огромное желание нужно проявлять школярам чтобы разгрызть гранит знаний. Они все желают эти знания получить. Да и с пионерскими галстуками не все гладко получилось. Ребятишки и рады были бы их носить, но если они повяжут галстуки, то над их головой повиснет опасность словно дамоклов меч, который подвесили на тонкой ниточке, толщиной с волосок. Не зря же по миру пошло сравнение: «На волоске от смерти». Зато я убедилась, что наша русская поговорка о нашей безалаберности: «У нас в России лишь две беды: дураки и дороги!» Индусы опровергли. Они бедные, как церковная мышь, но не дураки. И строят отличные дороги. А вот даже лирический поэт Сергей Есенин хорошо понимал необходимость дорожного строительства: «Десять тысяч в длину государство, а в ширину тысяч около трех. И одно здесь нужно лекарство: сеть шоссе и железных дорог. Вместо дерева нужен камень, черепица, бетон и жесть. Города создаются руками: как поступками – слово и честь».

В следующей поездке в другой штат Индии, Нина Сергеевна поняла, что означает термин в этой стране: «Священная корова». Для нас, русских, такая фраза применяется для любимчиков начальства. Начальники их защищают и только тронь эту «священную корову», то она громко замычит, что начальник из штанов выскочит. Но обидчика ждет всегда первый кнут.

А оказалось, что корова в Индии на самом деле священная, а точнее

сказать – неприкасаемая.

Проезжая по автотрассе Нинин автобус с ее туристами вдруг остановился. Причину остановки она увидела сама, ведь сидела на первом сидении вместе с экскурсоводом: на дороге прямо перед автобусом лежала… корова. Лежала и не двигалась, не обращая внимания на сигналы шофера.

Водитель понял, что корова на сигналы не реагирует, а ехать-то дальше надо. Выпрыгнул из кабины на дорогу и…погладил бесстрашную корову по мягкой шерсточке. Она протяжно промычала, мол, не заигрывай без пряников, осталась лежать на теплом асфальте. Но и водитель был терпеливым. Он похлопал священное животное ладошкой и стал коленом подталкивать, приговаривая.

Слов Нина не понимала, но поняла, что водитель просит уступить ему дорогу. А вот корова поняла, что нельзя задерживать движение на дороге и поплелась нехотя на обочину, а потом и вовсе пошла восвояси.

Автобус покатился по своему маршруту, а Нина Сергеевна стала расспрашивать гида:

– Неужели у вас так трогательно к священным коровам все индусы?

– Да! – ответил он. – Коров не трогают даже нищие. Они боятся гнева богов. Но могут подоить корову. Для нее это даже полезно, будет опять кушать с аппетитом, чтобы образовалось у нее опять молоко. Никто не крикнет на корову, а тем более не ударит. Но если корова отелится и родит бычка, то для нищенок, которые увидят это, теленок будет считаться подарком свыше.

– А если будет телочка? – спросила Нина.

– То наши индусы не будут отгонять ее от матери. Пусть телочка сосет молоко коровы, а корова будет облизывать ее шерсточку языком.

– Интересная картина, – сказала с удивлением Нина, – священная корова для ваших граждан становится выше их.

– Так заведено много тысячелетий назад. Поэтому никто не посягнет на священную корову. Даже английский композиторы и те не могли нарушить эту нашу традицию. Священная корова оставалась священной и неприкасаемой. Композиторы любили говядину, на мясо шли только бычки. А кроме коров и бычков в Индии было много и других животных. Например, там работали для людей слоны. Их приручили в далеком прошлом и они возили на своей широкой спине разные грузы, навьючат ему как на хозяина пустыни разнообразные тяжести и слон послушно шагает туда, куда направляет его погонщик..

На лесозаготовках он подталкивает тяжеленые бревна, став на колени, на просеку. Затем бревно затягивают веревочной петлей, а на шею накидывают хомут. А слон потом тащит эти бревна к штабелям этих «бревнышков».

– А что еще могут выполнять слоны? – спросила Нина Сергеевна гида и он ответил:

– Они выступают в цирках, выполняя все трюки, которые выдумал дрессировщик. Трубит как трубачи, подняв хобот вверх. Становится передними ногами на тумбы и машут хоботом, приветствуя визжавшую детвору от восторга. Когда раздаются бурные аплодисменты, то эти гиганты кланяются зрителям, кивая в зал головою. Слоны очень умные и злопамятные. Если кто-то из погонщиков обидит слона, то он может разозлиться и даже убить своего обидчика.

– Я о таком случае читала, – согласилась с переводчиком Нина, – какой-то дрессировщик выпускал на цирковую арену слона и маленькую собачонку. Но однажды собачка не выполнила команду клоуна и он ударил собачку так сильно и больно, что несчастная собака завизжала жалобно и громко. Тогда слон, обхватив клоуна за пояс и со всего размаха швырнула его на арену. Теперь застонал от боли и клоун. Больше такие случаи в цирке не повторялись. Мы с вами заговорили о слонах, тогда послушайте о слонах еще два интересных случая.

– Расскажите мне, пожалуйста, о них, – попросил гид и Нина Сергеевна ответила:

– Может быть вы слышали такую притчу про слона. Несколько слепых попросили дрессировщика рассказать им, каков из себя слон, а он был ленив и туповат и предложил слепцам: «А вы пощупайте его и сами сделайте вывод». Слепые стали ощупывать слона, он был смирным и не капризничал. Первый слепец пощупал хвост, второй погладил слоновое брюхо, а третий обхватил слоновью ногу. Потом каждый из них сделал вывод. Первый сказал – слон похож на веревку, второй возразил – он похож на бочку, а третий добавил – слон похож на огромный столб.

– Про заблуждение слепых мне понятно, – улыбнулся переводчик и спросил:

– А каков другой случай про слона?

Нина Сергеевна ответила мгновенно:

– Какой-то любопытный гражданин поинтересовался у дрессировщика: «А сколько килограмм корма может съесть слон?» И стал перечислять: «Десять килограмм, пятнадцать…двадцать?» А дрессировщик ответил: «Съесть-то он может сколько угодно. Но только кто же ему даст столько корма!

Оба, и Нина, и гид посмеялись над этой шуткой, а переводчик продолжил рассказ:

– Но есть у нас не только ручные, но и дикие слоны. Но когда у них начинаются свадебные игры, то лучше не попадаться им на глаза. Слоны ревнивые и могут растоптать своими ногами-тумбами хоть человека, хоть

другое животное в лепешку. А дикие обезьяны, это у вас в России обезьяны сидят в неволе, в клетках зоопарка и вы смотрите там человекоподобное существо.

– Да, я была в зоопарке в Москве и в Питере, и видела обезьян в клетках. Не зря же наша доблестная милиция у себя на участке называет эти помещения с решетками для задержанных пьяниц, дебоширов, хулиганов – «обезьянником».

– А вот в наших зоопарках обезьяны не дебоширят. Семья обезьян находится хоть и в клетке, но надо поучиться у обезьян людям человеческому отношению себе подобным. Они шалунов-обезьянок могут отшлепать по попке, помогут выгнать из шерсти какое-то насекомое. Обезьянки-мамы выкармливают своих грудных малышей молоком. Но попробуйте только невзначай разозлить ее и если обезьяна на свободе, то вам не поздоровится.

Круиз по Индии подходил к концу и туристическая группа Нины Сергеевны готовилась к отъезду домой. Как говорится: «В гостях хорошо, а дома лучше». Авиалайнер согласно расписания взмыл в высоту, пронзил облака и гостеприимная индия исчезла из зоны видимости.

– Домой, быстрее домой! – с радостным вздохом подумала Нина.

Но туристический сезон не завершился. Через некоторое время Нина Сергеевна возглавила группу белорусов и отправилась с ней в Чехословакию.

Да, у нее уже был огромный опыт в туристических путешествиях. И она решила не надеяться на авось, а потом хоть брось. Нина решила изучить сначала менталитет страны. Ведь Чехословакия миролюбивая и доброжелательная страна.

Вот тут-то Нина Сергеевна обратилась к художественной литературе Чехословакии. В домашней библиотеке Нины Сенчуро, которую стал собирать ее сын Юрий Иванович Логинов, когда был еще студентом. Она нашла книгу Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

– Вот она изюминка для украшения Златы Праги, – подумала Нина и стала изучать перлы Чешского писателя. В Чехии, как и в России, в октябре 1918 года началась революция, возбужденные толпы пражан срывали флаги, гербы, вывески.

– Да-да, – удивилась Нина, – оказывается у российской и австрийской империях до октября 1918 года были не только одинаковые империи и амбиции, а даже имперские символы на государственных флагах. И вот из пепла векового порабощения и родилась Чехословакия.

Но как завертелось колесо истории в Злотой Праге Нина Сенчуро еще не знала. Но о писателе Ярославе Гашеке краем уха слышала. В марте 1921 года на пражских улицах появились плакаты, где черным по желтому было написано: «Да здравствует император Франц-Иосиф Первый!» А

воскликнул это герой книги Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Эта была первая чешская книга, переведенная на важнейшие языки мира. Лучшая юмористическо-сатирическая книга мировой литературы и триумф чешской книги за границей!

Потом Нина Сергеевна стала изучать биография Ярослава Гашеке. Оказывается в февраля 1912 года пражские трамвайщики забастовали. Власти Праги послали к ним своих представителей для уговоров-переговоров.

Вдруг, взявший слово круглолицый и кареглазый с озорными глазами резко заявил:

– Не верьте им, они предали стачку, потому что их подкупил административный совет. И я, Ярослав Гашеке, заявляю: забастовка продолжается!

Нина Сергеевна, читая книгу Гашека о «бравом» солдате Швейка поняла, что Ярослав был великим мистификатором. И именно мистификация помогала ему обнаруживать абсурдно-комическое в самой гуще жизни. Одной из них она восхищалась:

– Он создал пародийную партию: «Умеренного конгресса в рамках законности». И ведь вступать туда захотели многие обыватели. Ведь все хотят прогресса на законном основании. Зато никто из них закипать политикой не собирался. Зато Гашек продолжил давать хлесткие заявления: «Сегодня состоится панихида по провалившимся кандидатам, а нам не хватает пятнадцать голосов и если вы изберете нашего кандидата, то мы защитим вас от землетрясения в Мексике!»

Прочитав последнюю фразу обещания Ярослава, Нина засмеялась:

– Обещание хлесткое, но он показывает могущество мифической партии Гашеке. Ведь он избавит чехов…от землетрясения в Мексике… Абсурд, но как звучит это обещание писателя! Почти как у Верзилы из фильма Леонида Гайдая о приключениях Шурика: «Бухти и дальше, как космические корабли бороздят Мировой океан в Большом театре!»

Затем Нина с интересом стала изучать, нет-нет, не похождения бравого солдата Швейка, похождения самого Ярослава Гашеке. Он в 1915 году был призван в армию. И когда началась первая мировая война, то писатель неожиданно изъявил желание «служить господарю императору до последнего вздоха».

– На самом же деле, – поняла Нина Сергеевна, – Гашеке задумал новую авантюру: поближе взглянуть в лицо и…добровольно перейти линию фронта с поднятыми руками».

Оказалось, что писатель подружился с денщикам командира роты, с поручиком Лукашом. И дюжий хлопчик Фратишек Страшлипке, так звали денщика поручика, любил рассказывать по всякому поводу и без повода, истории из жизни и травить анекдоты. А потом наградил своего друга именем и фамилией: Иозефом Швейком.

Вскоре Нина Сергеевна узнала, что Ярослав Гашеке попал на фронт и получил за сражение у горы Сокол серебряную медаль за храбрость. Но потом через два с половиной месяца выполнил задуманную им авантюру: вместе со Страшлипкой у Харупан сдался в плен. Так военнопленный под номером 294217 содержался в лагерях под Киевом и под Самарой. А весной 1916 года вступил в Чехословацкий легион, сформированный в России из военнопленных и эмигрантов. Он стал агитировать своих соотечественников выступить с оружием в руках против ненавистной Габсбургской монархии и с ее союзником – Германией.

Да и лозунги у Гашеке были публицистические, обличали они идиотизм антинародной власти и антинародной войны. Писатель не признавал методы поручика Лукаша, что «на солдата надо нагонять ужас».

Узнала Нина Сергеевна и храбрости поручика Лукаша, очутившись на передовой он просит Швейка помочь ему получить «ранение», чтобы отлежаться в лазарете, а не ходить в атаки против «братушек-славян». Денщик Лукаша помогает получить ранение, но от страха стрелять в своего командира денщик зажмурился и выпалил из револьвера. Пуля попала в мякоть тела, но не руки, а в пикантную точку – ягодицу. Вот одна деталь и сериала: «Война и немцы».

Узнала Нина Сергеевна про дальнейшую судьбу Ярослава Гашеке. Он почувствовал решительный перелом в своей судьбе. Гашеке приезжает в Москву и встречается со Свердловым. В Политехническом музее Ярослав слушает речь Ленина. И вскоре, вступив в секцию Чехословацкой РКП (б), стал призывать земляков «верить русской революции». Он-то, лично сам, поверил.

А в мае 1918 года по указу Антанты вспыхнул мятеж контрреволюционных офицеров. Мятежники подошли к Самаре и красноармейцы Гашеке, это была не большая группа, не смогла защитить город. Ярослав хотел забрать из штаба важные документы, но не успел. Задержись в штабе на минуту, он попал бы вновь в плен и был бы расстрелян.

Пришлось Ярославу Гашеке пробираться к красным, разыгрывая идиота, сына немецкого колониста, а разговаривал Гашеке на немецком языке не хуже, чем на своем родном. Якобы сынок колониста в детстве убежал из дома, а теперь вот мыкается, бродит по белу свету и собирает милостыню. Мол, кушать хочется, вот и бродит он протягивая руку, чтобы не протянуть от голода ноги. А голод – не тетка!

Свойственное Гашеке комическое видение мира и его артистические данные не покидали его и в эту героическую и романтическую эпоху.

Нина Сергеевна узнала о Ярославе Гашеке, как он вернулся в конце декабря в 1920 году к себе на Родину:

– Да, начались аресты и процессы, – узнала Нина. – И злобное

улюлюканье врагов его. Реакционеры требовали расправы «над красным комиссаром», многие и старые друзья отвернулись от него. Он скрывался в задней комнате кафе «Унион». Чтобы сбить врагов с толку издал некролог о «своей смерти», мнимой смерти. Версии были разными: расстрелян в Чешских Будейовицах за гос. измену; убит на фронте; повешен чешскими легионерами. Один некролог носил довольно красноречивое название: «Предатель!». А когда обыватели спрашивали его, много ли на его совести расстрелянных легионеров, то он отвечал: «Все это ложь!» Я одного не могу простить себе, когда у красноармейцев оборвались на гимнастерка пуговицы, то приказал убить каждого второго младенца в округе, вытащить з них кишки и наделать ниток из них, чтобы мои бойцы пришили себе пуговицы. Эта фраза сарказма пугала собеседников, но Ярославу было не до шуток. И все Гашеке писал: «Будь у меня десять жизней, а не одна, то я все эти жизни пожертвовал ради торжества Пролетарской Революции!»

Сожалела Нина Сергеевна, что Ярославу Гашеку не удалось полностью раскрыть свой талант. Когда Нина прочитала все статьи о нем, то подумала:

– Как хорошо, что писателю Гашеке издать роман «Похождение бравого солдата Швейке» при жизни. После откровенной травли его здоровье катастрофически стало ухудшаться. «29 декабря 1922 года последний раз диктовал машинистке своего «Швейка». А в 4 часа 3 января написал Ярослав Гашеке свое завещание, словно чувствовал, что слепая старуха с косой уже стоит наготове за его спиной и подписал документ. Но перед тем как подписать свое завещание он начертал: «Швейк тяжко умирает». Вот какой был мужественный и честный писатель, Ярослав Гашеке. Он, почувствовав, свою смерть не рыдал, не плакал, а иронизировал. Ведь для него смерть Швейка была равнозначна смерти самого писателя. Никто бы не смог повторить литературный шедевр Ярослава Гашека.

Но закончив свой творческий поиск о жизни Ярослава Гашека, Нина Сергеевна решила понять сама стиль писателя, его иронию и юмор.

Она не стала читать всю книгу про швейка полностью. Нужно было готовиться к отъезду в Чехословакию, открыла страницу и стала читать не отрываясь от строчек: «Швейк, как всегда, отвечал поручику своим теплым, приветливым и спокойным взглядом, как будто хотел сказать: «Мы вместе, душенька, теперь нас ничто не разлучит, голубчик ты мой». Поручик долго не прерывал молчание, а глаза Швейка говорили ему с трогательной нежностью: «Ну скажи что-нибудь, золотце мое, вымолви хоть словечко!»

Поручик Лукаш прервал мучительное молчание словами, в которые старался вложить изрядную долгую иронию:

– Добро пожаловать, Швейк! Благодарю за визит. Наконец то вы у нас, долгожданный гость.

Но не сдержался и вся злость, накопившиеся в эти дни, вылилась в страшном ударе кулаком по столу. Чернильница подскочила и залила чернилам ведомость на жалование. Одновременно с чернильницей подскочил поручик Лукаш и, приблизившись вплотную к Швейку, заорал:

– Скотина! Он метался взад и вперед по узкой канцелярии и, оказавшись около Швейка святая плевался:

– Осмелюсь доложить, – сказал Швейк, – между тем, как поручик Лукаш бегал по канцелярии и бросал в угол скомканные листы бумаги, за которыми он то и дело подбегал к столу.

– Письмо я стало быть отдал как договорились самой пани. К счастью, мне удалось застать ее дома. И могу сказать, что она интересная женщина. Правда я видел ее в слезах.

Поручик Лукаш сел на койку военного писаря и хриплым голосом крикнул:

– Когда этому придет конец, Швейк?

Швейк сделал вид, что недослышал и ответил:

– Потом со мной вышла маленькая неприятность, но я взял все на себя. Правда мне не поверили, что переписываюсь с этой пани и, чтобы замести следы, я во время допроса проглотил письмо. Потом по чистой случайности, иначе это никак не объяснить, я вмешался в небольшую потасовку, но благополучно вывернулся. Невиновность моя была признана, меня послали на полковой рапорт и в дивизионном суде следствие прекратили. Господин полковник приказал немедленно доложить вам, чтобы вы немедленно пришли к нему.

Услышав, что еще полчаса назад поручик Лукаш должен был явиться к полковнику Шредеру, он стал быстро одеваться.

– Опять вы удружили мне, Швейк! – произнес поручик голосом такого безнадежного отчаяния, что Швейк попытался успокоить его дружеским словом, прокричав вслед вихрем вылетевшему Лукашу:

– Ничего, господин полковник подождет, ему все равно нечего делать!

Нина Сергеевна удивилась, как недотепа Швейк умеет быстро заморочить голову своему начальнику:

– Швейк у Ярослава Гашеке, человек себе на уме и отличный психолог. Он играет на струнах души своего командира, как великолепный музыкант. Он грозного полковника считает бездельником, когда его поручик трясется при слове «полковник», как осиновый лист. Трусость одного и надменная тупость другого стоят одно другому психологического стресса.

Перелистав несколько страниц, Нина Сергеевна «увидела» совсем другого поручика и стала читать про него: «Поручик Лукаш собирался попасть в Венгерский театр. Первые роли там играли толстые артистки, об-

ладавшие теми достоинствами, что во время танца они подкидывали ноги выше головы. И не носили ни трико, ни панталоны, а для вящей приманки для господ офицеров, выбривали себе волосы, как татарки.

Галерка этого удовольствия была лишена, и большое удовольствие получали сидевшие в партере офицеры, чтобы не пропустить ни одной детали этого захватывающего зрелища, брали в театр артиллерийские призматические бинокли.

Поручика Лукаша это интересное свинство не увлекло, так как взятый напрокат в театре бинокль не был ахроматическим и вместо беде он видел какие-то движущие фиолетовые пятна.

Прочитав эти строчки Нина подумала :

– Ай да Гашеке, как он поддел поручика. Лукаш с удовольствием бы рассматривал балерин без панталон, но у него же не была бинокля артиллерийского. И захватывающего зрелища ему увидеть не удалось. Хоть он и сказал про «интересное свинство», а сам сожалел, что у него не было хорошего оптического прибора.

Но его предвкушение порнографического зрелище не сбылось.

После этих впечатлений на продолжила чтение:

«В антракте его привлекла внимание дама, сопровождаемая господином средних лет, и настаивала, что нужно немедленно идти домой. Она не в силах смотреть на сцену. Ее спутник согласился:

– Домой, ангел, идем, ты права! Это действительно не аппетитное зрелище.

– Это отвратительно – возмущалась дама, а в это время ее кавалер подавал ей пальто.

В ее глазах, в больших темных глазах, которые гармонировали с ее прекрасной фигурой, горело возмещение этим бесстыдством балерин. При этом она внимательно взглянула на поручика Лукаша и еще решительнее сказала:

– Отвратительно, в самом деле отвратительно!

Этот решительный момент и решил завязку хотя бы короткого романа .

У гардеробщицы поручик Лукаш узнал, что это супруги Каконь, а у Каконя скобяная торговля.

– А живет он с пани Этелькой на втором этаже, – стала сообщать подробности гардеробщица, как старая, опытная сводница. Она немка, а он мадьяр. Здесь все перемешалось.

Поручик Лукаш в ресторане «У герцога Альбрехта» много пил и молча раздумывал, чтобы ему такое написать этой строгой, высоконравственной и красивой даме. К ней его влекло гораздо сильнее, чем к этим обезьянам. Так называли опереточных артисток другие офицеры.

В приподнятом настроении он зашел в маленькое кафе и занял отдельный кабинет, выгнав из него какую то румынку, которая предложила раздеться догола и позволит ему делать с ней, что он только захочет.

Взяв бумагу и перо Лукаш написал:

– «Милостливая Государыня! Я присутствовал вчера в театре на представлении, которое так вас глубоко возмутило. Все первое действие я следил за вами и вашим супругом. Как я заметил…»

Поручик задумался и подумал:

– Надо как следует напасть на него. По какому праву у этого субъекта такая очаровательная жена? Ведь он выглядит-то сам словно бритвой павлин…

Лукаш, тряхнув головой, взял опять перо и написал:

– «Ваш супруг не без удовольствия и с полной благосклонностью смотрел на те все глупости, которыми была полна пьеса , вызвавшая у вас, милостливая государыня, чувство справедливого негодования и отвращения, ибо это было не искусство, а гнусное посягательство на сокровеннейшие чувства человека…»

Поручик на мгновение отвлекся и подумал:

– Бюст у нее изумительный. Эх, была не была!

Он взял опять перо и стал опять писать:

– «Простите меня, милостлиая государыня, за то, что будучи вам неизвестен, я тем не менее откровенен с вами. В своей жизни я много видел женщин, но ни одна из них не произвела на меня такого впечатления как вы, ибо ваше мировоззрение и ваше суждение совершенно совпадают с моим. Я глубоко убежден, что ваш супруг, чистейший воды эгоист, который таскает Вас с собой…»

– Не годится, – подумал про себя Лукаш и, зачеркнув слова «таскает с собой», снова взялся за перо:

«Который в своих личных интересах водит вас, сударыня, на театральные представления, отвечающие исключительно его собственному вкусу. Я люблю прямоту и искренность, отнюдь не вмешиваюсь в вашу личную жизнь и хотел бы поговорить с вами интимно о чистом искусстве…»

Поручик опять замечтался:

– Здесь в отелях это будет неудобно. Придется везти ее в Вену. Возьму командировку.

И снова взялся за перо:

«Поэтому я осмеливаюсь, сударыня, просить Вас указать где и когда мы могли бы встретиться, чтобы иметь возможность познакомиться ближе. Вы не откажите в этом тому, кому в самом недалеком будущем предстоят трудные военные походы и кто в случае Вашего великолепного согласия сохранит в пылу суждений прекрасное воспоминание о душе, которая по-

нимала его так же глубоко, как и он понимал ее. Ваше решение будет для меня праздником. Ваш ответ – решающим моментом в моей жизни».

Он подписался, допил коньяк, попросил еще бутылку и, потягивая рюмку за рюмкой, прочитал письмо, прослезившись над последними строками.

Дочитала письмо поручика Лукаша и Нина Сергеевна и стала собираться в туристическую поездку в Чехословакию. Ее группа прилетела в Прагу.

Многие из группы туристов Нины, никогда не ездили за границу, как любили говорить некоторые из них – за бугор.

Почему за бугор? Очень просто, эта страна Чехословакия находится в горной местности. Так что это не только какой-то бугорчик, а гористая возвышенность из мощных каменных скал .

Но красота Злотой Праги покорила белорусских туристов, да и Нина Сергеевна удивлялась зданиям и сооружениям Чехословацкой столицы. Ведь еще в средние века в Праге стояли готические костелы, и в провинции можно было полюбоваться с высоты птичьего полета на аккуратные домики светлой окраски и с красными черепичными крышами.

– Дома как игрушечки! – восторгалась Нина Сергеевна. А мужчины из ее группы восторгались знаменитым чешским пивом. Издавна славилась она. Ходили даже легенды про пивоваров Чехословакии. Когда пивное сусло выходится, выбродится, то хозяин пивного завода просил пивовара одеть кожаные штаны, налить на деревянную скамью выдержанное пиво, а потом попытаться через минут 25-30 встать со скамьи. Если кожаные брюки прилипли к скамье и пивоваров не может встать на ноги с этой скамеечки, то значит пиво отличное, первого сорта.

Но не только группа туристов Нины Сергеевны наслаждалась чешским бархатным пивом. После походов по музеям Чехословакия, туристы белорусы направлялись в обувные магазины. Оно и понятно: приобрести настоящую Чехословацкую обувь во времена Леонида Ильича Брежнева можно было в Москве или в Минске только по большому блату. В советском союзе ходила поговорка: «Блат - выше наркома».

И разумеется, что так это и было. Если заведующая обувного магазина тетя Муся скажет, что чешской обуви у нее давно нет, мол, расхватали покупатели чешскую обувку за пару часов торговли то это была неправда. Пусть ломится толпа обывателей в двери обувного магазина, но там лежит на полках только советская обувь фабрики «Скороход». Название замечательное, но на «Скороходе» быстро не убежишь. Ботинками «Скороходов» если стукнуть человека по лбу, то он откинется тут же в другой мир. Ботинки скороход тяжеловаты, грубоваты, подошва не сгибаемая, как наша партия. А Чехословацкую обувь можно достать действительно только по

блату. Да и то за большую переплату. И то если вы поклянетесь какой-нибудь тети Моти и тихонечко, прикрыв ладошкой несколько солидных денежных купюр, продвините наши советские рубли продавщице, то станете обладателем Чехословацкой обуви.

А туристы из группы Нины Сергеевны, не расталкивая друг друга локтями, в обувные магазины Злотой Праги не ломились . Они легко и спокойно заходили в обувные магазины и не спеша выбирали себе удобную, прочную, красивую обувь.

Покупали туристы-белорусы не только обувь для себя, а и для домочадцев для дома и семьи.

Не устояла от соблазна и Нина Сергеевна. И кинула для себя четыре пары чешской обуви. Для членов своей семьи она не могла купить обувь, так как не запомнила размера обуви ни мужа, ни детей.

Нина, как руководитель группы туристов, и без того умела одеваться и обуваться красиво, элегантно, удобно. А тут, померив чешскую туфельку, топнула ногой и засмеялась, вспомнив сказку про Золушку, которая потеряла, убегая с королевского бала туфельку. А принц по этой туфельке и отыскал свою «принцессу». Ведь из замарашки Золушки, она стала членом Королевской семьи.

А Нина Сергеевна из обычной семьи и небольшого белорусского города, который хоть и назывался так же – Городок, дошла до вершин власти в Беларуси.

И дела тут не в красивые туфельке, а огромное трудолюбие, как у Золушки, и, конечно же – судьба, которая определяет Божий промысел.

Второе стрессовое состояние испытала туристическая группа белорусов в Праге, заглянув… в посудную лавку. Так кто-то из туристов Нины Сергеевны сказал про магазин, где продавалась хрустальная посуда. Нина вспомнила, потом, когда она отправляла своего внука рому в Америку к сыну Юрию с хрустальной вазой.

Так вот в магазине Праги все туристы, увидев сияющую разными гранениями хрусталя посуду, прикрыли сразу же глаза. Чтобы понять, когда они свои глазки откроют, что это им не снится, а на прилавках магазина стоит настоящая хрустальная посуда.

– Выбирай, что тебе нравится! – размечтались туристы, но, открыв глаза, поняли, что это вовсе не красивый сон в руку, а на самом деле хрустальный замок.

Замков в Чехословакии хватает, а вот в хрустальный замок белорусы зашли впервые.

Туристы из группы Нины Сергеевна стали бродить по хрустальному замку неторопливо, а когда подняли головы вверх, то голова каждого туриста пошла кругом, закружилась, увидев на потолке магазина висящие

хрустальные люстры.

Но как купить, и, главное, увезти в Беларусь такую красоту? Этот вопрос зависал в воздухе, как сами хрустальные люстры. Туристы открывали свои кошельки и разгадывали кроссворд: какую денежную купюру можно потратить на мосту, а какую на хрустальную вазу.

Хотя мир слухами полнится и среди этой группы Нины Сергеевны были люди, не раз приезжали в Чехословакию. Они-то народ бывалый в Праге, подсказали новичкам, что если хочешь прослыть сказочно богатым человеком в наше время, то приобрети в пражском магазине и хрустальную люстру. А в сказки же есть свой ключик: сим-сим откройся, сим-сим отдайся. И как бы не было жаль наполненные сбережения, их нужно вкладывать в такие вещи, как хрусталь. Он может веками висеть на потолке. И любой знакомый, зайдя в твой дом и, взглянув на хрустальную люстру, захочет приобрести такую же красоту и для себя.

Есть такое выражение: «Дурной пример – заразителен». Поэтому, увидев какую то новинку своего соседа, другой сосед считает ниже своего достоинства жить в своей квартире без хрустальной люстры.

Третьей «изюминкой» для туристов стала чешская башня часов. Если Спасская башня Московского Кремля оснащена часами снаружи и каждый час на башенных часах раздается бой курантов, то в Праге есть башня с лестницами через каждый этаж. На каждом этаже есть длиннющие коридоры вдоль множества помещений в которых демонстрируются разные часы.

Разнообразие их неисчерпаемо: есть часы как на Спасской башне, с курантами. Только в Праге в башне часов куранты тоже бьют, а караула в Праге нет, да и Красной Площади не видно. А часы показывают точное время в Праге, на то они и часы.

Посмотрела туристическая группа Нины Сергеевны часы на которых можно узнать метеосводку. Когда было тепло в Праге, а когда очень-очень холодно.

Увидели туристы и ручные часы разных времен. Когда-то богачи носили на золотой или серебряной цепочке часы, у которых при нажатии кнопки, крышка откидывалась, и хозяин часов мог посмотреть время. Были в башне часов каминные часы. Они стояли на полу, а часовая вершина упиралась в потолок.

Нина Сергеевна сожалела что нет в пражской башне миниатюрных часиков русского мастера Левши. Так, русский умелец умудрился подковать блоху серебряными подковами, но зато гвоздики для подков были выкованы Левшой из чистого золота. Трудновато убыло левше выполнить такую задачу. Но у него даже в те дальние времена был оптический прибор. Левша называл его мелкоскопом.

Нина после своих воспоминаний о Левше пошла собрать группу белорусов отправляться в гостиницу. Поездка в Чехословакию заканчивалась.

Глава 20. Поездки Нины Сергеевны по Республикам Советского Союза и в Израиль.

Когда Нина Сергеевна работала Первым секретарем ЦК КПСС в Белоруссии, то Шумилинский район, в котором и работала Сенчуро, устроил социалистическое соревнование с соседней Республикой Литвой по сельскому хозяйству.

Соревновались не только Республики Литва и Беларусь, а конкретные люди, от Беларуси – Нина Сенчуро, а от Литвы – Министр по сельскому хозяйству.

Так получилось, что урожай зерновых культур в Шумилино был чуть- чуть больше, чем вырастили зерна в Вильнюсе. Вот и пригласили Нину Сергеевну в Литву. Она пробыла там четыре дня из которых два дня были выходные. Но разве в сельском хозяйстве бывают выходные дни? Все зависит от погоды: светит солнышко – снимают урожаи комбайнеры и день и ночь, начинаются ливни – готовят технику, дожидаясь сухой погоды.

Вот и совещание партийных работников проводили исключительно в дождливую погоду. Но, как говорится: «Хлеб - всему голова!»

И Нина Сергеевна приготовила хозяевам встречи, литовцам, сюрприз. Она привезла в Вильнюс два стихотворения российского поэта. Он, этот поэт, назвал их «Балладами»: Баллада о хлебе военном 1941 году и Баллада о хлебе послевоенном, когда был неурожай хлеба.

Объехав все районы Литвы, Нину Сергеевну пригласил на прощальный вечер Министр по сельскому хозяйству Литвы. И когда Нине предоставили слово, то она прочитала оба стихотворения. Нина Сенчуро объявила: «Хлеб 1941 года» и стала декламировать:

«Хлеб разрежешь, он белый, белый
С золотистой корочкой спелой.
С верху чуть потемнее, румяный
От разреза запах дурманный.

Цвет зимы и весны и осени
Хлеб впитал своими колосьями.
От шального, хмельного, вольного
Ветра хлеб колыхался волнами.
Умывался дождями, росами
Хлеб зерном наливался к осени.
Только осенью этой горькой
Не дождалось поле уборки.

А сапоги на подковках из стали
Хлебные стебли без жалости мяли.

Вечером в небо взметнулась зарница.
В поле костром загорелась пшеница.

…Тот, кто ладонями поле взлелеял,
Труд свой на пепел по ветру развеял.
Лишь на щеках, законченных и грязных,
Белые шрамы прорезались сразу».

В зале наступила тишина. Было слышно как зашелестели листы бумаги на столе Президиума, как всхлипнула какая-то женщина, а мужской голос произнес: «Колоссально»

У Нины же, после слова «колоссально» показалось, что очень гармонирует со словами и стихотворения «колосья». В голове у Нины Сергеевны возникло еще одно сравнение, но не успела она его произнести, как гром аплодисментов обрушился в зале.

Люди не только аплодировали, они кричали: «Браво! Бис! Автор на сцену!»

Но как в стихотворении: «в поле хлеб колыхался волнами» так и любая волна набежавшая во время прилива на берег, быстро откатывается назад. Шум в зале затих и Нина произнесла название второго стихотворения:

– Теперь послушайте стихотворение о послевоенном хлебе, – сказала она.

В наступившей тишине Нина начала декламировать:

«Разбита церковь, нет к ней веры.
Уж до войны, как без креста.
…Уж до войны. Начало Эры,
Как с дня рождения Христа!
А я родился в Новой Эре…
Мои сестренки и два брата
Ночами бредят хлебом серым,
Рот раскрывая, как галчата.
Большой ломать ржаного хлеба,
Посыпан круто крупной солью –
Такого вкусного обеда…во сне,
Я больше не припомню!
…Теперь «кирпичики»-буханки,
Батоны, булки, караваи…
У магазина перебранка,
Чтоб быстрее открывали…
Но хлеб поштучно не давали,
А измеряли точный вес:

В какие ж дебри я и дали
В своей я памяти залез…
Большой ломать ржаного хлеба,
Посыпан круто крупной солью,
Мне в сердце отозвался болью…
Не надо больше новой Эры!»

И после этого стихотворения наступила тишина, но аплодисменты не последовали, а в зрительном зале многие гости и хозяева перекидывались репликами. Да кто же из зрителей не вспоминал как радовались люди нашей Великой и совместной Победе.

– Но запомнили люди, – думала стоя на трибуне Нина Сергеевна, и как пахали женщины после войны землю плугом, в которой они впрягались втроем-вчетвером. И, разумеется, никто из нас не хотел этой Новой Эры!

Провожали Нину Сергеевну с дружескими шутками и прибаутками. А Министр сельского хозяйства спросил ее:

– Так кто же из нас вышел на первое место по соревнованию. Ведь где-то мы были впереди, а где-то и вы нас перещеголяли?

А Нина Сергеевна ответила четко:

– Победила ниша дружба. Посмотрите какие были теплые хотя и осенние дни. Так пусть останутся и наши с вами отношения!

Следующей поездкой для Нины была Республика Грузия. Там происходил форум по сбору денег в Фонд Мира. И Шумилинский район, который возглавляла Нина Сергеевна, занял 1 место.

Ей было трудно вырваться в передовики, но в Шумилино знали, что Сенчуро если дала слово, что план выполнит, то она добьется своего. Так получилось и со сбором денег в Фонд Мира.

Ее и дома спрашивали как женщина смогла добиться таких высоких показателей, которых даже мужчины не могли добиться, то она отвечала:

– Нужно работать на производстве по двадцать пять часов в сутки т мужчины ворчали:

– Мы тоже работаем, как ломовые лошади, а вы хоть на ноздрю, но нас опережаете.

А она с улыбкой парировала:

– Вы ждете команду сверху, а я беру все риски под свою инициативу, но хорошо подумав, каков может быть результат этого риска.

– На каждый чих у вас, Нина Сергеевна, всегда есть ответ: «Здравствуйте!» – говорили местные жители, а она им отвечала:

– Может быть я и повторяюсь, но замечательная фраза вашего поэта Шота Руставелли: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Мне когда-то пришлось сделать круиз вокруг Европы с туристической группой на лайнере «Шота Руставелли». Поэтому мудрость вашего поэта

мне понравилась и я ожидала, что все белорусы бросятся собирать деньги в Фонд Мира с радостью. Мне пришлось проделать долгую и упорную работу с Шумилинскими жителями. И когда они понимали, что Фонд Мира не какая-то кубышка для олигархов, а реальная помощь для стран в которых много обездоленных людей, то мои земляки доставали свои небольшие сбережения и вкладывали свою мечту в Фонд Мира.

– А чтобы вы, Нина Сергеевна, хотели бы посмотреть в Грузии? – спросили местные жители.

И Нина ответила, улыбнувшись лукаво:

– Я хотела бы не посмотреть, а встретиться с вашей Царицей Тамарой, которая прославлена в песнях и легендах. Да со знаменитой императрицей Екатериной Второй. Она освободила Кавказ от турков-османов, которые вырезали около миллиона армян за их веру в православие и не стали мусульманами. У меня же имперских амбиций нет. Я тружусь на своей родной белорусской земле в Шумилино, а народ наш откликнулся на просьбу Фонда Мира для обездоленных людей и не я, а наш народ занял первое место по сдаче денег в Фонд Мира.

Больше в Грузии вопросов Нине Сергеевне не задавали.

Зато она попросила хозяев форума, грузин, выполнить ее мечту:

– Я, приехав в Грузию в Тбилиси, прошу у вас место где родился Вождь Советского Союза и ваш земляк Сталин Иосиф Виссарионович Джугашвили. Мне так хочется посмотреть его небольшой домик в Гори.

Просьбу Нины Сергеевны выполнили. Грузины всегда были гостеприимными, а для такой почетной гостьи не выполнить ее просьбу, они просто не смогли бы…

Нина, приехав в Гори, посетила музей. Домик в котором родился, жил, рос и возмужал Иосиф Виссарионович был небольшим, а его окружали новые постройки, да так плотно, что впоследствии над этими постройками построили кровлю, чтобы в дождливую погоду обыкновенный деревянный домик, в котором жил в юности Сталин, не ветшал.

Нина, посмотрев на этот «саркофаг» над домиком Сталина, подумала:

– Совсем как в санкт Петербурге. Там первый домик Петра Первого был такой же деревянный и маленький. Так и над ним поставили кровлю и обнесли стенами.

Нина зашла в дом Сталина с трепетом в сердце и поняла, что это настоящий музей в котором хранятся экспонаты Сталина. На стендах фотографии его родителей: матери и отца. Фотографии самого Иосифа Виссарионовича детские, юношеские и, и других до Сталина-генералиссимуса переднем мундире. И даже знаменитая сталинская трубка, которая помогала вождю выдерживать паузу при очень сложном разговоре, для обдумывания ответа.

Но, когда, Нина Сергеевна зашла в павильон около домика вождя, где был бассейн с водой под котором висел на тонких тросинках бюст из мрамора Иосифа Виссарионовича, то удивилась, что по лицу Сталина стекают тоненькие струйки воды.

В голове у Нины тут же мелькнула мысль:

– Никита Сергеевич Хрущев, который сменил Сталина, плясал перед вождем, а как только Иосиф Виссарионович умер, то тут же переобулся воздухе и вынес тело вождя из Мавзолея Ленина – Сталина и приказал захоронить Сталина в Кремлевской стене. А в Гори струйки «дождя» текут по лицу вождя, как будто он плачет. Но настанут времена, когда вспомнят величие нашей страны и поймут, что грозный Сталин сделал все, чтобы Советский Союз оставался мощным и сильным, а его республики чтили память вождей, которые создавали и создают нашу страну.

Уезжая из гостеприимной Грузии, Нина вспомнила анекдот:

– «В Мавзолей Ленина-Сталина зашли Никита Хрущев и Леонид Брежнев. «Вот здесь я буду лежать», – сказал Хрущев, и показал место возле Ленина. «А вот здесь буду лежать я», – показал рукой Брежнев место около Сталина. А Сталин, возмутился, сел в гробу и сказал им: «Ребята! Здесь все-таки Мавзолей находится, а не студенческое общежитие!»

Побывав в Грузии, Нина Сергеевна посетила и Америку, но возвратились на свою родину, как ни уговаривали остаться ей в Америке ее сын Юра и его жена Саша, но Нина отказалась. Она привыкла жить в Беларуси и ностальгия преодолела соблазн. Она вернулась в свой Городок, где родилась и жила со своими родителями Екатериной Карповной и с Сергеем Филипповичем.

И вот спустя какое-то время, Юра и Саша позвонили Нне:

– Мама, тут Саша решила со мной поехать в Израиль. Посмотреть страну обетованную.

– Очень хорошо! - обрадовалась Нина Сергеевна. Поезжайте туда с Богом!

Но тут Саша, взяв трубку телефона у мужа, сказала ей:

– Нина Сергеевна, я купила вам путевку в дом отдыха в Израиле, и отправила ее вам. Приезжайте по этой путевке в санаторий. А мы с Юрой прилетим на самолете из Нью-Йорка, закажем автомобиль и Юра нам покажет все достопримечательности этой древней страны.

– Хорошо, – согласилась Нина, – я буду рада нашей встречи! Тем более посмотреть весь мир и не побывать в Израиле мне не с руки. Обнимаю вас заочно и целую. Будьте здоровенькими и веселенькими. До скорой встречи! За путевку и билеты на самолет мне с Минска до Израиля вас обоих благодарю.

Нину Сергеевну Саша и Юра встретили в аэропорту и поехали в санаторий. Он находился у Красного моря. Номер для Нины Саша заказала

одиночный, чтобы никто ей не мешал отдыхать, на втором этаже. На первом этаже больше суматохи и Саша, понимая это, и приобрела путевку с этим учетом. На второй этаж подняться не трудно, зато никто не помешает ей отдохнуть. Пока ехали на автомобиле до санатория Нина спросила:

– А почему море называется Красным. Ведь я слышала морскую песенку: «Синее море, белый пароход, мы бываем море даже целый год».

А Юра сказал:

– Неужели ты, мама, знаешь даже пиратские песенки? Это они скитальцы морей из Туманного Альбиона наводили ужас на капитанов других стран, в том числе и на французов, португальцев и испанцев. А ведь их флот был совсем не хилым, а мощным.

Нина пошутила:

– Смейся над разбитой любовью.

Ты бы лучше мне, Юра, рассказал почему это море назвали Красным?

– Так вскоре ты сама увидишь, мама, почему она называется Красным. Они подъехали к морю, когда наступал рассвет, алая заря украсила небосклон и его кумачовый цвет отразился на водной глади моря. И цвет волн, отразившиеся с небес стал бледно-красноватым.

И Нина с восторгом отметила:

– У алой зари и глади моря в котором отражается заря, какой то необычный красноватый оттенок, но самое главное в этой картине: между утренней алой зарей и красноватой глади моря нет никакой границы. Этот нежно-красный цвет неба сливается воедино цветом моря. Наши предки увидели в древности эту красоту и назвали именно поэтому - Красном.

А вслух Нина Сергеевна произнесла:

– Море назвали Красным правильно. Оно красное-красное и сливается с красным небом.

Саша улыбалась, вот какой восторг вызвало ее море. И она сказала:

– Юра, давай мы покажем твоей маме и Мертвое море.

Юра кивнул головой и через часа полтора они были на берегу Мертвого моря. Нина Сергеевна взглянула на моря и с удивлением произнесла:

– Какое же это Мертвое море? Оно бурлит как кипяток в кастрюле. А мертвецы буйками не бывают. Я в такую воду даже зайти боюсь.

– А я хочу попробовать окунуться в Мертвом море – сказал Юра и, раздевшись до плавок, пояснил: хочу испытать какое оно Мертвое. А что оно бурливое и сам вижу: техника безопасности соблюдена – натянуты тросики, за которые можно держаться плацам руками.

Бурунов Юра не испугался, но Нина и Саша побоялись искупаться в Мертвом море.

Он ухватился цепко за трос и стал шаг за шагом идти вдоль каната, крепко сжимая эту «соломинку» за которую цепляются утопающие. Но не

рассчитал свои силы. Водный поток был так силен, что сбил Юрия Ивановича с ног, опрокинул Юру вниз лицом и из воды выглядывала только спина пловца.

Саша ойкнула:

– Так ведь и захлебнуться недолго. Держись, Юрочка, держись покрепче за трос.

А Мертвое море будто услышало слова Саши, крутануло еще раз в пол-оборота и жена успокоилась: лицо мужа оказалось выше бурного потока. Он даже улыбнулся, чтобы показать милым женщинам: «Все в порядке, мои дорогие! Все в порядке!»

И все же Юра, перехватив трос на сто восемьдесят градусов, стал ногами на дно и начал шагать по дну моря к берегу. Он понял, что его «аттракцион» не для милых дам.

Приехав в отель Нина Сергеевна хорошенько перекусила, одела пляжный костюм и пошла загорать. Солнышко было не жгучим, а ласковом и полежать на пляже было комфортно. Саша подарила ей солнцезащитные очки в позолоченной оправе. Она понимала толк в выборе очков для Нины Сергеевны.

– Мама, ты отдохни с дороги, хорошенько покушай, снова позагорай и выспись. Завтра мы с Сашей приедем за тобой и отвезем тебя на интереснейшую экскурсию.

– Так скажи, Юра, куда мы поедем завтра? – спросила Нина Сергеевна сына, но он уклонился от ответа и промолвил:

– Завтра узнаешь. Пока секрет.

– Любишь ты, Юрочка, секреты, а вот Саша откровенная у тебя. Она очень трогательно относится ко мне. Дарит такие подарки, что я смущаюсь их брать. Но ладно об этом, сегодня отдохну и буду вечером гадать, что за сюрприз мне приготовили на завтра.

А завтра после завтрака Нины Сергеевны, Юра и Саша заехали на машине за ней. Ни слова не сказав, только поздоровались, они помчались по дороге. Около пустынного поля с зеленой травкой остановились и Юра сказал:

– Мама, мы приехали.

Нина удивилась, а присмотревшись увидела перед собой узкую продолговатую щель в пригорке, на поверхности которого тоже зеленела трава.

Саша и Юра, нагнув головы, зашли во внутрь этого подземелья и попросили Нину:

– Вот мы и приехали, следуй потихонечку за нами.

Она зашла и увидела низкое, но довольно огромное помещение.

– Наверно сюда вечером загоняют овец? – подумала Нина Сергеевна, чтобы сторож или пастух мог их утром выгнать снова в поле поесть молодой, зеленой и сочной травы.

Последнюю фразу, видимо, Нина сказала вслух и Юра подтвердил:

– Ты угадала, мама, и посмотри-ка направо.

Она посмотрела в ту сторону, куда рукой ее сын показывал и поняла:

– Так это загон для овец, а около стеночки подвешена люлечка для только родившегося ребенка.

Она подошла к колыбели и увидела что дно ее прикрыто ажурной занавесочкой и воскликнула:

– Саша, Юра, так вы привезли меня в то историческое место в котором родился Иисус Христос от непорочного зачатия Иосифа и Пресвятой Девы Марии?

– Да, мама, это так. Вот ты и поняла какой сюрприз мы придумали с Сашей, – сказал Юра, и продолжил:

– А вот видишь небольшое возвышение на нем? Тут когда-то лежала охапка сена и на ней спали Иосиф и Мария. Ты же видела как нам пришлось нагибаться в этой овчарни. Тут ночью они отдыхали. В хлеву всегда низкие потолки, и в помещении для овец тогда было тепло от их же тел.

– Надо же, – сказала Нина, – какие вы молодцы с Сашей. Я, благодаря вам, посетила святое место, где родился Иисус Христос.

– А как же, – сказала Саша, – быть у воды и не напиться, не утолить жажду свою.

Нина кивнула головой, добавила:

– Так я, мои дорогие, приготовила тут же сюрприз и для вас. Сашенька, Юрочка, я сейчас вам стихотворение о Понтии Пилате и Иисусе Христе расскажу. Ведь Понтий Пилат сначала не собирался казнить Христа, но под давлением судей помиловал убийцу Вар-Равенна, а не Иисуса. Не помню кто написал это стихотворение, но хочу вам прочитать его:

– «Лихою походкою кавалериста
Шел Понтий Пилат по аллее тенистой.
Был в белом плаще он, с кровавым подбоем –
Ту кровь на плаще никогда не отмоем.
Шагал прокуратор, признаться не смея:
«На плаху без страха идут за идею.
Я, римский наместник, вершина при власти,
Над жизнью Его оказался не властен.
Казнили, но слово Его не забыто,
Хоть всем Он казался страшнее бандита.
Закон то суров, но ведь это ж закон…
Какую же истину знал только Он?»
И к небу с мольбой обратился Пилат:
«Решению судей и сам уж не рад.

Ответь мне, Спаситель, в чем был я не прав?»
«Воскрес Я, смерть смертью своею поправ!»

Наступило молчание, молчали Саша и Юра. Молчала и Нина Сергеевна. Она вложила в это стихотворение всю свою душу, но понимала, что и Саша и Юра потрясены таким прекрасным стихотворением.

Следующей поездкой по Израилю, которая врезалась в память Нины Сергеевны была Медная гора. Но этой горой управляла не героиня из уральских сказок Бажова: «Хозяйка Медной горы!», а израильская медная гора принадлежала другому хозяину – Моисею.

Да, да! Медная гора принадлежала как раз тому Моисею, который вывел из Египта евреев и 40 лет водил их по безводной пустыне, пока не нашел Землю Обетованную.

Если учесть, что после сплава меди и олова получался другой прекрасные металл – бронза, то, благодаря усилиям Моисея, человечество так прогрессивно и быстро продвинулась вперед, получив бронзу. А этот отрезок времени и назвали бронзовым веком!

– Но как от теории перейти мне к практике? – подумала Нина после своих рассуждений.

– Гора Моисея издали кажется мне полосой, но я понимаю, чем выше поднимаешься в гору, тем тяжелее кажется груз. И хоть я не лошадка везущая хвороста воз, но мне подниматься в эту гору придется очень тяжело… А подняться на вершину горы Моисея надо, как говорил мой внук рома, другому внуку - Павлику.

А Юра, как будто прочитав мысли матери, сказал:

– Мама, ты не переживай, если тебе будет трудно подниматься в гору пешком, то видишь натянутые стальные тросы, по которым двигаются вагончики?

– Вижу, – кивнула головой Нина, – но я еще в разряд инвалидов становиться не хочу: «Есть еще порох в пороховницах, и не угасла казацкая сила», как говорил Гоголевский Тарас Бульба. Потихоньку помаленьку я с вами до верхушки Медной горы и дотопаю.

– Как знаешь, мама, – пожал плечами Юра, – ты уже сама решай как будешь подниматься в гору бегом или с горы кувырком.

– Смейся, паяц, над разбитой любовью, – пошутила Нина, в ответ на ироническую фразу сына и потихоньку пошла вместе с Сашей и Юрой. А Саша и доозорной реплики Юры сказала:

– Ты, Юра, не подшучивая над мамой. На наклонный горе есть несколько площадок для отдыха и она сможет сделать вместе с нами передышку.

Когда все трое стали подниматься в гору, то Нина Сергеевна поняла, что с каждым шагом уклон горы становится круче и круче. А когда она под-

няла голову то поняла, что на эту верхотуру ей забраться. Но и пересесть на вагонетку она не захотела, а на первой же площадке сказала:

– Саша, Юра, я немного утомилась. Вы уж решили подняться на вершину Медной горы, так и подымайтесь, а я для вас обузой стать не хочу. На этой площадке есть кафе, где можно за столиком отдохнуть, да над столиком и тень есть, а значит я буду сидеть в тени, а не на палящем солнечном зное!

– Правильно мама! – согласился Юра, – ты посиди здесь, а мы уж Сашенькой на вершину горы подымимся.

– Поднимайтесь, поднимайтесь с богом, – кивнула Нина, – я теперь только и поняла на склоне лет поговорку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет».

Вернулись Юра и Саша веселые, радостные. В руках у них были прозрачные баночки, в которых насыпано камушки медной руды. Память о покорении, как считают альпинисты, вершины медной горы.

– Как настроение, мама? – спросил Юра. – Не сильно скучала без нас? Саша беспокоилась, что бы ты в такую жару не сомлела.

– Ничего, сынок, а Саше за ее беспокойство огромное спасибо. В кафе я не пила горячий кофе, а брала минеральную воду . Она быстро утоляет жажду. Жалко, что собеседников не было. Сначала со мной посидели за столиком муж и жена, но не говорили нам по-русски. Между собой разговаривают, а со мной ни чу-чу! Но вскоре они ушли, а пришла два иностранца, разных национальностей. Они не понимают друг друга, а я их обоих. Вот сидели и играли в молчанку. Правда, пытались жестами мне что то сказать, но не получалось, как разговор слепого с глухим.

– Зато, мама, мы сейчас с тобой и Сашей так наговоримс, что только слушай, – сказал Юра, – впечатлений с ней у нас выше крыши.

– Отлично, – кивнула Нина, – давайте потихонечку спускаться вниз. Ведь говорят, чтобы подниматься в гору тяжело, а спускаться с горы – опасно.

– Да мы вас под ручки возьмем с Юрой с двух сторон, – сказала Саша и неторопливо спустились вниз без всяких приключений. Вы не беспокойтесь.

– А когда мы поедем? – спросила Нина, и Юра ответил:

– Прокатимся еще раз вдоль побережья Красного моря. Сначала спустимся на дно морское, как сказочный Садко, а потом доедем до границы Израиля и Палестины. На одной стороне слева Красное моря Израиля, а справа Красное море принадлежит Палестине.

– Так и правильно, – согласилась Нина..

– Давайте, пока мы в Израиале, спустимся на дно морское. Саше мне говорила, что есть башня, через стеклянное окно в ней можно ознакомиться с флорой и фауной Красного моря.

В башню зашли спокойно, а потом начались чудеса. Нина Сергеевна, спускаясь по винтовой лестнице все ниже и ниже на самое дно башни увидела через стекло стайку небольших рыбок. Спустившись ниже стеклу подплыла огромная рыба. Хотя и говорят, что рыбы не издают звуки, но эта огромная рыбища открывала, то закрывала рот с разными интервалами, что Нине Сергеевне показалось, что не разевает рот просто так, а исполняет какую-то задорную песенку. И сожалела, что не умеет, ка глухонемые люди читать слова у людей по губам.

Вдруг к стелу подполз или, вернее, подплыл краб, а молча поющая рыба закрыла свой рот на замок и шарахнулась в сторону от коварного соседа. Мало ли что у него на уме, возьмет да схватит своей плешней за ее плавники, мол, потанцуем с тобой, сеньорита!

Спустившись ниже Нина увидела морского ежа, который расчесывал своими иглами зеленоватые водоросли. Уж больно грубо переплели водоросли морские подводные течения.

Нина Сергеевна могла бы часами рассматривать пейзажи подводного мира, ни «цигель, цигель, ай лю-лю»! Время экскурсии в подводном мире истекло.

Выбравшись на поверхность Юре и Саше предложили поехать к границе Израиля с Палестиной. Время для поездки туда еще хватало.

Подъехав, к границе с Палестиной, Нина поняла, что граница Израиля находится на крепком замке.

На границе Нина Сергеевна увидела танки, артиллерийские орудия. В небе вдоль границы барражировали самолеты. Израильские солдаты с автоматами прохаживались вдоль границы.

Она и раньше знала, что военные Израиля спуску противнику не дадут, но тут, увидела все это своими глазами. И даже то, что рядом с ганицей пасутся коровы.

Возвращаясь к себе в гостиницу, Нина Сергеевна из окна автомашины увидела, что в Израиле мало воды, мало земли, дома в основном одноэтажные, иногда двухэтажные.

Несмотря на это стесненное и узкое пространство, израильтяне за один сезон собирают три урожая картофеля, огурцов и других овощей. Сладкие фрукты также в изобилии. К фруктовым деревьям подводится тоненькое пластмассовая трубочка и под каждую яблоню и грушу поступает из тонюсеньких шлангов живительная влага – вода! Таким образом устраняется дефицит воды и земли.

Увидела Нина Сергеевна, что в Израиле много птицеферм и страна в достатке яиц и куриного мяса.

Нина убедилась в этом в гостинице. Она если никуда не уезжала с Юрой и Сашей, то в столовой питалась четыре раза: завтра, полдник, обед и ужин. На столе в любое время в большой вазе лежала горка вареных в

крутую яиц. Бери их сколько тебе надо.

Кто-то из отдыхающих брал два-три яичка, но никто их не останавливал, а Нина брала в свою сумочку восемь-десять яичек. Прозапас для Саши и Юры. Ей в столовой гостиницы столько пищи было и не съесть, а при поездках полдник и обед пропадали, поэтому для сына и Саши она без зазрения совести укладывала яйца в свою сумочку.

Официанты не обращали никакого внимания на запасливую и заботливую Нину Сергеевну. По принципу: все что в печи, в свою сумочку мячи. Все довольны и радостно смеются!

Зато, проезжая по городам и поселкам, Нина видела около домиков горожан клумбы, в которых благоухали разноцветные цветы.

Следующая поездка Нины Сергеевны, Саши и Юры была в Храм Иисуса Христа. Огромный купол храма возвышался тремя другими храмами с куполами поменьше. А внутри самого храма Иисуса Христа была небольшая часовня: там проходила церковная православная служба.

Нина узнала, что в этом храме, в Пасху, как раз и самопроизвольно гаснут свечи прихожан, которые они держат в руках.

После окончания молитвы и русские и белорусы увозят зажжённые свечи на свою Родину чтобы отслужить и там молебен и т своей свечи зажечь еще одну свечку.

От площади около Храма Иисуса Христа уходит в даль широкая дорога. Она упирается в стену Плача. У левой стороны стены стоят мужчины, молятся и плачут. Просят Иисуса Христа помочь их горю. Кто-то пишет записку и оставляет ее у стены Плача. Тоже самое происходит у стены Плача и с правой стороны. Только там плачут и молятся женщины. Нина Сергеевна тоже оставила записку… И она пережила всех братьев и сестер, уже и Марию, Марусю. Теперь она ходит в Православный Храм в Городке помолится Богу.

Глава 21. Юбилей Нины Сергеевны

Родилась Нина Сергеевна Сенчуро 10 ноября1928 года в небольшом городке Витебского района, который и назывался так же просто «Городок». Когда-то Нина со своим внуком Ромой поехала в родительский дом из Витебска в Городок. Ромочка спросил ее: «А как называется городок в который мы едем?» н ответила: «Он называется Городок!»

Но мальчик удивился «непонятливости» ее и переспросил: «Я понимаю, бабушка, что мы едем в городок, но как он называется?»

Нина улыбнулась и повторила:

– Мой городок так и называется – Городок.

– Ах вот как! – засмеялся Рома. Городок твой так и называется «Городок». Ак здорово он называется. Никогда не забуду.

И вот после празднования, на следующий день 8 ноября 2018 года, ей позвонил председатель Городокского района, Петр Петрович Коробач, и сказал:

– Нина Сергеевна, не могли бы вы зайти ко мне в исполком сейчас в 9 часов утра в актовый зал.

Она согласилась, пришла и, заглянув в дверь увидела, что зал заполнен до отказа людьми, а на сцене стоял стол, за которым сидели заместители Петра Петровича. Он помахал й рукой, мол, проходите на сцену к нам в Президиум. И Нина прошлась вдоль зрительного зала на сцену, краем глаза, увидев, что у почтенной публики зала, у многих из ни, в руках нежные букеты самых разноцветных цветов.

– Кого же будут чествовать? – подумала Нина Сергеевна, и села на стул около Петра Петровича. А он дал слово ведущему этого мероприятия.

Оратор вышел из трибуны и произнес:

– Друзья мои, сегодня мы чествуем женщину-легенду – Нину Сергеевну Сенчуро.

Нина даже вздрогнула от неожиданности, ведь Петр Петрович, видимо, не предупредил ее заранее и подготовил вот такой неожиданный сюрприз. Она подумала:

– Умеет же Петр Петрович сделать такой шикарный жест.

А оратор продолжал речь:

– За свою трудовую деятельность Нина Сергеевна Сенчуро была награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Выступающий волновался, а потому сделал небольшую паузу, налил из графина в стаканчик водички, сделав пару глотков, и продолжил речь:

– …Почетный грамотой Верховного Совета БССР, являясь его депутатом с 1980 года по 1985 год. Она от имени женщин Беларуси выступала в Лондоне на масштабном митинге в борьбе за мир, на котором присутствовал и Премьер-Министр Великобритании – Маргарет Тэтчер.

Здесь оратор опять сделал паузу, но уже небольшую и без глотка воды, чтобы перевести дыхание и продолжил:

– … Нина Сергеевна стала идейным вдохновителем по созданию серии историко-документальных хроник городов и районов Беларуси, которую назвала «Память». Именно она стала соавтором: первой книги из всей задуманной книги «Память. Шумилинский район».

Оратор обладал красноречивым даром и Петр Коробач не зря выбрал его для выступления.

Когда он закончил речь, то в зале послышались не только громкие аплодисменты, переходящие в овацию, но те разноцветные букеты прекрасных цветов, быстренько перекочевали из зала в Президиум и засыпали Нину Сергеевну своими красивыми лепестками.

Самый яркий букет вручил Петр Петрович, и она словно меленькая девочка, приняв его от председателя Городка, от волнения уткнула сове лицо в этот пышный букет.

Коробач выждал время, пока Нина Сергеевна успокоится и предложил ей:

– Я прекрасно понимаю ваше волнение, но прошу вас сказать хотя бы несколько слов об вашей уникальной судьбе.

И Нина, собравшись с духом, стала говорить:

– Мы, пережившие войну, готовы были трудиться день и ночь чтоб с каждым днем жизнь становилась лучше и лучше. Мы очень хотели учиться, хотя в послевоенные годы не только учиться, а и жить-то было тяжело. Мы много физически работали чтобы поесть хотя бы миску супа и жутко не доедали. Жили бедно, были плохо одеты и обуты. Иногда было стыдно, я же девочка, что хожу в обносках. Тем не менее, я окончила пединститут, где выучилась и стала учителем русского и белорусского языка и литературу. Мои способности отметили и, как уже отметил докладчик, я постоянно шагала вверх по карьерной лестнице, в хорошем смысле этого слова. Если будешь стоять на одном месте, а не стремиться вперед, то трудовая польза от будет нулевая. И награды бездельникам не вручают.

– Нина Сергеевна, вы много лет проработали в Шумилинском районе, потеснив даже мужчин с такого поста, как первый секретарь райкома партии, то есть стали хозяйкой, а не хозяином района. Какие у вас остались воспоминания об этой работе?

– Это были самые яркие и насыщенные годы моей работы, – стала рассказывать она. – Моими соратниками стали единомышленники и они сплотились в единую команду. Они и помогали мне решать многие проблемы. Я с ними и вывела Шумилинский район в передовые и мы неоднократно получали приходящая Красное Знамя Республики Беларусь. Нам помогал в этом наш земляк, уроженец деревни Земцы, секретарь ЦК КПСС, Михаил Васильевич Земянин, а также несколько раз в Шумилино приезжал посмотреть как идут у нас дела в районе и Петр Миронович Машеров. Он был Первым секретарем Компартии Белоруссии. Он поддерживал наши новаторские начинания.

Только закончила свое выступление Нина, как последовал еще один вопрос:

– Мне показалось, что вы, как наша женщина – героиня, сумели во время принять мудрое решение: уступить пост руководителя района более молодым и сильным мужчинам. Почему?

Нина улыбнулась и быстро сказала:

– Так вы сами и ответили на свой вопрос. Как говорится: «Мавр сделал свое дело и умывает свои руки». Я передала свой пост более молодым и сильным мужчинам. Пусть они подхватят мое знамя.

Больше каверзных вопросов не задавали. Наоборот, самый любопытный человек, самая талантливая журналистка – Светлана Яковлева сделала вывод:

– Вы большая оптимистка, Нина Сергеевна, и продолжаете удивлять нас своей стойкостью духа, ясным умом, удивительной статью, женской красотой, оптимизмом и человеколюбием.

Но тут-то Свету похвалила сама Нина Сенчуро:

– Эту яркую журналистку я похвалю: «У тебя, Светлана, светлое имя. И ты несешь людям свет. Ты сейчас привела в мой адрес столько красивых хвалебных слов, как древнеримский оратор Цицерон».

А Светлана Яковлева, как опытный журналист парировала выпад Нины Сенчуро и сказала:

– Нина Сергеевна, хоть мне и лестно ваше сравнение с Цицероном, но ведь я еще перечислила не все ваши заслуги! А потому продолжу этот перечень: «Вы жили так, чтобы было хорошо не только вам, а и тем, кто работал рядом с вами. С большим уважением и трепетом относились к рядовым, но неутолимым труженикам. Не забывали вы и про искренних идейных лидеров, а помогали им утвердиться на своих должностях. В вашей скромной полуторной квартире, в Городке, нет антикварной мебели. Ее богатство составляет то, что дорого вашему сердцу, а не исчисляется материально. Это подарки вам: сувениры, грамоты, фотографии.

Нина Сергеевна поблагодарила журналиста Светлана Яковлеву:

– Спасибо вам за понимание моего подвижничества, я всегда шагала в ногу со временем в котором мы жили и за богатством я не гналась, хотя и одевалась красиво и жила в достатке, но старалась помочь окружающим меня людям жить также достойно, как я сама.

В разговор вступил и Петр Петрович Кооробач:

– Нина Сергеевна, вам прислал очередную благодарность председатель Витебского областного исполнительного комитета – Николай Шерстнев, а Почетную грамоту Президиума Совета областного объединения профсоюза вам привез и сейчас вручит Иван Возьмитель.

После вручения грамоты Возьмителя, сам Петр Петрович подошел к Нине Сергеевне и вручил ей Почетную грамоту Городокского районного исполнительного комитета.

Не позабыли в этот особенный день ее и Шумилинские земляки. Шумилинский десант, делегация из этого района, где 14 лет работала Нина Сергеевна приехала в Городок точно 10 ноября, как раз в День ее рождения. Почетную грамоту Шумилинского районного Совета депутатов вручила лично председатель райсовета Ирина Новикова. Эта грамота ей была выдана за большой вклад в сохранение историко-культурного наследия Шумилинского района.

Да и жители Городка не подкачали тоже в День рождения, 10 ноября.

Совет ветеранов районной организации «Белая Русь» компартии Беларуси вручили свои грамоту юбилярши.

Ветераны вспомнили, что Нина Сергеевна в годы ее расцвета и активный трудовой деятельности она обладала редкой способностью без предварительно написанных докладов она умела держать в голове многочисленные цифры анализа хозяйственной деятельности предприятий района. Ее слово всегда было веским, а речи – пламенными. Ведь она была убежденной коммунисткой не по наличию в кармане партийного билета.

Светлана Яковлева спросила ее:

– Как получилось, Нина Сергеевна, что вы успели так много сделать на своем трудовом поприще?

И Нина ответила:

– Я всегда мало спала. Не больше шести часов, чаще – четыре. Спешила на утренние разнарядки и дойки, в сумерках возвращалась домой с полей. Я не только контролировала, но и думала как облегчить труд, усилие. Приходилось много раз поддерживать людей добрым словом и участием. С возрастом стала задумываться над философскими вопросами, размышляла над смыслом жизни и о высших силах, которые помогали преодолевать мне трудные испытания. Их так много было на моем жизненном пути. Но никогда не забывала всех тех, с кем счастливо свела меня судьба. По мере моих физических сил часто стала бывать в Храме и молиться за всех родных и знакомых.

Но самым главным подарком в юбилейный День рождения, 10 ноября 2018 года, был приезд в Городок ее сына Юрия Логинова и его жены Александры.

Юрий на юбилее был в строгом черном костюме и белоснежной рубашке, но не в галстуке, а с черной «бабочкой» на шее. А его жена Александра сияла радостной белозубой улыбкой и держала руку мужа в своей ладони с левой стороны. А справа от сына стояла самая дорогая его женщина во всем мире – Нина Сергеевна Сенчуро. А Юра держал свою маму под ручку.

Нина Сергеевна держала в руках пышный букет ярко-красных цветов, а за ее левую руку уцепилась бывшая жена Юрия Ивановича – Татьяна. И Нина Сергеевна стала семейным водоразделом.

Со своей женой Сашенькой Юрий Иванович живет почти 20 лет, а кажется, что она юная и красивая девушка в ажурном темно-синем платье, дамских сапожках на высоких каблучках. И радуется, прикасаясь своим плечом к надежному плечу своего мужа.

Как когда-то сказал Юрин маленький сынишка Рома: «Как хорошо жить на этом свете. Бог помогает!» А Юра и Саша хорошо поняли эту детскую фразу. Потому на фотографии и переплелись их руки. Нельзя упустить свое счастье.

Глава 22. Вместо эпилога от автора

С Ниной Сергеевной Сенчуро я познакомился лет пять-шесть назад, когда писал роман «Великое в малом». Почему я назвал так трилогию, сейчас объясню.

Генералиссимус Суворов Александр Васильевич как-то сказал знаменитую фразу: «И малыми силами можно добиться великих успехов». И Суворов не только произнес этот афоризм, а все свои военные операции планировал только так: малыми силами достигал великих успехов.

В книге «Великое в малом» было 900 страниц и 100 страниц были посвящены самоотверженной женщине Нине Сергеевне Сенчуро. Работая в Шумилино Первым секретарем, она малыми силами добивалась великих успехов.

Но 9 сентября 2017 года меня настигла несчастье. Внезапно умерла моя любимая жена – Валя. Буквально на моих руках. Два дня назад 7 числа (а 7 число было для нас с Валей знаковым, мы с ней познакомились в 7 марта 1981 года, перед Международным женским днем), она чувствовала себя великолепно. У нас не было вредных привычек, мы с ней не пили и не курили. Но каждый месяц 7 числа мы с ней пригубляли рюмочку с хорошим, марочным коньяком. И вдруг 9 сентября ей стало плохо. Она мне сказала утром:

– Володя, что-то мне плохо сегодня. Я хоть уже и оделась, но немного полежу на диване в твоем кабинете, в котором ты работаешь над рукопи-

сями. А ты свари сам кашку и вскипяти чай. Как приготовишь завтрак, так и позовешь меня к столу в столовую.

Когда завтрак был готов, я заглянул в свой кабинет, где на диване отдыхала Валя. А она застонала и сказала:

– Володя, помоги мне лечь с дивана на ковер пола. Меня чего-то лихорадит сегодня, бросает в жар, а на полу мне будет попрохладней.

Я выполнил ее просьбу и спросил:

– Валечка, а может быть мне вызвать скорую помощь? Ведь месяц назад у тебя был такой приступ. Я вызвал тогда скорую и врач сделал тебе какой-то укол, и тебе сразу же полегчало. Правда, я позвонил сначала твоей сестре Люде. Она примчалась к нам быстро и это она вызывала тогда скорую помощь.

– Володя, – сказала Валя, – ты звони сначала в скорую помощь и сразу же Людмилке. У нас есть те таблетки, которые мне рекомендовал врач скорой помощи в первый раз.

Скорая помощь приехала нескоро. Я волновался, Валя нервничала и набрал снова телефон скорой и Людмилы. Только позвонил, как в дверь постучали врачи скорой помощи и зашли в коридор, а потом и к Вале. Но вместо оказания помощи они стали делать кардиограмму. Валя теряла сознание и звала меня:

– Володя, где ты?

Я взял ее за руку и говорил:

– Валечка, я здесь, здесь, рядом с тобой!

А врачам крикнул:

– Почему вы делаете кардиограмму, а не сделали укол, как прошлый раз?

Врач прикрикнул на меня:

– Мы приехали к вам сегодня, а раньше никогда у вас небыли. Не учите нас, что нужно делать и выйдите из комнаты в коридор.

Тут постучалась в дверь вторая группа врачей скорой помощи. Они одели на лицо Вали маску и стали руками массировать около сердца. Валя опять без памяти, не открывая глаза крикнула:

– Володя, где ты?

– Я здесь, Валечка, я здесь, рядом с тобой.

Но она мне на этот раз не ответила.

Тут подошел ко мне врач из второй группы и вынес свой вердикт:

– Извините нас, пожалуйста, мы делали все возможное, но увы…

Я заплакал и ушел в спальню, сел на нашу двуспальную кровать над изголовьем которой висели наши детские фотографии и портреты, нарисованная художником Словинским.

Плакал долго, пока не приехала сестра Вали – Люда. Она-то, увидев

мое плачевное состояние и занялась похоронами Валечки.

Приехала женщина из прокуратуры, она осмотрела место происшествия, составила протокол и попросила меня прочитать и подписать его. Я только рукой махнул.

– Какое там чтения, я ничего не вижу из-за слез. Покажите мне пальцем где мне надо поставить подпись и я тут же подпишу.

Кстати, когда прокурорша в погонах старшего лейтенанта назвала свое имя, фамилию и отчество, у меня чуть ли дыбом волосы не стали. Фамилия и имя были одинаковые с Валей только отчество было не Павловна, а Олеговна.

Я набрал номер телефона моей дочери Верочки и, стиснув зубы, чтобы не всхлипывать, сообщил ей трагическую весть.

На следующее утро услышал стук в дверь. Думал, что пришла Люда, сестра Вали, но оказалось, что приехала из Питера в Витебск моя доченька, Верочка. Мы обнялись и долго плакали.

Верочка встретилась с Людой, обговорила с ней сколько необходимо денег на похороны моей жены и вручила это сумма Люде. Я тоже вытащил из кошелька и карманов, все что было в них и положил их рядом с деньгами доченьки.

Все 3 дня до панихидой и похорон я ходил как чумовой, и вместо лиц людей видел какие-то тусклые пятна, спотыкался на каждом шагу. Поэтому моя дочь взяла меня под ручку и не отпускала, пока не закончились похороны.

После посадила в свою автомашину на переднее сиденье, пристегнула меня ремнем безопасности и мы поехали из Витебска в Петербург в нашу квартиру.

Как говорится: «Пришла беда, отворяй ворота». Я не собирался отворять беде ворота, но ее безобразие почувствовал сразу – я ослеп. От стресса после смерти Вали у меня произошло кровоизлияние в оба глаза. Правый глаз угас сразу, а левым сквозь пелену тумана мог видеть какие-то тени.

Но Верочка проявила твердость характера, не зря же она и внешне похожа на меня, а уж твердость ее характера не уступает моей.

И стала возить меня по больницам и врачам. Но хорошо, что она отвезла меня в конечном счете в областную многопрофильную больницу №2 в Озерках.

Операции, процедуры, опять операции. Мне казалось, что бог не только лишил меня моей жены, но отобрал у меня и мою профессию. Ведь без зрения я не смогу писать художественные произведения: стихи, еще куда ни шло, могу диктовать, а повести и романы мне уже не написать.

И все же профессор Куликов Владимир Степанович, кандидат медицинских наук Фарход Олимджанович Касылов, и врач лазерной хирургии

Сергей Борисович спасли меня от слепоты.

Приехав в Витебск после операции в Санкт-Петербурге я пришел в Союз писателей. Ведь я, член союза писателей России и Беларуси.

Председатель Союза писателей Витебска Тамара Ивановна Краснова-Гусаченко и ее помощница Лариса Ивановна встретили меня радостно.

И Лариса Ивановна сообщила мне, что Тамара Николаевна директор музея «Тарас на Парнасе» в Городке, несколько раз звонила в Витебск и спрашивала когда же я заявлюсь в Союз писателей.

Телефонный номер я получил и узнал, что не сама Тамара Николаевна разыскивала меня, а Нина Сергеевна Сенчуро. Она, прочитав роман «Великое в малом», захотела отблагодарить меня за такой подарок как я трогательно и красиво написал о ее уникальной биографии когда она работала руководителем Шумилинского района.

Я попросил Тамару Николаевну сообщить мне телефонный номер Сенчуро и, получив его, позвонил Нине Сергеевне. А дальше началась какая-то мистика. Нина Сенчуро попросила заехать к ней и повидаться.

Бедному собраться, только подпоясаться, и к Нине Сергеевне я приехал в тот же день. А он был таким: 7 марта 2019 года. Накануне 8 марта, Международного женского дня. И что за женский праздник без цветов, тем более без веток мимозы. Это самые первые цветы в марте.

Мы встретились с Ниной как старые знакомые. У меня умерла моя жена Валя два года назад, а у Нины Сергеевны умер муж, Иван Иванович Логинов, 20 лет назад. И нас обоих пронзила тоска одиночества, а душевного тепла и жажды ласки все же хочется. И какая-то божья искра промелькнула между нами и мы почувствовали такую тягу друг другу, такую жажду страсти, что не задумываясь ни о чем наши тела и души соединились.

Утром 8 марта Нина спросила меня:

– Володя, ты никуда не торопишься?

– Нина, а куда мне теперь торопиться? Я год лежал в больницах, а еще год лежал в своей комнате двухкомнатной квартиры. И не мог написать ни одной строчки от депрессии. Но почему ты меня об этом спрашиваешь?

Нина Сергеевна улыбнулась, и мне показалось, что в окно к нам заглянула солнышко, и сказала:

– Я тебе, Володя, могу рассказать о моей, а вернее нашей трехвековой династии Сенчуро, начиная от войны с Наполеоном, который спалил Москву дотла, а потом, растеряв свою армию в снегах России, с позором бросив ее на произвол сбежал во Францию и заканчивая нашим сегодняшним днем.

– Так это же будет роман века! – воскликнул с восхищением я.

Восторг восторгом, но когда Нина стала рассказывать мне про судьбу своих предков, то я впитывал ее информацию взахлеб, а потом сказал

радостно:

– Если я об этом, Нинуля, все напишу, то это будет роман века. И если бы Лев Толстой, написавший роман «Война и мир» каким-то образом узнал о твоих уникальных героях, то заплакал бы от стыда, что не он написал роман об трехвековой династии.

За полгода работы над рукописью, мы с Ниной приняли решение, что нам жить врозь не стоит. И решили продолжить семейные отношения. Потом стали обсуждать наши множественные совпадения в судьбах и заговорили где захоронили мы наших супругов. Я сказал, что моя Валечка похоронена на кладбище в Копоти. Нина, всплеснув руками, с удивлением произнесла:

– Надо же, а мой Ваня Логинов похоронен ведь тоже на кладбище в Копти!

И добавила:

– Значит мы с тобой будем жить вместе долго на этом свете.

Мне эта фраза Нины понравилась, и я добавил от себя:

– Нет, Нинуля, мы будем с тобой не только жить долго на этом свете, а божественно!

У Нины лицо потемнело и она ответила на мою реплику строгим голосом умелого педагога:

– Володя, не богохульствуй!

Но когда я ей объяснил в чем божественность нашей ситуация в окне опять засверкала солнышко.

– Нина, ты же мне совсем недавно рассказывала о Библии, которую приобрел твой отец, Сергей Филиппович Сенчуро.

– Ах, да! Библия моего отца стала нашей семейной реликвии, – воскликнула Нина.

– В Первую мировую войну с немцами, мой отец в звании унтер-офицера воевал на западном фронте. Он верил в бога и, увидев, в какой-то лавочке толстенную книгу с заглавием «Библия», купил у лавочника ее.

– Но как он сберег эту книгу? - спросил я, а Нина тут же стала с азартом объяснять мне о ценности этой Библии.

– Если бы отец не приобрел эту Библию, – сказала Нина, – то неизвестно выжил бы ли мой папа в этой кровавой бойне. Библия была написана на старославянском языке и читать на современном языке было моему отцу трудновато, но он читал молитвы и понимал, что это главная книга нашей жизни, ему помогает.

– А как относилась к Библии его жена Екатерина Карповна? – спросил я. – Ведь она же была неграмотная. Тем более, Нинуля, твоя мама была активисткой во время советской власти.

– У мамы не было грамотности, но после смерти отца, – сказала

Нина, – мама всегда прятала Библию у себя за пазухой. Может быть она и помогла маме поднять нашу семью на ноги и после «раскулачивания», после Великой Отечественной войны и во время ареста нашего отца.

– Но как же, Нина, – спросил я, – она оказалась в твоих руках?

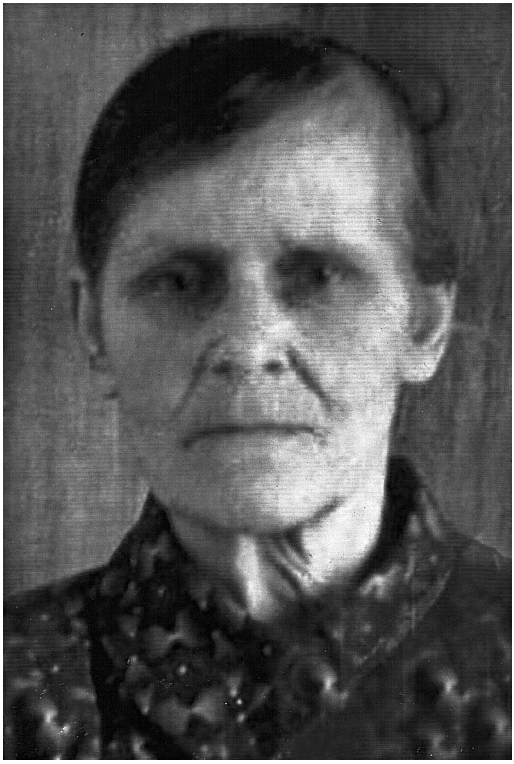
– Мне, как только умерла мама, все оставшиеся в живых наши братья решили, что только я буду хранительницей семейной реликвии – Библии. И я хранила ее, невзирая на политические катаклизмы нашей Родины. Но когда мой сын, Юрий Логинов, и его дети Павлик и Ромочка, уехали работать в Америку, то я взяла чистый лист бумаги и написала на нем все имена владельцев библии: Сергей Филиппович Сенчуро, мое имя, имя Юрия Логинова и его сыновей: Павла и Ромы Логиновых.

– Но сейчас же у тебя Библии нет? – спросил я, а Нина ответила:

– Я почти всю жизнь прожила в Городке и сейчас, как ты видишь, Володя, живу в этом районном городе Городке. Заведующая музея «Тарас на Парнасе» Тамара Николаевна, отвела отдельный стенд в музей для моих книг о моей трудовой деятельности и попросила поместить в своем музейном архиве нашу семейную Библию. Я согласилась.

– Ты молодец, Ниночка, – ответил я ей, – таких Библий, как ты мне рассказывала, во всей Беларуси осталось три-четыре экземпляра. И один из них хранится в музее Городка. Название у районного центра не броское, но Библия в нем есть, как знаменитый исторический музей, об истоках белорусской поэзии. Кто написал поэму «Тарас на Парнасе» неизвестно. Есть мнения и сомнения, а как сказала одна талантливая журналистка: «А Тарас в усы смеется». И дело тут не в авторах, а имена были разные. Зато музей «Тараса на Парнасе» останется на века!

Отец Нины



Мать Нины

Нина и сестра Мария

Маленький Павлик

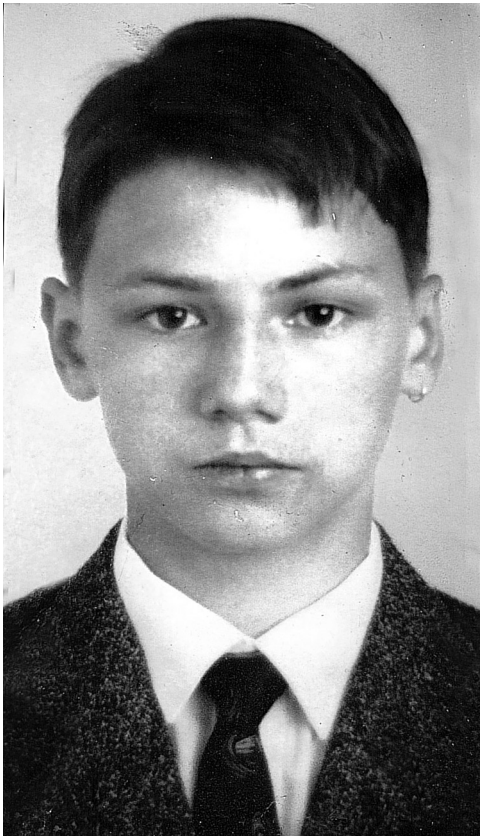
Нина на совещании 1979 г.

Нина на трибуне

Нина на фоне кремля у Земянина

Жена Юры Саша

Внук Павел



Внук Рома

Капиталистский холм

Дворец губернатора

Содержание

Глава 1. Сельская учительница 3

Глава 2. А свадьба, свадьба пела и плясала… 12

Глава 3. 30

Глава 4. Екатерина Карповна и ее семья 42

Глава 5. Ах, война, что ты подлая сделала, стали тихими наши дворы. Наши мальчики головы подняли и ушли воевать до поры 48

Глава 6. Судьба Марии 59

Глава 7. Сколько веревочке не виться, а конец найдется 68

Глава 8. Внезапная смерть Алексея Сергеевича Сенчуро 78

Глава 9. Переселение в Городок и Шумилино из Рудни 85

Глава 10. Откровения капитана и новый жизненный курс Юрия Логинова 98

Глава 11. Поиски старшего брата Арсения 109

Глава 12. «Чудеса в решете» и «Родники мои серебряные, мои россыпи» 118

Глава 13. Бедный, бедный, Павел! 128

Глава 14. Беспризорник Семен, безотцовщина 144

Глава 15. Милые бранятся только тешатся 164

Глава 16. И концы в воду 193

Глава 17. После симпозиума – за рубеж! 214

Глава 18. Мы жили по соседству, встречались просто так. Любовь проснулась в сердце – никто не знает как… 229

Глава 19. Нина Сенчуро шагает по планете 253

Глава 20. Поездки Нины Сергеевны по Республикам Советского Союза и в Израиль. 291

Глава 21. Юбилей Нины Сергеевны 302

Глава 22. Вместо эпилога от автора 307